

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

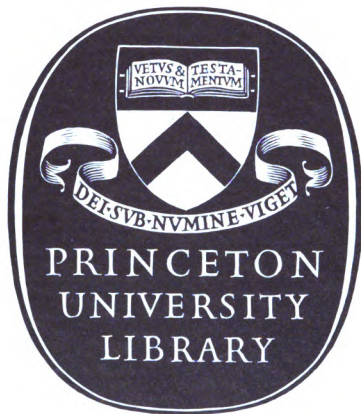
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Princeton University Library

32101 047197973

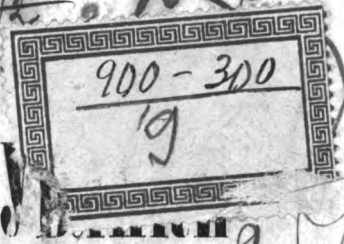

$$\frac{900-300}{9}$$

387
V.I. Modestov

СТАТЬИ ДЛѢ ИУ

27

ПО ВОПРОСАМЪ

ИСТОРИЧЕСКИМЪ, ПОЛИТИЧЕСКИМЪ, ОБЩЕСТВЕННЫМЪ,
ФИЛОСОФСКИМЪ И ПРОЧ.

1881

В. И. МОДЕСТОВА.

ТОМЪ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средняя Подъяческая, № 1.

1883.

(RECAP)

AC65
.M6
t.1

Средняя Подъячская, № 1.
2448.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Предисловіе	—
Законы исторіи.	1
Прогулка по развалинамъ Рима и Помпей	40
Маркъ Аврелій и новая религія	99
Ошибки и раскаяніе	140
Австрійскіе русскіе и львовскій процессъ	166
Провинціализмъ въ политикѣ	189
Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ	208
Университетскій вопросъ	227
О средней школѣ и университетѣ	291

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Статьями для публики я назвалъ предпринятый теперь сборникъ своихъ разсѣянныхъ по періодическимъ изданіямъ сочиненій, — потому, что этимъ я хотѣлъ отличить ихъ отъ другихъ своихъ трудовъ, назначавшихся или для ученыхъ, или для школы. Въ продолженіе своей, болѣе чѣмъ двадцати-четырехлѣтней, литературной дѣятельности, я писалъ не мало въ журналахъ и газетахъ, имѣя въ виду прямо образованную публику, а не ученаго или учащагося читателя. Таковъ былъ и первый мой трудъ, напечатанный въ Библіотекѣ для чтенія 1858 года, подъ заглавіемъ: Провансальская поэзія (Октябрь и Ноябрь). Но въ данномъ случаѣ я предлагаю публикѣ сборникъ своихъ статей лишь послѣдняго періода своей жизни, статей, появившихся лишь въ два—три послѣднихъ года, когда литературный трудъ сдѣлался для меня и единственнымъ средствомъ существованія, и единственнымъ средствомъ служенія своему отечеству. Статей этихъ накопилось такъ много, что онѣ могутъ составить нѣсколько томовъ, сами по себѣ, независимо отъ плодовъ моей предыдущей дѣятельности. Но при этомъ еще исключаются цѣлая сотня передовыхъ статей, писанныхъ для Голоса, по преимуществу по разнымъ вопросамъ иностранной политики, начиная съ лѣта 1878 года и кончая половиною іюля 1882 года, когда прекратилось мое сотрудничество въ этой газетѣ. Воспроизведеніе подобныхъ статей необыкновенно увеличило бы начатый теперь сборникъ произведеній моего пера за

последніе годы, недоставивъ въ тоже время читателю особенно интереснаго матеріала для чтенія. Передовыя статьи въ газетахъ имѣютъ слишкомъ случайный и отрывочный характеръ, и чтеніе ихъ, представляющее свой интересъ въ моментъ ихъ появленія, можетъ быть любопытно впоследствии развѣ только съ исторической точки зрѣнія. Какъ бы то ни было, я рѣшился въ данномъ случаѣ, кромѣ того, что напечатано мною за последнее время въ журналахъ, собрать лишь то изъ напечатаннаго въ газетахъ, что имѣетъ болѣе или менѣе цѣльный характеръ и что, за немногими исключеніями, было подписано моимъ полнымъ именемъ.

Въ настоящій томъ входятъ статьи, напечатанныя мною въ журналахъ: Заграничный Вѣстникъ, Историческій Вѣстникъ и Наблюдатель. Нѣкоторыя статьи, напечатанныя въ Наблюдателѣ, отложены мною для другихъ томовъ, гдѣ онѣ будутъ больше у мѣста по своему содержанію. Во второй томъ войдутъ по преимуществу газетныя статьи общественнаго характера, воспроизведеніе которыхъ будетъ возможно по обстоятельствамъ переживаемаго нами тяжелаго времени. Въ третьемъ томѣ предполагено мною сосредоточить статьи, касающіяся школьнаго вопроса. Значительная часть этихъ статей была уже издана мною отдѣльно и даже два раза, такъ что въ данномъ случаѣ воспроизведеніе ихъ было бы дополненнымъ (третьимъ) изданіемъ прежняго сборника. Относительно дальнѣйшаго собранія своихъ разсѣянныхъ по журналамъ и газетамъ произведеній, теперь не могу сказать ничего положительнаго. Дѣло будетъ зависѣть больше всего отъ пріема, какой будетъ сдѣланъ публикой первому тому сборника. И второй томъ можетъ не появиться въ скоромъ времени, если изданіе перваго не найдетъ себѣ необходимаго для продолженія труда сочувствія и матеріальной поддержки.

С.-Петербургъ.
18-го Февраля, 1883 года.

ЗАКОНЫ ИСТОРИИ ¹⁾.

Les lois de l'histoire, par Louis Benloew, Paris, 1881.

Восемь лѣтъ тому назадъ, въ лондонскомъ критическомъ журналѣ «Athenaeum», по поводу обилія издающихся у насъ сырыхъ историческихъ матеріаловъ, было сказано: «Къ несчастію для литературы, (въ Россіи) есть много собирателей историческихъ матеріаловъ, но мало историковъ». Съ тѣхъ поръ у насъ положеніе дѣла не измѣнилось, а если и измѣнилось, то скорѣе къ худшему, чѣмъ къ лучшему. Прежніе историческіе писатели, въ произведеніяхъ которыхъ всегда можно было видѣть болѣе или менѣе широкую историческую идею, одинъ за другимъ сошли или сходятъ со сцены; преемники же ихъ являются или компиляторами трудовъ иностранныхъ ученыхъ, или, въ погонѣ за самостоятельностью, направляютъ всѣ свои усилія къ открытію или просто къ переписыванію и изданію архивныхъ документовъ, не утруждая себя нерѣдко и самою необходимою икъ обработкой. Замѣчается какое-то особенное безсиліе у нашихъ писателей по исторіи къ тому, чтобы создать трудъ цѣльный, освѣщающій эпоху, выясняющій ея значеніе въ цѣпи предшествующихъ и послѣдующихъ историческихъ періодовъ, трудъ, изученіе котораго обогащало бы умъ не новыми только историческими данными, а и новыми мыслями, приводило бы насъ къ болѣе глу-

---

¹⁾ «Заграничный Вѣстникъ», Декабрь, 1881 г.
модестовъ, томъ I.

бокому пониманію судебъ человѣчества или хотя бы только своего отечества. Благодаря трудамъ Карамзина, Погодина, Устрялова, Соловьева и, наконецъ, Н. И. Костомарова, мы, конечно, не можемъ сказать, что у насъ нѣтъ исторіи, какъ говорилъ о своемъ отечествѣ Цицеронъ, не дожившій до трудовъ Саллустія и Тита Ливія; но нельзя не признать, что у русскаго общества почти нѣтъ теперь руководителей въ пониманіи отечественной исторіи, какъ нѣтъ такихъ лицъ, которыя могли бы говорить ему съ авторитетомъ о смыслѣ историческихъ явленій у другихъ народовъ, современныхъ или относящихся въ далекому прошлому. Въ этомъ смыслѣ Цицероново *abest historia litteris nostris* можетъ быть приложено къ намъ безъ всякой натяжки.

На западѣ Европы положеніе исторической науки не въ примѣръ лучше нашего. Тамъ, рядомъ съ обнаруженіемъ архивныхъ документовъ, идетъ и дѣятельная ихъ обработка, рядомъ съ кропотливыми трудами мелкаго и узкаго интереса, съ трудами посвященными изслѣдованію специальныхъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ иногда имѣетъ дѣйствительное значеніе для пониманія хода исторіи въ данный періодъ, а иногда не имѣетъ ровно никакого, появляется не мало трудовъ, охватывающихъ цѣлыя эпохи и старающихся воспользоваться всѣми открытіями для освѣщенія цѣлыхъ историческихъ періодовъ. Во французской, нѣмецкой и англійской литературахъ мы можемъ найти превосходно обработанныя исторіи отдѣльныхъ народовъ; тамъ не только сведены къ единству матеріалы касающіеся національной исторіи новыхъ народовъ Европы, но и не лежатъ втунѣ данныя, добытыя археологами и лингвистами относительно быта самыхъ отдаленныхъ отъ насъ временемъ народовъ—египтянъ, вавилонянъ, ассириянъ и т. п. Даже судьба первобытнаго, доисторическаго, ископаемаго человѣчества въ этихъ странахъ, особенно въ Англии и во Франціи, подвергается тщательнымъ изслѣдованіямъ, и пишутся по этому предмету сочиненія, возбуждающія глубокой интересъ не только массою собранныхъ въ систему какъ раньше извѣстныхъ данныхъ, такъ и новыхъ открытій, но и усиленіемъ мысли внести въ эти прежнія и новыя данныя разумное освѣщеніе и сдѣлать изъ нихъ выводы и заключенія, своей широтой и значеніемъ изумляющія записного историка, привыкшаго изучать судьбы человѣчества по письменнымъ памятникамъ. Къ этому нужно прибавить дѣятельныя усилія воспользоваться описаніями быта и вѣрованій племенъ, до сихъ

поръ находящихся на первобытной ступени общественнаго развитія, и, при помощи такого рода матеріаловъ, доставляемыхъ заслуживающими уваженія путешественниками и миссіонерами, понятъ состояніе культуры у историческихъ народовъ въ первоначальную эпоху ихъ бытія, памятниками котораго остались лишь отрывочныя преданія и уцѣлѣвшія отъ незапамятнаго времени черты въ обычаяхъ и вѣрованіяхъ.

При всемъ томъ, и въ западной Европѣ раздаются жалобы на недостатокъ трудовъ, въ которыхъ бы исторія человѣчества разсматривалась какъ связанное цѣлое, въ которыхъ изслѣдователи жизни отдѣльныхъ эпохъ, народовъ и историческихъ періодовъ не забывали бы, что избранное ими для себя поле изысканій составляетъ лишь часть великаго цѣлага, что эта часть не можетъ быть достаточно ни уяснена, ни понята внѣ связи съ цѣлымъ, безъ уясненія другихъ историческихъ эпохъ и періодовъ, безъ изученія аналогическихъ явленій у другихъ народовъ, безъ стремленія найти въ явленіяхъ даннаго времени дѣйствіе историческаго закона, который, конечно, не можетъ быть извлеченъ изъ событій одной эпохи, одного народа, одного историческаго періода. Жалобы эти основательны не въ томъ отношеніи, что существуетъ много ученыхъ, занимающихся разработкой лишь частныхъ историческихъ вопросовъ, изысканіемъ и установленіемъ мелкихъ подробностей, относящихся къ политическимъ или общественнымъ событіямъ въ исторіи: какъ изслѣдованіе частныхъ вопросовъ, такъ и установленіе подробностей въ ходѣ событій имѣютъ свое мѣсто въ исторической наукѣ и необходимы для точнаго знанія, которое одно имѣетъ цѣну при обобщеніяхъ и выводахъ. Жалобы, о которыхъ идетъ рѣчь, находятъ себѣ въ томъ оправданіе, что огромное множество пишущихъ по исторіи совсѣмъ не выходитъ изъ круга специальныхъ вопросовъ, остается равнодушнымъ къ открытіямъ, совершающимся въ другихъ сферахъ историческаго вѣдѣнія, и, гоняясь за мелочами, иногда не имѣющими ровно никакого значенія, совершенно забываетъ о томъ, что есть въ наукѣ главнаго и существеннаго, отвыкаетъ даже отъ представленія исторіи, какъ науки, у которой есть своя задача, господствующая надъ рядомъ фактовъ, крупныхъ и мелкихъ, — науки, которая должна отвѣчать на запросы нашего разума о связи и причинности явленій въ судьбахъ рода человѣческаго, должна, наконецъ, обнаружить свои законы, чтобъ имѣть право считаться наукой.

Въ такомъ состояніи историческихъ работъ, при которомъ большинство ученыхъ, копошась въ архивахъ или въ бібліотекахъ для отысканія какого-нибудь новаго, еще не опубликованнаго, факта или нѣсколькихъ строкъ не изданнаго текста, по видимому и не подозреваетъ, какъ много въ этихъ работахъ бесплоднаго и для науки и для развитія самихъ ученыхъ, въ такомъ состояніи дѣла виноваты не столько отдѣльныя личности, сколько низкій уровень нашего историческаго знанія и пониманія. Отдѣльныя личности, между которыми даровитость вообще не частое явленіе, не могутъ отвѣчать за то, чего онѣ сами по себѣ дѣлать не въ состояніи. Нельзя требовать преслѣдованія широкихъ задачъ въ занятіи наукой отъ людей, которые способны только на работу черную, подготовительную. Ихъ можно осуждать развѣ за то, что они обыкновенно гордятся своей ограниченностью, только свои зачастую безцѣльные труды считаютъ учеными, высокомерно смотря на тѣхъ, кто добивается въ частныхъ явленіяхъ обнаруженія общаго смысла, кто заглядываетъ въ глубь историческихъ событій и пытается на основаніи широкаго изученія историческаго, археологическаго, этнографическаго, статистическаго матеріала создать цѣльную картину вѣка и такимъ путемъ приблизиться къ пониманію законовъ, дѣйствующихъ въ судьбахъ человечества. Такіе историки у массы такъ-называемыхъ специалистовъ называются поэтами, фантазерами и обыкновенно не считаются за настоящихъ историковъ. Эта масса цѣнитъ только специальное знаніе, представляя сведеніе его въ стройное цѣлое и извлеченіе изъ него историческихъ законовъ лишь отдаленному будущему.

Состояніе историческаго знанія, вертящагося все еще главнымъ образомъ вокругъ политическихъ событій, дѣйствительно еще таково, что не даетъ возможности создать цѣльную науку исторіи человечества, такую науку, по которой мы могли бы прослѣдить общественное и умственное развитіе человеческого рода отъ начала до наступающаго времени и установить законы этого развитія на прочныхъ основаніяхъ. Прежде всего, это начало намъ недоступно, и длиннѣйшій періодъ жизни человѣка на землѣ, опредѣляемый одними въ десятки, а другими—въ сотни тысячъ лѣтъ, застигается передъ нашими глазами полнымъ туманомъ. Отъ этого періода намъ остались нѣкоторые слѣды въ ископаемыхъ предметахъ. Но мы не только не знаемъ тѣхъ народовъ, о существованіи которыхъ намъ говорятъ ископаемые предметы, хотя и догадываемся, что

нѣкоторые изъ нихъ приходится сродни племенамъ, живущимъ на земномъ шарѣ и по настоящее время, для насъ не рѣшенъ даже вопросъ объ единствѣ человѣческаго рода, т. е. о томъ, происходитъ ли все жившее и теперь живущее человѣчество отъ общихъ прародителей, или на землѣ появились разныя породы людей въ разныхъ мѣстахъ, независимо однѣ отъ другихъ, каждая отъ своихъ особыхъ праотцевъ. Вопросъ важный и существенный для объясненія позднѣйшаго хода жизни въ человѣческихъ обществахъ. Итакъ, самый большой періодъ жизни человѣка на землѣ, періодъ, подготовившій наступленіе исторической жизни, представляется намъ чѣмъ-то заоблачнымъ, о чемъ мы можемъ сдѣлать тѣ или другія заключенія, но относительно чего мы не можемъ сказать, ни того, какъ оно началось, ни того, какъ оно продолжало свое существованіе и дошло до степени ископаемой теперь культуры, ни того, какъ совершился переходъ къ бытію историческому. Далѣе, первоначальная исторія древнѣйшихъ государствъ теряется для насъ во мракѣ преданій, въ которыхъ трудно доискаться дѣйствительной почвы, да и многое въ продолженіе ея для насъ остается темнымъ. Письменные памятники, въ которыхъ еще Титъ Ливій видѣлъ единственно вѣрное хранилище воспоминаній о временахъ минувшихъ, начались поздно, долгое время были рѣдки и, наконецъ, въ огромной массѣ потерялись для потомства. Свѣдѣнія наши о племенахъ, выступающихъ передъ нами на зарѣ исторіи, о скрещиваніи различныхъ расъ, о ходѣ вліянія культуры одного народа на культуру другихъ народовъ смутны и во многихъ случаяхъ оставляютъ насъ въ полномъ недоумѣніи. Даже многіе изъ теперь живущихъ народовъ въ Азіи, Африкѣ, Америкѣ и Океаніи, намъ почти неизвѣстны. Исторія европейскихъ народовъ, начиная съ грековъ и римлянъ, въ главныхъ своихъ чертахъ установлена прочно, но эпоха переселенія этихъ народовъ изъ Азіи въ ихъ нынѣшнія обиталища, тотъ періодъ ихъ жизни, въ продолженіе котораго зародились ихъ національныя особенности, такъ сильно отразившіяся на дальнѣйшей ихъ судьбѣ и взаимныхъ отношеніяхъ, продолжаютъ пребывать для насъ въ полномъ туманѣ. Словомъ, несовершенство нашихъ историческихъ и этнографическихъ свѣдѣній еще такъ велико, что можетъ служить значительнымъ оправданіемъ господствующей теоріи, по которой въ настоящее время самое безопасное и цѣлесообразное дѣло вѣрно издавать памятники

письменности и ограничиваться ближайшимъ разсмотрѣніемъ фактовъ и событій, доступныхъ научному изслѣдованію, и избѣгать всякихъ общихъ построеній и выводовъ.

Тѣмъ не менѣе, общія историческія построенія и выводы въ извѣстныхъ границахъ и теперь являются необходимыми. Въ послѣднія десятилѣтія предѣлы исторіи значительно раздвинулись. Ископаемый человѣкъ, жившій въ отдаленнѣйшую пору, оставилъ не мало слѣдовъ своего существованія; живущія еще въ первобытныхъ условіяхъ нѣкоторыя племена, остатки до-историческаго человечества, стали намъ извѣстнѣе и даютъ возможность яснѣе представить себѣ картину человѣческаго быта въ дикомъ состояніи; лѣтописи древнѣйшихъ государствъ — Египта, Ассиріи, Вавилона, Китая — раскрываются все болѣе и болѣе съ каждымъ годомъ; многое, что относилось прежде къ области мифическихъ сказаній, стало находить себѣ подтвержденіе въ изслѣдованіяхъ географовъ, археологовъ и лингвистовъ; сравнительное изученіе языковъ, литературъ, религій, общественнаго и юридическаго быта сдѣлало огромные успѣхи; статистика все болѣе и болѣе вычеркиваетъ изъ сферы случайностей общественныя явленія, въ которыхъ прежде не видѣли ничего необходимаго и правильнаго; наконецъ, не только другія науки, имѣющія своимъ предметомъ изученіе человѣка, какъ антропология, народная психология, приходятъ теперь на помощь исторіи, но и науки естественныя, какъ палеонтология, геология, климатология, и даже математическія, какъ астрономія, освѣтили теперь не одну темную точку въ исторіи человечества. Такимъ образомъ, почва для научнаго взгляда на исторію человечества представляется гораздо болѣе прежняго подготовленною и расчищенною.

Какъ бы то ни было, передъ нами книга, носящая заглавіе: «Законы исторіи», книга смѣлая по идеѣ и заслуживающая вниманія по исполненію. Говоримъ смѣлая не потому, чтобъ идея писать философію исторіи, указать на законы, управляющіе развитіемъ человѣческихъ обществъ на всемъ протяженіи историческаго бытія, была новая и вплоть до нашихъ дней не находила приложенія. Еще за полтора вѣка передъ этимъ, неаполитанецъ Вико въ своей знаменитой «Новой наукѣ» (*Scienza nuova*) старался выяснить «общую природу народовъ», указать на «общіе и вѣчные законы», которыми управляется міръ человѣческой. Эти общіе за-

воны онъ извлекъ преимущественно на основаніи изученія римской исторіи, причемъ онъ усмотрѣлъ въ ходѣ развитія древняго міра три періода: теократическій, героическій и человѣческій, которые повторились, по его мнѣнію, и у новыхъ народовъ. Трудъ Вико былъ дѣйствительно смѣлой попыткой подчинить исторію опредѣленнымъ законамъ, если взять во вниманіе состояніе историческихъ знаній въ первой четверти прошлаго столѣтія, сравнительно съ расширеніемъ ихъ въ наше время. Правда, эта узкость сферы исторіи, при которой древній классическій міръ естественно былъ не только исходнымъ пунктомъ, но и средоточіемъ историческихъ свѣдѣній и понятій, могла только облегчить задачу автора не въ смыслѣ, конечно, ея рѣшенія, а въ смыслѣ формальной обработки. Но, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, «Новая наука» гениальнаго итальянца внушительно указываетъ какъ на раннее проявленіе въ ученomъ мірѣ потребности разобраться въ хаосѣ историческихъ явленій, такъ и на возможность удовлетворить этой потребности въ мѣру общаго состоянія науки и развитія философской мысли въ данное время. Что трудъ Вико не пропалъ даромъ, что онъ сдѣлалъ важный шагъ на пути къ уясненію задачи, которая, быть можетъ, никогда не найдетъ окончательнаго рѣшенія, — это доказывается вниманіемъ, какое было возбуждено къ нему въ нашемъ столѣтіи, и новыми попытками отыскать путеводную нить въ развитіи судебъ человѣчества. Сюда относятся труды Гердера и Балланша, и мысли нѣмецкихъ философовъ—Фихте, Шеллинга, Гегеля и Ганса, на которыхъ авторъ «Законовъ исторіи» смотритъ какъ на своихъ предшественниковъ въ рѣшеніи вопроса.

Авторъ этой книги, г. Лудовикъ Бенлёвъ, по происхожденію нѣмецкій еврей, по образованію филологъ. Образование это онъ получилъ въ нѣмецкихъ университетахъ, въ Берлинѣ, Лейпцигѣ и Гёттингенѣ. Но общественная дѣятельность его была посвящена Франціи. Сначала онъ былъ преподавателемъ иностранныхъ языковъ въ Нантѣ, а затѣмъ въ Бургѣ, послѣ того сдѣлался бібліотекаремъ Сорбонской бібліотеки въ Парижѣ, откуда поступилъ профессоромъ древней литературы въ дижонскій словесный факультетъ и достигъ въ немъ званія факультетскаго декана. Ученые труды его относятся частію къ сравнительному языкознанію, частію къ древней филологіи, исторіи и литературѣ. Таковы: «Объ удареніяхъ въ индо-европейскихъ языкахъ» (Парижъ 1847), «Объ

пцій проспектъ сравнительнаго языкознанія» (1858), «Общая теорія латинскаго ударенія» (1853), «О нѣкоторыхъ чертахъ первоначальнаго языка» (1863), «Семиты въ Иліонѣ, правда о троянской войнѣ» (1863), «Краткая теорія ритмовъ» (1862), «Опытъ о духѣ литературъ» (1870), «Послѣднее слово о прозаикахъ» (1871 ¹).

Г. Бенлѣвъ не принадлежитъ къ первокласснымъ ученымъ; имя его извѣстно, особенно среди филологовъ, но оно не громко. Это — не Ренанъ въ знаніи семитическихъ языковъ, не Боппъ и даже не Бреаль въ области языковъ индо-европейскихъ, не Бёккель въ классической филологіи, не Дунверъ въ древней исторіи, вообще это не такой ученый, имя котораго заранѣе непременно располагало бы въ пользу его сочиненія, въ особенности столь широкаго содержанія, какое необходимо должна имѣть книга, говорящая о законахъ исторіи. Сочиненіе такого рода требуетъ ума не дюжиннаго, способнаго къ широкимъ комбинаціямъ, богатаго идеями; оно требуетъ учености разносторонней и въ то же время закаленной въ строгой школѣ специальности; оно требуетъ твердаго метода, каковой вырабатывается цѣлымъ рядомъ трудовъ тщательныхъ, самостоятельныхъ, самыхъ добросовѣстныхъ въ научномъ отношеніи. Нельзя сказать, чтобы г. Бенлѣвъ стоялъ вполне на высотѣ всѣхъ этихъ требованій: умъ его развитъ и богатъ мыслями, но сила его умѣренная; его историческое образованіе не полно и въ наибольшей части не самостоятельно; служащее опорой всего труда, его специальное знаніе не всегда даетъ чувствовать свою силу и оказывается не вездѣ состоятельнымъ; методъ его выработанъ, но авторъ не вездѣ ему слѣдуетъ и не одинъ разъ уклоняется отъ него въ сторону. Несмотря на все это, «Законы исторіи» — трудъ интересный и заслуживающій вниманія. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ вопросами, передъ которыми умъ мыслящаго человѣка невольно возбуждается и настраивается къ вниманію. Вопросы эти затрогиваетъ здѣсь несомнѣнно голова свѣтлая и даетъ на нихъ отвѣтъ, если не убѣдительный, то во всякомъ случаѣ глубоко обдуманннй и серьезный.

¹) Біографическія данныя о г. Бенлѣвъ заимствованы нами изъ «Біографическаго Словаря современныхъ писателей» (Dizionario biografico degli scrittori contemporanei) г. Губернатиса.

Но обратимся, наконецъ, къ самому сочиненію. Начинается оно «введеніемъ», въ которомъ авторъ прежде всего обращетъ вниманіе читателя на стоящій на первомъ планѣ передъ мыслителемъ, разсуждающимъ о законахъ исторіи, фактъ, что, несмотря на древность міра, исторія человѣчества еще очень коротка. Она не восходитъ дальше шести тысячъ лѣтъ въ древность, и если даже мы дойдемъ только до сотаго поколѣнія въ прошедшемъ (что равняется пяти тысячамъ лѣтъ), то и на этомъ разстояніи она перестаетъ уже дѣлаться связной и теряетъ характеръ достаточной достовѣрности. Затѣмъ, указавъ на неточность опредѣленія историками конца древней и средней исторіи, авторъ ставитъ очень важный вопросъ о томъ, когда начинается древняя исторія. Перебравши библейскія даты разныхъ редакцій, относящіяся къ опредѣленію времени міроздаія, онъ обращается къ даннымъ, касающимся начала древнѣйшаго государства въ свѣтѣ, Египта, и принимаетъ (впрочемъ, безъ указанія основаній) 4,500 лѣтъ до Р. Х. какъ наиболѣе подходящую къ истинѣ дату начала египетской гражданственности. Если Демсіусъ относитъ начало царствованія Менеса, перваго царя Египта, въ 3892 году до Р. Х., то это дата, ниже которой уже не позволяютъ спуститься лѣтописи государства фараоновъ. Важно замѣтить при этомъ, что египтяне вели правильный счетъ годамъ по крайней мѣрѣ съ 2783 года до христіанскаго лѣтосчисленія. Но за то историческія преданія другихъ древнѣйшихъ народовъ—эламитовъ, вавилонянъ, ассиріянъ—вообще не восходятъ и за двѣ съ половиною тысячи лѣтъ до христіанской эры; развѣ только китайская хронологія можетъ достигать 2700 лѣтъ до Р. Х. Такимъ образомъ первыя полторы, двѣ тысячи лѣтъ человѣческой исторіи, привязанной къ опредѣленнымъ именамъ и событіямъ, покоятся исключительно на преданіяхъ Египта, гдѣ появилась и первая на свѣтѣ письменность, безъ которой авторъ лежащей передъ нашими глазами книги не признаетъ существованія дѣйствительной исторіи: положеніе вѣрное, хотя и подлежащее ограниченію, такъ какъ памятники искусства и даже простого житейскаго быта нерѣдко говорятъ о настоящей исторіи угасшихъ человѣческихъ обществъ краснорѣчивѣе сухихъ лѣтописей и официальныхъ записей о подвигахъ царей и полководцевъ. Продолжая вводить читателя въ предметъ своихъ дальнѣйшихъ разсужденій, авторъ указываетъ на разобщенность древнѣйшихъ народовъ, от-

носившихся враждебно одинъ къ другому и презиравшихъ другъ друга. Обстоятельство это долгое время исключало возможность общей исторіи, путь къ которой проложили завоеванія Кира, затѣмъ Александра и римлянъ. Но болѣе близкая связь между народами стала устанавливаться подъ вліяніемъ распространенія одинаковыхъ религіозныхъ вѣрованій на большихъ пространствахъ древняго материка, каковы религіи Будды, Христа и Магомета. Перехоля къ своей задачѣ — представить развитіе человѣчества, какъ цѣлаго организма, подчиненнаго общимъ законамъ, авторъ указываетъ на рядъ своихъ предшественниковъ и начинаетъ его съ Боссюэта, разсматривавшаго ходъ всемірной исторіи съ христіанской точки зрѣнія; затѣмъ говоритъ объ упомянутой нами выше книгѣ Вико, о Гердерѣ, Балланшѣ, сенсимонистахъ и философіи исторіи Гегеля и Ганса.

Въ основаніе своего взгляда на исторію, авторъ кладетъ мысль, что жизнь человѣчества представляетъ собой постепенное органическое развитіе (*évolution*) и должна быть аналогична съ періодами жизни отдѣльнаго человѣка—его дѣтствомъ, юностью, зрѣлостью и старчествомъ. Въ этомъ постоянномъ движеніи отъ одного фазиса къ другому онъ видитъ главное отличіе человѣческой породы отъ животнаго. Въ то время какъ животное вѣчно остается съ одними и тѣми же потребностями и способностями, человѣкъ въ каждомъ новомъ поколѣніи идетъ далѣе и оставляетъ слѣдующему поколѣнію плоды своихъ трудовъ, которые въ свою очередь даютъ средства дальнѣйшему поколѣнію къ новому усовершенствованію. Но это усовершенствованіе не такого рода, чтобъ оно охватывало собой непременно всѣхъ живущихъ на землѣ отдѣльныхъ людей и всѣ живущіе въ данное время народы. Съ каждымъ шагомъ впередъ, человѣчество оставляетъ на своемъ пути отсталыхъ, которые, продолжая жить съ древними обычаями, вѣрованіями и въ тѣхъ же условіяхъ культурнаго быта, служатъ намъ главными памятниками степеней, какія прошелъ родъ человѣческій съ незапамятныхъ временъ до настоящаго времени. Такимъ образомъ мы и теперь еще видимъ дикія племена въ Африкѣ, Америкѣ и Австраліи, не знающія земледѣлія и никакого благоустроеннаго гражданскаго быта, живущія преимущественно рыбной ловлей и охотой, какъ это было еще въ то отдаленное время, о которомъ намъ свидѣтельствуютъ орудія ископаемаго, до-историческаго человѣка. Есть племена въ

Азіи и Америкѣ, которыя продолжаютъ кочующій и пастушескій бытъ, каковой вели наши предки въ своей арійской прародинѣ (по мнѣнію нашего автора, въ Пенджабѣ) и еврейскіе патріархи въ Месопотаміи. Въ Индіи и на азіатскомъ Востокѣ до сихъ поръ мы видимъ образцы первоначальныхъ государствъ, заоченѣвшихъ въ своихъ формахъ кастоваго и деспотическаго устройства, когда-то служившихъ выраженіемъ народнаго и государственнаго могущества.

Что же такое двигаетъ человѣчество въ его органическомъ развитіи? Корень движенія лежитъ, по мнѣнію автора, въ трехъ главныхъ его душевныхъ способностяхъ—въ чувствѣ, волѣ и разумѣ. Преимущественное развитіе каждой изъ этихъ способностей соотвѣтствуетъ извѣстному возрасту какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ, такъ и въ цѣлой исторіи человѣчества. Такъ, юности соотвѣтствуетъ развитіе чувства, возмужалости—развитіе воли, зрѣлому возрасту—развитіе разума. Совершается же это развитіе подъ вліяніемъ вложенныхъ въ нашу душу идеаловъ, которые возбуждаютъ наши способности и ихъ воспитываютъ. Чувство управляется идеаломъ красоты; волю направляетъ и облагораживаетъ идеаль добра; разумъ нашъ находитъ свой постоянный стимулъ въ идеалѣ истины. Жизнь историческаго человѣчества и представляетъ собой стремленіе къ осуществленію этихъ идеаловъ въ соотвѣтствующіе возрасты. Такимъ образомъ мы видимъ, что возрастъ юности человѣчества, подъ вліяніемъ преимущественнаго развитія въ этомъ возрастѣ чувства, движимаго идеаломъ красоты, производитъ великихъ художниковъ, отечествомъ которыхъ была Греція; возрастъ возмужалости, развитія воли и господства идеала добра, нашего себѣ высшее выраженіе въ христіанствѣ, производитъ законодателей и религіозныхъ реформаторовъ; возрастъ зрѣлости, когда вступаютъ во всѣ свои права разумъ, имѣющій предъ собой идеаль истины, производитъ геніевъ науки, все болѣе и болѣе стремящихся слѣзуть область неизвѣстнаго и открыть законы, управляющіе вселенной. Это—тотъ возрастъ, въ который недавно вступило человѣчество и которому суждено озарить наши умы свѣтомъ еще невиданнымъ. Трѣмъ возрастамъ или трѣмъ періодамъ, жизни человѣчества, въ теченіе которыхъ должны осуществиться идеалы красоты, добра и истины, предшествовалъ длинный подготовительный періодъ, во время котораго три главныя способности человѣка не оставались безъ дѣйствія и даже достигли извѣстной высоты въ произведеніи предметовъ искусства,

въ религиозномъ и общественномъ устройствѣ, въ познаніи природы. Но ихъ дѣйствіе было еще смутное и ни въ чемъ не нашло себѣ совершеннаго выраженія; вездѣ оно было подготовительнымъ. Таковъ былъ характеръ исторіи, предшествующій высшему процвѣтанію греческой образованности. Въ установленіи трехъ періодовъ чело- вѣческаго развитія, изъ которыхъ каждый былъ воплощеніемъ одного изъ идеаловъ, съ подготовительнымъ періодомъ въ началѣ, заклю- чается сущность философскаго взгляда на исторію въ книгѣ г. Бенлѣва.

Всякій видитъ, что основа такого взгляда — метафизическаго свойства, и что онъ предполагаетъ вѣру автора въ предустановлен- ный порядокъ управленія міромъ и судьбами человѣчества. Самъ авторъ этого прямо не высказываетъ; онъ утверждаетъ свою исто- рическую теорію на свойствѣ чело вѣческой природы, одаренной тремя главными способностями — чувствомъ, волей и разумомъ, и на необходимой, по его мнѣнію, аналогіи развитія цѣлаго рода съ раз- витіемъ отдѣльнаго чело вѣка. Но, въ сущности, это — теорія мета- физическая. Вопросъ въ томъ: оправдывается ли она фактами самой исторіи? Дѣйствительно ли законы чело вѣческаго развитія заклю- чаются въ томъ, чтобы въ немъ послѣдовательно одинъ за другимъ осуществлялись идеалы красоты, добра и истины? Г. Бенлѣвъ отвѣ- чаетъ на этотъ вопросъ утвердительно. Онъ старается убѣдить чи- тателя не только въ томъ, что весь ходъ исторіи вообще служитъ оправданіемъ его теоріи, но и въ томъ, что фазисы послѣдователь- ной проявленія идеаловъ въ исторіи составляютъ опредѣленные, въ размѣренныя циклы, въ полторы тысячи лѣтъ каждый. — Чтобы придать еще болѣе стойкости своей теоріи, онъ заявляетъ, что въ ходѣ исторіи циклы эти подраздѣляются на столь же опре- дѣленные хронологически, именно трехсотлѣтніе періоды, которые, в свою очередь, подраздѣляются также правильно на полуторасто- летніе этапы, отвѣчающіе опредѣленному моменту въ развитіи иде- аловъ. Нельзя не имѣть полной вѣры въ свою теорію, коль скоро она не только подтверждается въ нашихъ глазахъ фактами, но и слѣ- дуетъ въ своемъ приложеніи опредѣленному закону цифръ, пра- вильно раздѣляющихся одна на другую и вездѣ находящихъ се- бя въ дѣйствительности. Авторъ «Законовъ исторіи» съ доста- точною выставляетъ на видъ, что открытіе опредѣленныхъ исто- рическихъ цикловъ, періодовъ и этаповъ принадлежитъ лично ему,

и въ этомъ открытіи онъ видитъ главную опору въ рѣшеніи своей задачи. Для него стало ясно съ момента этого открытія, что законы, управляющіе развитіемъ человѣческаго рода,—не частные законы исторіи, а входятъ въ грандіозный планъ всего космоса, куда онъ дѣйствительно и вводитъ исторію человечества. Но мы слишкомъ зашли впередъ, открывая конечную мысль автора «Законовъ исторіи». Прослѣдимъ лучше послѣдовательно содержаніе книги.

Мы говоримъ, что тремъ цикламъ исторіи, въ теченіе которыхъ должно произойти постепенное осуществленіе трехъ идеаловъ, авторъ «Законовъ исторіи» предпосылаетъ длинный періодъ подготовленія къ такому ходу исторіи. Разсмотрѣніе этого періода онъ начинаетъ временемъ историческимъ и исключаетъ длинный періодъ человѣческаго существованія, о которомъ намъ говорятъ только мифологическія преданія да ископаемыя кости и каменные орудія. Говорить объ этой длиннѣйшей стадіи человѣческаго бытія на землѣ г. Бенлѣвъ избѣгаетъ не только потому, что многіе важные вопросы, относящіеся къ жизни человѣка этой эпохи, далеко еще не выяснены, но и потому, что здѣсь нѣтъ никакихъ твердыхъ данныхъ для хронологіи, играющей важнѣйшую роль въ исторической теоріи автора. Какой исторической законъ, имѣющій дѣло съ числами, можетъ найти для себя опору въ эпохѣ, начало которой одни относятъ за двадцать тысячъ, а другіе за пятьдесятъ, за сто, за триста и даже болѣе тысячъ лѣтъ до нашего времени! Появленіе Египта на сценѣ всемірной исторіи съ первымъ его царемъ Менесомъ, приблизительно за 4000 лѣтъ до Р. Х.,—вотъ пунктъ, съ котораго отправляется авторъ въ своихъ разсужденіяхъ.

Въ подготовительный періодъ, который г. Бенлѣвъ характеризуетъ выраженіемъ: порядокъ въ силѣ, являются на сценѣ исторіи, кромѣ Египта, народы Азіи—вавилоняне, ассиріяне, индусы, китайцы, къ которымъ присоединяются потомъ бактрійцы и мидяне. Не смотря на племенное различіе, народы древняго Востока обнаруживаютъ сходство въ основныхъ чертахъ культуры—въ политикѣ, религіи, письмѣ, литературѣ, искусствѣ, даже языкѣ, въ томъ впрочемъ смыслѣ, что языки ихъ не смотря на коренную разницу, носятъ въ себѣ слѣды относительно недавняго происхожденія. Сходныя черты ихъ культуры ясно видны въ кастахъ или общественныхъ классахъ, на которыхъ зиждется ихъ политическое устройство, въ политическомъ деспотизмѣ, въ деспотизмѣ религіоз-

номъ, въ политеизмѣ, въ національности божествъ, въ герооглифическомъ характерѣ письма, въ религиозномъ и государственномъ характерѣ литературы, являющейся при этомъ не плодомъ гения отдѣльныхъ личностей, а дѣломъ коллективнымъ, преемственнымъ созданіемъ многихъ вѣковъ, и выражающейся потому въ формѣ сборниковъ, далѣе — въ преобладаніи въ искусствѣ зодчества и вообще произведеній искусства «неподвижнаго», т. е. требующаго матеріи для своего проявленія, въ моносиллабизмѣ языковъ, типомъ котораго остался навсѣгда языкъ китайскій и свойство котораго авторъ въ извѣстной мѣрѣ считаетъ себя въ правѣ приложить и къ языкамъ флексивнымъ первоначальной эпохи.

Этотъ періодъ образованія и развитія большихъ государствъ на Востокѣ, періодъ подготовительный, начинающійся по хронологической таблицѣ г. Бендѣва 4200 годомъ до Р. Х., продолжался три тысячи лѣтъ, т. е. двойное число времени противъ цикловъ, назначенныхъ для осуществленія каждаго изъ идеаловъ. Господствующее мѣсто въ этой культурѣ, не дошедшей до обнаруженія своей полной силы ни въ одномъ изъ идеаловъ, принадлежитъ Египту, раньше и полнѣе другихъ странъ развившемуся въ могущественное и благоустроенное государство. Здѣсь показался прежде всего свѣтъ исторіи и отсюда онъ пошелъ въ другія страны и къ другимъ народамъ. Ближайшими и непосредственными воспріимниками плодовъ египетской культуры были восточные сосѣди царства фараоновъ, народы семитическіе. Государственное могущество Вавилона и Ниневіи, финикійская предприимчивость въ торговлѣ и промышленности, міровое значеніе евреевъ и арабовъ въ религиозномъ движеніи ясно указываютъ, какую важную роль играло это племя въ исторіи человѣчества. Наибольшимъ двигателемъ или распространителемъ семитической культуры въ древности являются финикіане, бывшіе представителями принципа движенія въ то время, когда Вавилонъ и Ниневія, равно какъ и исходный пунктъ образованности для семитическаго міра—Египетъ, какъ-бы заоченѣли въ формахъ своей гражданственности. Покрывъ Средиземное море своими колоніями и факторіями отъ сирійскихъ береговъ до Геркулесовыхъ столбовъ и смѣло пускаясь въ мореплаваніе даже въ Атлантическомъ океанѣ, вдоль береговъ Европы и Африки, они всего болѣе способствовали пробужденію эллинскаго гения, въ то отдаленное время еще пребывавшаго въ усыпленіи.

Высшій расцвѣтъ ихъ промышленной, торговой и колонизаторской дѣятельности какъ разъ относится въ началу эпохи, когда на сцену исторіи выступаетъ эллинскій народъ, призваніе котораго было—осуществить на землѣ идеалъ красоты, болѣе другихъ идеаловъ соотвѣтствовавшій юности человѣчества. Начало этого новаго періода въ исторіи г. Бендѣвъ, въ своей хронологической таблицѣ, отмѣчаетъ 1200 годовъ до христіанской эры.

Царство идеала красоты авторъ начинаетъ, такимъ образомъ, вступленіемъ на историческую сцену греческаго племени. Но это царство наступило не вдругъ: появился только народъ, избранный для того Провидѣніемъ. Еще долгое время въ искусствѣ греки находятся въ положеніи учениковъ относительно народовъ предупредившихъ ихъ на исторической аренѣ, такъ что на первый взглядъ не имѣется на лицо никакихъ основаній, почему авторъ разсматриваемой книги начинаетъ періодъ идеала красоты въ эпоху, когда греки не только были ниже своихъ ближайшихъ учителей—финикянъ, лидянъ, варянъ, ликіянъ, фригіянъ, бывшихъ посредниками въ передачѣ ассирійской и египетской культуры, но и не произвели ничего сколько-нибудь значительнаго. Еще въ седьмомъ столѣтіи до Р. Х. греческое искусство находится въ періодѣ подражанія и только двѣсти лѣтъ спустя, въ половинѣ пятаго столѣтія, оно доходитъ до безсмертныхъ твореній Фидіи, до Парѣнона въ архитектурѣ, до Олимпійскаго Зевса въ скульптурѣ. Итакъ, должно было пройти семь съ половиной столѣтій, т. е. цѣлая половина великаго историческаго цикла, назначеннаго авторомъ на время господства идеала красоты въ исторіи, прежде чѣмъ эта красота достигла въ «неподвижныхъ» искусствахъ высоты, граничащей съ идеаломъ. Но не расцвѣтомъ этихъ искусствъ греки на первой порѣ своей исторіи рѣзко выдѣлились изъ ряда народовъ древней, подготовительной образованности. Въ архитектурѣ еще египтяне достигли большого развитія, по крайней мѣрѣ въ томъ, что касается грандіозности; пластическое искусство доведено было вавилонянами и ассиріянами до высоты, на которой оно нѣсколько столѣтій могло служить образцомъ для такого художественнаго народа, каковы были греки по природѣ. Художественный геній, которымъ былъ отмѣченъ греческій народъ уже на зарѣ своего существованія и который дѣйствительно сдѣлалъ его безсмертнымъ носителемъ идеала красоты, высказался у него въ недосыгаемомъ для другихъ

народовъ величїи на первыхъ шагахъ его исторической дѣятельности въ области литературы. «Иліада» и «Одиссея» Гомера, происхожденіе которыхъ смѣло можно отнести за девять столѣтїй до нашей эры, представляютъ собой такую высоту эпического творчества, такое изящество формы, такую гармонію ритма, вполне выработаннаго и оконченнаго, что до сихъ поръ составляютъ и вѣчно будутъ составлять предметъ удивленія, исключая даже мысль о возможности произвести въ этомъ отношеніи не только что-либо высшее, болѣе совершенное, но даже и равное. Если теперь взять во вниманіе, что такія высокія, законченныя творенія не могли быть первыми произведеніями даже такого гениальнаго народа, какъ греческій, а необходимо предполагаютъ цѣлую поэтическую школу предварительныхъ опытовъ, которую долженъ былъ пройти греческій народъ въ самой ранней юности, чтобы подняться въ Гомеровыхъ поэмахъ на высоту почти идеальную, то само собой вытекаетъ право считать этотъ народъ отмѣчающимъ уже самимъ появленіемъ своимъ въ исторіи новый періодъ въ жизни человѣчества, періодъ, въ которомъ прекрасное должно было найти себѣ наибольшее выраженіе. Авторъ книги, значитъ, правъ, относя начало этого періода болѣе, чѣмъ за тысячу лѣтъ до Р. Х., если къ 900 году до нашей эры въ человѣчествѣ обнаруживается въ одномъ изъ видовъ поэзіи, высочайшаго изъ искусствъ, столь яркое осуществленіе идеала.

По теоріи автора, противъ которой, говоря вообще, нельзя ничего возразить ни съ логической, ни, въ данномъ случаѣ, съ исторической точки зрѣнія, проявленіе идеала происходитъ не вдругъ, а постепенно, но такъ, что кульминаціонная точка его развитія относится какъ разъ къ половинѣ историческаго цикла, опредѣляемаго имъ въ 1500 лѣтъ, къ третьему изъ его пяти (въ 300 лѣтъ) періодовъ, за которымъ слѣдуетъ столь же постепенное, хотя и нѣсколько болѣе быстрое нисхожденіе съ этой высоты, чѣмъ поднятіе на нее,—нисхожденіе, во время котораго какъ бы подготавливается мѣсто наступленію новаго историческаго цикла съ новымъ идеаломъ. Эта постепенность и правильность хода исторіи дѣйствительно поражаетъ въ историческомъ циклѣ отъ 1200 г. до Р. Х. до 300 г. по Р. Х., т. е. отъ начала героическаго періода грековъ, о которомъ свидѣтельствуютъ преданія о походѣ аргонавтовъ, о войнѣ семи вождей противъ Фивъ и всего болѣе о троянской войнѣ,

до времени торжества христіанства и Константина Великаго, когда, очевидно, начинается новый періодъ исторіи, съ другимъ значеніемъ въ судьбахъ человѣчества. Первые триста лѣтъ, время героическихъ подвиговъ грековъ, еще новаго народа въ исторіи, которому нужно было утвердить за собою южную часть Балканскаго полуострова и острова Архипелага, были вмѣстѣ съ тѣмъ временемъ пробужденія въ нихъ поэтическаго гения, который въ произведеніяхъ Гомера, къ 900-му году, нашелъ себѣ первое громкое и высокое выраженіе. Съ этого момента греческая литература не перестаетъ развиваться, переходя отъ одного вида къ другому, отъ эпической поэзіи къ лирической, отъ лирической къ драматической, съ тѣмъ, чтобы въ вѣкъ Перикла, ровно на половинѣ вышеозначеннаго историческаго цѣля, достигнуть апогея, о которомъ всего болѣе свидѣтельствуется высшее развитіе драмы, бывшей вѣнцомъ поэтическаго творчества гениальнаго народа, и полный расцвѣтъ искусства въ зодчествѣ, ваяніи и живописи. Но этотъ кульминаціонный періодъ литературы, достигшій при Периклѣ высшей точки въ поэзіи, продолжалъ еще блистать въ прозѣ—въ исторіи, краснорѣчій и философіи вплоть до Александра Македонскаго, закончившись именами Демосѣена и Аристотеля. Это восходящее развитіе литературы, не представляющей ничего себѣ равнаго по гениальности во всей исторіи человѣчества, продолжалось цѣлыхъ шестьсотъ лѣтъ, ознаменовывая свой путь именами Гомера, Алкея, Сафо, Анакреонта, Пиндара, Эсхила, Софокла, Эврипида, Аристофана, Менандра въ разныхъ видахъ поэтическаго творчества, именами Геродота, Фукидида, Лисіи, Исократы, Демосѣена, Платона и Аристотеля—въ высшихъ видахъ прозаическихъ произведеній. Рядомъ съ этими исполинами литературнаго творчества, начиная съ Периклова вѣка, идутъ имена великихъ художниковъ въ области искусства—Фидіи, Поликлета, Мирона, Скопы, Праксителя, Зевксиса, Парразія и Апеллеса, въ лицѣ которыхъ зодчество, ваяніе и живопись достигли той же вѣчной красоты, какую запечатлѣны въ литературѣ произведенія вышеназванныхъ поэтовъ и прозаиковъ. Въ виду всѣхъ этихъ великихъ именъ, наполняющихъ греческую исторію въ продолженіе шести столѣтій, при неисчислимой массѣ другихъ, которыя также стремились проявить идею изящнаго въ своихъ твореніяхъ, не трудно согласиться, что дѣйствительно была

въ исторіи эпоха, какъ бы предназначенная для воплощенія идеала вѣчной красоты.

Еще долго въ исторіи греческій геній продолжалъ блистать, освѣщая путь къ своему идеалу другимъ народамъ на востокъ и западъ. Но классическая эпоха его творчества окончилась вмѣстѣ съ македонскимъ завоеваніемъ, Съ того времени творческая сила его начинаетъ видимо понижаться; но понижается она съ крайнею медленностью, цѣлыхъ шестьсотъ лѣтъ еще удерживая торжество своего идеала надъ всякою силой, духовною и матеріальною. Послѣ македонянъ, подчинившихся греческому генію, Грецію поворили римляне, но покоренные оружіемъ и здѣсь остались побѣдителями въ области духа, сдѣлавъ изъ римлянъ самыхъ послушныхъ себѣ учениковъ въ литературномъ и художническомъ творествѣ. Этимъ путемъ греческій геній совершенно восторжествовалъ надъ народомъ, лишившимъ его отечество всякой политической независимости. Не только литература и искусство у римлянъ были лишь отблескомъ великихъ произведеній Греціи, но греческій духъ, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ авторъ «Законовъ исторіи», пропиталъ насъ сквозь побѣдителя въ его нравахъ, преобразовалъ его языкъ, даже его національныя сказанія и религіозныя вѣрованія. Въ тоже время идеалъ истинной красоты продолжалъ все болѣе и болѣе затемняться въ глазахъ самихъ грековъ. Вмѣсто красоты, возвышающей и укрѣпляющей душу, стала выступать все болѣе и болѣе красота, льстящая однимъ чувствамъ и раздражающая воображеніе. Давно уже начавшееся въ жизни противорѣчіе между идеаломъ красоты и идеаломъ добра превратилось въ римской имперіи въ явный разрывъ, такъ что красота какъ бы уже стала исключать добро, нравственность. Было ясно, что царство одного идеала близилось къ концу и наступало время другого. Съ появленіемъ на сцену христіанства все болѣе стала проникать въ сознаніе людей идея, еще раньше нашедшая себѣ убѣжище въ греческой философіи, что красота внѣшняя, чарующая глазъ, ничего не значитъ передъ красотой внутренней, которая проявляется въ добрыхъ нравахъ и дѣлахъ. Въ челоуѣчествѣ до того чувствовалась потребность обновленія новымъ идеаломъ, что недавно еще гонимое и преслѣдуемое христіанство сдѣлалось религіей римскаго императора и вскорѣ затѣмъ было объявлено религіей государственной. Въ четвертомъ столѣтіи нашего лѣтосчисленія видимо для

всѣхъ насталь новый періодъ въ исторіи рода человѣческаго. Періодъ этотъ или, лучше, новый историческій циклъ, нашъ авторъ называетъ цикломъ идеала добра въ исторіи. Въ хронологической таблицѣ автора онъ обнимаетъ собой время отъ 300 до 1800 г. по Р. Х., т. е. отъ торжества христіанства до торжества французской революціи.

Какъ попытки къ осуществленію идеала красоты существовали за-долго до появленія грековъ на сценѣ исторіи, въ древнѣйшихъ государствахъ востока, и прежде всего у египтянъ, такъ точно въ тотъ же подготовительный періодъ исторіи сдѣланы были значительные шаги къ укрѣпленію въ людяхъ чувства добра, къ водворенію нравственнаго порядка и справедливости. Особенно стремленіе къ учрежденіямъ, приближающимъ насъ къ нравственному идеалу, замѣчается у народовъ тогда, когда ихъ общественная жизнь приходила въ разстройство и чувствовалась потребность обновленія. Въ такія эпохи являются религіозные и политическіе преобразователи, которымъ нерѣдко и удается мудрыми преобразованиями, новыми религіозными системами или возвышенными нравственными правилами задержать разложеніе государства и указать ему надежный путь къ дальнѣйшему существованію. Таково было въ Китаѣ значеніе Конфуція, преподаваго своему народу на цѣлыя вѣка и даже тысячелѣтія правила политической и частной нравственности. Раньше, чѣмъ за 600 лѣтъ до Р. Х., великій китайскій философъ проповѣдывалъ своимъ соотечественникамъ, изнывавшимъ подъ гнетомъ притѣсненій и гражданскихъ беспорядковъ, и въ особенности ихъ правителямъ, что человѣкъ долженъ жить въ согласіи съ разумной природой, т. е. съ разумомъ, и стремиться къ самосовершенствованію, что онъ долженъ быть умѣреннымъ, долженъ любить человѣчество даже въ лицѣ бѣдняка и во всякое время долженъ быть готовъ заглаживать свою вину противъ Другого, что все должно быть приносимо въ жертву нравственному долгу. Истинны эти впрочемъ не были открыты Конфуціемъ, а лишь приведены въ систему на основаніи ученій китайскихъ мудрецовъ самой глубокой древности. Вліяніе ученія величайшаго изъ китайскихъ философовъ не вышло изъ предѣловъ Небесной имперіи, но оно было огромно, и его ученіе до сихъ поръ считается тамъ высшимъ источникомъ мудрой государственной политики и здоровой нравственности. Но Конфуцій былъ философъ, его возвышенное ученіе не

могло поэтому сдѣлаться достояніемъ массы, которая могла почувствовать на себѣ его вліяніе лишь настолько, на сколько прониклись имъ ея управители, императоры и мандарины. Другой великій преобразователь той же эпохи, но появившійся въ средѣ индійскаго народа, Будда, спустился съ высоты трона въ среду бѣднаго народа, угнетеннаго столько же высокомѣрною религіей браминовъ, сколько и деспотизмомъ свѣтскихъ правителей, чтобъ возвѣстить ему, страдающему на землѣ и лишенному избавленія отъ мукъ и униженій даже по смерти, новую эру, открывающуюся для страждущаго человѣчества. Проповѣдуя цѣломудріе, кротость, любовь къ ближнему, забвеніе обидъ, равнодушіе къ земнымъ благамъ, «великій преобразователь» (такъ былъ названъ Будда благодарнымъ народомъ) нанесъ жестокой ударъ кастовому устройству Индіи, служившему для эксплуатаціи труда милліоновъ въ пользу немногихъ избранныхъ, заявленіемъ, что всѣ безъ различія касты призваны къ одинаковому участию въ религіозной жизни и что послѣдователи его ученія получаютъ въ награду послѣ смерти погруженіе въ нирвану, превращеніе въ ничто. Чтобы понять необыкновенное распространеніе религіознаго ученія Будды, чтобъ оцѣнить его, не смотря на всю его странность для христіанскаго міровоззрѣнія, опирающагося на безсмертіе души, нужно помнить, что для бѣднаго народа низшихъ кастъ, угнетаемаго при жизни всѣми ужасами деспотическаго управленія и осужденнаго за малѣйшее неисполненіе сложныхъ и тяжелыхъ предписаній браминской религіи на вѣчныя муки черезъ превращеніе по смерти въ нечистыхъ животныхъ, полное уничтоженіе, превращеніе въ ничто могло быть наибольшимъ, какое было только мыслимо, благодѣяніемъ. Нѣтъ ничего мудрѣнаго, что религія, столь благодѣтельная и особенно доступная пониманію живущей въ постоянномъ горѣ и нуждѣ части человѣчества, не могла удержаться въ берегахъ Индіи и широкимъ потокомъ разлилась по восточной Азіи. Еще въ началѣ христіанской эры она проникла въ Китай, гдѣ нашла для себя самыхъ многочисленныхъ адептовъ, утвердилась въ Тибетѣ, перешла въ Монголію, къ башкирамъ, въ Японію. Но эта освободительная кроткая и простая религія не удержалась въ средѣ народа, служившаго ей колыбелью; она, послѣ нѣсколькихъ столѣтій внутреннихъ междуусобій въ Индіи, почти совсѣмъ уступила мѣсто пре-

образованной, подъ ея вліяніемъ, религіи браминовъ съ строгимъ ритуаломъ и туманною метафизикой этой послѣдней.

Воплощеніе идеала добра авторъ «Законовъ исторіи» видитъ въ христіанствѣ. Христіанство же есть религія единобожія. Первый шагъ къ этому совершенному представленію идеи божества сдѣланъ былъ въ Бактріанѣ у иранской вѣтви древнихъ арійцевъ, въ религіи Зороастра, основанной на принципѣ дуализма, на раздѣленіи божественныхъ существъ на два враждебныхъ лагеря, на духовъ добра и свѣта и духовъ зла и тьмы. Первые находятся подъ главенствомъ верховнаго бога Ормузда, а послѣдніе—Аримана. Эти духи и ихъ верховные вожди находятся между собою въ вѣчной борьбѣ. Сущность нравственнаго ученія Зороастра состояла въ томъ, что человѣкъ долженъ стоять на сторонѣ начала добра, быть союзникомъ Ормузду или Агурѣ Маздао (отсюда названіе религіи м а з д е и з м ѣ); онъ долженъ быть поэтому дѣятельнымъ, бодрымъ, чистымъ тѣлесно, трудолюбивымъ, честнымъ, прямымъ, откровеннымъ. Какая-то мужественная нота звучитъ въ нравственныхъ предписаніяхъ Зороастрова ученія, которое одушевлено вѣрой въ конечную побѣду добра, хотя и въ отдаленномъ будущемъ. Къ тому же эта религія, въ которой живую форму божества былъ огонь, отвергала идолопоклонство, не допускала изображенія боговъ ни изваяніемъ, ни живописью. Въ этомъ отношеніи, какъ и въ религіозныхъ преданіяхъ, касающихся перваго человѣка и грѣхопаденія, обнаруживается явное сходство маздеизма съ Моисеевой религіей. Въ сущности близость одной религіи къ другой идетъ еще дальше: въ своемъ почитаніи Ормузда и въ отвращеніи къ Ариману, къ этому сатанѣ Зороастрова міросозерпанія, послѣдователи его, персы, были уже на пути къ единобожію, хотя оно и не было у нихъ возведено въ догматъ, какъ у евреевъ. Что сходство вѣрованія у этихъ народовъ не только существовало, но и сознавалось взаимно, это подтверждается какъ расположеніемъ, какое обнаружили персидскіе цари къ несчастному израилю, оплакивавшему свою горькую судьбу «на рѣкахъ Вавилонскихъ», такъ и кроткою покорностью возвратившихся изъ плѣна іудеевъ своимъ новымъ повелителямъ, которые позволили имъ возстановить стѣны Іерусалима и воспѣвать хвалу Іеговѣ во вновь отстроенномъ храмѣ.

Израиль—вотъ народъ, къ которому обращены самыя теплыя

симпатии автора «Законовъ истории». Этому народу, болѣе чѣмъ всякому другому, предназначено было предъуготовить наступленіе совершенной формы идеала добра. Онъ былъ первымъ на землѣ представителемъ чистаго монотеизма, онъ создалъ неподражаемую по своей чистотѣ и чарующей простотѣ священную книгу, книгу по преимуществу, Библию; онъ передалъ міру въ немногихъ строкахъ нравственный законъ (десять заповѣдей), грандіозный въ своей простотѣ, обязательный по своему смыслу для всякаго здороваго нравственнаго чувства и составляющій, по мнѣнію г. Бенлѣва, базисъ всякаго образованнаго общества. Но, кромѣ этого краткаго закона, такъ категорически поставившаго въ обязанность израилю не знать никакого Бога, кромѣ Іеговы, такъ мудро выставившаго условіемъ счастья и долготѣія почитаніе родителей, такъ предусмотрительно установившаго день покоя, нужный столько же для тѣлеснаго отдыха отъ недѣльныхъ трудовъ, сколько и для удовлетворенія потребностей религіознаго чувства, были даны израилю законодателемъ и другія наставленія, между которыми не все было такъ чисто и возвышенно, какъ написанное на синайскихъ скрижаляхъ. Къ этому присоединялась сложная религіозная практика, сводившая религію на исполненіе внѣшнихъ формъ и предписаній ритуала. А между этими предписаніями были и такія, которыя шли прямо въ разрѣзъ съ спиритуализмомъ религіи, основанной на поклоненіи невидимому Богу. Таково было требованіе кровавыхъ жертвъ для примиренія съ божествомъ или для воздаянія ему благодарности — черта языческая, недостойная высокаго культа служенія безплотному Богу; таково было обрѣзаніе, служившее слишкомъ грубымъ признакомъ союза съ Богомъ сыновей израиля. Правда, въ позднѣйшемъ развитіи религіозной мысли еврейскаго народа, въ ученіи пророковъ, эти кровавыя жертвы и обрѣзаніе подчиняются высшимъ требованіямъ религіозно-нравственнаго закона и не имѣютъ настоящей спасительной силы безъ чистоты сердца и внутренняго благочестія. Но при всемъ этомъ, въ нравственномъ идеалѣ израиля оставалась слабая сторона, которая рѣшительно отдаляла его отъ совершенства. Она заключалась въ томъ, что служеніе Іеговы у еврейскаго народа было соединено съ ожиданіемъ за вѣрность этому служенію видимой награды, вѣнцомъ которой было господство этого племени надъ всѣми народами земли, господство не только духовное, но и матеріальное. Эта идея одушевляла религіозную жизнь

израиля во всё времена его національнаго существованія. Она давала ему силу переносить всяческія бѣдствія, какія обрушивались на него въ политической жизни, и заставляла его удваивать ревность къ вѣшнему исполненію закона. Но она внушала ему также презрѣніе къ другимъ народамъ и двигала его на борьбу съ ними даже и тогда, когда по всёмъ человѣческимъ расчетамъ исходъ ея могъ привести, слабій въ государственномъ смыслѣ народъ къ окончательной гибели. Это и случилось, когда онъ въ увѣренности, что пришло, наконецъ, время мессіи, его избавителя, бросился въ борьбу съ могуществомъ Рима. Иерусалимъ въ 70 году нашей эры былъ разрушенъ до основанія, вся Іудея была опустошена, уцѣлѣвшій отъ погрома народъ былъ разсѣянъ по всей землѣ. Даже и въ этомъ состояніи, лишенный своего храма, своей страны, національнаго существованія, подвергаемый въ продолженіе вѣковъ униженіямъ и оскорбленіямъ со стороны тѣхъ самыхъ народовъ, надъ которыми онъ думалъ властвовать, израиль не утратилъ вѣры въ идею своего превосходства предъ другими народами и надежды на будущее свое торжество подъ властію ожидаемаго мессіи. Мессія изъ его среды дѣйствительно вышелъ и заставилъ себя поклоняться народы, но царство этого Мессіи, какъ Онъ самъ не разъ заявлялъ, «не отъ міра сего».

Съ появленіемъ христіанства, религіи всемірнаго братства и равенства, религіи примиренія человѣка съ богомъ, чистоты сердца и нравственнаго совершенства, подготовительный періодъ осуществленія идеала добра кончился. Все, что было лучшаго, спасительнаго, высокаго въ другихъ религіяхъ здѣсь соединилось для того, чтобъ обновить человѣка и дать новую жизнь человѣчеству безъ различія племенъ. Появился нравственный идеалъ, одинаково понятный сильному и слабому, богатому и бѣдному, мудрому и простому, эллину и іудею; явилась дѣйствительно всемірная религія, всѣхъ къ себѣ призывающая, никого не отвергающая, всёмъ доступная и всёмъ обѣщающая успокоеніе, особенно же тѣмъ, кто страдалъ по несправедливости людской, кто былъ гонимъ за правду, для кого жизнь земная была полна горя и страданій. Она учила любви къ ближнему, забвенію обидъ, снисходительности къ чужимъ заблужденіямъ, кротости, самоотверженію. вмѣстѣ съ тѣмъ она внушала, что есть Богъ, который видитъ наши дѣла, есть Провидѣніе, которое не оставляетъ слабыхъ и несчастныхъ на жертву судьбы,

учила, что придетъ день, въ который несчастье будетъ утѣшено, когда не будетъ ни слезъ, ни воздыханія, а настанетъ блаженство несказанное, безконечное. Она не навязывала своимъ послѣдователямъ, какъ другія религіи, не исключая и Моисеевой, утомительнаго исполненія обрядностей, не требовала приношенія жертвъ, ни во что не ставила внѣшнее благочестіе, а прямо требовала служенія Богу духомъ и истиной.

Никто не будетъ спорить, что въ этомъ ученіи достигнуть идеаль совершенный, идеаль добра и человѣческой нравственности. Для всякаго историческаго изслѣдователя несомнѣнно, что съ появленіемъ христіанства начался новый періодъ въ жизни человѣчества. Поэтому авторъ «Законовъ исторіи» не погрѣшилъ противъ истины, устанавливая новый историческій циклъ съ того момента, какъ религія Христа явилась воплощеніемъ новаго идеала. Но при проведеніи этого цикла по тѣмъ же степенямъ, какія такъ наглядно представлялись по отношенію къ развитію идеала красоты, онъ возбуждаетъ въ читателѣ не мало недоумѣній. Историческій циклъ, въ которомъ нашелъ свое выраженіе идеаль добра, авторъ «Законовъ исторіи» соединяетъ съ исторіей христіанства. Но исторію эту онъ начинаетъ со времени Константина Великаго, тремястами лѣтъ позже проявленія въ мірѣ христіанской идеи. Кончаетъ онъ ее на порогѣ нашего столѣтія, между тѣмъ какъ и послѣ 1800 г. христіанство продолжаетъ существовать какъ высшая и всемірная религія, распространившаяся по всѣмъ частямъ свѣта и расширяющая постоянно свои предѣлы все далѣе и далѣе. Всѣ эти недоумѣнія съ точки зрѣнія автора разсѣваются легко. Начиная новый циклъ временемъ Константина, онъ основывается на томъ, что только въ началѣ IV столѣтія христіанская идея получила официальное признаніе; оканчивая его 1800 годомъ, онъ имѣетъ въ виду начинающееся въ нашемъ столѣтіи торжество новаго идеала, обусловленное необыкновенными успѣхами науки и переворотомъ во всемъ строѣ жизни, произведеннымъ французскою революціей. Но такъ ли легко оправдывается теорія автора въ подробностяхъ хода этого цикла, теорія, требующая двухъ историческихъ періодовъ, т. е. шести-сотъ лѣтъ, для того, чтобы данный идеаль достигъ своего апогея, трехъ-сотъ лѣтъ для пребыванія идеала въ цвѣтущемъ состояніи, и двухъ новыхъ періодовъ для его нисходящаго

Первый періодъ христіанства отъ Константина до Магомета и до папы Григорія Великаго (300—600) представляетъ собой дѣйствительно нѣчто отдѣльное въ томъ отношеніи, что, съ одной стороны, онъ заключаетъ въ себѣ время преобразованія греко-римскаго міра, сопровождаема паденіемъ Западной римской имперіи и концомъ древней образованности, совершенно уступившей мѣсто христіанскому началу, съ другой—упирается въ начало появленія новой религіи (ислама), которую авторъ называетъ «второстепенною формою идеала добра». Но если усиленіе значенія папъ, начиная съ Григорія I, и продолжающееся распространеніе христіанства на Западѣ и означаетъ дѣйствительно восходящее шествіе новаго начала, то этого никакъ нельзя сказать относительно появленія ислама, вступившаго съ христіанствомъ въ борьбу на Востокѣ и проникшаго даже на крайній западъ Европы, въ Испанію и Португалію. Такимъ образомъ, періодъ отъ 600 до 900 года представляетъ восходящее шествіе идеала въ весьма условномъ смыслѣ, именно въ томъ, что возростаніе папскаго могущества и быстрое распространеніе ислама, какъ религіи чистаго единобожія, въ самомъ дѣлѣ могутъ считаться свидѣтельствомъ энергическаго проявленія въ жизни идеала, нашедшаго свое истинное выраженіе въ христіанской нравственности. Съ этой точки зрѣнія, третій періодъ отъ 900 до 1200 г. вполне можетъ считаться апогеемъ развитія идеала: онъ видѣлъ и необыкновенное высокоуміе папства въ лицѣ Григорія VII, и униженіе императора Генриха IV передъ папою въ Каноссѣ, и крестовые походы, и даже Инновентія III (1198—1216), представившаго собой кульминаціонную точку папскаго величія. Этотъ же періодъ былъ свидѣтелемъ высшаго расцвѣта арабской культуры. Впрочемъ христіанство и, слѣдовательно, идеаль добра сдѣлали въ это время положительныя завоеванія черезъ водвореніе религіи Христа въ Россіи, Польшѣ, Венгріи, Даніи, Швеціи, Норвегіи и Исландіи. Періодъ отъ 1200 до 1500 г. долженъ представлять, по теоріи автора «Законовъ исторіи», начало паденія идеала, и онъ его дѣйствительно представляетъ, если это паденіе равносильно съ умаленіемъ папской власти. Въ это время папской теократіи былъ нанесенъ жестокой ударъ, особенно «авилонскимъ» плѣненіемъ Бонифатія VIII и держаніемъ папъ семьдесятъ лѣтъ въ плѣну въ Авиньонѣ, появленіемъ расколовъ въ католической геревки и усилившимся значеніемъ соборовъ. Къ этому же періоду относится

возрожденіе наукъ въ Италіи, основанное на воскрешеніи языческой древности, и основаніе многихъ университетовъ, въ которыхъ положены были сѣмена новой науки. Періодъ отъ 1500 до 1800 г., послѣдній въ этомъ историческомъ циклѣ, долженъ былъ бы представить крайнее ослабленіе нравственнаго идеала, воплощеннаго въ христіанствѣ. Но въ сущности нѣтъ ничего подобнаго. Подорвана была въ этотъ періодъ только папская власть, да и то далеко не окончательно. Подорвана она была реформаціей и отпаденіемъ отъ римской церкви всего Сѣвера западной Европы, развившимся въ протестантскихъ, а затѣмъ и въ католическихъ странахъ свободомысліемъ, усиленіемъ и торжествомъ свѣтскаго начала въ государствахъ, развитіемъ наукъ и литературы, скептической философіей XVIII вѣка и, наконецъ, революціей, объявившей себя противъ всякаго авторитета и религіозной нетерпимости, въ защиту гражданской справедливости и правъ разума. Но всѣ эти обстоятельства, одно за другимъ наносившее удары преобладанію папской власти, не только не понизили начала добра у христіанскихъ народовъ, но содѣйствовали, съ одной стороны, его очищенію отъ искаженій, причиненныхъ ему папскимъ авторитетомъ, съ другой—распространенію понятія о немъ въ массахъ, въ которыхъ съ каждымъ вѣкомъ усиливалось просвѣщеніе. Но нельзя сказать и того, чтобы три вѣка, слѣдовавшіе за Возрожденіемъ въ Италіи, нанесли папской власти ударъ смертельный. Она нашла себѣ цѣлую армію самыхъ искусныхъ защитниковъ въ основанномъ въ 1540 году орденѣ іезуитовъ; она утвердила свою власть въ южной Америкѣ; она не разъ давала чувствовать свою силу въ Европѣ даже и въ послѣднее время; она имѣла, наконецъ, смѣлость объявить себя непогрѣшимой и не безъ успѣха выдерживаетъ борьбу съ государствами за преобладаніе своей идеи въ народныхъ массахъ.

Вообще во всемъ своемъ разсужденіи объ историческомъ циклѣ, которому онъ придаетъ названіе «циклъ идеала добра» авторъ поступаетъ, по крайней мѣрѣ съ виду, произвольно отъ начала до конца. Начать этотъ циклъ лишь съ признанія Константиномъ христіанства, смотрѣть на развитіе идеала добра, какъ на усиленіе папскаго могущества и въ ослабленіи этого послѣдняго видѣть признакъ оставленія обществомъ «высотъ идеала для сближенія съ дѣйствительностью»—во всемъ этомъ замѣчается много такого, что возбуждаетъ недоумѣніе, если не прямо ошибочно. Особенно же нельзя

видѣть наибольшаго выраженія идеала добра въ папской теократіи и нельзя въ болѣе приложеніи его къ дѣйствительной жизни находить низведеніе его съ высоты. Это тѣмъ болѣе можетъ показаться страннымъ, что авторъ живѣйшимъ образомъ сочувствуетъ и реформаціи, и утвердившейся вслѣдствіе ея свободѣ мысли, и могущественному дѣйствію на умы французской литературы XVIII столѣтія, и нѣмецкой философіи, подвизавшей, по его мнѣнію, авторитетъ церкви болѣе, чѣмъ это сдѣлали Вольтеръ, Руссо и энциклопедисты и, наконецъ, французской революціи, потрясшей старый феодальный, средневѣковой міръ въ его основаніяхъ. Но дѣло въ томъ, что авторъ «Законовъ исторіи», соединяя торжество идеала добра съ видимымъ торжествомъ христіанской церкви, долженъ былъ говорить о паденіи этого идеала къ началу нынѣшняго столѣтія уже затѣмъ, чтобы дать въ нѣшнемъ столѣтіи мѣсто царству новаго, высшаго идеала, не исключающаго предыдущіе, а скорѣе поглощающаго ихъ, — идеала истины.

Итакъ человѣчество прожило царство двухъ идеаловъ, и мы вступили въ историческій періодъ, или въ цѣль идеала истины, въ царство того идеала, которому принадлежитъ будущность человечества. Такъ, по крайней мѣрѣ, увѣряетъ насъ авторъ «Законовъ исторіи». Но что такое идеалъ истины? Это — царство науки, раскрывающей законы жизни во вселенной, умѣющей пользоваться силами природы и дѣйствующей къ устройству жизни на разумныхъ началахъ. Царство это ближайшимъ образомъ подготовлено, съ одной стороны, необыкновенно сильнымъ научнымъ и философскимъ движеніемъ послѣдней четверти прошлаго столѣтія, съ другой — началомъ самоуправленія, выработавшимся въ Англіи, перенесеннымъ на дѣвственную почву Новаго Свѣта, прочно утвердившимся тамъ со времени завоеванія независимости Соединенными Штатами и пробужденнымъ къ жизни въ старой Европѣ французскою революціей. Конецъ XVIII вѣка былъ ознаменованъ «Критикою чистаго разума» Канта, великими открытіями въ физикѣ (Гальвани и Вольта), въ химіи (Лавуазье), въ зоологіи, сравнительной анатоміи и палеонтологіи (Кювье), въ астрономіи (Лапласъ). открытіемъ новой планеты — Урана (Гершель) и новаго материка — Австраліи (Кукъ). Явилось стремленіе изслѣдовать природу во всѣхъ отношеніяхъ, стремленіе подчинить ее уму человѣка, извлечь изъ нея все, что она можетъ дать для увеличенія нашего благосостоянія, сдѣлать изъ земли

удобное и съ комфортомъ устроенное обиталище человѣчества. «Всеобщій неудержимый полѣтъ—говорить авторъ—увлекаетъ въ наши дни всѣ классы общества къ вершинамъ истиннаго». Судя по научнымъ успѣхамъ, сдѣланнымъ въ сравнительно короткій промежутокъ времени, равно какъ по многимъ примѣрамъ самоотверженнаго мужества изслѣдователей, которые съ неогнѣнными жертвами проникаютъ въ самыя отдаленныя и неудобныя для пребыванія европейскаго человѣка части земли, открываютъ новыя рѣки, горы, населенія, поднимаются въ удаленныя отъ земли слои атмосферы, не боятся никакой заразы, являясь на помощь страждущему человѣчеству, трудно и представить себѣ, какъ далеко современемъ уйдетъ родъ человѣческій въ познаніи истины. Авторъ основательно замѣчаетъ, что это познаніе, конечно, не можетъ переступить границъ нашего разума, которому никогда не удастся «разрѣшить загадки вселенной». Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рисуетъ въ своемъ воображеніи картину, когда человѣчеству, совершившему свое нормальное развитіе, придется жить на нашей планетѣ при условіяхъ гораздо болѣе трудныхъ, чѣмъ съ какими оно имѣетъ дѣло въ настоящее время. Тогда, говоритъ онъ, придется можетъ быть наукѣ «вступить въ борьбу противъ революціи въ тысячу разъ болѣе страшной, чѣмъ тѣ, какія потрясали общество». Можетъ притти, говоритъ онъ далѣе, моментъ, когда умъ человѣческій будетъ бороться съ космическими силами и, «если вычисленія нашихъ астрономовъ и нашихъ физиковъ—не чистыя гипотезы, моментъ этотъ долженъ притти рано или поздно». Говоря это, авторъ заглядываетъ въ такую даль, о которой мы не можемъ составить себѣ еще никакого яснаго представленія.

Дѣйствительно, трудно вообразить себѣ всю ту сумму завоеваній, какія сдѣлаетъ со временемъ наука, когда она достигнетъ апогея своего развитія. Время этого развитія, сообразно теоріи г. Бенлѣва, должно наступить чрезъ семь-сотъ лѣтъ, примѣрно въ 2500—2600 году нашего лѣтосчисленія. Авторъ «Законовъ исторіи»—приверженецъ теоріи постояннаго прогресса и въ одномъ мѣстѣ прямо высказываетъ, что законъ прогресса управляетъ міромъ, и потому онъ не сомнѣвается, что родъ человѣческій къ этому времени сдѣлаетъ чудеса, чтобы придать землѣ возможную красоту и плодородіе, чтобы проникнуть въ ея глубины и высоты; быть можетъ онъ приспособитъ къ лучшему обитанію какъ холодныя полярныя страны,

такъ и знойную середину Африки; будетъ, наконецъ, сдѣлано все возможное для того, чтобы возвысить человѣческую расу въ тѣлесномъ, умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ.

Таковы будутъ усилія науки къ осуществленію идеала истины. Но на какой почвѣ они будутъ развиваться? Какого они требуютъ политическаго и общественнаго состоянія, которое бы могло идти съ ними въ уровень и содѣйствовать въ жизни осуществленію царства истины?

Авторъ «Законовъ исторіи» убѣжденъ, что дѣйствительную почву для умственнаго, нравственнаго и общественнаго прогресса могутъ дать только страны, стремящіяся къ возможно большому развитію самоуправленія. Въ статьѣ о self-government въ Англии и Америкѣ онъ показываетъ, какой сильный рычагъ къ прогрессу умственной и общественной жизни представляетъ политическая свобода. Научные дѣятели могутъ быть во всякой странѣ, но царство истиннаго, говоритъ онъ, не можетъ опираться лишь на разумъ и знанія небольшого количества ученыхъ, а требуетъ того, чтобы цѣлыя массы населенія были посвящены нѣ начала науки и политическаго устройства. Въ статьѣ о французской и аѳинской демократіи онъ указываетъ между прочимъ на фактъ, какъ быстро двинулось развитіе аѳинянъ, когда они достигли политической свободы и торжества демократіи, послѣ законодательства Солона и особенно Клизѳена. Быстрое возрожденіе Франціи послѣ недавней войны, поставившей было ее на край гибели, можно приписать, главнымъ образомъ, установленію республики, честь водворенія которой авторъ приписываетъ Тьеру. Считаая политическую свободу и самоуправленіе необходимымъ условіемъ осуществленія въ человѣческихъ обществахъ царства истины, авторъ съ особеннымъ удовольствіемъ останавливается на Америкѣ. Въ Соединенныхъ Штатахъ онъ видитъ государство, прежде другихъ пришедшее къ цѣли, преслѣдуемой европейскою расой, именно: «осуществить идеалъ истиннаго и заставить его сіять во всѣхъ частяхъ земного шара заразительностью примѣра и зрѣлищемъ благополучія, достигнутаго благодаря удовлетворенію матеріальныхъ потребностей, равно какъ и требованіямъ знанія и науки». Особенно благоприятное условіе для осуществленія этого идеала въ Америкѣ заключается въ томъ, что великая заатлантическая республика ничего не заимствуетъ у прошедшаго, кромѣ истинъ, доказанныхъ разумомъ, фактовъ, составляющихъ до-

стояніе науки, и нѣкоторыхъ учреждений, вызываемыхъ самою необходимостью благоустроенной жизни. Но въ ней нѣтъ ни привилегированныхъ сословій, ни господствующей религіи, ни застарѣлыхъ предрасудковъ, вошедшихъ въ кровь Европы. Не будь у Европы такого большого груза, доставшагося ей отъ временъ минувшихъ, плоды французской революціи были бы другіе. Авторъ особенно останавливается въ этомъ случаѣ на политическихъ притязаніяхъ дворянства и католическаго духовенства и на стремленіи ихъ всѣми силами противоудѣйствовать торжеству принциповъ новаго времени.

Въ главѣ «Настоящее и будущее» г. Бенлѣвъ, говоря объ антагонизмѣ принциповъ стараго съ новымъ въ Европѣ, находитъ, что во всѣхъ европейскихъ государствахъ, не исключая Россіи и даже Турціи, старый порядокъ вѣщей уступаетъ новому, что въ самыхъ отсталыхъ странахъ уже пробило себѣ дорогу выборное начало въ управленіи, что ни одно правительство не оспариваетъ болѣе у народа права вмѣшиваться въ дѣла государственныя. Такой ходъ прогрессивнаго движенія онъ приписываетъ на материкѣ Европы толчку, данному французскою революціей. Эта же революція, по его мнѣнію, пробудила въ нашемъ столѣтіи къ жизни и національности, страдавшія подъ игомъ завоевателей. При этомъ естественно возникаетъ рѣчь о восточномъ вопросѣ. Авторъ «Законовъ исторіи», по видимому, надѣется на справедливое рѣшеніе этого вопроса, которое представитъ каждой изъ національностей Балканскаго полуострова то, что ей принадлежитъ по праву. Но преобладающую роль Россіи въ этомъ вопросѣ онъ считаетъ оконченною: Константинополь сдѣлается вольнымъ городомъ, Франкфуртомъ, или лучше, Вашингтономъ для союзныхъ державъ Балканскаго полуострова, а во вліаніи на славянъ наше отечество встрѣчаетъ сильное противоудѣйствіе со стороны Австріи. Впрочемъ подчиненіе Австріи балканскихъ славянъ онъ считаетъ дѣломъ, по разнымъ причинамъ, трудно осуществимымъ. Что же касается взаимнаго отношенія великихъ державъ, то г. Бенлѣвъ не видитъ опасности для нарушенія европейскаго равновѣсія, послѣ того какъ «русское всемогущество» теперь ограничено, благодаря «соединеннымъ усиліямъ Англіи и Германіи». Не будетъ въ Европѣ никакой господствующей націи, а почетная гегемонія, по его словамъ, будетъ принадлежать той изъ нихъ, «которая окажется болѣе услужъ человѣ-

честву». Три національности, латинская, германская и славянская, спорящая за свое преобладание въ старомъ и новомъ свѣтѣ, не смотря на существованіе элементовъ раздора, могутъ продолжать мирно свое развитіе, скрещиваясь одна съ другой кровью, интересами и политикой. Примѣръ Швейцаріи показываетъ, какъ отдѣльныя народности могутъ жить вмѣстѣ, связанные общими патриотическими узами и соблюдая полное согласіе. Не вступятъ ли современемъ на тотъ-же путь и главные народы Европы?

Авторъ предвидитъ время, когда Европѣ придется столкнуться лицомъ къ лицу съ многочисленнымъ населеніемъ Азіи и Африки. Меньше чѣмъ въ полтораста лѣтъ желѣзныя дороги избороздятъ во всѣхъ направленіяхъ не только всю Европу и Америку, но и Азію и Африку. Народы, изъ которыхъ нѣкоторые и теперь считаютъ себя сотнями милліоновъ, соприкасаясь непосредственнымъ образомъ съ европейской образованностью, могутъ, какъ теперь японцы, вытти изъ многовѣковаго усыпленія и, усвоивъ себѣ плоды нашей культуры, могутъ сдѣлаться страшными. Существуетъ опасность не только для европейскаго преобладанія надъ чуждыми расами, но и для независимости самой Европы, занимающей такое маленькое мѣсто на земномъ шарѣ. Новый поводъ для европейскихъ народовъ оставить взаимную вражду и соединиться въ союзъ большихъ и малыхъ государствъ, на подобіе большихъ и малыхъ кантоновъ швейцарской республики, чтобъ отстоять роль Европы въ судьбахъ рода человѣческаго.

Недалекому будущему предстоитъ также рѣшеніе вопроса социальнаго, вопроса объ устраненіи пауперизма и обезпеченіи ежедневнаго куска хлѣба рабочему населенію. Г. Бенлѣвъ высказывается рѣшительно противъ коммунистической теоріи, какъ такой, которая по его мнѣнію, неизбѣжно возвратила бы человѣчество къ варварству временъ доисторическихъ. Онъ не можетъ допустить, чтобъ бѣдный человѣкъ могъ надѣяться на улучшеніе своей участи безъ труда и сбереженія. Для обезпеченія же труда отъ эксплуатаціи капиталистовъ и отъ непредвидѣнныхъ несчастій, онъ предлагаетъ кооперативныя общества, общества страхованія и вообще тѣ учрежденія, которыя поддерживаютъ узы солидарности между рабочими и вѣрно достигаютъ цѣли улучшенія ихъ участи. Въ числѣ другихъ средствъ, ведущихъ къ улучшенію участи рабочаго класса, авторъ предлагаетъ возможно большее заведеніе ремесленныхъ

школь, изученіе рабочими, кромѣ главнаго своего ремесла, еще другого, побочнаго, которое могло бы доставить точку опоры въ трудные дни безработицы, и, наконецъ, переселеніе въ колоніи при помощи правительства. Авторъ ожидаетъ, по крайней мѣрѣ для Франціи, наступленія момента, когда ремесленные классы, при помощи сбереженій, достигнуть такого обезпеченнаго положенія, что будутъ въ массахъ переходить въ ряды буржуазіи и избѣгать унижительныхъ, напримѣръ, лакейскихъ занятій. Эти занятія будутъ оплачиваться дорого, а это поведетъ къ тому, что европейское общество постарается воспользоваться услугами людей желтой и черной расы, которые за умѣренное вознагражденіе будутъ исполнять служебныя обязанности, не чувствуя къ нимъ никакого отращенія.

Свое разсужденіе о настоящемъ и будущемъ Европы г. Бенлѣвъ заключаетъ указаніемъ на развитіе идеи космополитизма, которая теперь уже ясно выражается въ почтовомъ союзѣ, въ принятіи многими народами десятичной системы, въ разныхъ ученыхъ съѣздахъ, во всемірныхъ выставкахъ и т. п., и на необходимость устройства международнаго ареопага для поддержанія мира между народами. Этотъ ареопагъ долженъ состоять изъ представителей разныхъ государствъ и быть постояннымъ, чтобы рѣшать всѣ вопросы, касающіеся международныхъ отношеній и всячески устранять войну, приносящую столько бѣдствій человѣчеству. Зародышъ этого всемірнаго ареопага уже существуетъ въ настоящее время въ лицѣ шести великихъ европейскихъ державъ, неоднократно рѣшавшихъ спорныя дѣла между государствами. Современемъ въ его составъ могутъ войти Соединенные Штаты, Бразилія, Японія, а за нею и нѣкоторыя другія государства Азіи. Изъ него не исключается и Африка. Ареопагъ мира могъ бы составить двѣ палаты, изъ которыхъ нижняя могла бы состоять изъ болѣе многочисленныхъ представителей, въ число которыхъ входили бы и представители второстепенныхъ и третьестепенныхъ государствъ. Авторъ думаетъ этой палатѣ предоставить преимущественное обсужденіе вопросовъ о налогахъ, бюджетѣ и финансахъ. Онъ имѣетъ въ виду такое состояніе международныхъ отношеній, при которомъ отдѣльныя государства представляли бы собой нѣчто въ родѣ Соединенныхъ Штатовъ Америки. Подобнаго состоянія нельзя не желать, но осуществленіе его принадлежитъ, вѣроятно, еще не близкому будущему.

На этомъ оканчивается основная часть книги г. Бенлѣва. Но авторъ не хотѣлъ остановиться на своихъ философскихъ и историческихъ соображеніяхъ, не представивъ повѣрки имъ въ историческомъ календарѣ и въ новыхъ соображеніяхъ, служащихъ къ подтвержденію проводимыхъ имъ законовъ исторіи. Результатомъ этой дополнительной части труда были двѣ новыхъ главы, представляющихъ читателю, безспорно, весьма интересныя данныя и выводы, на которыхъ намъ послѣ всего сказаннаго нельзя, хотя вкратцѣ, не остановиться. Въ самомъ концѣ книги онъ помѣщаетъ хронологическія таблицы, дающія наглядное понятіе о ходѣ исторіи въ каждомъ ея циклѣ, соответствующемъ царству того или другого идеала, и приложение общей хронологіи къ исторіи нѣкоторыхъ государствъ, а именно: Англии, Германіи, Италіи, Испаніи и Франціи.

Мы не считаемъ нужнымъ говорить объ этой дополнительной части книги съ большою подробностью, ни даже послѣдовательно передавать ея содержаніе. Содержаніе это не вездѣ одинаково интересно и не вездѣ достаточно выдержано. Съ другой стороны, оно представляетъ собой въ значительной степени повтореніе, развитіе и подтвержденіе того, что авторомъ говорилось въ предыдущихъ главахъ.

Самая выдающаяся сторона книги г. Бенлѣва, какъ уже замѣтилъ читатель, заключается въ томъ, что онъ выставляетъ закономъ развитія исторіи совершеніе ея важнѣйшихъ фазисовъ въ полуторо-тысячный періодъ для каждаго изъ нихъ. Поэтому естественно, что онъ прилагаетъ стараніе оправдать свою теорію возможно болѣе осязательными фактами и соображеніями. Говоря вообще, относительно двухъ историческихъ цикловъ, обнимающихъ три тысячи лѣтъ, ему это оправданіе удастся въ довольно осязательномъ видѣ. Слѣдя хронологически за событіями, начинающимися за тысячу слишкомъ лѣтъ до Р. Х., онъ показываетъ, что какъ эти полуторо-тысячные циклы, такъ и ихъ подраздѣленія на періоды въ триста лѣтъ и даже на этапы въ сто пятьдесятъ лѣтъ, болѣе или менѣе совпадаютъ съ крупными фактами исторіи. Теперь онъ идетъ еще дальше и заявляетъ, что въ человѣческомъ мірѣ господствуетъ законъ 15-ти лѣтъ, изъ котораго и вытекаютъ дальнѣйшіе періоды въ 150 лѣтъ, въ 300 и въ 1500. Этотъ законъ 15-ти лѣтъ онъ старается приложить къ исторіи отдѣльныхъ народовъ —

въ Франціи и Англіи въ новое время, къ Греціи и Риму въ древности. При этомъ авторъ ставитъ въ параллель періоды развитія жизни отдѣльнаго нормальнаго человѣка. Этихъ періодовъ, состоящихъ изъ 15-ти лѣтъ, пять, т. е. столько-же, сколько и періодовъ развитія въ каждомъ большомъ историческомъ циклѣ. Въ 15 лѣтъ человѣкъ достигаетъ юношескаго возраста, въ 30—возмужалости, въ 45—наибольшей зрѣлости, въ 60—старости, а 75 лѣтъ составляютъ предѣлы правильно развивавшейся человѣческой жизни. Говоря о періодахъ жизни отдѣльнаго человѣка, средняя продолжительность которой мѣняется сообразно успѣхамъ культуры у каждаго народа, а конечный срокъ въ отдѣльныхъ, хотя рѣдкихъ, индивидуумахъ заходитъ за 140 и даже за 150 лѣтъ, авторъ считаетъ своею обязанностью быть менѣ категоричнымъ; но, въ приложеніи къ исторіи народовъ, законъ 15-ти лѣтъ для него кажется несомнѣннымъ. Французская исторія нашего столѣтія, въ теченіе которой играютъ такую выдающуюся роль года 1815, 1830, 1848, 1870, служить въ его глазахъ «страшнымъ» подтвержденіемъ значенія этого закона въ исторіи.

Для историка., занимающагося изложеніемъ фактовъ жизни у того или другого народа, имѣетъ значеніе только то, что было. При этомъ его пытливость не заходитъ дальше того, когда и какъ бывшее произошло, по какимъ причинамъ произошло, при какихъ условіяхъ, и какія оно имѣло послѣдствія. Для того же, кто погруженъ въ отысканіе законовъ исторіи, важно не только то, существованіе чего подтверждается историческими свидѣтельствами и памятниками, что происходило на памяти исторіи, но и то, что выходитъ за предѣлы всякой исторіи, о существованіи чего можно только предполагать, и даже то, что возможно въ будущемъ, о чемъ можно говорить только гадательно. Мыслителю, желающему объять своимъ умомъ судьбу человѣчества во всей цѣлости, естественно приходитъ на мысль отыскать его начала, опуститься въ глубь временъ такъ далеко, какъ это только могутъ позволить находящіяся въ распоряженіи науки данныя о жизни на нашей планетѣ, равно какъ и заглянуть въ даль будущаго, насколько хватаетъ нашъ умственный глазъ при данномъ состояніи человѣческаго знанія. Въ этомъ случаѣ какъ прошедшее, такъ и будущее заволакивается для насъ густымъ туманомъ, который не даетъ возможности разглядѣть ни одного предмета въ отдѣльности; но если

среди этого тумана замѣчаются хоть какія-нибудь свѣтлыя точки, то трудно не сосредоточить на нихъ своего взора и не попытаться разглядѣть того, что чрезъ нихъ виднѣется. Такъ поступаетъ и авторъ «Законовъ исторіи».

Для того, чтобы раздвинуть предѣлы исторіи, онъ обращается къ даннымъ не только геологій, но и астрономіи. Астрономическія же данныя говорятъ слѣдующее: въ своемъ обращеніи около солнца земля движется по орбитѣ, которая, имѣя эллиптическую форму, имѣетъ неодинаковую степень эксцентричности, т. е. земля удаляется въ извѣстные періоды отъ солнца на большее разстояніе, чѣмъ въ другіе. Эта эксцентричность орбиты нашей планеты бываетъ весьма разнообразна. На основаніи вычисленій одного англійскаго ученаго (Croll, въ *Quarterly Review*, July, 1879), обнимающихъ три милліона лѣтъ, авторъ говоритъ, что въ послѣднія 25,000 лѣтъ эксцентричность орбиты земли была нѣсколько значительнѣе, чѣмъ она теперь, затѣмъ въ періодъ 30,000 лѣтъ, непосредственно предшествующій этимъ 25,000 лѣтъ, она была нѣсколько меньше, такъ что въ теченіе 60,000 лѣтъ разстояніе солнца отъ земли не подвергалось значительнымъ колебаніямъ. Но за 72,000 лѣтъ до нашего времени орбита нашей планеты была въ два раза эксцентричнѣе, чѣмъ въ настоящее время, а 100,000 лѣтъ тому назадъ—въ два съ половиной; въ продолженіе предшествующихъ 50,000 лѣтъ эта эксцентричность была лишь вдвое больше нынѣшней, но за-то въ 60,000 лѣтъ, предшествовавшихъ этой послѣдней цифрѣ, земля отдалялась отъ солнца въ три съ половиной раза больше, чѣмъ въ настоящее время. Это, какъ полагаютъ геологи, и было время ледяного періода, когда на землѣ царствовалъ страшный холодъ и льды доходили въ Европѣ до Швейцаріи. Затѣмъ за 400,000 лѣтъ до настоящаго времени эксцентричность орбиты земли была почти такою-же, какова она нынѣ, а за 800,000 лѣтъ она много превышала эксцентричность ледяного періода. Изъ обозрѣнія этихъ различныхъ очертаній орбиты нашей планеты видно, что на землѣ были періоды, когда она представляла условія, то болѣе, то менѣе благоприятныя для существованія человѣка. Такъ какъ въ теченіе послѣднихъ 60,000 лѣтъ эти условія относительно температуры на нашей планетѣ были сравнительно одинаковы, то нѣтъ никакого риска полагать, что родъ человѣческой сунествовалъ нѣсколько десятковъ тысячъ

лѣтъ, прежде чѣмъ начались для него времена историческія. Геологическія открытія, по видимому, не оставляютъ въ этомъ никакого сомнѣнія.

Теперь вопросъ: какія же обстоятельства ближайшимъ образомъ вызвали въ нашемъ полушаріи родъ человѣческой къ исторической жизни? Почему исторія древнѣйшихъ азіатскихъ государствъ восходитъ лишь за 2700 — 3000 лѣтъ до Р. Х., или за 4500 — 5000 лѣтъ отъ нашего времени, а исторія Египта тысячью слишкомъ лѣтъ предшествуетъ исторіи другихъ извѣстныхъ намъ государствъ древняго міра? И здѣсь являются на сцену астрономическія данныя. Съ эксцентричностью земной орбиты, о чемъ мы сейчасъ говорили, находится въ связи кривизна эклиптики. Эта кривизна эклиптики происходитъ, то въ пользу сѣвернаго, то въ пользу южнаго полушарія. Астрономами опредѣленъ періодъ въ 21,000 лѣтъ, въ теченіе одной половины котораго, т. е. въ продолженіи 10,500 лѣтъ, мы, жители сѣвернаго полушарія, находимся ближе къ солнцу зимой, чѣмъ лѣтомъ, вслѣдствіе чего зимы наши бывають короче и теплѣе, а лѣто дольше и умѣреннѣе, чѣмъ во вторую половину означеннаго періода, когда мы ближе къ солнцу лѣтомъ, а дальше отъ него зимою; съ южнымъ же полушаріемъ въ тоже время происходитъ какъ разъ противоположное. Въ настоящее время мы находимся въ положеніи болѣе выгодномъ, чѣмъ жители южнаго полушарія, пользуемся болѣе продолжительнымъ и умѣреннымъ лѣтомъ и болѣе мягкой и короткою зимою, чѣмъ люди, обитающіе по ту сторону экватора. Этотъ благоприятный для нашего полушарія періодъ начался за 3300 лѣтъ до Р. Х., т. е. именно въ то время, въ которое Египетъ уже явно выступаетъ въ исторіи; вслѣдъ за нимъ, черезъ нѣкоторый промежутокъ, начинаютъ показываться вавилоняне, финикіяне, мидяне и т. д. Египетская культура началась еще въ южномъ полушаріи въ благоприятный для него климатическій періодъ и прошла въ сѣверное вмѣстѣ съ болѣе благоприятными условіями, начавшимися въ климатическомъ отношеніи для послѣдняго, гдѣ, наконецъ, и достигла, по теченію Нила, береговъ Средиземнаго моря. Для другихъ же древнихъ народовъ, переимѣна климата въ сѣверномъ полушаріи, происшедшая пять тысячъ слишкомъ лѣтъ тому назадъ, была столь важнымъ толчкомъ къ культурному развитію, что безъ него оно могло бы замедлиться, быть можетъ, еще на цѣлыя тысячелѣтія.

Если хронологическія данныя, доставляемыя астрономіей, бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на начало исторіи, то они-же могутъ служить и нѣкоторымъ указаніемъ для будущаго. Мы уже говорили, что по исторической теоріи г. Бенлѣва, назначающей для каждаго большаго историческаго цикла 1500 лѣтъ, кульминаціонная точка новой европейской гражданственности должна настать въ 2500—2600 годахъ нашего лѣтосчисленія и затѣмъ черезъ нѣкоторый промежутокъ, именно начиная съ 2800 года, этотъ фазисъ ея долженъ будетъ постепенно склоняться къ пониженію (отъ 2800 до 3400 г.). Какой новый историческій циклъ смѣнитъ тогда начавшійся теперь фазисъ, авторъ «Законовъ исторіи» не знаетъ или, по крайней мѣрѣ, ничего не сообщаетъ намъ; но онъ не колеблется указать на 7000-й годъ нашей эры, какъ на такой, когда для Европы настанетъ время кризиса въ силу неминутаемаго измѣненія положенія нашего полушарія относительно солнца и перехода лучшихъ климатическихъ условій въ южное полушаріе. Здѣсь мы встрѣчаемся съ крайней хронологической точкой, на которую можетъ еще опереться кака-нибудь комбинація; но дальнѣйшій шагъ въ даль будущаго былъ бы, наконецъ, и по словамъ автора, увлеченіемъ въ область химеры, гдѣ уже невозможно никакое трезвое разсужденіе.

Однако, г. Бенлѣвъ остановился въ своихъ гаданіяхъ только на-время. Пересматривая снова въ общихъ чертахъ ходъ исторіи, онъ видитъ, что были на свѣтѣ племена и исчезли, явились другія и, благодаря особенно счастливымъ обстоятельствамъ, заняли мѣсто въ исторіи. Но изъ этихъ историческихъ народовъ, одни, достигши извѣстной степени гражданственности, остановились; дѣло исторіи стали совершать другіе, изъ которыхъ каждый, по видимому, былъ предназначенъ исполнить свою задачу. Ходомъ исторіи несомнѣнно управляютъ законы. Какая же судьба въ концѣ концовъ ожидаетъ насъ? Какой послѣдній удѣлъ человѣчества? Не угрожаетъ ли всему живущему на землѣ конечная и безслѣдная гибель отъ какой-нибудь катастрофы во вселенной, или отъ дѣйствія силъ, скрытыхъ въ нѣдрахъ самой земли и уже не разъ измѣнявшихъ ея поверхность? Или, быть можетъ, настанетъ моментъ, когда жизненная сила оставитъ нашу планету, и она будетъ мертвымъ шаромъ вращаться въ молчаливыхъ пространствахъ вселенной, подобно лунѣ, своему нынѣ безмолвному спутнику? Все, что матеріально, не вѣчно: не только земля и луна, но и вся наша солнечная си-

стема неминуемо разрушится, или распустится, какъ она, въ свое время, составилаь изъ необъятнаго количества космическихъ атомовъ, восемнадцать милліоновъ лѣтъ тому назадъ, согласно новѣйшимъ вычисленіямъ. Но неужели погибнетъ и духъ, дѣйствовавшій въ исторіи и проявляющій себя, безъ сомнѣнія, въ судьбахъ не только земнаго человѣчества? Авторъ «Законовъ исторіи» этого не думаетъ и не можетъ допустить, чтобы законы, управляющіе развитіемъ рода человѣческаго, не входили въ общій планъ мірозданія и чтобы, слѣдовательно, все для человѣческаго духа окончилось съ нашимъ земнымъ существованіемъ. Но тутъ уже дѣйствительный рубежъ всякой человѣческой пытливости. Человѣку не дано знать источника жизни и ея сущности, и только невѣжеству позволительно думать, что ему открыта вся книга премудрости, какъ выразился ученый, слова котораго мы приводимъ ниже.

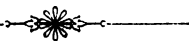
«Правда—говорилъ знаменитый французскій химикъ Дюма, въ одномъ изъ засѣданій «Французской академіи»—мы завоевали землю, измѣрили ходъ планетъ, подвергли вычисленію небесную механику, опредѣлили природу звѣздъ, пробіились сквозь мракъ туманныхъ пятенъ и даже привели въ порядокъ беспорядочное движеніе кометъ; но за звѣздами, для достиженія для насъ свѣта которыхъ требуются вѣка, есть еще звѣзды, лучи которыхъ потухаютъ на пути, а тамъ все дальше и дальше, безъ перерыва и безъ конца, сіяютъ на твердыхъ, о которыхъ наша мысль и не подозрѣваетъ, солнца, которыхъ наши взоры не встрѣтятъ, безчисленные міры, навсегда для насъ закрытые. Если мы, послѣ усилій, продолжавшихся двѣ тысячи лѣтъ, достигаемъ, наконецъ отдаленной оконечности нашей вселенной, которая составляетъ лишь точку въ безмѣрномъ пространствѣ, то мы останавливаемся, нѣмые и полные ужаса, на порогѣ безконечнаго, о которомъ мы ничего не знаемъ. Природа человѣка, его настоящее и будущее существованіе — это непроницаемыя тайны для самыхъ великихъ геніевъ, писалъ Даламберъ на верху своей славы; то, что мы знаемъ, говорилъ умирая Лапласъ, ничтожно, и это было послѣднимъ словомъ знаменитаго соперника Ньютона».

Передъ такими рѣшительными признаніями крайней ограниченности человѣческой мудрости со стороны умовъ самыхъ сильныхъ и самыхъ неустрашимыхъ въ изслѣдованіи законовъ и цѣли мірозданія необходимо приходится склонить свою голову всякому болѣе

скромному мыслителю и ученому. Склоняетъ ее и г. Бендѣвъ, съ грустью заключаая свою попытку проникнуть въ будущее человѣческаго духа и его отношеніе къ общему плану космоса такими словами:

«Будемъ подражать старшимъ и лучшимъ изъ насъ. Покоримся невозможности знать и, заключившись въ тѣсныя границы нашего назначенія, постараемся его выполнить смиренно подъ окомъ того, который есть, былъ и будетъ».

Такъ заключааетъ свою книгу авторъ «Законовъ исторіи». Этимъ покаяніемъ онъ снимаетъ съ себя значительную долю отвѣтственности за неудовлетворительное рѣшеніе вопросовъ, какіе не разъ ставились его неумѣренной пытливостью. Не дѣло историка говорить о томъ, что станется съ человѣчествомъ въ будущемъ, измѣряемомъ не только тысячами, но десятками, сотнями тысячъ, даже милліонами лѣтъ. Не на немъ также лежитъ обязанность проникать въ тайны мірозданія, развертывать передъ собой необъятный планъ космоса и ставить нашему бѣдному уму для разрѣшенія задачи, передъ которыми принуждена отступить, въ сознаніи своего полного безсилія, вся современная наука, а можетъ быть и будущая. При всемъ томъ, книга г. Бендѣва не лишена интереса. Открытые ею законы исторіи подлежатъ сильной критикѣ и, по всей вѣроятности, не найдутъ себѣ въ наукѣ никакого признанія; но, какъ новая попытка бросить свѣтъ на ходъ исторіи, водворить какой-нибудь порядокъ въ хаосѣ событій, нагромоздившихся за шесть тысячъ лѣтъ историческаго существованія человѣчества, она, безспорно, имѣетъ свое право на вниманіе.

ПРОГУЛКА ПО РАЗВАЛИНАМЪ РИМА И ПОМПЕЙ¹⁾.

(По поводу книги г. Гастона Буассье)

I.

Жизнь отдаленныхъ вѣковъ и заключившихъ свое существованіе гражданскихъ обществъ, всегда имѣла для образованныхъ и любящихъ углубляться въ судьбы челоѳчества людей много привлекательнаго. Чѣмъ таинственнѣе для насъ эта прошедшая жизнь, чѣмъ болѣе загадочнаго представляютъ для насъ ея нѣмне памятники, тѣмъ неудержимѣе наше стремленіе постигнуть то, что хранится подъ развалинами исчезнувшихъ городовъ, какой смыслъ таится въ дошедшихъ до насъ скудныхъ и иногда мало понятныхъ письменахъ, что думали, что чувствовали и какъ жили люди, которые ихъ намъ оставили. Самые ничтожные предметы обыденной жизни, которымъ мы въ нашемъ быту обыкновенно не придаемъ значенія, затрогиваютъ въ сильной степени наше любопытство, коль скоро эти предметы дошли къ намъ изъ временъ далекихъ, какъ слѣды жизни минувшихъ поколѣній, не существующихъ болѣе гражданскихъ обществъ, исчезнувшихъ народовъ. Какая-нибудь ничего не стоящая монета, никуда не годный теперь предметъ домашней утвари, осколокъ разбитой вазы, кусокъ надгробной плиты съ остатками нѣсколькихъ буквъ бывшей на ней надписи,

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» №№ 9—10, 1880 г.

заржавѣвшая шпилька, сломанная пряжка—все это насъ интересуетъ, все это мы помѣщаемъ на видныхъ мѣстахъ въ своихъ домашнихъ коллекціяхъ рѣдкихъ и замѣчательныхъ предметовъ, хранимъ въ государственныхъ и общественныхъ музеяхъ, на ряду съ драгоценными произведениями ваянія и живописи. Десятки тысячъ людей всякаго званія и образованія ежегодно приходятъ въ эти музеи и съ молчаливымъ вниманіемъ разсматриваютъ вынутую изъ древней могилы серьгу, булавку, ожерелье, найденный въ землѣ мѣдный котелокъ, какое нибудь орудіе пытки и т. п. Самый необразованный простолюдинъ, самый лѣнливый и невнимательный человѣкъ наостраетъ уши, когда слышитъ рассказъ о томъ, какъ жили люди въ далекую старину, что они пили и ѣли, какъ одѣвались, чѣмъ занимались, во что вѣрили, чего боялись и чему поклонялись.

Но проникать въ смыслъ сохранившихся памятниковъ древности дано не всякому. Требовалась бездна ума, проникательности и терпѣнія, чтобы заставить заговорить предъ нами египетскіе гіероглифы, ассирійскія клинообразныя надписи, чтобы возстановить, хотя въ общихъ чертахъ, преемственную исторію культуры народовъ, въ отдаленнѣйшія времена смѣнявшихъ, вытѣснявшихъ и истреблявшихъ другъ друга въ передней Азіи, въ этой колыбели европейской гражданственности. Но никакія усилія не помогли до сихъ поръ разгадать, напр., письмена одного изъ самыхъ любопытныхъ народовъ древности, обитавшаго въ Средней Италіи, этрусковъ или тирренцевъ, какъ ихъ называли греки, и даже самое происхожденіе этого народа, исторія котораго такъ тѣсно была связана съ судьбами Рима, до сихъ поръ остается неразгаданнымъ. Ни Ланци, ни Отфридъ Миллеръ, ни Ноэль де-Верже, ни Корсенъ, ни Декке, никто не могъ здѣсь завоевать себѣ славы Шампольона и вознаградить себя успѣхами, какіе достались на долю новѣйшихъ египтологовъ, Бругша и Мариэтта, и изслѣдователей ассирійской древности—Раулинсона, Лейарда, Георга Смита, Опперта, Ленормана, Шрадера и другихъ неутомимыхъ дѣятелей на поприщѣ ассиріологии. Но даже и при изученіи памятниковъ быта тѣхъ народовъ, знакомство съ которыми намъ облегчено обширной и вполне доступной литературой, встрѣчаются на каждомъ шагу трудности, возникаетъ бездна сомнѣній и открывается масса неизвѣстнаго. Цѣлыя сотни археологовъ работаютъ надъ разъясненіемъ

памятниковъ, сохранившихся на классической почвѣ Италіи, а до сихъ поръ неизвѣстна даже въ точности топографія римскаго форума и не опредѣлено, какъ слѣдуетъ, назначеніе сохранившихся въ разрушенномъ видѣ зданій Палатина, гдѣ положено было начало вѣчному городу Ромула и гдѣ утвердили потомъ свое мѣсто-пробываніе римскіе императоры. Съ этими трудностями, сомнѣніями и недоумѣніями борются люди, посвятившіе всю свою жизнь изученію древности, близко знакомые съ литературой, оставленной намъ классическими писателями, изощрившіе свое соображеніе въ вопросахъ археологіи ежедневнымъ созерцаніемъ и изслѣдованіемъ археологическихъ памятниковъ, живущіе мыслию и воображеніемъ болѣе въ древнемъ мірѣ, чѣмъ среди своихъ современниковъ. Что же сказать о массѣ образованной публики, которая знаетъ древнюю литературу развѣ по главнѣйшимъ именамъ ея представителей и для которой каждый памятникъ древняго быта—мраморная или бронзовая статуя, стѣнная живопись, даже нерѣдко предметы домашней утвари—представляетъ явленіе, требующее объясненія? Какъ она знакомится съ древностью? Что видитъ, смотря на колоссальныя развалины Адриановой виллы и даже на остатки зданій римскаго форума? Что говорятъ ей эти многочисленные памятники древняго быта, такъ краснорѣчивые въ глазахъ людей, умѣющихъ съ ними бесѣдовать? А между тѣмъ по этимъ памятникамъ можно прочесть цѣлую исторію жизни народа, его чувства и помыслы, узнать его вѣрованія и міросозерцаніе, понять его привычки и наклонности, изучить жизнь общественную и частную, заглянуть въ эту жизнь такъ глубоко, подойти къ ней такъ близко и осязать ее такъ непосредственно, какъ этого намъ не могутъ позволить сами по себѣ ни произведенія поэтовъ, ни разглагольствованія ораторовъ, ни краснорѣчивыя повѣствованія историковъ. Книга г. Гастона Буассье—«Археологическія прогулки» (*Promenades archéologiques. Rome et Pompei. Paris, 1880*) служитъ тому живымъ доказательствомъ.

Имя г. Гастона Буассье не безызвѣстно русской читающей публикѣ. Много разъ я указывалъ на него въ своихъ «Лекціяхъ по исторіи римской литературы», какъ на одно изъ самыхъ видныхъ именъ современной французской учености. Одно изъ его сочиненій, самое обширное, «*La religion Romaine d' Auguste aux Antonins* (Paris, 1874)», появилось даже въ русскомъ переводѣ.

Онъ состоитъ профессоромъ въ Collége de France, въ заведеніи, въ которомъ болѣе трехсотъ лѣтъ находятъ во Франціи убѣжище духъ независимой науки и которое всегда доставляло обширное поприще талантамъ, чуждымъ факультетской рутины и приносящимъ на кафедру широкое и плодотворное знаніе, преподаетъ въ Нормальной школѣ, снабжающей Францію наиболѣе подготовленными учителями, и недавно удостоился выбора въ сонмъ сорока «безсмертныхъ» Французской академіи, удостоился высшей награды, какая можетъ вѣнчать труды даровитаго ученаго. Эта высокая почеть въ странѣ, гдѣ предоставленъ такой просторъ борьбѣ личныхъ честолюбій, досталась г. Гастону Буассье не даромъ. Длинный рядъ ученыхъ трудовъ создалъ ему славу умнаго и даровитаго ученаго, а рядъ блестящихъ статей въ «Revue des deux Mondes» сдѣлалъ его имя популярнымъ въ средѣ многочисленной и чуткой къ проявленіямъ всякаго истиннаго дарованія французской публики. Г. Буассье можетъ служить типомъ солиднаго и вмѣстѣ съ тѣмъ симпатичнаго ученаго, типомъ, водвореніе котораго въ нашей странѣ мнѣ представляется особенно плодотворнымъ и потому въ высшей степени желательнымъ. Глубокое, но чуждое узкой специальности, знаніе, широта воззрѣній, ясность и твердость сужденій, осторожность въ выводахъ и заключеніяхъ, полное художественнаго смысла и доступное всякому образованному читателю изложеніе—вотъ отличительныя черты этого типа, которымъ отличается французскій ученый отъ нѣмецкаго и который былъ бы въ полной гармоніи съ лучшими сторонами нашего національнаго духа, чуждающагося всего узкаго и исключительнаго, равно какъ всего сухого и непривлекательнаго. Первые ученые труды г. Буассье, «Поэтъ Аттій» и «Варронъ», были составлены въ духѣ факультетской науки и были направлены на доказательство авторомъ своей филологической учености. Они доставили ему извѣстность въ средѣ французскихъ и нѣмецкихъ филологовъ, но были еще далеки отъ того, чтобы создать ему славу въ массѣ образованной публики. Впрочемъ въ сочиненіи о Варронѣ, въ своей докторской диссертаци, г. Буассье достаточно показалъ, что онъ не будетъ представителемъ той сухой и безцвѣтной учености, которая съ особеннымъ наслажденіемъ лишь собираетъ въ свои книги цитаты изъ чужихъ сочиненій, читанныхъ и не читанныхъ, но не понимаетъ, что сущность дѣла въ настоящемъ ученомъ трудѣ все-таки не въ цитатахъ и не въ на-

громождени на свои страницы чужихъ мыслей и доказательствъ, а въ усиліяхъ освѣтить своею собственною мыслию и знаніемъ темную сторону вопроса, въ болѣе широкомъ и правильномъ изслѣдованіи того, что не поддавалось ясному рѣшенію у нашихъ предшественниковъ, наконецъ, въ возбужденіи въ другихъ интереса къ самому предмету изслѣдованія. Стоя на уровнѣ современнаго состоянія науки, г. Буассье внесъ въ свое изученіе знаменитаго римскаго полигистора много новыхъ комбинацій на основаніи близкаго знакомства съ исторіей и литературой римлянъ и посредствомъ умнаго и яснаго изложенія предмета сдѣлалъ изъ сухой и скучной во всѣхъ другихъ сочиненіяхъ о Варронѣ темы интересную и для послѣдующихъ изслѣдователей вполне необходимую книгу. Слѣдовавшій за тѣмъ его трудъ подъ заглавіемъ «Цицеронъ и его друзья» былъ капитальнымъ трудомъ французской ученой литературы въ области классической филологіи и доставилъ своему автору громкую извѣстность и широкое значеніе. Онъ вскорѣ былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ и вездѣ былъ признанъ за одно изъ важнѣйшихъ изслѣдованій, касающихся послѣдняго времени римской республики. Тутъ авторъ является не только ученымъ, глубоко изучившимъ интереснѣйшую въ исторіи эпоху, но и первокласснымъ писателемъ, обладающимъ зрѣлостью политической мысли, широкимъ пониманіемъ задачи и самымъ отчетливымъ изложеніемъ. Это была книга, которая привлекла къ себѣ вниманіе всей образованной публики и вмѣстѣ съ тѣмъ ясно указывала, въ чемъ заключается сила французскаго ученаго, занявшаго такое видное мѣсто среди своихъ собратьевъ въ послѣдніе годы имперіи. Г. Гастонъ Буассье сдѣлался однимъ изъ наиболѣе цѣнныхъ сотрудниковъ. «Revue des deux Mondes», гдѣ рядъ умныхъ и талантливыхъ статей по римской литературѣ и исторіи живѣйшимъ образомъ свидѣтельствовалъ, какой животрепещущій интересъ могутъ получить историческіе и литературные вопросы, касающіеся древняго міра, подъ перомъ умныхъ и даровитыхъ ученыхъ, болѣе питающихся произведеніями самой древности, чѣмъ схоластическими диссертаціями и александрійскими трактатами второстепенныхъ и третьестепенныхъ представителей нѣмецкой учености. Его статьи о «Римской исторіи» Моммзена, о Сенекѣ, разные этюды относительно лицъ и событій перваго вѣка имперіи были въ своемъ родѣ образцовыми и находили массу внимательныхъ читателей. Въ 1872 году, когда я лично

познакомился съ г. Гастономъ Буассье, онъ былъ занятъ большимъ трудомъ о римской религи, который и вышелъ въ 1874 году въ двухъ томахъ подъ указаннымъ выше заглавiемъ. Два года спустя было издано имъ новое, составленное большею частiю изъ ряда этюдовъ, появлявшихся на страницахъ «Revue des deux Mondes», большое и интересное сочиненiе, подъ заглавiемъ «L'opposition sous les Césars». Продолжая свои занятiя римскою древностью, г. Буассье сталъ послѣднiе годы заниматься археологическими вопросами; результатомъ этихъ занятiй и явилась книга, подавшая поводъ къ нашей бесѣдѣ съ читателемъ «Историческаго Вѣттника». Книга эта составлена также изъ статей «Revue des deux Mondes», начало которыхъ относится къ концу 1876 года; но, рѣшившись собрать ихъ въ одну книгу, авторъ предпринялъ нарочно новое путешествiе въ Италию, чтобы все, что говорится имъ относительно раскопокъ, производящихся ежедневно въ Римѣ, въ Помпеяхъ и въ другихъ мѣстахъ, свидѣтельствовало о состоянiи ихъ въ послѣднiе мѣсяцы.

«Археологическiя прогулки» г. Гастона Буассье—превосходная, въ высшей степени интересная книга. Главная часть ея посвящена Риму, а въ римѣ форуму, Палатину и христіанскимъ катакомбамъ; изъ Рима французскiй ученый ведетъ своихъ читателей въ тибуртинскую виллу Адриана, затѣмъ предпринимаетъ съ ними экскурсію въ Остію, въ морской портъ всемирной столицы, и, наконецъ, удаляется въ Помпеи. Мѣста, которыя посѣщаетъ авторъ «Археологическихъ прогулокъ» многимъ изъ насъ хорошо знакомы. Кто изъ путешествовавшихъ по Италиі не видалъ развалинъ римскаго форума? кто не поднимался на Палатинъ посмотреть на жилища римскихъ кесарей? кто, проживая зиму въ Неаполѣ, не ѣздилъ нѣсколько разъ погулять по узкимъ улицамъ воскресшихъ изъ подъ пепла Везувiя, съ своими домами, стѣнною живописью, всею домашнею утварью, Помпей? Но въ томъ-то и дѣло, что тамъ, гдѣ многіе изъ насъ видѣли только развалины, читая книгу г. Буассье, мы видимъ уже цѣльныя зданiя, въ пустыхъ домахъ мы видимъ полную обстановку, видимъ, какъ хозяева принимаютъ гостей, какъ жильцы дома сидятъ за столомъ, читаютъ книги или слушаютъ, какъ читаютъ другіе, видимъ, гдѣ они спятъ, какъ они встаютъ, выходятъ изъ дома, встрѣчаются съ знакомыми, видимъ, какъ они сидятъ въ циркѣ, принимая живѣйшее участiе въ томъ, что про-

исходить на ристалищахъ, освистывая возницу одного цвѣта и аплодируя другимъ, присутствуютъ въ амфитеатрѣ при бояхъ гладиаторовъ, убивающихъ другъ друга или вступающихъ въ схватку съ львами, тиграми, леопардами, гиенами и тому подобными свирѣпыми животными. Древній Римъ оживаетъ, и предъ нашими глазами происходятъ шумныя сцены форумъ. Мы слышимъ ораторовъ, голосъ которыхъ громко раздается по всей площади съ высоты трибуны, украшенной корабельными носами, и видимъ многочисленную публику, толпящуюся, за неимѣніемъ мѣста на площади, на ступеняхъ храмовъ, на капитолійскомъ спускѣ или на крышахъ сосѣднихъ зданій. Мы отправляемся въ Остію, и передъ нами уже не развалины, а роскошный и богатый городъ, въ гавани котораго не достаетъ мѣста для множества судовъ изъ Греціи, Малой Азіи и Африки; мы видимъ какъ многочисленная толпа шумно привѣтствуетъ появленіе на горизонтѣ парусовъ, подъ которыми идутъ суда изъ Египта, нагруженные хлѣбомъ, котораго уже давно ждетъ, привывшее жить на счетъ казны, римское населеніе. Помпеи теперь для насъ уже не мертвый городъ, состоящій лишь изъ домовъ и улицъ: по этимъ улицамъ такъ и суетъ народъ, шумный, крикливый, какъ и теперешній народъ Неаполя; передъ нами воскресаютъ магазины, пекарни, лавки съ горячими напитками, постыльные дворы и гостинницы; вотъ толпа читаетъ афиши, рекомендующія кандидатовъ въ городское управленіе, вотъ школьники выбѣжали изъ училища и чертятъ острымъ грифелемъ на стѣнахъ стихи Вергилія или Овидія, вотъ молодые и праздные люди, ищущіе любовныхъ приключеній; а вотъ идетъ и мѣстный тузъ Гольконій, который не пожалѣлъ денегъ на перестройку обрушившагося театра, котораго почтительно привѣтствуетъ толпа и который постоянно выбирается населеніемъ въ почетныя должности.

Перенестись на время цѣликомъ въ эту далекую отъ насъ жизнь такъ и подстрекаетъ любопытство. Пойдемте же, читатель, и посмотримъ на эти столь краснорѣчивыя теперь развалины ближе. Насъ приглашаетъ пойти съ нимъ чичероне, на котораго можно положиться, г. Буассье, профессоръ въ Collège de France, членъ французской академіи. Онъ, правда, съ вами мало знакомъ и писалъ свою книгу не для русской, а для французской публики, у которой не тотъ вкусъ къ древности, какъ у насъ, и болѣе чуткое пониманіе. Но я самъ бывалъ не разъ въ Римѣ и Помпеяхъ;

также, какъ и онъ, многое видѣлъ и кое-что изучалъ, хотя и не съ такими средствами. Видѣ у насъ нѣтъ въ Римѣ, какъ у французовъ, ни академіи художествъ, ни археологической школы. Мы, русскіе, вездѣ предоставлены самимъ себѣ; даже и въ посольство, въ которомъ трудно бываетъ найти человѣка, говорящаго по-русски, никогда не заглядываемъ. Мы принуждены всюду сами себя рекомендовать и считаемъ за особенную благодать, если капитолийскіе нѣмцы пускаютъ насъ въ свою бібліотеку и грубо не отказываютъ принять насъ въ свою свиту при обзорѣннн музеевъ.

Ц

Итакъ, до встрѣчи съ г. Гастономъ Буассье послѣдуйте за мною. Вотъ мы пріѣхали въ Римъ. Выходимъ изъ вокзала желѣзной дороги и видимъ колоссальныя мрачныя развалины. Это еермы, или попросту, бани, построенныя императорами Діоклетіаномъ и Максиміаномъ. Онѣ были такъ обширны, что въ нихъ могли мыться, натираться оливковымъ масломъ и купаться въ бассейнахъ одновременно три тысячи двѣсти человѣкъ. Въ былое время это громадное зданіе было украшено великолѣпными портиками; внутри его были роскошныя залы, широкіе дворы, сады, алеи, школы для атлетическихъ упражненій; въ немъ помѣщалась великолѣпная бібліотека, перенесенная Діоклетіаномъ съ форума Траяна, картинная галлея—словомъ, это было одно изъ замѣчательныхъ зданій, въ которомъ римская публика IV вѣка нашей эры могла проводить день съ удовольствіемъ и съ пользою. Теперь внутри этого зданія устроены между прочимъ двѣ церкви—св. Бернарда и св. Маріи Ангельской (Santa Maria degli Angeli). Но намъ некогда разсматривать громаднаго Діоклетіанова сооруженія. Мы садимся въ омнибусъ и спускаемся съ Квиринала къ Марсову полю, на мѣстѣ котораго находится главная часть теперешняго Рима, и направляемся къ площади Минервы. Храма римской богини, построеннаго Помпеемъ, мы тамъ не увидимъ; на его мѣстѣ и изъ его развалинъ сооруженъ храмъ Богородицы. Мы просто хотимъ основать въ знаменитой гостинницѣ Минервы, содержимой обществомъ иезуитовъ, свое мѣстопробываніе въ вѣчномъ городѣ, чтобы быть вблизи Пантеона и, главное, Капитолія. Мы устали съ дороги, но отказыва-

емся отъ обѣда и отдыха, желая немедленно взглянуть хоть однимъ глазомъ на вблизи насъ находящіяся мѣста, съ именами которыхъ соединены вся слава и величіе великаго Рима. Мы выходимъ изъ гостинницы и черезъ пять минутъ подходимъ къ Капитолію. Грудь наша волнуется, насъ охватываетъ священный трепеть.

Такъ, съ спертымъ дыханіемъ и усиленно бьющимся сердцемъ, поднимался я 26 августа 1863 года въ первый разъ на священную гору, сѣдалище Юпитера капитолійскаго, которому со временъ Ромула римскіе полководцы посвящали «жирную добычу», *spolia opima*, и къ ногамъ котораго триумфаторы клали вѣнонь, въ знакъ торжественной благодарности за могущественное покровительство римскому народу, величавшему своего великаго бога эпитетами: *Optimus*, *Maximus*. Ни двѣ колоссальныхъ статуи Диоскуровъ, ни такъ называемые трофеи Марія, ни даже великолѣпная бронзовая статуя Марка Аврелія на конѣ, украшающая середину площадки, составляющей центральный пунктъ Капитолія, меня не останавливаютъ дольше нѣсколькихъ мгновеній. Передъ святостью мѣста, передъ величіемъ историческихъ о немъ преданій теперешнія украшения его теряютъ значеніе. Нѣтъ желанія итти немедленно и въ капитолійскій музей съ его знаменитымъ Фавномъ краснаго цвѣта и Венерой изъ паросскаго мрамора, копіей Книжкой Венеры Праксителя, съ его умирающимъ гладиаторомъ и со множествомъ другихъ неоцѣнимыхъ сокровищъ древняго искусства. Не до единичныхъ предметовъ, когда историческія воспоминанія о судьбѣ великаго народа, съ высоты своей священной горы смотрѣвшаго на разстилавшуюся у его ногъ вселенную, давать голову. Два шага въ лѣво, спустъ на другую сторону и передо мной картина, о которой едва смѣло когда-либо мечтать воображеніе—римскій форумъ, съ его арками, колоннами и развалинами, съ видомъ Колизея прямо передъ глазами и съ дворцами императоровъ вправо на Палатинѣ. Голова моя буквально закружилась и я, опершись на перила, долго стоялъ въ нѣмомъ молчаніи. Когда, нѣкоторое время спустя, я пришелъ въ себя отъ ослѣбленія, мнѣ вспомнился Гёте, писавшій изъ Рима друзьямъ: «снѣ, теперь вы можете думать, что я счастливъ». Былъ счастливъ и я въ эту минуту. На глаза навернулись слезы.

Вотъ куда мы съ вами пришли, любезный читатель! Передъ нашими глазами памятники величавой исторіи. Ихъ не истребили

въ конецъ тысячелѣтїа, они будутъ стоять новыя тысячелѣтїа, и человѣчество будетъ созерцать ихъ съ тѣмъ же благоговѣнїемъ. Посмотримъ же на нихъ ближе, коль скоро судьба привела насъ своими глазами видѣть мѣста, имена которыхъ языкъ нашъ привыкъ произносить съ ранняго дѣтства, мѣста, на которыхъ болѣе тысячи лѣтъ разыгрывалась одна изъ величайшихъ драмъ человѣческой исторїи. Мы будемъ дѣлать нашу прогулку не одни: съ нами, на всякій случай руководитель, на котораго я указалъ вамъ въ самомъ началѣ.

Грандіозныя развалины, представляющіяся нашимъ глазамъ съ Капитолійскаго спуска, эти восемь гранитныхъ колоннъ храма Сатурна, три мраморныхъ колонны портика храма Веспасїана, арка Септимїа Севера, три изящныхъ колонны изъ пентелійскаго мрамора, поддерживающія капители храма Диоскуровъ, мраморный полъ Юліевой базилики, остатки мостовой священной улицы, развалины разныхъ храмовъ и другихъ сооружений, какъ у подножїа Капитолїа, въ равнинѣ, составлявшей пространство римскаго форума, такъ и по ея окружности въ сторону Палатина, Эсквилина и Виминала въ одинъ мигъ переносятъ насъ въ древность; но въ этой древности надобно разобраться. То, что мы называемъ римскою древностью, обнимаетъ собой періодъ по крайней мѣрѣ въ двѣнадцать съ половиною столѣтїй, и всѣ эти столѣтїа оставляли свой слѣдъ въ этихъ мѣстахъ, которыя у насъ теперь передъ глазами и которыя всегда служили центромъ жизни древняго Рима. Было время, когда римскій форумъ, въ послѣдствїи средоточїе политической жизни народа, подчинившаго себѣ вселенную, былъ грязнымъ болотомъ, въ водахъ котораго въ первые дни существованїа города утонулъ сабинянинъ Курцій, сражаясь съ римлянами, похитившими женъ и дочерей его племени. Только восточная, возвышенная часть долины, отдѣляющей Палатинъ отъ Капитолїа, въ то отдаленное время могла служить надежнымъ мѣстомъ сообщенїа. Въ этой-то части будущаго форума, поражающаго величїемъ своихъ памятниковъ, и былъ устроенъ Комицій (comitium), мѣсто первоначальныхъ народныхъ собранїй, въ которыхъ сначала принимали участїе только патрици. На этомъ мѣстѣ была воздвигнута первая ораторская трибуна, небольшая возвышенная терраса, въ послѣдствїи украшенная носами съ кораблей, отбитыхъ у Антіатовъ, и потому называвшаяся просто носами или клювами (Rostra).

Это была та самая трибуна, съ которой оглашался форумъ до самаго конца республики, съ которой говорили и Катонъ, и Гракхи, и Цицеронъ, пока Юлій Кесарь не воздвигъ новой (Rostra Julia) въ концѣ форума, на которой послѣ Филиппикъ Цицерона и было погребено республиканское краснорѣчіе. Мѣсто этого комиція, гдѣ собирався римскій народъ, гдѣ находилась ораторская трибуна и гдѣ помѣщался также преторскій трибуналъ, если смотрѣть на форумъ съ Капитолія, находилось нѣсколько дальше того мѣста, гдѣ впоследствии была воздвигнута, сохранившаяся до сихъ поръ, триумфальная арка Септимія Севера. Выше рощи, т. е. старой трибуны, къ сторонѣ древней церкви св. Адріана, третьимъ царемъ Рима, Туллою Гостилиемъ, была построена Курія, гдѣ собирався сенатъ. Это древнѣйшее общественное зданіе города Ромула, находилось, какъ теперь полагаютъ, именно на томъ мѣстѣ гдѣ стоитъ названная церковь, построенная въ V вѣкѣ христіанскаго лѣтосчисленія. Выше комиція, ближе въ сторону Капитолія, въ раннее время республики было устроено мѣсто для иностранныхъ, именно греческихъ, пословъ и называвшееся потому Грекостаніе, Graecostasis. Противоположная комицію югозападная часть форума, гдѣ теперь остатки Юліевой базилики, колонны храма Кастора и Поллукса, колонна Фоки, часть, въ началѣ грязная и болотистая, была осушена еще въ царскій періодъ, послѣ того какъ Тарквиній Древній посредствомъ подземной трубы, знаменитой большой клоаки (cloaca maxima), уцѣлѣвшей частью до нашего времени, спустилъ въ Тибръ воду болотистой низменности. Черезъ это площадь для собраній народа расширилась, открылось достаточно мѣста для присутствованія при отправленіи общественныхъ дѣлъ мелкому римскому населенію, плебеямъ, получившимъ со времени Сервія Туллія права политическія въ мѣру имущества каждаго. Въ этой низменной части скоро возникъ гостинный дворъ. Были построены лавки, носившія въ послѣдующее время названіе старыхъ лавокъ (Tabernae veteres), когда были построены на противоположной сторонѣ, тамъ, гдѣ пролегалла Священная улица, новыя лавки. Такимъ образомъ мѣстность, занимаемая теперь развалинами форума, была въ древнѣйшее время не только средоточіемъ политической жизни города, но и центромъ торговли, которая никогда и впоследствии не оставляла вполнѣ прежняго своего мѣстопребыванія, а лишь только удалилась нѣсколько въ

его окрестности. Будучи главнымъ мѣстомъ политической жизни, центромъ торговли и мѣстомъ суда, притягивая къ себѣ постоянно съ утра до ночи народное движеніе, форумъ не имѣлъ удобнаго помѣщенія, гдѣ бы толпящійся народъ могъ, при нуждѣ, укрыться отъ дождя, отъ солнечнаго жара, гдѣ бы публика могла свободно вести рѣчь о дѣлахъ и проводить время въ ожиданіи, когда начнется то или другое интересное дѣло въ судѣ или выступить на старую трибуну ораторъ, защищающій новый законъ или старающійся представить гражданамъ вредныя отъ него послѣдствія, гдѣ могъ бы съ удобствомъ происходить судъ по дѣламъ гражданскимъ, гдѣ, наконецъ, могли бы совершаться, какъ теперь на биржѣ, торговля операціи. Такое помѣщеніе было устроено Катонъ Старшимъ, который первый воздвигнулъ въ сѣверовосточномъ углу форума базилику, извѣстную подъ именемъ Порціевой (родовое имя Катонъ) и помѣщавшуюся тамъ, гдѣ теперь находится древняя церковь св. Мартина. Этимъ была положена мода на устройство этого рода роскошныхъ и дорого стоящихъ архитектурныхъ сооружений. По лѣвую сторону форума, если смотрѣть на него съ Капитолія, за комиціемъ и старыми рострами появилась вскорѣ новая базилика Эмилиева, а по другую сторону, къ Палатину, было начато Юліемъ Кесаремъ и окончено уже Августомъ роскошнѣйшее зданіе—базилика Юліева, мраморный полъ который такъ пріятно выдается среди другихъ развалинъ форума. Зданіе это помѣстилось между храмомъ Діоскуровъ, три колонны котораго составляютъ лучшее украшеніе развалинъ форума, и храмомъ Сатурна, рѣзко выдвигающимся теперь своими восемью гранитными колоннами съ іоническими капителями, у подножія Капитолія. Въ этомъ древнемъ храмѣ хранилась, какъ извѣстно, гражданская казна республики, тогда какъ военная помѣщалась, въ построенномъ выше Сатурнова храма, на склонѣ Капитолія, въ знаменитомъ въ римской исторіи храмѣ Согласія, о которомъ намъ теперь свидѣлствуютъ лишь ничтожныя развалины. Не подалеку отъ храма Діоскуровъ, ближе къ Палатину, стояли зданія, отличавшіяся между другими своей глубокой древностью и особенно священнымъ значеніемъ: это храмъ Весты съ монастыремъ для Весталокъ и дворецъ главнаго понтифика, называвшійся Regia (подразумѣвается domus). Полагаютъ, что теперешняя церковь св. Маріи Освободительницы (Santa Maria Liberatrice) стоитъ

именно на мѣстѣ храма Весты, рядомъ съ которымъ стояла и Regia.

Видъ форума, загроможденнаго теперь развалинами, но еще далеко не вполнѣ раскопаннаго, значительно измѣнился со времени имперіи. режде всего возникъ въ концѣ его, противоположномъ Капитолію, храмъ Юлію Кесарю, освященный Августомъ, подлѣ мѣста, гдѣ устроена была диктаторомъ новая ораторская трибуна, Rostra Julia. На западѣ, вблизи храма Сатурна, при поворотѣ Священной улицы къ Капитолійскому спуску (Clivus Capitolinus), была воздвигнута триумфальная арка Тиберію, неподалеку отъ нея — новая трибуна, носившая названіе Капитолійской (Rostra Capitolina), полукруглое основаніе которой видно до сего времени; рядомъ съ ней стоялъ позолоченный верстовой столбъ, miliarium aureum, отъ котораго начинался счетъ миль по всѣмъ главнымъ улицамъ, ведущимъ изъ Рима; далѣе, при выходѣ на Капитолій главной вѣтви Священной улицы, стояла арка Септимія Севера, сохранившаяся до сего времени. На самомъ форумѣ, украшеніемъ котораго въ прежнее время была колонна съ корабельными носами, columna rostrata, воздвигнутая въ честь знаменитой морской побѣды Дуиллія надъ карфагенянами, равно какъ и болѣе древнія колонны, какъ Pila Horatia, столбъ, на который были возложены отнятые у врага доспѣхи извѣстнымъ побѣдителемъ Куріаціевъ, колонна побѣдителя латинянь Г. Менія, пилястровая статуя сатира Марсіи подлѣ судебной эстрады, триумфальная арка Фабія, побѣдителя аллоброговъ, на самомъ форумѣ, говоримъ мы, появилась съ первыхъ столѣтій имперіи колонна, воздвигнутая Юлію Кесарю предъ его домомъ, колоссальная конная статуя Домиціана, съ такимъ раболѣпнымъ чувствомъ описанная Стаціемъ, и даже сохранившаяся до нашихъ дней колонна въ честь императора Фоки, воздвигнутая экзархомъ Италіи Смарагдомъ въ 608 году христіанскаго лѣтосчисленія. Далѣе, къ сторонѣ Колизея, форумъ стали окружать новые храмы, какъ храмъ: Рима и Венеры, построенный Адріаномъ, храмъ Антонина и Фаустины, обращенный потомъ въ существующую нынѣ церковь св. Лаврентія in Miranda, храмъ Ромула, сына Максентія, составляющій нынѣ церковь св. Козьмы и Даміана. За ними виднѣлась базилика Константина, о громадности которой свидѣтельствуютъ до сихъ поръ колоссальныя развалины. Противъ нея у Палатина возвышалась и теперь возвышается триумфальная арка.

Тита, а тамъ дальше, при поворотѣ въ улицу, отдѣляющую Палатинскую гору отъ Целія, арка Константина, прямо же передъ лицомъ зрителя, смотрящаго на форумъ и на то, что за нимъ, съ Капитолія, гордо поднимается и замыкаетъ картину колоссальнѣйшее зданіе древняго Рима, Флавіевъ Амфитеатръ, названный Бедой (въ VII столѣтіи) Колоссеумъ (Colosseum), а теперь извѣстный подъ именемъ Колизея. Но мы уже далеко вышли за предѣлы форума.

- Можно себѣ представить, какъ великолѣпна, какъ ослѣпительна была эта картина слѣдующихъ одна за другою триумфальныхъ арокъ, храмовъ, базиликъ, колоннъ, колоссальныхъ статуй, слѣдующихъ безъ перерыва отъ Колизея до Капитолія, вѣнчаннаго храмомъ Юпитера Капитолійскаго, со статуями трехъ верховныхъ боговъ—Юпитера, Минервы и Юноны—на вершинѣ священнаго зданія царской эпохи. Поднимавшійся по Священной улицѣ, бравшей свое начало близъ Колизея, къ Капитолію, гдѣ она оканчивалась, путешественникъ, не видя конца грандіознымъ монументамъ, изъ которыхъ многіе соединены были съ самыми важными и глубокими историческими преданіями, чувствовалъ себя какъ бы въ волшебночно-очаровательномъ мѣстѣ, не имѣвшемъ ничего себѣ подобнаго ни на одной точкѣ земного шара, и ясно понималъ только одно, что онъ находится въ центрѣ столицы міра, превзошедшей всѣ остальные города своимъ монументальнымъ величіемъ. Передъ этимъ величіемъ останавливались въ нѣмомъ изумленіи самыя варвары, дѣлавшіе набѣги на столицу имперіи и расхищавшіе накопленныя въ ней вѣками богатства. Картина ослѣпительнаго великолѣпія форума и его окружности пережила нашествія вестготовъ и вандаловъ, передъ ней не останавливались только внутреннія партіи, раздиравшія Римъ въ средніе вѣка и пользовавшіяся храмами и арками, какъ крѣпостями въ борьбѣ съ противниками; и форумъ, подъ управленіемъ палъ, мало дорожившихъ остатками языческой древности, приходя въ постепенный упадокъ, дошелъ, наконецъ до такого плачевнаго состоянія, что потерялъ свое древнее названіе и превратился въ *Campus Vaccino*, въ Коровье Поле: и это его названіе имѣло свое оправданіе вплоть до послѣднихъ лѣтъ правленія Пія IX. Еще въ то время, когда, въ 1863 году, я въ первый разъ посѣтилъ развалины форума, на мѣстѣ древняго комиція находился деревянный скотопригонный дворъ, подлѣ котораго

мирно лежали на солнцѣ воли, нисколько не подозрѣвая, что это то самое мѣсто, на которомъ во времена оны рѣшались судьбы государствъ и народовъ въ Европѣ, Азии и Африкѣ. Такъ переходить слава міра сего.

Преходить слава вѣшняго блеска и великолѣпія, но остается слава великихъ историческихъ преданій, о которой краснорѣчиво свидѣлствуютъ эти мощныя развалины, эти слабыя остатки давно уже угасшаго величія. Тишина и ничѣмъ невозмущаемое спокойствіе царствуютъ теперь на этой небольшой площади, гдѣ когда-то раздавались шумныя воззванія народныхъ трибуновъ, гдѣ Цицеронъ громилъ Верреса, Катилину, Клодія и Антонія, гдѣ приговорами сената цари низводились съ своихъ троновъ и независимыя государства обращались въ римскія провинціи, гдѣ пролегалъ путь на Капитолій торжествующему побѣдителю, ѣхавшему на триумфальной колесницѣ, среди привѣтственныхъ криковъ безчисленной толпы народа, гдѣ, наконецъ, происходили кровавыя битвы разъяренныхъ партій, погубившихъ республику.

Великія историческія преданія, вызываемыя созерцаніемъ развалинъ форума, относятся ко временамъ свободной жизни римскаго народа, къ пяти столѣтіямъ создавшей славу и могущество Рима республики. Съ ея паденіемъ центръ политической жизни всемірной столицы перешелъ на Палатинъ, на гору, гдѣ положено было начало вѣчному городу, гдѣ много вѣковъ стояла, сберегаемая какъ святыня, «избушка» Ромула и гдѣ, семьсотъ лѣтъ спустя, заблестѣли мраморомъ и золотомъ дворцы императоровъ.

III.

Колыбель Рима и мѣстопребываніе власти въ періодъ имперіи, Палатинъ представляетъ собой самую богатую, послѣ форума, преданіями мѣстность древняго Рима и усѣяна историческими памятниками. Дѣятельно веденныя въ послѣднія двадцать лѣтъ, подъ руководствомъ знаменитаго архитектора, Петра Розы, раскопки привели къ открытіямъ необыкновенной важности въ области римской археологіи. Передъ нами не только воскресла въ своихъ роскошныхъ памятникахъ и въ живыхъ воспоминаніяхъ эпоха императорскаго Рима, но и появились на свѣтъ монументальныя остатки той древнѣйшей эпохи вѣчнаго города, которую со временъ Нибура

стали было считать почти совсѣмъ баснословною. Шутка-ль дѣло, передъ нашими глазами выступаютъ теперь развалины древнѣйшей стѣны, которою окруженъ былъ Римъ во времена Ромула или въ періодъ своего основанія, тотъ Римъ, который носилъ потомъ названіе квадратнаго (Roma quadrata)! Даже древнія ворота въ эту священную ограду новопостроеннаго города, почти баснословная porta Mugonia, и тѣ являются теперь нашимъ глазамъ, или по крайней мѣрѣ мѣсто, гдѣ находились эти главныя, послѣ подновленныя, ворота города Ромула, сдѣлалось теперь извѣстно любителямъ древности. Выступили на свѣтъ основанія древнѣйшаго въ Римѣ храма Юпитера Остановителя (Jupiter Stator), воздвигнутаго по обѣту Ромуломъ въ честь бога, остановившаго его, бѣжавшее отъ сабинской рати, войско и доставившаго побѣду основателю города на Палатинѣ. Съ большою вѣроятностію опредѣляютъ теперь мѣсто круглой избушки, которая служила дворцомъ Ромулу и первымъ царямъ возникающаго Рима. Мнѣ очень пріятно замѣтить, что, указывая на остатки памятниковъ несомнѣнно царскаго періода, г. Гастонъ Буассье, у котораго описанію Палатина посвящена одна изъ наиболѣе интересныхъ главъ его книги, предается размышленіямъ объ исторической достовѣрности предацій древнѣйшаго періода Рима, такъ часто подвергавшейся насмѣшкамъ со стороны кабинетныхъ историковъ германскаго происхожденія. Замѣтивъ, что легко у себя въ кабинетѣ считать историческія повѣствованія за миѳы, французскій ученый говоритъ: «Тамъ (въ Римѣ, на мѣстѣ) это прошедшее, которое казалось столь отдаленнымъ, сомнительнымъ, становится къ намъ ближе; мы осязаемъ его и видимъ. Оно оставило по себѣ слѣды, столь глубокіе и столь живые. что нѣтъ возможности отказывать ему во всякомъ довѣрїи». Онъ идетъ дальше и высказываетъ безъ всякаго колебанія, особенно въ виду письменъ, сохранившихся на нѣкоторыхъ камняхъ, принадлежащихъ къ постройкамъ несомнѣнно царскаго періода, что Римляне въ эпоху основанія города знали письмо и пользовались имъ даже въ обыкновенныхъ потребностяхъ жизни ¹⁾). Мнѣ пріятно отмѣтить

¹⁾ Il est donc certain aujourd'hui que les fondateurs de Rome connaissaient et pratiquaient l'écriture, et qu'ils l'employaient aux usages ordinaires de la vie. Elle n'était pas chez eux le privilège de quelques classes, des nobles ou des prêtres: les entrepreneurs des travaux publiques, et peut-être même les ouvriers, s'en servaient (p. 61).

этотъ фактъ потому особенно, что двѣнадцать лѣтъ назадъ, когда я въ своей докторской диссертаціи «Римская письменность въ періодъ царей» доказывалъ и достовѣрность главныхъ фактовъ древнѣйшей римской исторіи и употребленіе письма въ самую раннюю пору римскаго государства, такъ не думали или по крайней мѣрѣ боялись думать, не думалъ даже и самъ г. Буассье, которому я въ 1872 году доставилъ свою книгу, появившуюся тогда въ нѣмецкомъ переводѣ. Изъ нѣмецкихъ рецензентовъ выразилъ цѣликомъ свое согласіе съ моими заключеніями одинъ, покойный теперь, старикъ Герлахъ, базельскій профессоръ; у насъ же, гдѣ люди, именующіе себя филологами, не могутъ шагу сдѣлать безъ нѣмецкой указки, я ничего не встрѣтилъ, кромѣ самыхъ невѣжественныхъ выходокъ. Прошу читателя извинить меня за это невольное отступленіе въ сторону.

Но, какъ ни интересны для насъ остатки эпохи Ромула на Палатинѣ, они ничтожны въ сравненіи съ монументальными остатками времени имперіи, какъ ничтожны въ сравненіи съ этими послѣдними и развалины построекъ времени республики. Можно сказать даже, что республиканскихъ преданій, связанныхъ съ сохранившимися памятниками и съ опредѣленными мѣстами Палатина менѣе, чѣмъ сколько ихъ осталось отъ первоначальной эпохи. Кромѣ основанія храма Юпитера Остановителя, остатковъ стѣны квадратнаго Рима, построенной изъ туфовыхъ камней безъ цемента, мѣста, гдѣ были главныя ворота, черезъ которыя входили въ новый городъ со стороны форума и Эсквилина, мы имѣемъ указанія на мѣсто избушки Ромула, далѣе на мѣсто Луперкаля, того священнаго грота, посвященнаго Ликейскому Пану, гдѣ, по преданію, вскормила близнецовъ, сдѣлавшихся основателями Рима, волчица, бронзовое изображеніе которой съ двумя сосущими младенцами было найдено въ этихъ мѣстахъ и помѣщается теперь въ капитолійскомъ музеѣ; указывается, наконецъ, мѣсто памятника, далеко превышающаго своею древностью время Ромула, гдѣ находился большой жертвенникъ, посвященный, по преданію, аркадскимъ переселенцемъ Эвандромъ Геркулесу. Ничего подобнаго столь важнымъ, привязаннымъ къ мѣсту или къ развалинамъ, преданіямъ не сохранилось отъ времени республики. Мы знаемъ однако, что на Палатинѣ въ періодъ республики было построено не мало храмовъ и жертвенниковъ, между прочимъ храмъ пенатовъ, храмъ матери боговъ, Ки-

белы, храмъ Юпитера-Побѣдителя. Извѣстно также, что въ республиканское время Палатинъ былъ мѣстомъ, гдѣ воздвигнуто было не мало домовъ знатными римлянами: тутъ жили Гракхи, Кв. Катулъ, Гортензій, Цицеронъ, Катилина, Клодій, Маркъ Антоній и многіе другіе. Но отъ всѣхъ этихъ храмовъ и палатъ римской знати не осталось какихъ-либо значительныхъ развалинъ. Можно только съ приблизительной точностью опредѣлить мѣсто портива Катула и сосѣднаго съ нимъ дома Цицерона, разрушеннаго Клодіемъ и возобновленнаго на общественный счетъ по возвращеніи изъ ссылки знаменитаго оратора. Всѣ эти роскошныя жилища римскихъ магнатовъ должны были уступить мѣсто все болѣе и болѣе распырившимся постройкамъ кесарей. Такимъ образомъ Палатинъ республики долженъ былъ ступеваться передъ Палатиномъ имперіи, который и привлекаетъ теперь вниманіе археологовъ и поражаетъ своими колоссальными развалинами воображеніе туристовъ.

Итакъ мы теперь на Палатинѣ. Взошли мы туда со Священной улицы близъ триумфальной арки Тита, поднялись по лѣстницѣ и затѣмъ по древней мостовой, составлявшей тотъ спускъ съ Палатина, который носилъ названіе *Clivus Victoriae*, по имени находившагося тамъ наидревнѣйшаго храма Побѣды. Прежде всего мы приходимъ во дворецъ Калигулы. Вотъ и слѣды моста, переброшеннаго безумнымъ преемникомъ Тиберіа изъ своего дворца на Капитолій, чтобы удобнѣе ему было бесѣдовать съ капитолійскимъ Юпитеромъ, съ которымъ онъ помирился послѣ долгой ссоры. Въ свое время дворецъ Калигулы былъ соединенъ также съ храмомъ Диоскуровъ, служившимъ однимъ изъ лучшихъ украшеній форума. Извѣстно, что безумный императоръ питалъ особенную дружбу къ дѣтамъ Леды и Юпитера и нерѣдко, вошедши въ ихъ храмъ, садился между двумя божескими статуями, принимая вмѣстѣ съ ними и самъ поклоненіе отъ молящихся. Огромное зданіе, бывшее мѣстопребываніемъ Калигулы и смотрящее съ одной стороны на форумъ, съ другой на Велабрь ¹⁾, куда и обращенъ главный входъ въ него, сохранилось во внутренней своей части въ столь дурномъ видѣ, что нельзя ничего сказать ни объ украшеніяхъ комнатъ, ни

¹⁾ Такъ называлась низменная часть древняго Рима, шедшая отъ Палатина къ Авентину и Тибру.

даже о ихъ назначеніи; къ тому же оно, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій имперіи, не разъ подверглось перестройкамъ, такъ что о первоначальномъ расположеніи въ немъ комнатъ судить теперь нѣтъ возможности. Сохранился однако хорошо тотъ подземный корридоръ, такъ называемый криптопортикъ, въ которомъ не знавшій мѣры своимъ причудамъ и жестокости императоръ былъ убитъ военнымъ трибуномъ Кассіемъ Хереей, когда онъ возвращался изъ Палатинскаго театра къ себѣ домой 24-го января 41 года по Р. Х. Этимъ потаеннымъ ходомъ можно и теперь пройти вдоль дворца Калигулы и вдоль дворца Тиберія, къ такъ называемому дому Ливіи, одному изъ самыхъ интересныхъ зданій, сохранившихся на Палатинѣ. Отъ Тиберіева дворца, лежавшаго за Калигулинымъ, къ сторонѣ Велабра, сохранилось очень не много, нѣсколько узкихъ комнатъ, которыя не могли служить для потребностей самого императора; но отъ сосѣдняго дома, въ которомъ, какъ полагаютъ, жила его мать по смерти Августа, очень хорошо сохранился весь нижній этажъ съ четырьмя комнатами, вокругъ атриума, изъ которыхъ три украшены превосходною стѣнною живописью. Свѣжесть красокъ и живость изображенія въ этихъ древнихъ фрескахъ поразительны. Знатоки увѣряютъ, что древность не оставила намъ болѣе прелестной, болѣе вѣрной природѣ, живописи. Такова картина въ средней залѣ, называемой *tablinum* (то, что у насъ соотвѣтствуетъ частію пріемной залѣ, частію картинной галлерей), представляющая циклопа Полифема, преслѣдующаго нимфу Галатею; такова другая, изображающая Іо, освобождаемую Меркуріемъ отъ Аргуса. Есть, далѣе, картины, представляющія сцены домашней жизни, съ видомъ Рима, съ домами въ нѣсколько этажей, съ лицами, смотрящими изъ оконъ или выходящими изъ дверей. Послѣ осмотра очень мало говорящихъ развалинъ дворцовъ Калигулы и Тиберія, четверть часа, проведенныхъ въ покоехъ Ливіи, гдѣ такъ ярко выступаетъ на видъ изящество обстановки древняго аристократическаго дома, доставляютъ какъ археологу, такъ и обыкновенному туристу наслажденіе, которое потомъ долго не изглаживается изъ памяти, оставаясь въ ней, какъ одно изъ наиболѣе живыхъ воспоминаній о древностяхъ Палатина.

Повернувши влѣво отъ дома Ливіи, мы тотчасъ же увидимъ передъ собой развалины самаго роскошнаго дворца, какой когда-либо возникалъ на высотахъ горы, бывшей колыбелью вѣчнаго го-

рода. Это былъ дворець Домиціана. Вокругъ громаднаго перистила, стѣны котораго были обшиты мраморомъ, отражавшимъ находящіеся въ залѣ предметы, идетъ рядъ комнатъ, большихъ и малыхъ, какія требовались по плану дворца, начертанному на самую широкую ногу. Величина этого перистила, еще не совсѣмъ открытаго къ сторонѣ виллы Милльсъ, равняется болѣе, чѣмъ 3,000 квадратныхъ метровъ. На южной сторонѣ этого перистила расположенъ триklinій, по нашему—столовая. Эта столовая была не разъ воспѣваема поэтами, которые, какъ Стацій и Марціалъ, отзываются о ней словно о земномъ раѣ. Марціалъ даже увѣряетъ, что онъ скорѣе бы согласился обѣдать во дворцѣ Домиціана, чѣмъ на Олимпѣ съ Юпитеромъ, если бы тому и другому богу, земному и небесному, вздумалось пригласить льстиваго поэта къ своему столу одновременно. Въ сѣверной части дворца, составлявшей лицевой фасадъ зданія, къ которому отъ арки Тита вела Палатинская удица, средину занимала приемная зала императора (*tablinum*), превосходившая своимъ великолѣпіемъ все, до тѣхъ поръ видѣнное въ римскихъ жилищахъ. Ни шестнадцати коринскихъ колоннъ въ двадцать восемь футовъ вышины, которыя шли вокругъ стѣнъ, обшитыхъ драгоценнымъ мраморомъ и которыя еще видѣлъ въ 1726 году Бьянкини, ни двухъ желто-античныхъ колоннъ, окаймлявшихъ входную дверь, ни восьми колоссальныхъ базальтовыхъ статуй, стоявшихъ въ великолѣпныхъ нишахъ — ничего такого теперь въ приемной залѣ Домиціана нѣтъ. Сохранилось только мѣсто, гдѣ возвышался тронъ императора, стремившагося перенести въ свой дворець атрибуты власти восточныхъ монарховъ. По ту и по другую сторону приемной залы были расположены и сохранились двѣ комнаты, изъ которыхъ находящуюся по правую сторону археологи назвали *Lagarium*, такъ какъ ее считаютъ божницей, въ которой находились и чествовались фамильные боги, а помѣщающаяся по лѣвую сторону приемной залы была базиликой, въ которой Кесарь отправлялъ правосудіе. Передъ *tablinum* былъ атриумъ, который не сохранился.

Дворецъ Домиціана, неимоверная роскошь котораго воспламенила воображеніе поэтовъ, оставался во все время имперіи официальнымъ мѣстопребываніемъ римскихъ кесарей, куда они являлись для исполненія своихъ общественныхъ обязанностей и для всякаго рода официальныхъ представленій. Такъ какъ въ немъ

нѣтъ слѣда комнатъ, необходимыхъ для домашняго быта, то является естественнымъ предположеніе, что жили императоры собственно въ другомъ мѣстѣ, каковымъ, по вѣрному замѣчанію г. Буассье, могъ быть дворецъ Августа или Тиберія. Изъ дворца Тиберія дѣйствительно ведетъ къ дворцу Домиціана подземная галлея, которая соединяется съ криптопортикомъ, ведущимъ ко дворцу Калигулы и берущимъ свое начало неподалеку отъ древнихъ Палатинскихъ воротъ, porta Mugonia, около храма Юпитера-Остановителя. Это обстоятельство какъ будто рѣшаетъ дѣло въ пользу дворца Тиберія, какъ обыкновеннаго жилища императоровъ; но, вѣроятно, и домъ Августа не стоялъ впускъ и служилъ также мѣстопробываніемъ или самаго императора или кого-либо изъ членовъ его фамилии.

Домъ Августа находился въ юго-западной части горы, обращенной къ Авентину, и въ настоящее время составляетъ принадлежность виллы Милльсъ, гдѣ находится и мѣстность построеннаго Августомъ храма Аполлона. Въ настоящее время развалины дворца перваго римскаго императора не представляютъ ничего особеннаго. Но въ то время, когда онѣ были открыты въ первый разъ въ 1775 г. аббатомъ Ранкурейлемъ, собственникомъ этой мѣстности, это былъ домъ въ два этажа, изъ которыхъ нижній сохранился почти въ цѣлости. Убранство комнатъ въ этомъ послѣднемъ сохранилось въ значительной степени и давало достаточную идею о вкусѣ ихъ древнихъ обитателей. Стѣны были обшиты мраморомъ, полы были драгоценной мозаики, потолки были расписаны превосходными фресками, въ нишахъ стояли статуи, еще не тронутыя варварскою рукою и временемъ. Все это убранство исчезло, зданіе разорено, драгоценные предметы со включеніемъ обломковъ колоннъ были проданы жаднымъ до денегъ хозяиномъ аббатомъ. О состояніи, въ какомъ находилось зданіе сто лѣтъ тому назадъ, при его открытіи, говорятъ только рисунки Пиранези, который тайно пробрался ночью въ садъ Ранкурейля, скрывавшаго свою находку отъ любопытства посѣтителей, и архитектора Барбери, который производилъ раскопки по порученію хозяина этой мѣстности.

Имѣя передъ глазами планъ Барбери, г. Гастонъ Буассье описываетъ дворецъ Августа такимъ образомъ. «Онъ былъ похожъ въ своемъ общемъ расположеніи на всѣ римскіе дома. Въ немъ находился внутренній дворъ или перистиль, окруженный колоннами, на

который открывались разные дворцовые апартаменты. Эти апартаменты состояли изъ ряда круглыхъ, квадратныхъ и прямоугольныхъ комнатъ, которыя очень точно соотвѣтствуютъ между собою и въ которыхъ архитекторъ, повидимому, старался соединить разнообразіе съ симметрией. Тамъ нашли даже двѣ восьмиугольныхъ залы съ столь причудливыми формами, что онѣ напомнили видѣвшимъ ихъ странныя сооруженія Борронини. Сначала породило нѣкоторое недоразумѣніе то обстоятельство, что хотя эти залы или эти комнаты многочисленны, онѣ вообще очень тѣсны, и что ни одна изъ нихъ не представляется достаточно просторною, чтобы служить для официальныхъ приемовъ; но Августъ, какъ извѣстно, старался показывать, что онъ живетъ у себя дома, какъ обыкновенный гражданинъ: онъ усиливался слыть за чловека правильного образа жизни, экономнаго и умѣреннаго въ своихъ вкусахъ; онъ спалъ на низкой и твердой постели, носилъ только платье, сотканное его женою или дочерью, никогда не позволялъ готовить къ своему столу болѣе трехъ блюдъ, и въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ сильно заботится сказать намъ, что онъ постился иногда по утрамъ «съ болѣею щепетильностью, чѣмъ видъ, справляющій шабашъ». Въ этой простотѣ, выставляющей себя на показъ такъ охотно, есть однако нѣсколько лицемѣрія. Хотя Августъ и старался принимать скромный видъ, домъ его, какъ мы только что видѣли, былъ внутри роскошенъ».

Этотъ скромный снаружи, но роскошный внутри домъ и положилъ собой начало страсти къ постройкамъ на Палатинѣ, которая вскружила голову ближайшимъ преемникамъ Августа и заставляла ихъ бросаться на самыя безумныя предпріятія. Купивши себѣ на Палатинѣ домъ Гортензія, Августъ скоро перестроилъ его и придалъ ему размѣры, болѣе соотвѣтствующія своему положенію, чѣмъ скромное жилище извѣстнаго республиканскаго оратора. Перестроенный и роскошно отдѣланный домъ, находясь среди домовъ обыкновенныхъ гражданъ, показался ему всетаки не отвѣчающимъ своему назначенію: онъ даетъ приказаніе скупить сосѣдніе дома и скрыть ихъ. Но, не желая возбудить этимъ подозрѣніе въ чрезу чуръ честолюбивыхъ замыслахъ, онъ воздвигаетъ на расчищенномъ отъ скрытыхъ домовъ мѣстѣ храмъ Аполлону и строитъ двѣ бібліотеки, греческую и латинскую. Эти новыя зданія затмѣвали своимъ великолѣпіемъ домъ Кесаря. Пожаръ, истребившій купленный у наслѣд-

нивовъ Гортензія домъ, далъ ему поводъ выстроить для себя жилище и больше, и красивѣе прежняго. Овидій, вспоминая на мѣстѣ своей ссылки жилище изгнавшаго его Кесаря, говоритъ о немъ, какъ о превосходящемъ всѣ другіе дома на Палатинѣ, и называетъ его «достойнымъ бога».

Но это «божеское» жилище, на которое пошло столько мрамору и которое такъ выдавалось на Палатинѣ, гдѣ въ концѣ республики было много домовъ, принадлежавшихъ знаменитымъ и богатымъ гражданамъ, было образцомъ скромности въ сравненіи съ послѣдующими затѣями римскихъ императоровъ. Скоро для частныхъ построекъ уже не оставалось мѣста на горѣ, избранной своимъ мѣстопребываніемъ Кесарями: дворцы императоровъ и постройки, великолѣпнѣе которыхъ они послѣ Августа старались поражать глаза толпы, заняли всецѣло территорію, гдѣ былъ основанъ первоначальный Римъ, называвшійся квадратнымъ. Первый шагъ къ постройкамъ, выходившимъ изъ предѣловъ нужнаго и разумнаго, былъ сдѣланъ Калигулой, который, построивши себѣ дворецъ въ сѣверо-восточномъ углу Палатина, вздумалъ распространить его предѣлы до форума и превратилъ храмъ Діоскуровъ въ свою переднюю. Для такой причуды, разумѣется, не мало частныхъ домовъ, расположенныхъ по откосу горы, въ направленіи къ форуму, должны были подвергнуться срытію. Не довольствуясь такимъ близкимъ общеніемъ съ дѣтми Юпитера, храмъ которыхъ онъ сдѣлалъ принадлежностью своего дворца, Калигула построилъ самому себѣ храмъ на Палатинѣ, гдѣ онъ и принималъ жертвы изъ павлиновъ, попугаевъ и другихъ рѣдкихъ птицъ, приносимыя ему какъ настоящему богу. Безумная затѣя построить мостъ, который, вися надъ форумомъ, соединялъ Капитолій съ Палатиномъ, затѣмъ чтобы палатинскому Юпитеру легче было навѣщать, когда вздумается, своего собрата на Капитолій, еще яснѣе давала чувствовать, что для охватившей преемниковъ Августа страсти къ постройкамъ, Палатинъ скоро сдѣлается тѣснымъ и что на немъ совсѣмъ уже не останется мѣста ни для кого другого, какъ лишь для владыкъ вселенной. Нерону потребовался уже не дворецъ, а цѣлый городъ для обитанія. Его Золотой дворецъ, построенный имъ послѣ знаменитаго пожара, виновниками котораго были признаны христіане, обнималъ три съ половиной мили въ окружности: внутри занятаго имъ пространства были вырыты пруды, находились засѣянные пшеницей поля, помѣ-

щались пастбища, сады, лѣса съ дикими и домашними животными. Начинаясь на Палатинѣ этотъ дворецъ спускался въ долину, раздѣляющую Целій отъ Эсквилина и затѣмъ поднимался по Эсквилину, захватывая паркъ Мечената и доходилъ до стѣны Сервія Туллія, простираясь далѣе мѣста знаменитой базилики Santa Maria Maggiore. Желая показать нагляднѣе огромное пространство, занятое названнымъ дворцомъ, Амперъ, въ своемъ «L'Empire Romain à Rome» замѣчаетъ: «это все равно, какъ если бы въ Парижѣ онъ покрылъ гору св. Женевиѣвы и былъ бы продолженъ до дома Инвалидовъ». Громадность этого дворца была такъ велика, что, по словамъ Марціала, онъ соприкасался со всѣми пунетами города. При входѣ въ него была поставлена колоссальная статуя самого императора, вышиною въ 120 футовъ. Это та самая статуя, которая, впоследствии поставленная Адрианомъ передъ амфитеатромъ Флавіевъ, дала поражающему до сихъ поръ своими необыкновенными размѣрами зданію названіе Колоссея, въ средніе вѣка превратившагося въ Колизей. Построенный же Веспасіаномъ амфитеатръ, этотъ знаменитый Колизей, приходится какъ разъ, гдѣ находился прудъ Неронова дворца, походившій, по замѣчанію Светонія, на море. Внутренняя роскошь Золотого дворца превосходила всякое вѣроятіе. «Все было покрыто — говоритъ тотъ же Светоній — золотомъ, отдѣлано драгоценными камнями и раковинами съ жемчужинами». Великолѣпныя статуи, столы изъ слоновой кости въ столовой, фонтаны, кропившіе гостей благоуханіями, вся возможная роскошь того времени наполняла громадныя залы, въ которыхъ происходили неслыханныя оргіи разврата и безумія. За то, когда всѣ постройки и внутренняя отдѣлка дворца были окончены, Неронъ не только нашелъ все въ порядкѣ, но и сказалъ, что «наконецъ-то онъ начинаетъ жить по-человѣчески».

Но жить въ этомъ чудовищномъ домѣ «по-человѣчески» было невозможно. Постройка его и всѣ относившія къ нему прямо или косвенно сооруженія стоили несмѣтныхъ суммъ, для обладанія которыми не только нужно было опустошить государственную казну, но и прибѣгать къ казнямъ и конфискаціямъ, какъ это стало входить въ моду въ императорскомъ Римѣ и какъ это до сихъ поръ практикуется у восточныхъ деспотовъ. Неронъ для удовлетворенія своихъ прихотей раззорилъ государство, и въ этой страсти къ постройкамъ, по словамъ Светонія, былъ самый большой вредъ его

правления. Въ своемъ необузданномъ воображеніи онъ мечталъ соединить Римъ съ Остіей, такъ чтобы море доходило до Рима. Поддерживать всѣ его сооруженія требовало въ свою очередь также большихъ денегъ, а дѣлать эти расходы было тѣмъ тяжелѣе, что римское населеніе было полно негодованія, какъ противъ такой безумной траты средствъ государства, такъ и противъ возмутительнаго произвола, съ какимъ огромная мѣстность въ самомъ центрѣ многолюднаго города была обращена въ пруды, сады, поля и лѣса и занята постройками для одного человѣка, въ явный ущербъ интересамъ столичнаго населенія. И вотъ мы видимъ, что чудовищно-огромный дворецъ Нерона не много пережилъ низвергнутаго императора. Онъ былъ разрушенъ, часть занятой имъ мѣстности была возвращена городу, а другая была употреблена для общественныхъ построекъ: построенъ былъ въ долинѣ между Целиемъ и Эсквилиномъ громадный амфитеатръ, воздвигнута у подножія Палатина на Священной улицѣ триумфальная арка Титу, покорителю Іерусалима, были построены бани на Эсквилинѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ золотой дворецъ Нерона представлялъ наиболѣе роскошныя сооруженія, и даже надъ самыми залами Неронова дворца, засыпанными и заколоченными. Это—бани или еермы, называемыя Титовыми, развалины которыхъ обращаютъ на себя вниманіе всякаго, кто поднимается отъ Колизея къ знаменитой Эсквилинской базиликѣ Santa Maria Maggiore. Нѣкоторыя изъ Нероновыхъ залъ, надъ которыми возвышались Титовы сооруженія, расчищены, другія до сихъ поръ еще завалены; сохранился и большой корридоръ, гдѣ еще не совсѣмъ исчезла живопись. Сохранилось лишь кое-что изъ предметовъ, украшавшихъ это роскошное жилище сумасброднаго кесаря: тутъ найдена знаменитая группа Лаокоона, которую имѣлъ предъ глазами Вергилій, когда писалъ вторую книгу своей Энеиды, и находившаяся посреди бассейна колоссальная порфиновая чаша, украшающая теперь круглую залу Ватиканскаго музея. Итакъ отъ всей роскоши Неронова дворца осталось не много.

Послѣ уничтоженія Неронова дворца, уничтоженія, совершавшагося съ такою поспѣшностью, что остались не вынесенными изъ него нѣкоторые драгоцѣнные предметы древняго искусства, нельзя было думать, что виновники истребленія Нероновой памяти, два первыхъ императора фамиліи Флавіевъ, Веспасіанъ и сынъ его Титъ, примутся за постройку для себя новыхъ дворцовъ съ рос-

кошью, какая вошла въ моду при ихъ преемникахъ. Веспасіанъ былъ человѣкъ бережливый и степенныхъ нравовъ. Онъ понималъ необходимость возстановить изъ развалинъ пострадавшія во время междоусобной войны, послѣдовавшей вскорѣ за низверженіемъ Нерона, общественныя зданія, не прочь былъ показать щедрость въ расходахъ на сооруженія, имѣющія въ виду пользу или удовольствіе публики: такимъ образомъ онъ возстановилъ сожженный во время нападенія на Капитолій солдатъ Вителлія древній храмъ Юпитера Капитолійскаго, построилъ храмъ Мира, куда были отданы, между прочимъ, золотыя сосуды и свѣтильники, взятые въ іерусалимскомъ храмѣ, возстановилъ сгорѣвшій театръ Марцелла, поправилъ на свой счетъ водопроводъ Клавдія, воздвигнулъ, наконецъ, на мѣстѣ Неронова пруда между Целиемъ и Эсквилиномъ самое колоссальное зданіе, оставленное намъ древнимъ Римомъ, амфитеатръ, вмѣщавшій въ себѣ до ста тысячъ зрителей. Но тратить большія деньги для домашнихъ потребностей было не въ его духѣ. Таковъ-же былъ въ этомъ отношеніи и его сынъ и преемникъ Титъ. Ему много стоило хлопотъ и издержекъ поправить и возстановить послѣ пожара, одного изъ самыхъ страшныхъ, какимъ былъ посѣщенъ Римъ когда-либо, разрушенныя храмы и общественныя зданія, для украшенія которыхъ онъ даже пожертвовалъ не мало предметовъ роскоши изъ своего дома; ему нужно было докончить уничтоженіе Неронова обиталища и соорудить надъ лучшей частью его полезное общественное заведеніе. Къ тому-же, онъ былъ императоромъ не болѣе двухъ лѣтъ. Палатинъ такимъ образомъ не былъ обязанъ ни Веспасіану, ни Титу, никакимъ новымъ дворцомъ, который-бы затмилъ великолѣпіе роскошныхъ обиталищъ предшествовавшихъ императоровъ. Вкусъ къ роскошнымъ постройкамъ для мѣстопробыванія кесаря воскресъ при второмъ Веспасіановомъ сынѣ, Домиціанѣ. Этотъ преступный, высокомерный и жестокій императоръ, «господинъ и богъ», какъ онъ велѣлъ называть себя своимъ прокураторамъ и какъ потомъ изъ страха, по замѣчанію Светонія, его всѣ именовали въ письмѣ и въ разговорѣ, не могъ представлять свое величество народу въ какомъ-нибудь обыкновенномъ домѣ, хотя-бы это былъ дворецъ Августа или Тиберія. Ему, конная статуя котораго, поставленная на форумѣ, поднималась выше самыхъ высокихъ храмовъ, ее окружавшихъ, ему нужно было жилище, роскошь котораго приводила бы

смертных въ священный трепеть, дворець, среди котораго онъ лъстивымъ поэтамъ и царедворцамъ казался-бы Юпитеромъ. Дворецъ этотъ, величіемъ котораго по словамъ Марціала, были поражены боги, мы видѣли выше.

Но постройка императорскихъ дворцовъ на Палатинѣ не заключалась дворцомъ Домиціана, роскошь котораго не оставляла желать ничего большаго. Спустя столѣтіе по смерти тирана, которая была встрѣчена крикомъ радости отъ одного конца Средиземнаго моря до другого, императору Септимію Северу, родомъ африканцу, пришла фантазія построить въ юго-западномъ углу Палатина новый дворець. О немъ свидѣлствуютъ во-первыхъ высокія аркады, служившія фундаментомъ зданію, которое не могло быть выстроено безъ нихъ на отлогостяхъ горы, во-вторыхъ—нѣсколько высокихъ и прочныхъ стѣнъ, и въ третьихъ—остатки ложи, съ которой императорская фамилія смотрѣла на ристалища расположеннаго внизу между Палатиномъ и Авентиномъ цирка, на ристалища, сдѣлавшіяся во время имперіи такою страшною потребностью римскаго населенія (*ranes et circenses!*). Со стороны Целія возвышался передъ дворцомъ, какъ его украшеніе, *Septizonium* (*septem zonae*, семь поясовъ), существовавшій еще въ цѣлости въ XVI столѣтіи, пока его матеріаломъ папа Сикстъ V не воспользовался для перестройки Ватиканскаго собора. Теперь видно только мѣсто этого портикообразнаго зданія, не тронутаго ни варварами, ни временемъ до эпохи Возрожденія. Императоры дома Септимія Севера были большіе любители построекъ, хотя строительное искусство ихъ времени было уже въ періодъ упадка. Объ этомъ упадкѣ всего яснѣе говоритъ триумфальная арка Септимія Севера, воздвигнутая имъ у подножія Капитолія. Самая мысль поставить арку въ мѣстѣ, наполненномъ древними памятниками, указываетъ на паденіе вкуса, на одинъ изъ несомнѣнныхъ признаковъ пониженія всей культуры, замѣтнаго одинаково и въ литературѣ, и искусствѣ, и въ государственномъ управленіи. Ни стиль самого сооруженія, ни, въ особенности, его скульптурные барельефы не могутъ итти въ сравненіе съ тѣмъ, что представляетъ собой арка Тита, за сто съ небольшимъ лѣтъ предъ тѣмъ воздвигнутая на склонѣ Палатина завоевателемъ Иерусалима. Но постройки императорами этого дома продолжались однако внѣ Палатина, уже загроможденнаго зданіями: самую грандіозную изъ нихъ, поражающую зрителя быть-можетъ не менѣе Колизея, представляютъ Ка-

ракалловы бани, лежащая не подалеку отъ древнихъ южныхъ воротъ Рима, porta Carana.

Палатинская гора заключаетъ въ себѣ столько остатковъ римской жизни, съ ней связано такъ много историческихъ воспоминаній, что, какъ ни долго мы ее осматриваемъ, все еще остаются развалины и мѣста, нами не осмотрѣнныя. Мы не упомянули о сохранившейся стадіи, устроенной Домиціаномъ для атлетическихъ упражненій. Она находится между дворцомъ Августа и дворцомъ Септимія Севера. Эта стадія была въ маломъ видѣ тоже самое, что было устроено Домиціаномъ для римской публики на мѣстѣ нынѣшней Piazza Navona. Вотъ при самомъ входѣ на Палатинъ отъ Титовой арки рядъ небольшихъ и не одинаковой величины комнатъ разваливашагося зданія, которыя служили, какъ думаютъ, для солдатъ преторіанской когорты, охранявшихъ особу императора; вотъ и другія комнаты за дворцомъ Калигулы, сохранившія нерѣдко штукатурку по стѣнамъ и мозаику на полу, гдѣ обитала, какъ слѣдуетъ полагать, дворня императора, его рабы и вольноотпущенники; вотъ, наконецъ, къ сторонѣ цирка и цѣлый домъ съ атриумомъ и комнатами съ разными надписями, сдѣланными острымъ грифелемъ, гдѣ жили солдаты и гдѣ также воспитывались молодые рабы для предстоявшихъ имъ въ императорскомъ дворцѣ обязанностей. Это былъ своего рода институтъ пажей, носившій у древнихъ названіе *paedagogium*. Названіе это находится въ одной изъ сохранившихся на стѣнѣ надписей: *Corinthus exit de paedagogio* (Коринѣъ выходитъ изъ педагогіи). Тутъ есть и карикатуры. Одна изъ нихъ, находящаяся теперь въ музеѣ іезуита Кирхера, показываетъ, что въ этомъ училищѣ были дѣти и христіанскаго исповѣданія, служившія для другихъ посмѣшищемъ. Нарисованъ осель на крестѣ и человекъ, ему поклоняющійся; карриатура поясняется греческой надписью: *Ἀλεξάνδρος σέβετε (sic) θεόν* (Алексаменъ поклоняется богу); но Алексаменъ, надъ которымъ смѣялись товарищи, остался вѣренъ своей религіи, ибо въ одной изъ надписей онъ называется вѣрнымъ (*Alexamenos fidelis*). Не подалеку отъ этого дома, раскрывающаго передъ нами такъ неожиданно одну изъ чертъ жизни близъ везарскаго дворца, находится небольшой жертвенникъ изъ травертина, поставленный невѣдомому богу, съ надписью очень древняго времени, какъ свидѣтельствуемъ ея языкъ и орфографія: *seī deo, sei deivae sac. C. Sextius C. f. Calvinus pr. de senati sen-*

tentia restituit (Посвящается или богу, или богинѣ. Г. Секстій, сынъ Гая, Кальвинъ, преторъ, возстановилъ по сенатскому опредѣленію). Новая черта изъ религіозной жизни Рима, заслуживающая вниманія.

Форумъ и Палатинъ—два мѣста въ Римѣ, наиболѣе обильныя развалинами древнихъ памятниковъ. Вмѣстѣ съ Капитоліемъ, съ которымъ мѣста эти такъ тѣсно связаны и по топографіи, и по исторіи, они представляютъ наибольшій интересъ для всякаго, желающаго проникнуть въ самое сердце римской государственной жизни въ три ея главныхъ эпохи: царскую, республиканскую и императорскую. Но на самомъ Капитоліѣ, имѣвшемъ для Римлянъ священное значеніе и по своей крѣпости, которая спасла городъ Ромула отъ окончательнаго раззоренія Галлами, и по древнему храму Юпитера, на который римскій народъ смотрѣлъ, какъ на свой палладумъ, почти не сохранилось развалинъ, а имѣющіеся на немъ остатки древности заключены по преимуществу въ его великолѣпномъ музеѣ и затѣмъ общественныхъ зданіяхъ, окаймляющихъ вмѣстѣ съ музеемъ три стороны его небольшой площадки (дворецъ сенаторовъ и дворецъ консерваторовъ). Всѣ остатки древнихъ построекъ на Капитоліѣ заключаются въ фундаментъ для сенаторскаго дворца, гдѣ теперь засѣдаетъ городская дума, принадлежавшемъ въ древности къ зданію государственнаго архива, которое носило названіе Tabularium, да въ обломкахъ стѣны древнѣйшей кладки, принадлежавшихъ вѣроятно старой крѣпости Капитолія (arx Capitolina). Даже мѣсто Тарпейской скалы до сихъ поръ не опредѣлено съ точностью. Сохранились остатки древнихъ храмовъ и другихъ сооружений у подножія горы, обращеннаго къ форуму, да находящаяся въ сторонѣ отъ форума къ сѣверо-востоку, древняя римская тюрьма (carcer Mamertinus), надъ которою построена небольшая церковь имени св. Іосифа, та самая тюрьма, въ которой были казнены пять сообщниковъ Катилины, гдѣ погибъ Югурта и гдѣ были умерщвлены важные военнопленные, участвовавшіе, въ качествѣ трофеевъ, въ триумфальныхъ процессіяхъ полководцевъ. Остатки древнихъ храмовъ, лежавшихъ у подножія Капитолія, мы уже видѣли при обзорѣніи форума; въ тюрьму же, которая по словамъ римскихъ писателей, была исполнена въ древности невыносимато смрада и возбуждала ужасъ своимъ видомъ, лучше не заглядывать.

Было бы гораздо интереснѣе сдѣлать прогулку по римскимъ ва-

такимъ, гдѣ были погребены миллионы христіанъ, прежде чѣмъ для новой религіи настало время торжества и официальнаго признанія. Но христіанскія катакомбы, куда ведетъ своихъ читателей г. Гастонъ Буассье прямо съ Палатина, предметъ особый и къ развалинамъ древнаго Рима не относящійся. Изъ катакомбъ авторъ «Археологическихъ прогулокъ» отправляется на виллу Адриана, лежащую въ окрестностяхъ Тиволи (по древнему Тибура), одного изъ самыхъ древнихъ городовъ Лація, въ сравненіи съ которымъ Римъ представляется такимъ же молодымъ городомъ, какимъ Москва въ сравненіи съ Новгородомъ и Киевомъ. Изъ Адриановой виллы, г. Гастонъ Буассье отправляется, хотя это ему совсѣмъ не по пути, въ Остію, богатый приморскій городъ, имѣвшій для Рима съ первыхъ лѣтъ его существованія такое же значеніе, какое теперь Кронштадтъ имѣетъ для Петербурга въ торговомъ отношеніи. Протугли въ эти мѣста были бы крайне интересны, въ особенности въ Остію, гдѣ раскопки, сдѣланныя въ послѣднее десятилѣтіе подъ руководствомъ г. Петра Розы, уже достаточно обнаружившаго свою опытность въ веденіи работъ этого рода на Палатинѣ, дали вполнѣ наглядное понятіе о богатствѣ и громадной торговой дѣятельности приморскаго города, служившаго для Рима гаванью. Но есть пунктъ, которому въ археологическомъ значеніи, послѣ Рима, нѣтъ равнаго во всей Италіи: это—Помпеи. Туда мы теперь и отправимся.

IV.

Кто не видалъ своими глазами древней страны Осковъ, Кампаніи, и, въ особенности, не любовался небомъ, моремъ и всей роскошной природой на берегахъ Неаполитанскаго залива, тотъ не знаетъ и даже не можетъ представить себѣ, что есть на земномъ шарѣ уголокъ, который по всей справедливости можетъ быть названъ земнымъ раемъ. Все въ этихъ благодатныхъ мѣстахъ создано для того, чтобы лелѣять воображеніе, возбуждать человека къ жизни, призывать его къ наслажденію. Теплый, нѣжащій своею мягкостью лѣтомъ и зимою воздухъ, глубокая синева яснаго неба, свѣтлая и манящая къ себѣ зыбь укрощенныхъ волнъ Средиземнаго моря, видъ сторожащихъ входъ въ заливъ большихъ и малыхъ острововъ—Капри, Искія, Прочиды и Низиды, замыкающія на востокѣ гори-

зонть высокія и защищающія отъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ Апеннины, дышанція ароматомъ растенія, богатыя сочными плодами деревьевъ, неистощимая въ плодородіи почва, вся эта облитая солнцемъ, полная жизни, смѣющаяся и ликующая природа заключаетъ въ себѣ столько чарующаго и привлекательнаго, что становится безъ всякаго усилія мысли понятнымъ, почему эта мѣстность искони была любимымъ мѣстопробываніемъ челоуѣка и съ незапамятныхъ временъ была усыана цвѣтущими городами, въ которыхъ кипѣло здоровое, веселое, преданное нѣгѣ и наслажденію населеніе.

Въ отдаленнѣйшую эпоху исторіи по берегамъ Неаполитанскаго залива стали селиться среди кореннаго населенія греки, этруски, затѣмъ самнитяне и наконецъ римляне. Въ послѣдній вѣкъ республики берега эти были усыаны вилами римскихъ магнатовъ, многочисленныя остатки которыхъ на байскомъ берегу до сихъ поръ напоминаютъ о значеніи, какимъ пользовались эти благословенныя мѣста среди богатыхъ и знатныхъ людей римской республики и затѣмъ имперіи. Жизнь въ Неаполѣ всегда считалась пріятнѣйшимъ мѣстопробываніемъ, съ которымъ напримѣръ не хотѣлъ разстаться Virgilій и о которомъ Стацій говоритъ съ такимъ чувствомъ удовольствія, посылая туда жить жену свою, римлянку; Бай, гдѣ были самыя знаменитыя минеральныя воды въ древности, еще въ римской комедіи седьмого столѣтія отъ основанія Рима играютъ роль мѣста, полного удовольствій и опаснаго для самой твердой супружеской привязанности; ПUTEОЛИ (нын. ПУЦЦОЛИ) были однимъ изъ самыхъ богатыхъ торговыхъ городовъ Италіи и окрестности этого города были любимымъ пунктомъ временнаго мѣстопробыванія римской знати, между прочимъ Цицерона, Лукулла, императора Нерона. Теперь эта наиболѣе роскошная въ древности сторона неаполитанскихъ окрестностей представляетъ собой, пожалуй скорѣе печальную, чѣмъ веселую, картину: столько тамъ разваливъ и таеъ она запущена въ гигиеническомъ отношеніи! Только дивная природа, извилистое море, острова и мысы, да бездна историческихъ воспоминаній и соединяемыхъ съ мѣстами и названіями ихъ преданій, восходящихъ ко временамъ баснословнымъ, придаютъ прогулкѣ отъ Неаполя до Мизенскаго мыса очарованіе, какого не дадутъ самыя здоровыя и выхоленныя новой культурой мѣстности средней Европы. Жизнь, дѣятельность и вся полнота наслажденія, доставляемаго пробываніемъ въ этомъ, ни съ чѣмъ несравнимомъ

углу міра, перешли на восточную сторону залива, туда, гдѣ дымится и по временамъ извергаетъ пламя Везувій, гдѣ процвѣтали Геркуланъ, Помпей, Стабіи, Нуверія, гдѣ теперь Портичи, Резина, Торре дель Греко, Торре дель Аннунціата, Кастелламаре, Сорренто. По этому берегу пролегаетъ и желѣзная дорога, здѣсь путешественникъ наслаждается необозримымъ моремъ апельсинныхъ садовъ, тутъ онъ видитъ роскошныя виллы, утопающія въ зелени, въ этихъ мѣстахъ онъ стремится пожить хотя нѣсколько дней, сюда наконецъ, онъ прежде всего направляется изъ Неаполя, чтобы погулять по узкимъ улицамъ постепенно освобождаемаго изъ подъ пепла древняго города.

5 февраля 63 года по Р. Х. произошло въ Кампаніи землетрясеніе. «Помпей, знаменитый городъ Кампаніи, въ значительной части обрушился»—говоритъ по этому поводу Тацитъ въ своей Лѣтописи. Но не одни Помпей пострадали отъ этого неожиданнаго и, по общепринятому тогда ученію Каллисеена, невозможнаго зимой несчастія. Пострадалъ кромѣ Помпей, какъ повѣствуетъ современникъ этого событія, философъ Сенека, въ своихъ «Естественныхъ вопросахъ», и Геркуланъ (по древнему Геркуланей), часть котораго также обрушилась, произошли кое-какія поврежденія въ Нуверіи (теперь Почера), да и Неаполь не остался безъ убытковъ. Въ окрестностяхъ этихъ городовъ землетрясеніе отозвалось не только на зданіяхъ, но и на животныхъ: погубило стадо въ шестьсотъ овецъ, добавляетъ свой рассказъ Сенека. Слышно также было въ Римѣ въ то время, что много статуй разбилось отъ землетрясенія и что были люди, которые помѣшались отъ страха, наведеннаго на жителей необычайнымъ событіемъ.

Какъ ни велико было это несчастье въ мѣстности, густо населенной и привыкшей къ довольному существованію, но оно было ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, которое постигло ее спустя шестнадцать лѣтъ 23 августа 79 года. Помпей едва успѣли отстроиться послѣ землетрясенія, какъ много вѣковъ пребывавшій спокойнымъ Везувій сталъ извергать огонь, уголь, камень и пепель и, не переставая свирѣпствовать такимъ образомъ въ продолженіе трехъ дней, похоронилъ подъ пепломъ только-что возстановленные Помпей и вмѣстѣ съ ними Геркуланъ и Стабіи. Это страшное въ древней исторіи событіе, сопровождавшееся землетрясеніемъ во всей окрестной мѣстности, подробно описано въ двухъ письмахъ Пли-

нія Младшаго къ Тациту. Авторъ этихъ писемъ, находясь на противоположномъ берегу залива, въ Мизенѣ, былъ очевидцемъ происходившаго изверженія, при которомъ погибъ дядя его, знаменитый натуралистъ Плині Старшій, который, стоя съ флотомъ въ Мизенѣ, не утерпѣлъ, чтобы не посмотрѣть ближе на необычайную дѣятельность Везувія. Изверженіе пепла, подъ которымъ погибли цвѣтущіе города, прилегавшіе къ восточному берегу Неаполитанскаго залива, было такъ сильно, что, по сообщенію Діона Кассія, части его доносились въ Африку и Сирію, а въ Римѣ воздухъ былъ наполненъ имъ до такой степени, что было помрачено солнце. Такъ какъ катастрофа продолжалась цѣлыхъ три дня, то это обстоятельство давало жителямъ засыпанныхъ городовъ возможность спастись; но далеко не всѣ воспользовались этою возможностью. Какъ всегда бываетъ во время смятенія, порождаемаго страшнымъ и неожиданнымъ бѣдствіемъ, какъ на примѣръ большимъ пожаромъ, многіе не знали, что дѣлать и гдѣ найти спасеніе. Въ то время какъ, по словамъ Діона Кассія, нѣкоторые среди дыма, пламени, землетрясенія выбѣгали изъ домовъ на улицу, другіе съ улицы бѣжали въ дома, ища тамъ убѣжища; въ то время какъ люди, находившіеся на морѣ, старались скорѣе ступить на твердую землю, другіе, не считая себя безопасными на сушѣ, бросались къ морю. Находилось однако и въ Геркуланѣ и въ Помпеяхъ много безопасныхъ людей, которые, среди всеобщаго ужаса, не хотѣли выходить изъ театра. Но, вообще говоря, народа, насколько позволяютъ судить помпейскія раскопки, погибло сравнительно немного: полагаютъ, что изъ двадцати или тридцати тысячъ жителей, населявшихъ Помпеи, нашли смерть во время катастрофы не болѣе двухъ тысячъ чловѣкъ. Такимъ образомъ погибли три города, между которыми главнымъ были Помпеи. Но въ то время какъ надъ Геркуланомъ и Стабіями съ теченіемъ времени возникли новые города, Резина и Кастелламаре, что дѣлаетъ невозможными сколько нибудь значительныя раскопки безъ ущерба для теперешнихъ зданій и жителей, Помпеи оставались покрытыми только изверженіями Везувія. Такимъ-то образомъ не только сохранился, но и предстаетъ теперь передъ нашими глазами древній городъ, съ улицами, троттуарами, площадями, домами, храмами, театрами, гробницами, съ домашней утварью, съ комнатными украшеніями, съ произведеніями всевозможныхъ ремеслъ и искусствъ, наконецъ—съ остатками пищи, упо-

треблявшейся жителями. Есть на что взглянуть любопытному путешественнику.

Полчаса ъзды изъ Неаполя по желѣзной дорогѣ, и мы въ Помпеяхъ. Входимъ мы туда, какъ и всѣ другіе прибывающіе изъ Неаполя, черезъ сводообразныя ворота, носящія теперь названіе *porta della Marina*. Въ этой мѣстности, при входѣ въ городъ, въ древности были устроены глубоко въ землѣ складочныя магазины для помѣщенія товаровъ, привозимыхъ моремъ. Ворота, черезъ которыя мы входимъ, устроены надъ этими магазинами. Мы не заходимъ въ находящійся въ-право отъ воротъ недавно устроенный музей, въ которомъ собраны образцы предметовъ, добытыхъ раскопками и нѣсколько человѣческихъ тѣлъ, превосходно воспроизведенныхъ посредствомъ гипса, которымъ, по распоряженію Фіорелли, были наполнены формы, образовавшіяся отъ затвердѣвшаго надъ тѣлами пепла. Мы поднимаемся выше и, встрѣчая по правую руку стѣну, начинаемъ видѣть по лѣвую рядъ жилищъ и лавокъ, въ одной изъ которыхъ продавались горячіе напитки (обыкновенно — вино съ горячей водой). Такого рода рестораціи, которыхъ было много въ Помпеяхъ, назывались еермополіями (*thermopolia*). Идя все прямо, мы входимъ на форумъ, главное, центральное мѣсто города. По пути, которымъ мы шли, на этотъ форумъ выходятъ два общественныхъ зданія: съ права базилика, гдѣ происходилъ судъ, творимый дуумвирами, и гдѣ, въ западномъ концѣ зданія, еще сохранилось мѣсто для трибунала; съ лѣва храмъ Венеры, одно изъ древнѣйшихъ сооруженій засыпаннаго города. Цѣлый рядъ другихъ общественныхъ зданій окружаетъ эту главную городскую площадь, на которую выходятъ съ разныхъ сторонъ города шесть улицъ. Такъ, съ сѣверной стороны къ форуму примыкаетъ изящный храмъ Юпитера, сильно потерпѣвшій отъ землетрясенія 63 года и засыпанный Везувіемъ во время перестройки; съ восточной стороны форума, ближе всего къ храму Юпитера, стоитъ зданіе, которое называютъ одни храмомъ Августа, а другіе Пантеономъ; за нимъ южнѣе—общественный атрій съ жертвенникомъ Тиберію, по видимому, мѣсто засѣданія городской думы; за нимъ непосредственно по эту же сторону обшитый мраморомъ храмъ генія Августа, обыкновенно считаемый храмомъ Меркурія; еще южнѣе зданіе, носящее названіе *ChaIcidicum*, съ портикомъ и внутреннимъ дворомъ, окруженнымъ крытою галлереей; по южную

сторону форума находится здание съ тремя залами, называемыми у итальянскихъ археологовъ куріями; наконецъ, на западной сторонѣ, сѣвернѣе храма помпейской Венеры, находятся разныя общественныя сооруженія, какъ напр. помѣщеніе для образцовъ общественныхъ мѣръ и вѣсовъ, далѣе—мѣсто для рынка, отхожія мѣста для публики, съ переднею, и тюрьма. Самая площадь форума окружена съ трехъ сторонъ портикомъ, который имѣлъ двойной рядъ колоннъ, сохранившійся теперь на южной сторонѣ площади. Форумъ былъ усѣянъ статуями, отъ которыхъ осталось двадцать два пьедестала, въ пяти случаяхъ сохранившихъ подписи. На одной западной сторонѣ, стояло двѣнадцать конныхъ статуй, да четыре на ногахъ по южную сторону находилось четыре конныхъ статуи, двѣ по восточную. Большой пьедесталъ по срединѣ площади указываетъ на то, что тамъ стояла наиболѣе почетная конная статуя, вѣроятно какого-нибудь императора. Поверхъ дорическихъ колоннъ изъ травертина, окружавшихъ площадь, усѣянную статуями, шла другая колоннада, іоническаго стила, куда всходили по лѣстницамъ. Этимъ способомъ имѣлось въ виду увеличить пространство для движенія публики на главной площади города, мѣстѣ народныхъ собраній, но изверженіе Везувія застало работу возведенія верхняго портика, по видимому, не оконченною. Можно себѣ однако вообразить, какой великолѣпный видъ представлялъ помпейскій форумъ, вымощенный большими плитами, окруженный великолѣпными общественными зданіями, покрытый статуями важныхъ городскихъ и государственныхъ лицъ, съ верхней и нижней колоннадами, окружающими самую площадь, по которой постоянно двигалась публика.

Но что же это былъ за городъ, въ которомъ мы съ первыхъ шаговъ встрѣтили такое великолѣпіе? Это былъ обыкновенный провинціальный городъ, какихъ не мало было въ древней Италіи. Правда, это былъ городъ приморскій и торговый, и въ этомъ отношеніи занимавшій видное мѣсто между другими городами Кампаніи, но онъ отнюдь не выдавался по своей роскоши въ средѣ другихъ, какъ Неаполь, даже какъ Бай и Путеоди, привлекавшіе къ себѣ многочисленную богатую и знатную публику столицы государства и другихъ мѣстъ Италіи. Кампанскіе города вообще выгодно отличались отъ городовъ Лаціа и гордились передъ ними (отсюда вошедшая у римлянъ въ поговорку: *superbia Campana*) своимъ благосостояніемъ и вѣншимъ благоустройствомъ. Первое

давалось имъ въ силу благодатной почвы и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, прекраснаго географическаго положенія: второе, находясь въ зависимости отъ перваго, было въ тоже время наслѣдіемъ древней культуры, съ давнихъ поръ распространявшейся въ этой странѣ греческими колоніями. Помпеи былъ городъ старій; онъ насчитывалъ въ послѣдній день своего существованія по крайней мѣрѣ шесть съ половиною столѣтій. Онъ основанъ приблизительно за 600 лѣтъ до Р. Х. осками или какимъ-другимъ древнимъ населеніемъ южной Италіи, около 424 г. до Р. Х. былъ занятъ спустившимися съ горъ самнитянами, а послѣ окончанія союзнической войны, которую велъ Римъ съ итальянскими народами, требовавшими себѣ правъ римскаго гражданства, въ 666 году отъ основанія Рима (88 до Р. Х.) былъ превращенъ въ римскую колонію. Отъ первой эпохи мало сохранилось памятниковъ, хотя греческое вліяніе и тутъ представляется несомнѣннымъ, какъ свидѣлствуютъ о томъ развалины греческаго храма Геркулеса (?), одного изъ самыхъ древнихъ памятниковъ архитектуры въ Италіи. Но особенный разцвѣтъ вліянія греческаго искусства и всей эллинской культуры проявился въ Кампанскихъ городахъ вообще и въ Помпеяхъ въ частности въ другую, самнитскую эпоху этого города. Часть прекрасныхъ мостовыхъ, великолѣпные храмы и другія общественныя зданія, развитіе вкуса къ украшенію своихъ жилищъ предметами искусства относятся главнымъ образомъ къ этой эпохѣ. Когда послѣ союзнической войны, въ которой помпейскому войску нанесенъ былъ рѣшительный ударъ подъ Нолой, туда была выведена Суллой римская колонія ветерановъ, это былъ городъ богатый и вполне благоустроенный, обладавшій прекрасными зданіями, публичными и частными, множествомъ гостинницъ, магазиновъ, фабрикъ, между которыми важную роль играли суконныя, театрами, банями и другими полезными или увеселительными заведеніями. Поименовывая рядъ кампанскихъ городъ, въ сравненіи съ которыми латинскіе не могутъ по красотѣ, благоустройству и гигиеническимъ условіямъ выдержать никакого сравненія, Цицеронъ въ своей рѣчи Объ аграрномъ законѣ приводитъ, рядомъ съ Неаполемъ, Путеолями, Кумами, Нуверіей, и Помпеи. Не даромъ онъ завелъ тамъ себѣ въ окрестностяхъ этого города дачу, которую посѣщалъ нерѣдко и о которой не разъ говоритъ въ своихъ письмахъ къ своему брату, къ Аттику и къ другимъ друзьямъ. Превращеніе Помпей въ римскую

колонію, въ свою очередь, не только не уронило благосостоянія гор- рмда, но и содѣйствовало новому его оживленію и украшенію. Го- родъ сталъ населеннѣе и богаче. Богаче онъ сталъ потому осо- бенно, что вслѣдствіе разрушенія, во время союзнической войны, Стабій (нынѣшній Каstellамаре), онъ, сдѣлался главнымъ портомъ на восточномъ берегу Неаполитанскаго залива и увеличилъ свое торговое значеніе. Возникло множество новыхъ построекъ обще- ственныхъ и частныхъ, жизнь стала устраиваться на болѣе ши- рокою ногу, страсть къ роскоши еще болѣе усилилась и охватила всѣ классы общества, что отразилось между прочимъ на всеобщемъ украшеніи домовъ стѣнною живописью и на стремленіи къ болѣе комфортабельному домашнему устройству, чѣмъ какимъ средній классъ довольствовался прежде. Въ этомъ состояніи развитія за- стало городъ землетрясеніе 63 года по Р. Х., которое разрушило между прочимъ лучшую часть его, идущую отъ форума къ востоку и заключающуюся между улицами della Fortuna и dell'Abbondanza (новыя названія). То, что намъ представляютъ собой теперь Помпей, это—городъ, начавшій возстановляться послѣ разрушенія и далеко еще не возстановившійся къ тому времени, какъ ему пришлось быть погребеннымъ подъ пепломъ Везувія.

Мы стоимъ на форумѣ, на которомъ невольно остановились, за- шедши въ окружающія его общественныя зданія. Постройка этихъ зданій принадлежитъ разнымъ эпохамъ, но болѣе всего говоритъ о началѣ имперіи. Самыми старыми изъ нихъ являются храмъ Помпейской Венеры и храмъ Юпитера; наиболѣе новыми—свати- лица, посвященныя Августу. Бросивъ на нихъ взглядъ, мы спѣ- шимъ познакомиться съ городомъ, съ его внутреннею жизнью, съ его бытовою стороною, на которой сосредоточивается для насъ наибольшій интересъ при обзорѣниі воскресшаго изъ-подъ пепла города. Передъ нами рядъ улицъ, выходящихъ на форумъ, и намъ предстоитъ избрать то или другое направленіе. Обыкновенно посѣтители Помпей, вошедши на форумъ съ южной стороны и до- шедши до сѣверной, гдѣ стоитъ храмъ Юпитера, направляютъ свой путь черезъ Неронову арку дальше къ сѣверу, къ аркѣ Ка- лигулы, по улицѣ, на которой находятся съ лѣвой стороны бани, а съ правой, на углу улицы Фортуны, стоитъ храмъ Августовой Фортуны (Fortuna Augusta). Только-что мы вошли въ эту улицу, какъ передъ нами открывается по правую руку рядъ лавокъ и

прежде всего винный магазинъ (*taberna vinaria*), о которомъ свидѣтельствуеъ барельефъ изъ нукерійскаго камня, изображающій двухъ человѣкъ, несущихъ на плечахъ амфору. Въ двухъ другихъ лавкахъ сложены въ настоящее время нѣсколько большихъ глиняныхъ сосудовъ, *dolia*, соответствующихъ нашимъ бочкамъ, въ которыхъ бродитъ вино до разлива ихъ въ бутылки, а у древнихъ въ амфоры. Бочки эти найдены за городомъ близъ рѣки Сарно и имѣютъ на себѣ марку фабриканта ихъ М. Лукея Квартіона, а на одной изъ нихъ напарано и имя рабочаго, Онезима, который ихъ дѣлалъ для хозяина. Лавокъ въ Помпеяхъ много множество. Онѣ встрѣчаются на каждомъ шагу для всевозможныхъ надобностей— для продажи масла, вина, молока, благовоній и т. д. Всѣ дома, выходящіе фасадомъ на улицу, если это не общественныя зданія, заняты лавками или мастерскими сапожниковъ, портныхъ, цирюльниковъ, мѣдныхъ и желѣзныхъ дѣлъ мастеровъ и т. п. За лавкой обыкновенно была сзади комната для помѣщенія кушца или ремесленника, но нерѣдко комната эта была не внизу, а въ верхнемъ этажѣ, куда вела узкая и неудобная лѣстница, какихъ въ помпейскихъ домахъ, отдававшихся въ-наймы и называвшихся по-латыни *insulae*, очень много. Эти наемныя комнаты для лавочниковъ и ремесленниковъ въ верхнихъ этажахъ назывались *саепаacula* (обѣденныя комнаты) и *реггулае* ¹⁾ (нѣчто соответствующее нашимъ чердачнымъ помѣщеніямъ). Между надписями на помпейскихъ домахъ мы встрѣчаемъ и объявленія, по которымъ отдаются въ-наймы *tabernae cum regulis suis*. Верхнихъ этажей въ помпейскихъ домахъ теперь не существуетъ, но сохранившіяся многочисленныя лѣстницы остаются достаточнымъ о нихъ свидѣтельствомъ. Одна изъ лавокъ, находящихся по той же сторонѣ улицы, была еермополиемъ, т. е. трактиромъ, или ресторацией, гдѣ, какъ уже мы упоминали, продавался между прочимъ теплый напитокъ (отсюда и названіе еермополія), смѣсь вина и воды. Вотъ мраморный прилавокъ, гдѣ продавалось питье прохожимъ, заходившимъ сюда на минуту подерѣпить себя теплымъ напиткомъ, вотъ помѣщенія для сосудовъ, содержавшихъ влагу, вотъ очагъ, на которомъ ки-

¹⁾ Собственно *regula* вообще означаетъ придаточную комнату, которая въ данномъ случаѣ могла также слѣдовать непосредственно за лавкой.

кипѣла вода, а вотъ и комната для посѣтителей, складъ для сосудовъ вина, кухни и латрина. Въ этихъ еермополіяхъ посѣтители иногда проводили время очень весело, о чемъ свидѣтельствуютъ надписи нерѣдко съ именами женщинъ, служившихъ для посѣтителей развлеченіемъ, равно какъ и неприличныя изображенія по стѣнамъ. Тутъ же происходила игра въ кости, иногда оканчивавшаяся ссорой и дракой между партнёрами, которыхъ хозяинъ въ такомъ случаѣ вѣжливо выпроваживалъ, приглашая ихъ драться на улицѣ. Все это хорошо освѣщено сохранившимися надписями и стѣнными изображеніями. Оканчивается эта сторона улицы небольшимъ храмомъ Августовой Фортуны. Храмъ былъ построенъ на собственный счетъ дуумвиромъ (этими именемъ назывались двое изъ выборныхъ властей, составлявшихъ главную администрацію города) М. Тулліемъ; онъ былъ отдѣланъ роскошнымъ мраморомъ и составлялъ одно изъ наиболѣе важныхъ украшеній этой части города. Главною статуей въ немъ была статуя Фортуны, но тамъ же стояла въ одной изъ нишъ статуя Августа, о чемъ свидѣтельствуетъ и разбитая надпись на ея базисѣ, гдѣ Августъ называется «отцомъ отечества».

Другая сторона улицы, съ которой мы начали обзоръ города, вся занята зданіемъ общественныхъ бань съ лавками, его окаймляющими. Зданіе занимаетъ цѣлый кварталъ и имѣло шесть входовъ. Извѣстно, какую важную роль общественныя бани играли въ жизни древнихъ итальянцевъ, какія роскошныя сооруженія были посвящаемы для удовлетворенія этой общественной потребности въ Римѣ и другихъ городахъ Италіи, какихъ огромныхъ суммъ стоили эти сооруженія императорамъ въ Римѣ и должностнымъ лицамъ, искавшимъ народнаго расположенія, въ провинціи. Поэтому не будетъ лишнимъ для насъ зайти въ находящіяся предъ нашими глазами бани и посмотреть на ихъ устройство. Надобно только замѣтить, что эти, находящіяся близъ форумъ, бани — не лучшее и не самое большое учрежденіе въ этомъ родѣ въ Помпеяхъ. Къ тому же, онѣ принадлежатъ къ эпохѣ, слѣдовавшей за поселеніемъ въ этомъ городѣ римскихъ колонистовъ, и суть бани римскаго устройства, по крайней мѣрѣ въ эту эпоху онѣ передѣланы и расширены. Главный фасадъ этихъ бань былъ обращенъ на сѣверную сторону, на улицу, называющуюся теперь *strada delle Terme*; тамъ и находились два главныхъ входа, первый изъ которыхъ велъ въ

мужскую баню. Передъ нимъ скамья для сидѣнья, и вотъ лѣстница, ведущая въ верхнія комнаты. Но заставимъ лучше сдѣлать намъ описаніе внутренности этого зданія Фіорелли, главнаго руководителя помпейскихъ раскопокъ, книгу котораго «Descrizione di Pompei (Napoli, 1875)» — необходимо имѣть передъ глазами всякому, желающему ближе ознакомиться съ зданіями древняго города. <Входъ въ баню, слѣдуя изъ корридора, вводилъ прямо въ раздѣвальню или въ *apodyterium*, состоящей изъ обширной залы, кругомъ которой съ трехъ сторонъ находятся сидѣнья, съ соотвѣствующими подножками, а на извѣстной высотѣ отъ земли дыры отъ перекладинъ, вбитыхъ въ стѣну для вѣшанья платья тѣхъ, кто, раздѣвшись, готовился войти въ смежныя залы, или вышедши изъ нихъ бралъ снова одежду. Комнатныя украшенія въ раздѣвальнѣ и въ другихъ частяхъ зданія, вслѣдствіе поврежденій, причиненныхъ землетрясеніемъ, и сдѣланныхъ поправокъ, не представляются вездѣ одинаковыми въ стилѣ. Здѣсь карнизъ съ рельефными гипсовыми фризами, изображающими лиры, дельфиновъ, химеръ и сосуды; тамъ стоитъ, сверхъ того, въ лицевой стѣнѣ стеклянный запертый ящичекъ, въ которомъ ночью находилась лампадка, а выше широкое окно съ большимъ стекломъ, вмурованнымъ въ самое зданіе. Подъ окномъ рельефное изображеніе головы Океана, который среди водъ, падающихъ съ его волосъ и съ бороды, держитъ объхватомъ маленькихъ амуровъ, дельфиновъ и двухъ тритоновъ, съ порывистымъ движеніемъ несущихъ сосуды и оружіе.

«Раздѣвальня сверхъ дверей вышеуказаннаго прохода имѣла кругомъ пять другихъ. Первая, справа отъ входящаго, вела въ комнату, которую я считаю элеозезіумомъ, назначеннымъ для натираній маслами и благовонными мазями, другая — длиннымъ корридоромъ вела къ большой печи, изъ третьей входили въ *terridarium* (гдѣ мылись тепловатою водою), четвертая вела въ *frigidarium* (гдѣ моющіеся въ банѣ охлаждались), а пятая приводила въ сообщеніе раздѣвальню съ садомъ или съ баннымъ виридаріемъ, который имѣлъ два побочныхъ входа или выхода на восточной и западной сторонахъ острова ¹⁾).

¹⁾ Островомъ, *insula*, назывались дома, отдаваемые хозяиномъ въ наймы жильцамъ, въ противоположность дому, *domus*, который онъ занималъ самъ. Это были отдѣльные дома или группы домовъ, кругомъ которыхъ идетъ дорога. Въ Помпеяхъ принято называть островомъ цѣлый кварталъ, по четыремъ сторонамъ котораго идутъ улицы.

«Frigidarium имѣеть круглую форму, и сводъ его, освѣщаемый окномъ сверху, возвышается надъ карнизомъ, на которомъ бѣлымъ гипсомъ на красномъ фонѣ изваяна бѣзда амурчиковъ на колесницахъ и верхомъ. Въ стѣнѣ выдолблены четыре ниши, въ которыхъ находились сидѣнья для купающихся, и тамъ же бронзовый языкъ, съ котораго лилась широкая струя воды въ бассейнъ, одѣтый въ мраморъ съ ступенькой для схода туда, и снабженный двумя сточными отверстиями — одно для того, чтобы его опорожнять и чистить, а другое затѣмъ, чтобы когда онъ наполненъ, вода не выплескивалась чрезъ края.

«Tepidarium, освѣщаемый окномъ въ четыре стекла, имѣеть сводъ, отдѣланный гипсовыми барельефами по четверугольникамъ, изъ которыхъ одни, меньшихъ размѣровъ, съ амуромъ, открытымъ цвѣткомъ, или крылатымъ четвероногимъ по срединѣ, въ другихъ, большихъ размѣровъ, находится амуръ, опирающийся на лукъ, Ганимедъ, несомый орломъ на небо, юношеская фигура, сидящая на иппогрифѣ (крылатомъ конѣ), амуръ, переходящій море на иппокампахъ (морскихъ коняхъ), или дельфинахъ. Всѣ эти четверугольники раздѣлены канделябрами и окружены лентами разнаго цвѣта. Фризъ надъ карнизомъ изображаетъ двѣ виноградныя вѣтви, съ листьями, исходящими изъ тѣла амурчиковъ, которые держатся за ихъ верхушки обѣими руками; а карнизъ, очень выдающійся отъ стѣны, поддерживается покрытыми тончайшимъ слоемъ гипса глиняными атлантами или теламонами, посреди которыхъ находятся помѣщенія для сохраненія платья или простынь.

«Какой-то М. Нигидій Вакула, можетъ быть братъ Нигидія Мая, главнѣ колоніи, который, по случаю посвященія этихъ банъ, далъ народу зрѣлище гладиаторскихъ игръ, снабдилъ тепидарій жаровней для его согрѣванія и тремя бронзовыми скамьями, которыя стояли кругомъ его. На нихъ вырѣзана надпись: М. Nigidius Vassula p. s. (М. Нигидій Вакула на свой счетъ).

«Въ Calidarium (горячей комнатѣ) стѣны голы и полъ не додѣланъ. Въ одномъ концѣ находится calida lavatio, т. е. большой мраморный желобъ со ступенькой при входѣ въ него и съ другой внутри для сидѣнья тамъ и съ двумя сточными отверстиями; съ другой стороны lасonicum (потильня) гемисферической формы, съ круглымъ окномъ въ сводѣ, который былъ отдѣланъ штукатуркой и имѣлъ бронзовый модераторъ банной температуры. Тамъ на-

ходится мраморный *labrum* (бассейнъ для воды, которую спрыскивались), на краю котораго бронзовыми буквами написано (латинскую надпись опускаю) объ издержкѣ на него въ 5250 сестерціевъ (около 250 рублей), сдѣланной по опредѣленію декуріоновъ на общественныя деньги дуумвирами Гнеемъ Мелиссеемъ и Маркомъ Стайемъ, бывшими другой разъ въ должности, въ четвертый годъ нашего лѣтосчисленія. Четыре окна освѣщали днемъ комнату, а ночью тамъ, между прочимъ, горѣлъ огонь въ томъ мѣстѣ для фонаря, которое находится поверхъ *labrum*.

«Дверь раздѣвальной, ведшая на дворъ или садъ, впускала въ корридоръ, который, выходя на сѣверную аллею сада, слѣва имѣлъ другую дверь. Она вела кривымъ путемъ къ латринѣ (отхожему мѣсту) и выходила на восточную улицу острова. Садъ былъ окруженъ портикомъ только съ трехъ сторонъ и имѣлъ съ сѣвера и запада аллеи покрытыя навѣсомъ, который поддерживался колоннами, а съ восточной стороны пилястрами, на верху которыхъ находится нѣсколько коморокъ, служившихъ, можетъ быть, обиталищемъ банной прислуги. На сѣверной аллеѣ находится у стѣны длинный выступъ (*podium*) или лавка, прерываемая входомъ въ *oecus* (крытая зала для публики), который углубляется къ сторонѣ тепидарія и служилъ, быть можетъ, для удовольствія тѣхъ, кто проводилъ въ этомъ мѣстѣ многіе часы дня. На западной сторонѣ (сада) другой выходъ, имѣющій въ сторонѣ болѣе обширную латрину.

«Одна дверь съ улицы вела къ печной комнатѣ и къ бассейнамъ или водохранилищамъ бани. Спустившись отъ нея по ступенькамъ входилъ на площадку, съ правой стороны которой находится каменная лѣстница, съ лѣвой корридоръ, имѣющій сообщеніе съ раздѣвальной мужской бани, прямо жерло *praefurnium*'а (мѣсто, куда вносились дрова банной печи), къ которому прилегаютъ другія ступеньки, ведущія на верхъ печной комнаты, къ мѣсту парсвиковъ и къ писцинѣ (главный бассейнъ въ банѣ), которая сохраняла воду, проведенную туда изъ другого водохранилища, болѣе обширнаго и находившагося въ смежномъ кварталѣ, при помощи проводовъ, поддерживавшихся аркой зданія, теперь разваливашагося. Изъ этого мѣста, на которомъ находятся слѣды третьей лѣстницы, можно проникнуть однимъ проходомъ въ открытый дворъ, имѣющій входъ съ западной улицы, гдѣ двѣ боковыхъ

дужихъ колонны, по видимому, должны были поддерживать продолженіе водопровода, идущаго изъ сосѣдняго квартала. Здѣсь, сверхъ того, находятся ступени изъ мостового камня и каморка смежная съ входной дверью и занимавшаяся, быть можетъ, тѣмъ, у кого были ключи отъ двери».

На этомъ мы остановимся въ описаніи помпейскихъ бань, прилежавшихъ къ форуму. Находившіяся въ томъ же зданіи женскія бани были тѣснѣе и проще, но въ сущности представляютъ тоже, что и мужскія бани. Но вообще бани, построенныя въ Помпеяхъ близъ форума, представляютъ собой нѣчто обыкновенное, не только не идущее въ сравненіи по громадности размѣровъ, по роскоши и удобствамъ съ римскими еермами Діоклетіана, Тита или Каракаллы, но значительно уступающее и старымъ помпейскимъ банямъ, принадлежавшимъ еще къ самнитской эпохѣ. Тамъ были и солнечные часы, которыми снабдилъ эти еермы квесторъ Марій Атиній на штрафныя деньги, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ осская надпись; тамъ была палестра для гимнастическихъ упражненій; тамъ двѣ особенныхъ залы съ мраморными полами были назначены для свобленія тѣла посредствомъ серебницы (*strigilis*) и для натиранія его масломъ и благовоніями; тамъ было больше стѣнныхъ украшеній. Но за то значительная часть этихъ бань находится теперь въ разрушенномъ состояніи.

Отправляясь гулять по улицамъ Помпей отъ форума, мы заходили въ лавки и подробно осматривали бани. Теперь зайдѣмъ въ какой-нибудь домъ, чтобы видѣть, какъ жили тамъ люди средняго (достаточнаго) класса и посмотримъ на его устройство. Такого рода домовъ, описанныхъ Фіорелли, было въ 1875 году болѣе двухсотъ. Мы заходимъ въ первый, находящійся какъ разъ противъ описанныхъ нами бань съ сѣверной стороны домъ, носящій теперь названіе дома трагическаго поэта (*casa del poeta tragico*).

Переступивши порогъ, мы находимся въ передней, гдѣ прежде находилась на полу изящная мозаика съ изображеніемъ лающей собаки на цѣпи и съ надписью: *save canem* (остерегайся собаки)! Она теперь находится въ неаполитанскомъ музеѣ. Изъ этой передней мы вступаемъ прямо въ атрій тосканскаго стиля (*tuscanicum*). Атрій есть первая и необходимая часть всякаго древне-итальянскаго дома и въ древнѣйшихъ жилищахъ, можетъ быть,

единственная комната. Тамъ въ старину былъ семейный очагъ (онъ-же былъ и жертвенникъ, ага), на которомъ готовили пищу и приносили жертвоприношеніе тутъ-же стоявшимъ домашнимъ богамъ; въ атриѣ стояла брачная постель, здѣсь хозяйка дома занималась работами съ своей прислугой, здѣсь принимали гостей и кліентовъ, здѣсь находились изображенія предковъ и здѣсь-же стоялъ сундукъ съ деньгами. По мѣрѣ развитія потребностей и уклоненія отъ древнихъ нравовъ итальянскій домъ расширялся все болѣе и болѣе: явились отдѣльныя комнаты для разныхъ потребностей—для спальни, для кухни, для обѣда, для приѣма гостей и даже для домашнихъ боговъ. Не смотря на это, атриѣ остался все-таки главной и существенной частью древне-итальянскаго дома. Атриѣ, въ который мы вошли, имѣетъ вверху въ крышѣ квадратное отверстіе, которое называлось *compluvium*. Такъ оно называлось потому, что черезъ него собиралась дождевая вода въ бассейнъ, стоявшій противъ него на полу. Бассейнъ этотъ назывался *impluvium*. Въ домѣ трагическаго поэта онъ сдѣланъ изъ мрамора. Стѣны атрия этого дома были расписаны превосходной живописью, изображавшей Хризеиду и уводящаго ее Агамемнона разставаніе Бризеиды съ Ахилломъ, свадьбу Юпитера и Юноны на горѣ Идѣ. Но эта живопись взята въ неаполитанскій музей, какъ и мозаика съ собакой. Остается на мѣстѣ лишь часть картины, гдѣ представленъ Нептунъ, ѣдущій на морскомъ конѣ, въ сопровожденіи Тритона и амурчика, который несетъ трезубецъ. По лѣвую сторону атрия двѣ спальни, одна съ боковой лѣстницей навсѣхъ, а другая, болѣе обширная, съ разной стѣнной живописью и фризомъ, изображающимъ битву амазонокъ, помпейскую Венеру и Амуровъ; за спальнями кладовая (*apotheca*), а на правой сторонѣ каморка привратника, спальня и боковое парадное помѣщеніе, закрывавшееся не дверью, а занавѣсомъ, *ala* (крыло). Обыкновенно этихъ *alae* или этихъ крыльевъ было два, по одному на каждой изъ двухъ сторонъ атрия. За атриемъ прямо противъ входа находится *tablinum*, приѣмная зала, на убранство которой всегда обращалось большое вниманіе. Полъ этой комнаты былъ покрытъ мозаикой, съ изображеніемъ декламирующаго подъ звуки флейты актѣра (отсюда новое названіе этого дома) и другихъ лицъ, приготовляющихся къ драматическому дѣйствію. Эта мозаика также находится теперь въ неаполитанскомъ музеѣ. Правая сторона *tab-*

linum была украшена фресками, изображающими въ серединѣ сидящихъ Адмета и Альцесту, а по бокамъ Викторію и летящихъ амуровъ. Изъ таблина черезъ оесус, крытую залу, мы проходимъ въ открытую, окруженную семью колоннами. Это—перистиль, главная часть второй половины дома, назначавшейся для внутренняго употребленія, т. е. для хозяина и его семейства. Въ домѣ трагическаго поэта портикъ окружаетъ небольшой садъ, носящій названіе ксиста (xystus), который обыкновенно былъ другимъ садомъ, отдѣльнымъ отъ перистила. Въ концѣ этого ксиста находится комната для домашнихъ боговъ, laetium, божница. Портикъ былъ разукрашенъ превосходною живописью, изображающею приношеніе въ жертву Ифигеніи и взятою въ Неаполь. Это одно изъ лучшихъ изображеній, представляемыхъ намъ сохранившимися помпейскими фресками. По правую сторону портика находится входъ въ него изъ внутреннихъ комнатъ: изъ одной комнаты для прислуги, кухни, и триклинія, т. е. столовой залы. Стѣны этой залы расписаны фресками, представляющими между прочимъ Венеру съ гнѣздомъ амуровъ, Ариадну, покинутую Фезеемъ и сцену, относящуюся къ миѳу о Діанѣ. По противоположную сторону портика находятся двѣ комнаты для прислуги, расписанныхъ также живописью, изображающею въ первой изъ нихъ Ариадну, смотрящую на корабль Фезея, Венеру, ловящую рыбу, Нарцисса и амуровъ, во второй—виды зданій, четвероногихъ животныхъ и висящія на верху сценическія маски. За этими комнатами находился *posticum*, т. е. задній ходъ съ необходимыми для дома постройками.

Домъ трагическаго поэта представляетъ собой обыкновенный обывательскій домъ средняго размѣра и средней роскоши. Болѣе обширное и роскошное помѣщеніе занималъ, по сосѣдству съ нимъ въ своемъ большомъ домѣ Гней Аллей Нигидій Май. Домъ этотъ, извѣстный въ путеводителяхъ подъ именемъ дома Пансы, имѣлъ небольшую переднюю, которая вела въ атрій съ бассейномъ посрединѣ для сбора дождевой воды, падавшей чрезъ отверстіе въ крышѣ, и съ тремя спальнями, равно какъ съ однимъ крыломъ по правую и по лѣвую сторону. Затѣмъ слѣдовалъ небольшой корридоръ, между которымъ съ одной стороны и комнатой съ окномъ съ другой—былъ расположенъ *tablinum* (пріемная зала); изъ этой комнаты былъ выходъ въ садъ, окруженный перистилемъ и содер-

жавшій въ себѣ сверхъ цвѣтовъ и другихъ растений piscину, резервуаръ для воды, большій по размѣрамъ, чѣмъ бассейнъ въ атриѣ. Съ одной стороны его находился секретный выходъ изъ дома, черезъ который хозяинъ спасался отъ докучливыхъ посѣтителей, лѣсенка, ведшая въ верхніе покои, и обширная столовая (триклиній) съ комнатою для провизіи; съ другой стороны расположены три комнаты съ превосходной живописью, изображающею Данаю съ золотымъ дождемъ и Нимфу съ урной, изъ которой бѣжитъ вода. Затѣмъ слѣдуетъ кухня съ очагомъ и съ изображеніями на стѣнѣ Ларовъ, змѣй, домашняго Генія, приносящаго жертвоприношеніе и обставленнаго разными явствами. Тутъ мы видимъ изображенія колбасы, свинячей головы, зайца, дроздовъ, рыбы и другихъ съѣдомыхъ предметовъ. Затѣмъ конюшня, откожее мѣсто и дверь, ведшая въ помѣщеніе для повозокъ. Прямо противъ сада была ехедрa, зала для общественнаго время-препровожденія, соотвѣтствующаго нашей гостиной или такъ сказать диванной комнатѣ; рядомъ съ нею другая комната, въ которой Фіорелли предполагаетъ *tabularium* (архивъ); съ противоположной стороны былъ корридоръ, который велъ въ мѣсто для прогулки (*ambulacrum*), надъ которымъ возвышалась открытая терраса, называемая *solarium* (отъ *sol*, солнце), и въ садъ, гдѣ находился резервуаръ для воды и деревенская лачужка для садовника.

Блуждая по улицамъ Помпей и заходя въ разные дома, въ которыхъ жили ихъ хозяева, мы находимъ ихъ въ общемъ также похожими одинъ на другой, какъ похоже внутреннее устройство и въ нашихъ современныхъ домахъ, большихъ и малыхъ. Какъ у насъ въ каждомъ жилищномъ домѣ или, если дѣло касается большихъ городовъ, въ каждой квартирѣ, занимаемой людьми съ сколько-нибудь достаточными средствами, есть прихожая, зала съ гостиной или одна только зала и одна гостиная, столовая, кабинетъ и спальня, съ прибавленіемъ или безъ прибавленія другихъ комнатъ не существеннаго значенія, такъ точно и въ Помпеяхъ мы всюду видимъ маленькую переднюю (*prothyron* или *vestibulum*), за нею *atrium*, освѣщаемый сверху отверстіемъ, черезъ которое стекала въ находящійся подъ нимъ бассейнъ дождевая вода, съ галлереей, по двумъ бокамъ которой шли небольшія комнаты, получавшія освѣщеніе отъ атрія; затѣмъ шель *tablinum*, парадная зала для приѣма гостей, соотвѣтствовавшая нашей залѣ. Это

была первая часть дома, предназначенная для приема посѣтителей. Далѣ шли комнаты, назначаемыя прямо для семейныхъ удобствъ и потребностей: садъ, окруженный перистилемъ, съ бассейномъ для воды, столовая, кухня, спальни, кладовыя, помѣщенія для рабовъ, для которыхъ, впрочемъ, по преимуществу служилъ верхній этажъ дома. Другія части какъ *oecus*, *chytus*, *exedra*, *tabularium* и т. п. не были существенны. Такого рода помѣщенія для зажиточныхъ семействъ въ Помпеяхъ обыкновенно не имѣютъ оконъ на улицу, а если имѣютъ, то только въ верхнихъ этажахъ, которые мы видимъ теперь (если только видимъ) въ разрушенномъ состояніи. Ясно, что въ древнихъ итальянскихъ городахъ, какъ и теперь въ мусульманскихъ странахъ на востокѣ и въ Африкѣ, жители не любили показывать постороннимъ своей внутренней жизни и потому заботились объ освѣщеніи своихъ жилищъ изнутри, а не снаружи. Ихъ вполне удовлетворяли въ этомъ случаѣ внутренніе дворы, изъ которыхъ одинъ (атрій) служилъ для передней половины дома, а другой (садъ съ перистилемъ) для половины семейной. При тепломъ климатѣ, при привычкѣ жить подъ открытымъ небомъ и на свѣжемъ воздухѣ, имъ было какъ нельзя удобнѣе проводить время въ своихъ внутреннихъ садахъ и въ тоже время держать открытыми двери въ свои внутреннія комнаты, куда не проникалъ глазъ посторонняго посѣтителя. Вотъ объясненіе того явления, которое поражаетъ новаго человѣка, въ особенности сѣвернаго, когда онъ, гуляя по помпейскимъ улицамъ и заходя въ дома, видитъ въ нихъ такъ мало оконъ и притомъ очень узкихъ и пропускающихъ свѣтъ чрезъ рѣшетки въ совершенно недостаточной по нашимъ понятіямъ степени. Позднее открытіе или, лучше, проникновеніе въ Италію стекла играетъ, разумѣется, при такомъ устройствѣ домовъ очень важную роль, но и вкусъ къ замкнутости домашней жизни, какою отличалась древность и которая теперь еще сохраняетъ свою силу на востокѣ, не любящемъ строить дома фасадами на улицу, имѣетъ также огромное значеніе въ объясненіи архитектурнаго устройства частныхъ помпейскихъ зданій ¹⁾.

¹⁾ Для желающихъ ближе познакомиться со всѣмъ тѣмъ, что касается помпейскихъ построекъ, какъ по отношенію къ архитектурѣ ихъ, такъ и по отношенію къ строительному матеріалу, употреблявшемуся въ разныя эпохи города, считаемъ не лишнимъ указать на превосходное сочиненіе Н и с е н а: *Pompejanische Studien zur Städtekunde des Alterthums*. Leipzig. 1877.

Рядомъ съ особеннымъ устройствомъ жилищъ въ Помпеяхъ останавливаетъ на себѣ вниманіе всякаго туриста необыкновенное развитіе стѣнной живописи. Кажется, нѣтъ дома, внутреннія стѣны котораго не были бы разукрашены живописью *al fresco*. Это тѣмъ поразительнѣе, что предстоящій нашимъ глазамъ древній городъ за шестнадцать лѣтъ до своей окончательной гибели былъ разрушенъ землетрясеніемъ. Какъ же велика должна была быть у жителей Помпей потребность въ художественной декорации своихъ жилищъ, когда они, обстраиваясь послѣ катастрофы 63 года по Р. Х., не могли оставаться безъ украшеній стѣнъ своихъ жилищъ даже короткое время! Какъ же велика должна была быть масса художниковъ, которыми могъ располагать городъ, если онъ въ такое короткое время могъ украситься столькими произведениями стѣнной живописи! Художники эти, очевидно, не могли принадлежать въ своемъ большинствѣ раззоренному городу, а прибыли со стороны, привлекаемые хорошимъ заработкомъ въ городѣ, гдѣ наслажденіе искусствомъ, какъ имъ было извѣстно, сдѣлалось предметомъ домашней необходимости. Насъ поражаетъ это разнообразіе сюжетовъ, это безконечное обиліе формъ, эта, наконецъ, твердость исполненія, показывающія, что художники эти были мастера своего дѣла, а совершеніе всѣхъ этихъ работъ въ сравнительно короткое время свидѣтельствуетъ, что они работали скоро и смѣло, рукой твердой и необыкновенно привышей къ владѣнію кистью. Огромное большинство изображеній принадлежитъ къ міру боговъ и героевъ, къ сценамъ мифологическимъ. Ясное дѣло, что изобрѣтеніе такого количества сюжетовъ живописи, требующихъ знанія мифологіи, не было дѣломъ художниковъ, разуеасившихъ помпейскія стѣны. Очевидно, что они работали по готовымъ моделямъ, нѣсколько приноровляясь къ обстоятельствамъ и новымъ условіямъ мѣста и времени. Моделями этими были для нихъ, какъ это теперь достаточно выяснено г. Гельбигомъ ¹⁾, по преимуществу наиболѣе замѣчательныя произведенія искусства, процвѣтавшаго при дворахъ наслѣдниковъ Александра Великаго, особенно въ Александріи. Исторія римской литературы хорошо знаетъ, какое большое

¹⁾ Untersuchungen über die Campanische Wandmalerei. Leipzig, 1873.—
Его-же Wandgemälde der vom Vesuv verschütteten Städte Campaniens. L. 1868.

вліяніе обнаруживала александрійская литература на Римъ послѣд-
няго времени республики и вѣка Августа. Катулль, Проперцій,
Овидій, даже Virgilій служатъ живымъ доказательствомъ силы и
значенія этого вліянія. Теперь мы видимъ, какъ широко была рас-
пространена въ Италіи александрійская живопись и какъ мало могли
противопоставить ей мѣстные художники національнаго. Сюжетовъ
римской мѣологии или исторіи въ помпейскихъ фрескахъ почти не
существуетъ. Декораторы помпейскихъ домовъ словно не знаютъ
ни великихъ событій исторіи Рима, ни его литературы, чтобы по-
черпнуть оттуда содержаніе для своихъ изображеній. Оно и понятно.
Тутъ, т. е. въ области собственно римскаго искусства, для нихъ
не было образцовъ или было очень мало, а художники, нахлынув-
шіе въ Помпей для стѣнной живописи, не были обязаны ломать
голову надъ новыми сюжетами, когда у нихъ готовыхъ было въ
изобиліи. Такимъ образомъ выходитъ, что въ то время какъ изящ-
ная римская литература, не смотря на всю свою зависимость отъ
греческой, успѣла во многихъ отношеніяхъ стать на національную
дорогу, искусство въ Италіи продолжало оставаться греческимъ или
греко-подражательнымъ. Болѣе нагляднаго доказательства, чѣмъ
помпейскія фрески, въ этомъ случаѣ искать нечего.

Мѣологическіе сюжеты, въ большей части образцовъ помпей-
ской стѣнной живописи, какъ это было въ характерѣ александрій-
скаго искусства, были по преимуществу эротическаго характера.
Юпитеръ является обольстителемъ Данаи, то Іо, то Леды, или
похитителемъ Ганимеда; Венера находится въ любовныхъ отноше-
ніяхъ то съ Марсомъ, то съ Адонисомъ; Аполлонъ гоняется за Даф-
ной. Нечего и говорить о Діонисѣ, о сатирахъ съ вакханками, си-
ленахъ, амурахъ въ разныхъ положеніяхъ, нимфахъ и тому подоб-
ныхъ безсмертныхъ существахъ, съ именами которыхъ соединяется
понятіе о любви и чувственныхъ наслажденіяхъ. Подобный харак-
теръ живописи, широко развившійся въ Александріи, гдѣ такъ лю-
били заниматься фривольной стороной мѣологии, вполне отвѣчалъ
вкусамъ кампанскаго населенія, веселаго и распущеннаго, изнѣжен-
наго и чувственнаго. Но, кромѣ картинъ изъ исторіи жизни боговъ
и героевъ, житель Помпей любилъ также услаждать свой взоръ
предметами животной и растительной природы, сценами обыденной
жизни римско-кампанскаго жанра, каковы празднества, забавы, хо-
зяйственныя занятія, сцены на городской площади, занятія куп-

цовъ, ремесленниковъ, носильщиковъ, канатныхъ плясуновъ, трагическая жизнь, картины разврата (въ лупанарахъ), сцены, относящіяся къ зрѣлищамъ, охотѣ и т. п. Рядомъ съ этимъ реалистическимъ жанромъ, воспроизводящимъ намъ мѣстную жизнь Кампаніи, встрѣчается не мало картинъ болѣе идеальнаго, греко-александрійскаго жанра, встрѣчаются также каррикатуры, ландшафты, морскіе виды. Все это изображенія интересныя и важныя для ближайшаго знакомства съ разными сторонами жизни классической древности. На нихъ обращаетъ большое вниманіе посѣтитель неаполитанскаго музея, зашедши въ отдѣленіе помпейской стѣнной живописи и знакомящійся такимъ образомъ съ Помпеями еще раньше посѣщенія этого города. Особенно интересенъ разрядъ картинъ съ изображеніями домашнихъ животныхъ, мѣстныхъ плодовъ, мясной, рыбной и растительной пищи, мебели, сосудовъ, кухонныхъ принадлежностей и всей житейской обстановки. Все это вводитъ насъ въ древнюю жизнь до того близко, до того непосредственно, что, кажется, годы кабинетныхъ занятій не могли бы намъ дать и приблизительно такого яснаго о ней понятія, какъ нѣсколько дней, проведенныхъ въ неаполитанскомъ музеѣ и въ полуразрушенныхъ зданіяхъ предстоящаго нашимъ глазамъ города древней Кампаніи.

Но будемъ продолжать нашу прогулку по помпейскимъ улицамъ: найдемъ на фабрику, въ мастерскую, въ гостинницу, въ мѣста общественныхъ развлеченій, посмотримъ на надписи, которыхъ такъ много на вѣшной и внутренней сторонѣ зданій и которыя такъ много говорятъ намъ о городскихъ интересахъ, о вкусахъ, забавахъ и времени препровожденіи у жителей небольшого города въ древности.

Кампанія была страной, гдѣ было особенно развито суконное производство. Валяльщики суконъ (fullones)—обыкновенный типъ народной римской комедіи, Ателланъ, происходящей изъ Кампаніи и изображавшей по преимуществу смѣшную сторону нравовъ этой мѣстности. По этому намъ всего естественнѣе зайти на суконную фабрику или въ мастерскую, гдѣ сукна моются и красятся, чѣмъ напр. въ пекарню или на фабрику, гдѣ вырабатывались краски, мыло или глиняныя издѣлія. Къ тому же, подлѣ дома Пансы, изъ котораго мы только-что вышли, но только въ другомъ кварталѣ, тамъ, гдѣ домъ трагическаго поэта, и находится одна изъ старыхъ мастерскихъ суконнаго дѣла (Fullonica). Въ ней сукна не вы-

дѣлывались, а мылись, красились и поправлялись. Ворота этого дома вели въ корридоръ, съ лѣвой стороны котораго находится комната привратника, который принималъ приносимыя въ мастерскую ткани и выдавалъ ихъ обратно, а немного впереди ея маленькая кладовая, гдѣ приносимое и возвращаемое платье складывалось. Корридоръ ведетъ во дворъ, среди котораго находится большое открытое пространство для развѣшиванія на солнцѣ вымытыхъ суконъ, съ желобомъ для воды, стекавшей кругомъ съ крыши. Дворъ окруженъ двѣнадцатю пиластрами, кругомъ которыхъ расположены комнаты для рабочихъ и для разныхъ потребностей мастерской. Съ восточной стороны портика находилась приемная зала, *tablinum*, съ мозаичнымъ поломъ и съ живописью по стѣнамъ, изображающею Адониса съ Венерой и Амуромъ, Фезея, смотрящаго на убитаго имъ Минотавра и еще что-то, достаточно попорченное. По бокамъ таблина двѣ спальни, по южную сторону портика—большая зала, служившая между прочимъ столовою; затѣмъ еще двѣ комнаты съ передними, лѣстница, ведущая на верхній этажъ, кухня съ большой печью, комната для провизіи, еще двѣ комнаты и одна для сторожа задняго хода. Подъ западнымъ портикомъ находились бассейны для моченія суконъ и мѣста для ихъ мойки. Подъ сѣвернымъ портикомъ находятся ниши для бронзовыхъ раковинъ, позади которыхъ валяльщики суконъ топтали сукна; затѣмъ опять мѣсто для мытья суконъ, комната для прессованія ихъ и, наконецъ, шкафъ для храненія уже вычищенного платья, или матеріи, которыя надобно было возвратить ихъ хозяевамъ. Къ этому нужно прибавить, что между двумя пиластрами восточнаго портика находится фонтанъ съ мраморнымъ бассейномъ. На одномъ изъ прилегающихъ къ нему пиластровъ находились изображенія Венеры, покровительницы помпейцевъ, и разныя занятія, входящія въ кругъ ремесла суконщиковъ. Эти изображенія находятся теперь въ неаполитанскомъ музеѣ. Подлѣ этой мастерской находится небольшой домикъ, имѣющій съ ней сообщеніе и служившій, по видимому, жилищемъ для хозяина заведенія.

Гуляя по помпейскимъ улицамъ, заходя то въ частный домъ, то въ лавку, то въ мастерскую, то въ харчевню, мы вдругъ видимъ близъ старыхъ бань домъ съ двумя воротами, раздѣленнымъ пиластромъ, на которомъ изображенъ слонъ, обвитый большимъ змѣемъ и стерегомый карликомъ. Подъ этимъ изображеніемъ двѣ надписи, изъ которыхъ одна говоритъ, что изображеніе этого слона возста-

новилъ Ситтій, а другая прямо указываетъ на значеніе этого дома. По русски она будетъ значить: Гостинница. Здѣсь отдается въ наймы триклиній съ тремя софами и другими удобствами. Мы входимъ сзади изъ дверей и видимъ комнату, раздѣленную стѣной съ большимъ окномъ, за которой и находились три софы триклинія, а въ переднемъ отдѣленіи широкой, отдѣленный мраморомъ подій (родъ выступающей изъ стѣны платформы), на которомъ очагъ для кушаньевъ и углубленіе для помѣщенія кассы, куда вносились деньги, собираемые съ посѣтителей триклинія. Это гостинница для приходящихъ обѣдать, а не для пріѣзжающихъ изъ другихъ мѣстъ; это слѣдовательно ресторанъ, трактиръ, а не гостинница въ строгомъ смыслѣ (hôtel). Двѣ комнаты въ другомъ ея отдѣленіи можетъ быть и указываютъ на то, что здѣсь можно было ночевать или отдохнуть. Но гостинницы для пріѣзжихъ находились въ Помпеяхъ обыкновенно по окраинамъ города по близости къ городскимъ воротамъ или даже за городомъ. Такова гостинница Гермета подлѣ porta Stabiana, таковы гостинницы подлѣ воротъ Геркуланскихъ и подлѣ porta Marina, гостинница за городомъ за Геркуланскими воротами. Это—гостинницы въ собственномъ смыслѣ, или, скорѣе, постоянные дворы для крестьянъ, пріѣзжавшихъ въ городъ съ провизіей и вообще людей неважныхъ и небогатыхъ. Тамъ кромѣ комнатъ для сна и обѣда, находились и конюшни для лошадей, ословъ и муловъ и сараи для повозокъ, и колодцы, и водопой. Въ комнатахъ для сна попадаются надписи, слѣды проводившихъ здѣсь ночи посѣтителей. Такъ одинъ изъ нихъ жалуется на то, что ему пришлось провести ночь въ мечтахъ по отсутствующей подругѣ.

Помпей былъ небольшой городъ, и при томъ часть, вырытая изъ подъ пепла не составляетъ и половины всего города, насыпаннаго Везувіемъ. Между тѣмъ изъ того, что открыто, видно, какъ велика была у помпейцевъ страсть къ удовольствіямъ. Передъ нами два театра, малый театръ, крытый, и большой, на пять тысячъ зрителей, открытый, и сверхъ того огромный амфитеатръ на двадцать тысячъ (по Фиорелли только на 12,800 слишкомъ) зрителей. Нельзя намъ не зайти и въ эти мѣста общественныхъ удовольствій, которымъ жители Помпей предавались со страстью и увлеченіемъ. Увлеченіе это доходило до того, что даже, по словамъ Діона Кассія, народъ сидѣлъ въ театрѣ въ то время, какъ для

Помпей настала уже послѣдній часъ существованія. Знаменательно также въ этомъ отношеніи передаваемое Тацитомъ извѣстіе о страшномъ побоищѣ, происшедшемъ, во время гладіаторскаго боя въ амфітеатрѣ, между помпейцами и принявшими въ зрѣлищѣ участіе нукерійцами. Дѣло, начавшееся съ простой брани, дошло до бросанья каменьями и дѣйствія оружіемъ, и не мало нукерійцевъ было привезено домой мертвыми. Событіе это произошло за четыре года до землетрясенія, разрушившаго Помпеи въ 63 г. по Р. Х. Нукерійцы отправились въ Римъ съ жалобами. Неронъ предоставилъ произнести судъ по этому кровавому дѣлу консуламъ, а консулы внесли его на разсмотрѣніе сената. Сенатъ не нашелъ болѣе тяжкаго наказанія для помпейцевъ, какъ запрещеніе имъ въ теченіе десяти лѣтъ давать представленія въ амфітеатрѣ. Впрочемъ страсть къ амфітеатру, т. е. къ кровавому зрѣлищу боевъ гладіаторскихъ, въ Помпеяхъ была, по видимому, не очень давняго происхожденія. Она была принесена къ нимъ или, лучше, усилена римскими колонистами. Тогда-то начата была и постройка амфітеатра, окончившаяся незадолго до начала христіанскаго лѣтосчисленія. Зайдемъ однако на минуту въ эти мѣста общественныхъ увеселеній, до которыхъ помпейцы были такіе большіе охотники, о чемъ свидѣтельствуютъ и сохранившіяся на стѣнахъ театральныхъ зданій надписи.

Мѣсто, гдѣ мы видимъ большой и малый театры, находится въ южной части города, неподалеку отъ porta Stabiana. Центральнѣйшій пунктъ его составляетъ трехъугольный форумъ, окруженный портикомъ въ сто колоннъ дорическаго стили, составляющихъ одно изъ роскошныхъ сооруженій дорическаго періода помпейской исторіи. Эта наиболѣе возвышенная часть Помпей была особенно богата общественными памятниками. Тутъ находился построенный въ отдаленнѣйшую эпоху греческій храмъ (какъ думаетъ Фюрелли, Геркулеса), тутъ стоитъ храмъ Изиды, тутъ находилась гладіаторская школа, тутъ же помѣстились и два театра. Театры эти обращаютъ на себя, между прочимъ, тѣмъ вниманіе, что представляютъ собой новое доказательство ранняго развитія греческой культуры въ этихъ мѣстахъ сравнительно съ Римомъ, столицей Италіи. Постройка городскою помпейскою думой малаго театра, Одеона, по греческому образцу, началась двадцатью годами раньше чѣмъ при-

шли къ мысли о постройкѣ каменнаго театра въ Римѣ. Но малый театрѣ, имѣвшій помѣщеніе только для полоторыхъ тысячъ зрителей, не былъ первымъ каменнымъ театромъ въ Помпеяхъ. Все заставляетъ думать, что этому крытому театру предшествовала постройка большого, открытаго. Разныя историческія и архитектурныя соображенія Ниссена не оставляютъ въ этомъ случаѣ почти никакого сомнѣнія. Надписи свидѣтельствуютъ однако, что большой театрѣ, какъ мы видимъ его теперь, обязанъ своимъ сооруженіемъ архитектору времени Августа М. Арторію Приму и щедрости семейства Гольконіевъ, и онъ дѣйствительно имѣетъ на первый взглядъ новый архитектурный видъ, сравнительно съ малымъ. Но постройка эта, принадлежащая времени Августа, была, какъ все заставляетъ думать, только перестройкой. Какъ бы то ни было, внутренній видъ этого театра такой: оркестра, позади которой сцена, гдѣ видно мѣсто для занавѣсы, и *post-scenium* (кулисы). Посреди оркестры мѣсто для оимелы или небольшой жертвенникъ для жертвоприношеній. Отъ *postscenium*'а выходъ въ садъ, съ восточной стороны котораго находится большая комната, служившая для приготовленій, касающихся спектакля. Для зрителей устроены три отдѣленія, изъ которыхъ первому, нижнему, принадлежатъ четыре ряда сѣдалищъ, занимавшихъ наиболѣе важными лицами, второму, среднему, двадцать рядовъ ступеней и третьему четыре ряда. Кромѣ того двѣ трибуны для должностныхъ лицъ. Въ маломъ театрѣ тоже оркестра, съ мраморнымъ поломъ, устроеннымъ, какъ гласитъ надпись, М. Окулатіемъ Веромъ, сцена и *postscenium*, и полукругомъ ступени для зрителей, первый разрядъ которыхъ, отличается отъ второго шириною, такъ какъ на нихъ ставились кресла для важныхъ персонъ города. Въ этомъ театрѣ мѣста устроены такъ, что сидѣвшій на верхней ступени какаго-либо ряда не могъ безпокоить ногами сидѣшаго ниже.

Амфитеатрѣ находится далеко отъ театровъ. Между нимъ и оконечностью открытой части города у Стабіанскихъ воротъ лежитъ разстояніе въ 400 метровъ или въ треть нашей версты. Путь къ нему идетъ по покоящимся еще подъ пепломъ помпейскимъ улицамъ, надъ которыми въ настоящее время разстилаются обработанныя поля. Въ былое время зданіе это было обсажено деревьями, между которыми были раскинута палатки для продажи яствъ и напит-

ковъ, какъ это видно изъ находящагося на стѣнѣ одного дома изображенія его въ моментъ драки помпейцевъ съ нукерійцами ¹⁾. Главный входъ въ амфитеатръ съ сѣверной стороны. Въ корридорѣ, черезъ который мы входимъ на арену, находятся двѣ ниши. Въ нихъ стояли мраморныя статуи двухъ популярныхъ въ Помпеяхъ дуумвировъ—Пансы отца и Пансы сына, какъ объ этомъ гласятъ надписи подъ этими статуями. По правую и по лѣвую сторону три разряда помѣщеній для зрителей. Нижняя ступенька отдѣлялась отъ арены, на которой происходилъ бой звѣрей и гладиаторовъ, рѣшеткой или перилами. Въ правой сторонѣ этихъ перилъ есть дверка, черезъ которую вытаскивали съ арены кровомъ убитыхъ людей и животныхъ. Зданіе, на аренѣ котораго столько пролито крови людей и животныхъ, имѣетъ видъ мрачный и не располагаетъ посѣтителя къ внимательному его осмотру. На стѣнахъ амфитеатра, какъ и театровъ, находится не мало всякаго рода надписей, которыми развлекались помпейцы въ ожиданіи представленія.

Надписи представляютъ собой интереснѣйшія памятники жизни осматриваемаго нами древняго города. Мы ходимъ по улицамъ и площадямъ, осматриваемъ частныя и общественныя зданія, видимъ какъ тутъ люди жили, въ какихъ комнатахъ принимали гостей, въ какихъ проводили день сами и гдѣ спали ночью, гдѣ они собирались толковать о дѣлахъ своего города, куда ходили веселиться и проч., но самихъ людей мы до сихъ поръ не видѣли, ни съ кѣмъ изъ жителей не говорили, ихъ чувствъ и желаній, ихъ радости и горя нигдѣ не замѣчали. Улицы и площади, внѣшній видъ зданій, внутреннее убранство комнатъ, предметы домашней утвари, при-

¹⁾ Читатель, быть можетъ, не безъ удивленія встрѣчаетъ въ моемъ описаніи Нукерія вмѣсто обычнаго Нудерія. По этому не будетъ лишнимъ замѣтить, что усвоенное нами отъ нѣмцевъ, сначала черезъ посредство поляковъ, и употребляемое въ нашихъ школахъ произношеніе латинскаго С (передъ е и і), какъ русскаго ц, не имѣетъ никакого основанія. Трудно теперь бороться противъ этого недостатка; но желательно было бы не дѣлать этой ошибки по крайней мѣрѣ въ собственныхъ именахъ, что не представляетъ никакого неудобства по отношенію къ именамъ, рѣдко употребляемымъ.

способленія въ разнымъ житейскимъ потребностямъ и удобствамъ говорятъ намъ многое о помыслахъ и заботахъ жителей, объ ихъ богатствѣ и бѣдности, о степени ихъ образованности въ разные періоды жизни города, вкусахъ, привычкахъ и наклонностяхъ поколѣнія, застигнутого въ располхъ страшнымъ изверженіемъ Везувія; но всего этого было бы недостаточно для полнаго удовлетворенія нашего любопытства. Намъ хотѣлось бы заглянуть еще ближе въ этотъ отжившій міръ, войти, если это возможно, въ непосредственное соприкосновеніе съ людьми, которые жили въ пустынномъ теперь городѣ, для которыхъ построены были эти дома, храмы, театры и проч.; намъ хотѣлось бы хоть на минуту видѣть этотъ городъ съ его населеніемъ, бродящимъ по улицамъ, совершающимъ свои общественныя обязанности, видѣть самихъ жителей въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, видѣть, какъ отдѣльныя лица, принадлежащія къ разнымъ общественнымъ классамъ, говорятъ, чувствуютъ и дѣйствуютъ. Какъ ни капризно наше желаніе по отношенію къ городу, тысяча восемьсотъ одинъ годъ тому назадъ покончившему свое существованіе, но оно до нѣкоторой степени исполнимо. Стоитъ только взглянуть на нѣсколько тысячъ надписей, оставленныхъ намъ на внѣшнихъ и внутреннихъ стѣнахъ помпейскихъ зданій, и мы становимся прямо лицомъ къ лицу съ покинутымъ эти зданія населеніемъ.

Вотъ цѣлый рядъ писанныхъ на стѣнахъ красной или черной краской объявленій или афишъ, содержащихъ въ себѣ рекомендаціи разныхъ кандидатовъ на общественныя должности. Въ афишахъ этихъ мы видимъ не только имена предложенныхъ кандидатовъ на должности дуумвира или эдила, какъ Куспія Пансу, С. Юлія Поливія, Светтія Церта, Церринія Ватію, Г. Саллустія, А. Веттія Фирма, П. Паввія Прокула, но и часто самихъ лицъ, которыя хлопчуть о ихъ выборѣ. Въ одномъ мѣстѣ предложеніе въ кандидаты дѣлаеть Флоръ съ Фруктомъ, тамъ Фабій Эвпоръ, глава вольноотпущенниковъ, здѣсь Яринъ, признаваемый мною за лицо славянскаго происхожденія, тамъ Лициній Римлянинъ и т. д. Вотъ вмѣшиваются въ выборы женщины: Капразія заявляеть о Веттіѣ Фирмѣ, Сагаста предлагаеть Модеста. Вотъ цѣлыя товарищества или корпораціи предлагають какого-либо кандидата въ общественное управленіе: содержатели или погонщики муловъ, плотники, золотыхъ

дѣлъ мастера, зеленщики, брадобрѣи, служители Изиды и др. Изъ этихъ же афишъ мы узнаемъ объ ассоціаціяхъ довольно страннаго рода: Таковы товарищества мазуриковъ (*fungunculi*), ночныхъ пьяницъ (*seribibi*, т. е. пьющіе до поздней ночи), сонъ (*dormientes*). А вотъ афиши другого рода. Приглашаютъ публику въ амфитеатръ. Въ одной изъ афишъ представленіе назначается на 4 іюля и при этомъ сообщается, что оно не будетъ отсрочено не смотря ни на какую погоду, что будетъ тамъ между прочимъ охота на дикихъ звѣрей и амфитеатръ будетъ покрытъ тентомъ (для защиты отъ солнца или дождя). Его даетъ Аллей Нигидій Май. Вотъ другое объявленіе, сдѣланное, какъ и предыдущее, на стѣнѣ большого театра, приглашаетъ публику на бой гладіаторовъ въ амфитеатрѣ, который долженъ произойти 28 марта. Дастъ представленіе Д. Лукретій. А вотъ два объявленія говорятъ о представленіи въ амфитеатрѣ, назначенномъ на 31 мая, которое дастъ народу А. Светгій Цергъ. Все это даютъ на свой счетъ представленіе люди, ищущіе популярности въ народѣ или благодарящіе его за избраніе въ ту или другую общественную должность. Вотъ объявленія о квартирахъ, о помѣщеніяхъ въ гостинницахъ, «со всѣми удобствами».

Но есть надписи другого характера, которыя вводятъ насъ въ болѣе интимную жизнь помпейскаго населенія. Это надписи, начертанныя на стѣнахъ какимъ либо острымъ орудіемъ. Вотъ кто-то, должно быть путеоланецъ по происхожденію, зашедши въ веселый домъ, привѣтствуетъ тамъ на стѣнѣ своихъ земляковъ (*Puteolanis feliciter!*). Тамъ же впрочемъ высказывается пожеланіе счастья и всѣмъ нукерійцамъ и помпейцамъ. Вотъ въ другомъ мѣстѣ какой-то Зосимъ посылаетъ привѣтъ своей подругѣ Викторіи и проситъ ее не покидать его. Кто-то на зданіи Базилики вздумалъ осрамить какую-то Луцилію, говоря, что она «торговала своимъ тѣломъ». А сколько шалуновъ нацарапали на общественныхъ зданіяхъ заявленіе о своемъ интимномъ сношеніи съ разными женщинами! При этомъ встрѣчаются такія подробности, о которыхъ намъ нѣтъ возможности говорить съ читателями даже и намеками. Въ особенности выраженія писавшихъ на стѣнахъ безцеремонны, когда рѣчь идетъ о публичныхъ женщинахъ—какой-то Фортунатъ, Муртисъ, Нимфъ и т. п., или о мужчинахъ, извѣстныхъ неестественнымъ

развратомъ. Подобными откровенностями не только богаты лупанары, гдѣ онѣ до нѣкоторой степени у мѣста, но и общественныя зданія, какъ Базилика. Надписи безнравственнаго или, лучше, грязнаго содержанія встрѣчаются не только въ прозѣ, но и въ стихахъ, которые изъ дошедшихъ поэтовъ намъ неизвѣстны. Но попадаются также нацарапанными стихи, прямо взятые изъ модныхъ поэтовъ; въ этомъ случаѣ особенно посчастливилось Овидію. Чертить на стѣнахъ острымъ орудіемъ было въ Помпеяхъ, какъ видно по всему, въ большомъ употребленіи, такъ какъ мы видимъ тутъ не только изліянія чувства или выходки остроумія, но иногда просто писаніе ради самаго процесса этого дѣла. Ни для чего другого, какъ для процесса писанія начертаны были на задней стѣнѣ одной лавки начальныя слова перваго стиха Энеиды. Естественно думать, что это дѣло школьника, недавно вытвердившаго начало поэмы Виргилія. Иногда множество всевозможныхъ надписей на стѣнѣ какаго-либо общественнаго зданія поражало самихъ помпейцевъ и вызывало остроумныя замѣтки со стороны тѣхъ, кто поражался этимъ обиліемъ примѣровъ чистописанія. Такъ на стѣнахъ Базилики, большого театра и амфитеатра встрѣчается двустипіе, которое по-русски будетъ значить: «Удивляюсь, стѣна, какъ ты не обрушилась, поддерживая столько скучныхъ писаній!» Иногда написанные стихи возбуждали каламбуры такого рода: «Пусть никогда не будетъ здоровъ тотъ, кто написалъ выше!» Къ этой шуткѣ новая рука прибавляетъ замѣчаніе: «правду говоришь».

Надписи эти, какъ видитъ читатель, необыкновенно приближаютъ насъ къ эпохѣ, когда Помпеи были не мертвымъ городомъ, а кипѣли жизнью бойкаго и веселаго населенія. Читая писанныя краской объявленія о кандидатахъ на выборныя должности, объ увеселеніяхъ, о домахъ и комнатахъ, отдаваемыхъ въ наймы, или этотъ вздоръ, нацарапанный на стѣнахъ, словно видишь это населеніе и ведешь бесѣду съ разными его представителями. Жизнь древняго города при этомъ невольно воскресаетъ во всей ея суетѣ, съ такими мелкими и вмѣстѣ съ тѣмъ характеристическими чертами, которыхъ намъ не въ состояніи дать ни писатели, ни даже сами по себѣ вещественные памятники. Мы коснулись надписей только частію и мимоходомъ. Подробное разсмотрѣніе этихъ памятниковъ давно угасшей жизни не входило въ нашъ планъ и было

бы тутъ не у мѣста. Въ своей прогулкѣ по помпейскимъ улицамъ мы и не рассчитывали осмотрѣть все разомъ: мы не видали даже цѣлыхъ кварталовъ, а заходили туда и сюда съ цѣлью схватить какія-нибудь особенности удивительнымъ образомъ сохранившася для насъ изъ древности города, ббольшая половина котораго однако все еще скрыта отъ нашихъ глазъ, находясь подъ пепломъ Везувія.

МАРКЪ АВРЕЛІЙ И НОВАЯ РЕЛИГІЯ. ¹⁾

Въ апрѣлѣ 1880 года, членъ французской академіи Эрнестъ Ренанъ читалъ публичныя лекціи въ Лондонѣ. Предметомъ этихъ лекцій было первоначальное христіанство въ Римѣ. Началъ ихъ Ренанъ съ вопроса о томъ, въ какомъ смыслѣ христіанство можно считать римскимъ дѣломъ, затѣмъ перешелъ къ преданіямъ о пребываніи въ столицѣ римской имперіи апостоловъ Петра и Павла, говорилъ о Римѣ, какъ о центрѣ образованія церковной власти и, наконецъ, о Римѣ, какъ о столицѣ католичества. Показать значеніе Рима въ исторіи зарожденія и образованія христіанской церкви и было цѣлью, для которой знаменитый французскій ученый былъ приглашенъ въ столицу Великобританіи Гиббертовымъ заведеніемъ для публичныхъ чтеній о религіозныхъ вопросахъ. Но черезъ два дня послѣ своей послѣдней лекціи въ этомъ прекрасномъ учрежденіи, Ренанъ снова явился на трибунѣ передъ англійскою публикой и на этотъ разъ уже не въ Гиббертовомъ заведеніи, а въ Королевскомъ Институтѣ, въ которомъ избранная публика уже привыкла видѣть передъ собой то того, то другого изъ наиболее громкихъ представителей европейской науки. Темой для этой лекціи онъ избралъ Марка Аврелія.

Тотъ, кто слушалъ или читалъ ²⁾ эту увлекательную рѣчь о

¹⁾ «Наблюдатель», Мартъ и Апрель 1882 г.

²⁾ Лекціи свои Ренанъ, вскорѣ послѣ ихъ произнесенія, издалъ въ Парижѣ подъ заглавіемъ: *Conférences d'Angleterre. Rome et le christianisme Marc-Aurèle.* Paris, 1880.

благороднѣйшемъ по чувствамъ и возвышеннѣйшемъ по уму и характеру римскомъ императорѣ, не могъ оставаться равнодушнымъ. при появленіи въ свѣтъ уже не простой лекціи, а цѣлаго тома изслѣдованія, посвященнаго времени, мыслямъ и дѣятельности Марка Аврелія. Томъ этотъ, заключающій собой рядъ трудовъ знаменитаго писателя о первоначальной исторіи христіанства, вышелъ въ концѣ 1881 года и носить заглавіе: «Маркъ Аврелій и конецъ древняго міра» (*Marc-Aurèle et la fin du monde antique*).

Хорошая книга въ наши дни составляетъ ничѣмъ не замѣнимое удовольствіе. Хорошо же книгой мы называемъ не только такую, которая насъ чему-нибудь научаетъ, обогащаетъ свѣдѣніями, но и такую, которая возбуждаетъ въ насъ хорошія чувства, заставляетъ возноситься мыслию къ идеаламъ человѣческой жизни, обращается къ лучшей сторонѣ нашей природы, поднимаетъ въ насъ вѣру въ благородное призваніе человѣка, доставляетъ нашей душѣ бодрость и даетъ толчокъ нашему самоусовершенствованію. Имѣть возможность уйти хоть на время отъ созерцанія окружающей насъ вакханаліи дикихъ или подлыхъ страстей, безпрестанно разыгрывающихся на нашихъ глазахъ и въ жизни, и въ печати, отъ созерцанія постоянныхъ оскорбленій всего того, что до сихъ поръ составляло лучшую нашу вѣру и надежду, отъ этого оглушающаго призыва къ стаднымъ свойствамъ нашей натуры, отъ этого прославленія холопства, какъ гражданской доблести, отъ этого циническаго отрицанія правъ человѣка на достойное существованіе—какое благо, какая отрада въ нашей безотраднѣйшей жизни! А новая книга Ренана именно такова, что, читая ее, мы невольно поднимаемся надъ засасывающею насъ тиной современной дѣйствительности и, слѣдя за ходомъ колоссальнаго переворота, совершающагося предъ нашими глазами на сценѣ всемірнѣйшей исторіи, задумываемся надъ высшими задачами и цѣлями человѣческаго существованія.

Новая книга Ренана переноситъ насъ во второе столѣтіе христіанской эры, когда, въ виду явно убывающаго античнаго духа, видимо возрастало и укрѣплялось на всемъ пространствѣ греко-римскаго міра новое ученіе, отвергавшее современное общество и всѣ тѣ основы, на которыхъ это послѣднее покоилось. Оно отвергало всѣ, безъ исключенія, до тѣхъ поръ существовавшія религіи, отвергало языческое государство съ его учрежденіями, отвергало

науку, философію, искусство, установившіяся формы общественной жизни. Греко-римское общество, сильное многовѣковой культурой, плодами давно созрѣвшей образованности, начинало уже, хотя и смутно, чувствовать врага и въ лицѣ государственной власти стало употреблять энергическія усилія для борьбы съ распространіемъ христіанства, какъ противогосударственной секты. Но врагъ гонимый, преслѣдуемый, заточаемый, пытаемый огнемъ и желѣзомъ, бросаемый на растерзаніе звѣрямъ, распинаемый на крестѣ, обезглавливаемый, не уступалъ. Онъ росъ и множился, все болѣе и болѣе захватывая римскія провинціи, болѣе многочисленный на Востокаѣ, въ Малой Азіи, менѣе сильный на европейскомъ Западѣ, но уже прочно утвердившійся въ Африкѣ, въ то время сильно тронутой латинскою образованностью. Время могущества его еще не пришло: противъ него въ то время стояли не только судъ, пытка и казнь, но еще болѣе стояла наука, философская мысль, такъ называемая эллинская мудрость, общественное и литературное развитіе. Новое ученіе, подкапывавшее существующій порядокъ въ его основаніяхъ, общественныхъ, религіозныхъ и нравственныхъ, находило себѣ послѣдователей преимущественно среди городской разноплеменной черни большихъ центровъ населенія, въ войскаѣ, гдѣ совокупная жизнь облегчала пропаганду, среди вольноотпущенниковъ и рабовъ, среди всякаго рода страждущихъ и угнетенныхъ въ народной массѣ; но оно почти совсѣмъ не имѣло доступа въ среду людей образованныхъ, богатыхъ и съ виднымъ положеніемъ въ обществѣ. Придетъ время, оно сломитъ гордыню мудрыхъ и сильныхъ міра сего; но въ ту эпоху, которую мы имѣемъ теперь въ виду, мысль о такомъ исходѣ борьбы новаго ученія со старымъ строемъ общественной, умственной и нравственной жизни казалась безразсудною.

Какая это должна быть интересная эпоха! И дѣйствительно, ничего болѣе многозначительнаго и поучительнаго еще не представляла исторія. Передъ нашими глазами явно совершается переломъ въ исторіи человѣчества: идетъ рѣшительный бой между двумя мірами, старымъ и новымъ, между двумя идеалами, между двумя историческими циклами. Исходъ этого необыкновеннаго боя намъ извѣстенъ; но онъ не былъ извѣстенъ ни современникамъ Марка Аврелія, ни самому императору, про котораго обыкновенно говорятъ, что съ нимъ возшла на престолъ человѣческая мудрость. Въ этой неизвѣстности, уже стучащагося въ двери, будущаго заклю-

чается трагизмъ положенія древняго общества, которое и не подозревало, что оно роковымъ образомъ идетъ къ гибели и черезъ два—три поколѣнія должно уступить торжество тому началу, которое оно думало стереть съ лица земли пытками и мученіями.

Для того, чтобы изобразить со всею живостью трагизмъ этой эпохи, чтобы представить въ ясномъ видѣ перипетіи борьбы двухъ противоположныхъ началъ, двухъ не признающихъ другъ друга обществъ, двухъ различныхъ культуръ, двухъ міровъ, изъ которыхъ одному предстояло погибнуть, а другому—водворить на землѣ свое господство, требовалась рука такого мастера, какъ знаменитый авторъ цѣлаго ряда трудовъ о начаткахъ христіанства. Не мало было сочиненій, изображавшихъ борьбу христіанства съ язычествомъ, и сочиненій превосходныхъ, авторамъ которыхъ нельзя отказать ни въ солидной учености, ни въ искусствѣ изложенія: даже за нѣсколько мѣсяцевъ до появленія книги Ренана вышелъ въ свѣтъ въ Германіи прекрасный трудъ недавно умершаго гессенскаго профессора, Теодора Кейма, ¹⁾ появленіе котораго нельзя не привѣтствовать съ искреннимъ удовольствіемъ. Но обыкновенно подобныя сочиненія носятъ богословскій характеръ и рѣдко становятся на такую точку зрѣнія, при которой нѣтъ нужды жертвовать исторіей и которая дѣлаетъ судьбы религіозныхъ вѣрованій необыкновенно привлекательными для изученія. Книга Ренана, которую онъ заканчиваетъ свой двадцалѣтній трудъ по первоначальной исторіи христіанства, отличается именно этимъ, такъ сказать, общественно-историческимъ характеромъ, и въ этомъ смыслѣ столько же интересна, сколько и поучительна. Живое представленіе духовной жизни эпохи, проникательность взгляда, тонкое пониманіе психологическихъ мотивовъ, блестящій стиль, всюду разлитое гуманное чувство, это высокое уваженіе къ человѣку, его горю и страданіямъ, это твердое признаніе за нимъ правъ на духовную свободу,—всѣ тѣ качества, которыми обыкновенно блистаетъ Ренанъ въ своихъ произведеніяхъ, присущи и настоящему его труду въ самой высокой степени.

Второе столѣтіе нашей эры имѣетъ въ исторіи римской импе-

---

¹⁾ Rom und das Christenthum. Eine Darstellung des Kampfes etc. von Theodor Keim, herausgegeben von H. Ziegler. Berlin, 1881.

ри ту особенность, что черезъ него проходитъ рядъ слѣдовавшихъ другъ за другомъ хорошихъ государей, доставившихъ римскому обществу болѣе восьмидесяти лѣтъ спокойствія и, вообще говоря, кроткаго и справедливаго управленія. Рядъ этихъ государей начинается въ концѣ перваго столѣтія Нервой, усыновившимъ Траяна, и оканчивается Маркомъ Авреліемъ (96—180 по Р. Х.). Ни одинъ изъ этихъ императоровъ не наслѣдовалъ другому по крови; напротивъ, всѣ они были усыновлены одинъ другимъ за личныя качества и дѣлались государями, какъ справедливо замѣчаетъ Ренанъ, не потому, что обязаны были этимъ рожденію или какому-нибудь отвлеченному праву, а потому, что были того достойны и оправдывали свое званіе заслугами и образомъ жизни. Этотъ счастливый въ исторіи римской имперіи періодъ названъ былъ вѣкомъ Антониновъ, по двумъ наиболѣе выдающимся его представителямъ—Антонину Пію (138—161) и Марку Аврелію (161—180), прозванному Философомъ. Въ лицѣ перваго, какъ принято выражаться у историковъ, возсѣдала на престолѣ добродѣтель, а въ лицѣ послѣдняго—мудрость, которую, впрочемъ, древніе объединяли съ добродѣтью. Знаменитѣйшимъ изъ нихъ былъ, безспорно, Маркъ Аврелій, называющійся иначе Антониномъ Философомъ, Нельзя сказать, чтобы онъ, какъ человекъ и какъ правитель государства, былъ лучше своего предшественника, которому исторія не можетъ сдѣлать никакого упрека; но онъ имѣетъ передъ нимъ то преимущество, что оставилъ послѣ себя книгу, которую нельзя не считать одною изъ лучшихъ книгъ, завѣщанныхъ намъ древностью.

Въ этой книгѣ, писанной по-гречески и носящей заглавіе, которое по-русски лучше всего передать словомъ «Размышленія»¹⁾, мы видимъ стоическаго философа, повѣряющаго самому себѣ свои мысли, оцѣнивающаго свои поступки и постоянно занятаго мыслию о самосовершенствованіи. Она даетъ намъ понять лучше, чѣмъ что-либо другое, до какой высоты нравственныхъ принциповъ дошелъ древній міръ въ ученіи стоической философіи, уже потерявшей въ это время не только свою школьную суровость, какую она имѣла въ рукахъ своихъ греческихъ основателей: Зенона, Клеанѳа и Хризиппа, по и ту, съ какою она является въ первомъ столѣтіи

¹⁾ Греческое заглавіе этого сочиненія: *Tà eis éautón*, т. е. Къ себѣ самому.

нашей эры въ Римѣ, въ сочиненіяхъ Сенеки. На каждомъ шагу мы встрѣчаемъ въ этихъ мысляхъ, которыя философъ-императоръ обращаетъ ежедневно къ самому себѣ, уваженіе къ людямъ, строгость къ своимъ поступкамъ, напоминаніе о долгѣ, презрѣніе къ пустой славѣ и къ браннымъ благамъ міра сего, поощреніе себя къ добру, къ справедливости, къ терпѣнію, къ мужественному человѣколюбію. Философъ-императоръ возвышается даже до прощенія врагамъ, до забвенія обидъ, почти до христіанскаго самоотверженія.

Еслибъ мы вздумали ближе познакомить читателей съ содержаніемъ «Размышлений» Марка Аврелія, дѣлая изъ нихъ выписки лучшихъ мѣстъ, то нашимъ выпискамъ не было бы конца: такъ интересна нравственная сторона философскаго ученія, какое исповѣдывалъ римскій императоръ наравнѣ со своими лучшими современниками! Привести, однако, нѣсколько мѣстъ мы считаемъ теперь же необходимымъ, для ближайшаго знакомства съ лицомъ, которому Ренанъ посвящаетъ свое сочиненіе. Беремъ ихъ почти на удачу.

«Не считай никогда полезнымъ для себя того, что тебя со временемъ заставитъ нарушить данное слово, потерять уваженіе къ себѣ, ненавидѣть, вкляузничать, подозрѣвать, злословить, притворяться; не желай никогда ничего такого, что нужно было бы скрывать за стѣнами или за покровами» (III, 1).

«Если ты можешь—разсуждаетъ съ собой императоръ о врагахъ—исправь ихъ; если же нѣтъ, то помни, что для приложенія къ нимъ тебѣ и дана благосклонность. Къ нимъ м'лостивы сами боги, которые—такъ велика ихъ благость!—помогаютъ имъ приобрѣтать здоровье, богатство, славу. Ты можешь поступать, какъ боги, или скажи мнѣ, что тебѣ въ этомъ служить препятствіемъ?» (IX, 11).

«Украшай себя простотой, скромностью, равнодушіемъ къ тому, что занимаетъ середину между добродѣтелью и порокомъ. Люби родъ человѣческій, повинуйся Богу; Богъ, какъ говорить поэтъ, все совершаетъ по законамъ» (VII, 31).

«Часто размышляй о быстротѣ, съ какою уносится и исчезаетъ все, что существуетъ, и все, что приходитъ въ міръ. Вещественная природа, какъ рѣка, находится въ непрерывномъ теченіи. Въ постоянныхъ измѣненіяхъ и проявляются дѣйствія природы, по безконечнымъ превращеніямъ познаются дѣйствующія причины. Нѣтъ почти ничего постояннаго. Отглянись на ту безконечную безду вре-

мени, котораго уже нѣтъ болѣе и на будущее, въ которомъ все исчезаетъ. Не безуменъ ли, поэтому, тотъ, кто по поводу такихъ вещей предается тщеславію или мучится, или предается скорби, словно онѣ могутъ, хотя бы на короткое время, быть причиной безпокойства?» (V, 23).

«Берегись впасть въ пороки вesarей (т. е. Тиберія, Калигулы, Клавдія, Нерона)... Сохраняя себя простымъ, добрымъ, чистымъ, серьезнымъ, врагомъ пышности, другомъ справедливости, богопочтительнымъ, благосклоннымъ, человѣчнымъ, твердымъ въ исполненіи своихъ обязанностей. Употребляй всѣ усилія къ тому, чтобы оставаться такимъ, какимъ тебя хотѣла сдѣлать философія. Почитай боговъ, бодрствуй надъ сохраненіемъ людей. Жизнь коротка: единственный плодъ земного существованія состоитъ въ томъ, чтобы поддержать нашу душу въ священномъ настроеніи, совершать дѣла, полезныя обществу. Дѣйствуй всегда, какъ ученикъ Антонина ¹⁾. Припоминай себѣ его постоянство въ исполненіи предписаній разума, его благочестіе, ясность его лица, его чрезвычайную кротость, его презрѣніе къ суетной славѣ, его стараніе проникнуть въ смыслъ вещей; помышляй о томъ, что онъ не предпринималъ ничего безъ предварительнаго строгаго изслѣдованія и надлежащаго уразумѣнія. Онъ выносилъ несправедливыя упреки безъ всякаго осужденія; онъ ничего не дѣлалъ необдуманно; онъ не слушалъ донощиковъ; внимательно изслѣдовалъ нравы и поступки; не былъ ни злорѣчимъ, ни боязливымъ, ни подозрительнымъ, ни софистомъ. Онъ довольствовался малымъ: таковы были его жилище, его постель, его одежда, его пища, домашняя прислуга. Онъ любилъ трудъ; его долготерпѣніе было чрезмѣрно; онъ жилъ трезво... Припоминай, какъ его дружба была равна и постоянна, съ какою добротой онъ выносилъ открытое противорѣчіе своимъ собственнымъ мнѣніямъ, какъ онъ радовался, если кто судилъ лучше, чѣмъ онъ; какъ, наконецъ, его благочестіе не заключало въ себѣ ничего суевѣрнаго» (VI, 30).

«Помышляй въ каждый часъ дня, что тебѣ слѣдуетъ во всѣхъ твоихъ дѣйствіяхъ обнаруживать характеръ твердый, какъ подobaетъ римлянину и человѣку, серьезность, которая никогда себѣ

¹⁾ Антонина Пія, предшественника и усмновителя Марка Аврелія.

не измѣняетъ, но и не заключаетъ въ себѣ аффектаціи, сердце, любящее свободу и справедливость. Освободи свою душу отъ всякой другой мысли; ты ее освободишь, если ты будешь разсматривать каждый изъ своихъ поступковъ, какъ послѣдній въ твоей жизни, если ты будешь дѣйствовать безъ опрометчивости, безъ всякой страсти, отнимающей власть у разума, безъ притворства, безъ самолюбія и съ покорностью велѣніямъ судьбы. Видишь ли, какъ немногочисленны заповѣди, соблюденіе которыхъ достаточно для того, чтобы обезпечить нашему существованію мирное теченіе и божеское благополучіе?» (II, 5).

Никто не станетъ спорить, что въ мысляхъ Марка Аврелія, разбросанныхъ въ 12-ти книгахъ, замѣчаются перлы чистой и самой высокой нравственности, и притомъ нравственности не отвлеченной, не книжной, а дѣйствующей въ жизни или, по крайней мѣрѣ, обязательной для человѣка, желающаго исполнить свое назначеніе, для человѣка просвѣщеннаго и способнаго размыслить о природѣ видимой и невидимой или, по древнему, для философа. Эти возвышенныя правила жизни, правила чистоты и святости помысловъ не заключаютъ въ себѣ ничего догматическаго, ничего такого, что говорило бы о ихъ внѣшнемъ, не зависящемъ отъ развитія человѣческаго разума, существованіи. Они—плодъ человѣческой мысли и изученія, плодъ человѣческой мудрости. Въ настоящемъ случаѣ ихъ исповѣдуетъ не философъ по ремеслу, не софистъ, проповѣдующій ученіе о благоразумной, согласной съ природой и счастливой жизни случайной толпѣ или избранной публикѣ, а человѣкъ, говорящій съ самимъ собою, въ ночной тишинѣ, не имѣя предъ собою никакого свидѣтеля, кромѣ своей совѣсти. Это такая-же искренняя, сердечная исповѣдь, какъ и та, какую оставилъ намъ блаж. Августинъ, писавшій уже подъ другимъ, христіанскимъ угломъ зрѣнія. Но это исповѣдь человѣка, стремящагося къ совершенству не во имя требованій положительной религіи, не въ виду наградъ, уготованныхъ праведникамъ въ ученіи христіанства, а во имя требованій разума, во имя достоинства человѣческой природы, чувствующей въ себѣ потребность самосовершенствованія, приближенія къ Божеству, какъ разумному началу, дѣйствующему во всей природѣ, къ тому началу, которое, среди постояннаго измѣненія всѣхъ вещей, остается вѣчнымъ и къ которому принадлежитъ душа человѣческая.

«Размышленія» необходимо являются исходнымъ пунктомъ, коль

скоро заходитъ рѣчь о Маркѣ Авреліѣ. Въ нихъ ярче и ближе всего видѣнъ человѣкъ, который можетъ служить образцомъ лучшихъ людей своего времени, столь важнаго въ римской исторіи, рокового въ исторіи человѣчества. Еслибъ «Размысленія» были произведеніемъ одного изъ обыкновенныхъ римскихъ писателей, они и тогда имѣли бы значеніе драгоценнаго литературнаго памятника, съ которымъ, по важности содержанія и въ особенности нравственнаго духа, нельзя въ сравненіе ни одно явленіе тогдашней римской литературы. Но значеніе ихъ увеличивается въ десять разъ, когда мы знаемъ, что авторъ ихъ императоръ, что онъ былъ лицомъ, въ рукахъ котораго сосредоточивались, въ теченіе почти двухъ десятилѣтій, судьбы міра. Исторія не представляетъ другого примѣра государя, который былъ бы не только просвѣщеннѣйшимъ человѣкомъ своего времени, но и живымъ образцомъ высокой нравственной чистоты, неуспянаго стремленія къ совершенству на пути идеальной добродѣтели. Правда, встрѣчаясь съ такимъ необыкновеннымъ фактомъ, мы по неволѣ задумываемся, зная, что даже и управленіе мудрѣйшаго и добродѣтельнѣйшаго изъ государей не спасло римскую имперію и древняго общества отъ разложенія, и что, напротивъ, это разложеніе пошло съ особенной силой непосредственно послѣ его смерти, какъ будто оно было подготовлено его правленіемъ. Но въ томъ-то и заключается особенный интересъ второго вѣка нашей эры и въ особенности времени Марка Аврелія, что здѣсь мы воочию видимъ, какъ мало обнаруживаютъ вліянія на ходъ судебъ человѣчества отдѣльныя личности, какъ неумолимо въ общественной жизни дѣйствіе историческаго закона и какъ самые мудрые люди, не понимая этого закона, дѣйствуютъ наперекоръ ему и тѣмъ какъ бы ускоряютъ его шествіе или, по крайней мѣрѣ, дѣлаютъ это шествіе болѣе бурнымъ и рѣшительнымъ.

«Никогда до того времени не было видано, чтобъ задача счастья человѣчества преслѣдовалась съ такою послѣдовательностью и рѣшительностью. Осуществленъ былъ идеаль Платона: міръ управлялся философами». Такими словами начинается Ренавъ третью главу своего сочиненія, носящую у него заглавіе «Царство философовъ». Время управленія Марка Аврелія было на самомъ дѣлѣ временемъ такого царства. Никогда этотъ классъ людей, столь многочисленный въ римской имперіи, не былъ въ такой чести, не имѣлъ такого вліянія на дѣла государственныйя, какъ въ это, един-

ственное въ своемъ родѣ, время римской имперіи. Маркъ Аврелій, съ дѣтства обнаруживавшій склонность къ изученію мудрости, воспитанный лучшими ея представителями, теперь былъ буквально окруженъ философами, которые со всѣхъ странъ міра стекались въ столицу имперіи и находили ласковъ и пріемъ со стороны мудраго государя. Онъ надѣлялъ ихъ почетъ ми должностями, назначалъ имъ пенсіи, что впрочемъ дѣлалъ и его предшественникъ, и не зналъ, по видимому, высшаго удовольствія, какъ находится въ обществѣ разныхъ стоиковъ, перипатетиковъ и тому подобныхъ борода-тыхъ людей, которые уже своею внѣшностью старались доказывать серьезность своего взгляда на жизнь, нерѣдко, впрочемъ, прикрывая ветхимъ плащомъ и равнодушіемъ къ опрятности порочныя наклонности и настоящее шарлатанство. Но никакіе недостатки отдѣльныхъ лицъ, никакія насмѣшки, сыпавшіяся на императора со стороны свѣтскихъ людей, не исключая и членовъ его собственнаго семейства, нисколько не искореняли въ немъ уваженія къ проповѣдникамъ мудрости и даже къ людямъ, старавшимся лишь походить на нихъ. Особенную же нѣжность и любовь чувствовалъ императоръ къ своимъ бывшимъ наставникамъ, а между ними болѣе всего къ стоику Юнію Рустіку, которому, сверхъ другихъ почестей, онъ ввѣрилъ чрезвычайно важную въ то время должность префекта города Рима. Его онъ считалъ своимъ главнымъ учителемъ, съ нимъ совѣщался о всѣхъ дѣлахъ государственныхъ и частныхъ, съ нимъ при официальныхъ пріемахъ считалъ нужнымъ здороваться раньше, чѣмъ съ начальникомъ преторіанскихъ когортъ, его онъ два раза возводилъ въ должность консула и, по смерти его, просилъ сенатъ почтить его поставленіемъ статуй на счетъ государства. Биографъ Марка Аврелія, Юлій Капитолинъ, сообщаетъ намъ въ этомъ отношеніи еще болѣе замѣчательное свѣдѣніе, когда говоритъ, что философъ-императоръ помѣстилъ золотыя изображенія своихъ учителей въ своей божницѣ (такъ называлась одна изъ комнатъ въ большихъ римскихъ домахъ, *laetium*) и приносилъ жертвы на ихъ гробницахъ, украшая ихъ постоянно цвѣтами. Это безпредѣльное уваженіе Марка Аврелія къ своимъ наставникамъ составляетъ, безъ сомнѣнія, одну изъ прекраснѣйшихъ чертъ его души и говоритъ краснорѣчивѣе, чѣмъ многое другое, о томъ, что высокія нравственныя правила, которыя онъ исповѣдывалъ, не были для него пустыми словами. Не можетъ

Быть ничего трогательнѣе той признательности, съ какою онъ говоритъ въ «Размышленіяхъ» о своихъ наставникахъ—Юніѣ Рустикѣ, Діогнетѣ, Аполлинаріѣ, Секстѣ Херонейскомъ, племянникѣ Плутарха, Катулѣ, Клавдіѣ, Максимѣ и другихъ философахъ, вспоминая ихъ наставленія и благодаря боговъ за то, что они дали ему возможность познакомиться съ такими людьми. Нельзя также достаточно подивиться той нѣжности, какою дышутъ сравнившіяся многочисленныя письма императора къ его учителю риторики, знаменитому Фронтоу, хотя занятія краснорѣчіемъ давно уже не пользовались такимъ его вниманіемъ, какъ занятія философіей. Императоръ никогда не переставалъ относиться къ нему иначе, какъ съ почительностью ученика, искренно принимая къ сердцу его горе, сообщая ему извѣстія о своихъ семейныхъ дѣлахъ, безпокаясь о его здоровьѣ и съ чувствомъ удовольствія употребляя ласкательныя, по отношенію къ нему, выраженія.

Порученіе важнѣйшихъ должностей просвѣщеннѣйшимъ и гуманнѣйшимъ людямъ своего времени не могло не отразиться на ходѣ управленія. Справедливость и кротость сдѣлались правиломъ въ отношеніяхъ властей къ управляемымъ. Замолели политическіе доносы, сдѣлавшіеся язвою имперіи со временъ Тиберія, или, по крайней мѣрѣ, были введены въ опредѣленныя рамки; злые доносчики и клеветники подвергались заслуженному наказанію. Въ уголовныхъ дѣлахъ стали прилагаться къ осужденнымъ наказанія, смягченныя противъ суровыхъ предписаній закона; избѣгалось всякое поспѣшное осужденіе и нерѣдко дѣла подвергались вторичному разсмотрѣнію, если императору становилось извѣстнымъ, что рѣшеніе въ нихъ сдѣлано преторомъ безъ должнаго вниманія. Никогда правительство не заботилось такъ объ улучшеніи матеріальнаго благосостоянія не только въ Италіи, но и въ провинціяхъ: строго наблюдалось, чтобы сборщики податей не взымали съ населенія чего нибудь сверхъ должнаго; были приняты дѣятельныя мѣры къ тому, чтобы предотвратить вздорожаніе хлѣба въ городахъ Италіи; прилагались большія заботы къ тому, чтобы вездѣ дороги находились въ исправности. Пострадавшія отъ землетрясеній, отъ моровыхъ болѣзней и другихъ несчастій мѣстности не обременялись налогами. Прилагалось попеченіе о воспитаніи бѣдныхъ дѣтей обоаго пола, для чего устраивались особыя вспомогательныя кассы, и одно изъ такихъ учрежденій для дѣвочекъ возникло въ память умершей жены импе-

ратора, Фаустины. Гуманный духъ въ законодательство вносить, какой стали римскіе юристы со временъ Адріана, нашель себѣ широкое примѣненіе при Маркѣ Авреліѣ. Улучшено было юридическое положеніе сиротъ, женщинъ и сыновей; многое сдѣлано было для раба. Стоическая философія, смотрѣвшая на рабство, какъ на учрежденіе, противное природѣ, обнаружила въ этомъ случаѣ рѣшительное дѣйствіе. Рабъ не только пересталъ считаться вещью, не только получилъ разныя облегченія къ выходу изъ своего состоянія, но и достигъ того, что его положеніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ стало походить на положеніе гражданской личности: онъ получилъ возможность имѣть свое имущество, завести себѣ семью, и даже ему дано было право въ извѣстныхъ случаяхъ являться наслѣдникомъ имущества своего господина.

Заботясь о смягченіи нравовъ, Маркъ Аврелій съ своими философами старался по возможности оградить и нравственность отъ слишкомъ грубыхъ и постыдныхъ на нее вліяній въ общественной жизни. Но всего труднѣе ему было бороться съ той общественной школой притупленія человѣческихъ чувствъ, каковую представлялъ амфитеатръ съ его гладиаторскими боями, при которыхъ люди умирали для потѣхи публики, и съ растерзываніемъ людей звѣрями, нарочно обучаемыми дѣлать это съ особенной ловкостью. Страсть къ этимъ постыднымъ зрѣлищамъ до того въѣлась въ римскіе нравы, что искоренить ее было совершенно невозможно, и съ трудомъ можно было сдѣлать лишь нѣкоторыя ограниченія въ кровавыхъ представленіяхъ. Біографъ Марка Аврелія, Юлій Капитолинъ, сообщаетъ весьма характеристическій фактъ, какъ народъ, узнавъ о распоряженіи императора отправить гладиаторовъ на войну съ германцами, съ ропотомъ говорилъ: ужь не хочетъ ли императоръ, лишая его удовольствій, заставить заняться философіей?

Что Маркъ Аврелій былъ государемъ примѣрнымъ и старался доставить управляемому имъ міру возможное счастье, это сдѣлалось исторической аксіомой. Все, что могло быть въ кесарскомъ режимѣ высокаго, благороднаго, разумнаго, все это мы видимъ въ дѣйствіи въ правленіе Марка Аврелія. Мы видимъ его водворяющимъ справедливость, смягчающимъ законы, заботящимся о воспитаніи дѣтей, вникающимъ во всѣ отрасли управленія, зорко слѣдящимъ за движеніемъ варварскихъ народовъ на границахъ имперіи, проводящимъ цѣлыя годы въ войнѣ съ квадами, маркоманнами и другими задунайскими народами. Вездѣ римскій императоръ оказывался способ-

нымъ, вездѣ гуманнымъ, даже на войнѣ, которую онъ внутренно ненавидѣлъ или, по крайней мѣрѣ, считалъ дѣломъ, не соответствующимъ требованіямъ разума, и никогда не забывалъ размышлять о томъ, что справедливо, что возвышаетъ человѣка, что даетъ смыслъ нашей жизни. Мы были бы несправедливы къ памяти этого замѣчательнаго человѣка, еслибы умолчали о томъ, что многія страницы его прекрасныхъ «Размышленій» писаны имъ вдали отъ Италиі, въ варварскихъ странахъ, въ часы отдыха отъ военныхъ занятій и подвиговъ. Тамъ, именно у квадовъ, на берегу рѣки Грана, въ Венгріи, онъ и началъ свои замѣтки, подписавъ именемъ этого народа и этой рѣки первую ихъ книгу. Его нигдѣ не переставали занимать высшіе вопросы жизни и человѣческой нравственности.

Вотъ какъ онъ, между прочимъ, бесѣдовалъ съ собой, живя въ паннонскомъ городѣ Карнунтѣ:

«Ты долженъ во всемъ такъ поступать и такъ мыслить, какъ еслибы ты тотчасъ же могъ покинуть жизнь. Удалиться же изъ среды людей, коль скоро есть боги, нисколько не страшно, такъ какъ они тебя не ввергнутъ ни въ какое бѣдствіе. А если ихъ нѣтъ или они нисколько не пекутся о дѣлахъ человѣческихъ, то что пользы жить въ мірѣ, не имѣющемъ боговъ, не имѣющемъ провидѣнія? Но боги есть и пекутся о людяхъ» (II, 11).

«Хотя бы ты намѣревался жить три тысячи лѣтъ, даже тридцать тысячъ лѣтъ, ты долженъ все-таки помнить, что никто не теряетъ другой жизни, кромѣ той, которою онъ пользуется, и что никто не пользуется другою жизнью, кромѣ той, которую онъ теряетъ. Такимъ образомъ, самая длинная и самая короткая жизнь сходятся къ одному и тому же. Настоящее для всѣхъ одинаково продолжается, какъ бы ни было неравно прошедшее. Поэтому, то, что теряется, является безконечно малымъ. Ибо никто не можетъ потерять ни прошедшаго, ни будущаго. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно отнять у когонибудь то, чего онъ не имѣетъ? Итакъ нужно помнить двѣ истины: одна изъ нихъ — та, что все отъ вѣчности имѣетъ одинъ видъ и вращается въ кругу, и что нѣтъ разницы, будешь ли ты видѣть одно и то же сто, двѣсти лѣтъ, или незначительное время; другая — та, что тотъ, кто жилъ бы очень долгое время, и тотъ, кто скоро умеръ бы, теряютъ совершенно одинаковую продолжительность жизни: оба они теряютъ только настоящее, такъ какъ

только имъ владѣютъ, а кто тѣмъ не владѣетъ, не можетъ и потерять того» (II, 14).

«Время жизни человѣческой—одна точка; матерія—бесконечное течение; ощущеніе—темное явленіе; строеніе всего тѣла—явленіе, подлежащее разрушенію, душа—вращеніе; судьба—загадка; слава—нѣчто лишнее сужденія. Словомъ сказать, все, касающееся тѣла, рѣка текущая; касающееся души—сонъ и дымъ; жизнь—война и пребываніе путника въ чужой странѣ; посмертная слава—забвеніе. Итакъ, что же можетъ служить человѣку путеводителемъ? Одна и единственная вещь, философія. А она состоитъ въ томъ, чтобъ находящійся внутри насъ духъ сохранить цѣлымъ и непорочнымъ, возвышающимся надъ всякимъ удовольствіемъ и мукою, ничего не дѣлающимъ на обумъ,—состоитъ въ томъ, чтобъ никогда не лгать и не притворяться, не нуждаться въ томъ, чтобы другой что-либо дѣлалъ или не дѣлалъ; далѣе, въ томъ, чтобы все, съ нами случающееся и выпадающее намъ на долю, такъ принимать, какъ бы это приходило оттуда, откуда и самъ духъ нашъ пришелъ; въ томъ, наконецъ, чтобъ ожидать смерти спокойно и видѣть въ ней ничто иное, какъ распаденіе тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ составлено всякое живое существо. Если сами элементы нисколько не страдаютъ въ своемъ непрерывномъ измѣненіи одинъ въ другой, то къ чему скорбѣть о перемѣнѣ и распаденіи всѣхъ вещей? Вѣдь это сообразно съ природой. А нѣтъ никакого зла въ томъ, что сообразно съ природой» (II, 17).

Бывали на свѣтѣ государи, одушевленные высокими идеями и добрыми стремленіями, но эти идеи и стремленія не приносили ожидаемыхъ плодовъ не только по стеченію неблагоприятныхъ обстоятельствъ, но и потому, что сами государи обладали недостаточно твердымъ характеромъ, или стремленіе ихъ дѣлать добро было поверхностно, не составляло свойства ихъ души, не было для нихъ цѣлью жизни, а было навѣяно на нихъ случайнымъ обстоятельствомъ. О Маркѣ Авреліѣ нельзя сказать ничего подобнаго. Онъ былъ философомъ почти отъ рожденія и уже въ дѣтствѣ поражалъ своей серьезностью ¹⁾. Его съ раннихъ лѣтъ занимали высокія мысли. Въ годы воспитанія онъ былъ окруженъ хорошими примѣрами и

¹⁾ Fuit a prima infantia gravis. Jul. Capitolin., 2.

никогда почти не разставался съ людьми, которые больше другихъ были пронизаны идеями справедливости, доброты, кротости, уваженія къ человѣческому достоинству. И спора не можетъ быть, что этотъ человѣкъ всю свою жизнь носилъ въ душѣ высокіе идеалы и остался вѣренъ своимъ идеаламъ до конца: онъ умѣлъ выносить съ кротостью и самоотверженіемъ самыя тяжелыя личныя несчастія, каково было отчаянное распутство его жены и безнадежная испорченность сына; онъ ни на минуту не забывалъ своихъ важныхъ обязанностей къ государству и дѣлалъ все, что отъ него зависѣло, чтобы возвысить его внутри и укрѣпить его извнѣ. И надо сказать правду, что его гражданскія заслуги и личныя качества были опѣнены его современниками. Философъ-императоръ, мудрый, дѣятельный, распорядительный, справедливый, гуманный, былъ предметомъ общей любви, какой, быть можетъ, не удостоивался ни одинъ римскій императоръ. И, безъ сомнѣнія, никогда народная любовь не была болѣе заслуженною.

Но случилось такъ, что въ правленіе этого мудраго, просвѣщеннаго и кроткаго государя происходило одно изъ самыхъ ожесточенныхъ гоненій, какія только знаютъ лѣтописи первоначальнаго христіанства, противъ послѣдователей новаго ученія. Неизвѣстно въ точности, при немъ ли, при Марѣѣ Авреліѣ, или при его предшественникѣ, былъ казненъ въ Римѣ философъ Юстинъ, прозванный Мученикомъ, съ своими товарищами; но, несомнѣнно, что въ Смирнѣ нѣсколько позже былъ казненъ восьмидесятилѣтній епископъ Поликарпъ съ нѣсколькими другими христіанами. Впрочемъ преслѣдованія, относящіяся къ первымъ годамъ правленія Марка Аврелія были ничто въ сравненіи съ тѣми, какія разыгрались за нѣсколько лѣтъ до смерти императора, именно въ 177 г., особенно въ Малой Азіи и въ Галліи. То, что въ это время претерпѣли христіане, и описать трудно. Ихъ выгоняли изъ домовъ, гдѣ они жили, не пускали въ бани, прогоняли съ рынковъ, запрещали имъ показываться въ народѣ, отдавали ихъ имущество доносчикамъ, хватали ихъ массами, сажали въ темницы, пытали жесточайшимъ образомъ въ продолженіе многихъ дней, требуя отреченія отъ вѣры, наконецъ бросали на сѣденіе звѣрямъ, рубили головы, распинали на крестѣ. Всѣ эти явленія были бы невѣроятны, еслибъ не были засвидѣтельствованы самими непреложными историческими памятниками. Они имѣютъ свое объясненіе, если не оправданіе; но во всякомъ случаѣ, передъ

нами развертывается необычайная въ исторіи картина, на которой, рядомъ съ безчисленными актами просвѣщеннаго, мудраго и вроткаго управленія, нарисованы жесточайшія преслѣдованія, пытки и казни людей, думавшихъ, вѣровавшихъ и молившихся иначе, чѣмъ остальное населеніе.

Въ книгѣ Ренана есть глава, посвященная описанію мученичества христіанъ въ Ліонѣ. Она написана съ мастерствомъ, рѣдкимъ даже и для пера этого писателя. Намъ пріятно воспользоваться ея содержаніемъ для того, чтобы показать, какія недостойныя дѣйствія совершались въ послѣдніе годы правленія императора-философа.

Это было въ 177 году. Христіанская церковь имѣла въ это время многочисленныхъ представителей въ галльскихъ городахъ, въ особенности въ Ліонѣ и во Вьени. Давно уже народъ смотрѣлъ на христіанъ, какъ на виновниковъ разныхъ бѣдствій, посѣщавшихъ имперію, приписывая это ихъ нечестію, отверженію ими національнаго культа. Возрастая все больше и больше, ненависть народная перешла въ насиліе. Дошло до того, что христіане не смѣли нигуда показываться, а если кто попадался черни на глаза, его преслѣдовали криками, побоями, бросаніемъ камней и всяческими оскорбленіями. Беспорядки возросли до такой степени, что должна была, наконецъ, вмѣшаться въ дѣло власть, которая, на основаніи законовъ о недозволенныхъ обществахъ, всегда имѣла право подвергнуть христіанъ гоненію. И вотъ, въ одинъ прекрасный день, всѣ лица, извѣстныя за принадлежащихъ къ христіанству, какъ къ противогосударственной сектѣ, были арестованы и подвергнуты допросу на форумѣ въ присутствіи народа. Всѣ они признали себя христіанами. Легатъ императора, пропреторъ, былъ въ отсутствіи, и, въ ожиданіи его, арестованные были ввергнуты въ темницу. Наконецъ, легатъ возвратился въ Ліонъ, и процессъ начался.

Видя жестокое обращеніе съ единоувѣрцами во время слѣдствія, нѣкто Веттій Эпагаѣ, человекъ молодой и благороднаго происхожденія, лицо извѣстное въ городѣ, является къ преторскому трибуналу и заявляетъ о своемъ желаніи быть защитникомъ несчастныхъ, обвиняемыхъ въ самыхъ дикихъ и даже невозможныхъ преступленіяхъ. Онъ заявляетъ изумленному римскому сановнику, что онъ христіанинъ. Его не арестовали; но въ защитѣ единоувѣрцевъ ему было грубо отказано.

Жестокими пытками судебныя власти думали вынудить у заключенныхъ признаніе въ небывалыхъ преступленіяхъ. Но пытки не могли утратить людей, которымъ шестіе на казнь казалось праздникомъ, торжественнымъ днемъ въ ихъ жизни, и которые, подкрѣпля другъ друга, гордились признавать себя всенародно христіанами. Изъ всей массы арестованныхъ, какъ въ Ліонѣ, такъ и во Вьени, лишь немногіе, какихъ-нибудь двѣнадцать человекъ, поколебались и отказались отъ своей вѣры во Христа. Всѣ остальные, среди которыхъ находился и епископъ Поинъ, мужественно выносили мученія, не признавая себя виновными ни въ какихъ преступленіяхъ. Но между рабами заключенныхъ были язычники. Они, испуганные пытками, какимъ подвергались ихъ господа, согласились подтвердить всѣ клеветы, возводимыя на христіанъ, и заявили, что дѣтоубійство, ѣденіе человѣческаго мяса, кровосмѣшеніе и пр. имъ извѣстны, какъ преступленія, совершаемыя христіанами. Тогда пытки удвоились, но не могли одолѣть геройства мучениковъ. Мысль, что они страдаютъ за Христа, наполняла ихъ сердца гордостью и дѣлала самыя слабыя существа сверхъестественно неустрашимыми. Послушаемъ, однако, какъ рассказываетъ объ этомъ знаменитый историкъ первоначальнаго христіанства.

«Діаконъ Санетъ, изъ Вьени, возблисталъ между самыми мужественными. Такъ какъ язычники считали его хранителемъ тайнъ церкви, то они старались извлечь изъ него какое-либо слово, которое бы могло дать основаніе гнуснымъ обвиненіямъ, введеннымъ на общину. Но они не добились отъ него ни того, чтобы онъ сказалъ имъ свое имя, ни имени народа, ни имени города, изъ котораго онъ происходилъ, ни того, свободный ли онъ человекъ, или рабъ. На все, что у него ни спрашивали, онъ отвѣчалъ по латыни: *Christianus sum* (я христіанинъ). Въ этомъ заключалось его имя, его отечество, его племя, его все. Язычники не могли вытянуть изъ его устъ другого признанія, кромѣ этого. Такое упорство только удваивало ярость легата и истязателей. Источивъ безуспѣшно всѣ свои средства, они придумали прикладывать къ самымъ чувствительнымъ органамъ тѣла мѣдныя пластинки, накаленные до бѣла. Санетъ, во все это время, оставался непреклоненъ и не выходилъ изъ своего упорнаго признанія: *Christianus sum*. Его тѣло превратилось въ язву, въ сочащуюся кровью, изуродованную, подергиваемую судорогами, сморщенную массу, не представляющую

уже никакого человѣческаго вида. Вѣрные торжествовали, говоря, что Христось умѣеть сдѣлать своихъ людей нечувствительными и замѣняетъ ихъ, когда ихъ мучать, чтобы страдать вмѣсто нихъ. Страшно было то, что, черезъ нѣсколько дней, стали снова пытаться Санкта. Состояніе исповѣдника было таково, что одно прикосновеніе къ нему руки заставляло его вскакивать отъ боли. Палачи заживили одну за другой всѣ его воспламененныя раны; послѣ этого стали растравлять каждую изъ нихъ, повторять надъ каждымъ изъ его органовъ ужасные опыты перваго дня: надѣялись или сломить его упорство, или видѣть его умирающимъ въ мукахъ, что могло бы утратить другихъ. Не тутъ то было. Санктъ выносилъ это мученіе такъ хорошо, что его товарищи увидѣли тутъ чудо и утверждали, что эта вторая пытка, производя на него дѣйствіе врачеванія, возстановила его члены и возвратила его тѣлу утраченное имъ человѣческое положеніе.

«Матуръ, который былъ лишь неофитомъ, выдержалъ себя также, какъ храбрый воинъ Христовъ. Что же касается до служанки Бландины, то она показала, что переворотъ уже совершился. Бландина принадлежала христіанской дамѣ, которая, безъ сомнѣнія, и посвятила ее въ Христову вѣру. Чувство низменности своего общественнаго положенія только побуждало ее сравняться съ своими господами. Истинная эманципація раба, эманципація путемъ героизма, была въ значительной мѣрѣ ея дѣломъ. Въ языческомъ рабѣ видѣли существо злое и безнравственное по существу. Какой прекрасный способъ возстановить и освободить его, показавши его способнымъ къ тѣмъ же добродѣтелямъ и къ тѣмъ же жертвамъ, къ какимъ способенъ человѣкъ свободный! Какъ обращаться презрительно съ тѣми женщинами, которыхъ видѣли въ амфитеатрѣ еще болѣе возвышенными, чѣмъ ихъ госпожи? Добрая лонская служанка слыхала, что Богъ судить совсѣмъ не по наружности человѣческой, что онъ часто благоволяетъ избирать то, что есть самаго приниженнаго, невзрачнаго и презрѣннаго, чтобы смутить то, что кажется прекраснымъ и сильнымъ. Проникаясь своей ролью, она призвала пытки и горѣла желаніемъ пострадать. Она была маленькая, худенькая, такъ что вѣрные боялись, что она не въ состояніи вынести мученія. Особенно ея госпожа, которая находилась въ числѣ заключенныхъ, опасалась, что это слабое и робкое существо не будетъ способно громко засвидѣтельствовать свою вѣру.

Но Бландина оказала чудеса энергіи и смѣлости. Она утомила бригады палачей, которыя смѣнялись подлѣ нея одна за другою съ утра до вечера; побѣжденные истязатели признались, что у нихъ нѣтъ болѣе для нея мученій, и заявили, что они не понимаютъ, какъ она можетъ еще дышать съ разорваннымъ и проколотымъ тѣломъ; они утверждали, что одной изъ пытокъ, къ ней приложенныхъ, было бы достаточно для ея умерщвленія. Но блаженная, какъ отважный боецъ, пріобрѣтала новыя силы въ исповѣдываніи Христа. Для нея было утѣшительнымъ и отнимающимъ чувство боли средствомъ говорить: «Я христіанка; въ нашей средѣ не дѣлаютъ ничего худого». Едва только она оканчивала эти слова, какъ, казалось, обрѣтала всю свою силу для того, чтобы предстать свѣжею къ новымъ битвамъ».

Изумительное мужество мучениковъ, не признававшихъ себя виновными ни въ какомъ преступленіи, только раздражало ихъ гонителей, которые съ тѣхъ поръ не жалѣли ничего, чтобы сдѣлать положеніе своихъ жертвъ наиболѣе невыносимымъ. Многіе, особенно изъ вновь арестованныхъ, задохлись въ тюрьмахъ; другіе, несмотря на неестественныя муки, оставались живы, изъявляя готовность итти на новыя мученія. Твердость ихъ возбудила сожалѣніе и стыдъ въ тѣхъ, которые отреклись-было отъ вѣры во Христа для избѣжанія пытокъ, и заставила нѣкоторыхъ изъ нихъ снова заявить о своей принадлежности къ христіанству. Римскій легатъ, желая дать народу зрѣлище казни христіанъ, рѣшился устроить эту казнь въ амфитеатрѣ, гдѣ они въ концѣ концовъ могли быть отданы звѣрямъ на растерзаніе. Были назначены для этой торжественной казни отборныя лица между исповѣдывавшими вѣру во Христа, и на первый разъ были выведены Матуръ, Санктъ, Бландина и Атталь. «Ничего не было пощажено для этихъ жертвъ. Начато было, по обычаю, отвратительной процессіей, въ которой осужденные, проходя нагими одинъ за другимъ передъ строемъ лицъ, приставленныхъ къ звѣрямъ, получали отъ каждаго изъ нихъ по синѣ страшныя удары плетью. Затѣмъ выпустили на нихъ звѣрей. Это былъ наиболѣе потрясающій моментъ дня. Звѣри не пожрали тотчасъ своихъ жертвъ; они ихъ кусали, волочили, впускали зубы въ ихъ голыя тѣла, оставляли на нихъ кровавыя слѣды. Въ этотъ моментъ зрители дѣлались безъ ума отъ удовольствія... Ожесточеніе противъ христіанъ было таково, что требовали, по

отношенію къ нимъ, самыхъ ужасныхъ мученій. Искусство палача, быть можетъ, не могло изобрѣсти ничего болѣе адскаго, какъ желѣзный стулъ, раскаленный до красна на огнѣ: на него были посажены Матуръ и Санктъ. Отталкивающій запахъ жаренаго мяса наполнилъ амфитеатръ и только опьянилъ бѣшеныхъ зрителей. Твердость обоихъ мучениковъ была удивительна. Отъ Санта не могли добиться ничего, кромѣ двухъ словъ: «Я христіанинъ». Оба мученика, казалось, не могли умереть; звѣри, съ другой стороны, также, по видимому ихъ избѣгали; чтобы покончить съ этимъ, приходилось поневолѣ ихъ помиловать, какъ это дѣлалось для борцовъ со звѣрями и для гладиаторовъ.

«Во все это время Бландина висѣла на столбѣ, будучи выставлена для звѣрей, которыхъ подстрекали пожрать ее. Она не переставала молиться съ глазами, обращенными къ небу. Ни одно животное, въ этотъ день, не почувствовало къ ней аппетита. Это бѣдное тѣльце, выставленное на показъ тысячамъ зрителей, любопытство которыхъ сдерживалось лишь узкимъ поясомъ, предписаннымъ закономъ для актрисъ и осужденныхъ, не возбуждало, по видимому, въ присутствующихъ никакого сожалѣнія; но оно получило для другихъ мучениковъ мистическое значеніе. Столбъ Бландины казался имъ крестомъ Христа; тѣло ихъ подруги, блистая бѣлизной на другой оконечности амфитеатра, напомнило имъ тѣло распятаго Христа... Въ минуты жестокихъ страданій, взглядъ, брошенный на ихъ сестру на крестѣ, наполнялъ ихъ радостью и ревностью».

Дошла очередь до Аттала, пергамскаго уроженца, одного изъ столповъ ліонской церкви. Но онъ оказался римскимъ гражданиномъ. Его принуждены были отвести снова въ тюрьму. Такъ какъ случай съ Атталомъ былъ не единственный, а между тѣмъ число обвиненныхъ все увеличивалось, то легаты счелъ себя обязаннымъ испросить рѣшенія императора. Это рѣшеніе пришло. Рескриптъ императора гласилъ, что всѣ признающіе себя христіанами должны быть казнены, отказывающіеся же отъ своей вѣры должны быть отпущены. Страшно подумать, что это былъ рескриптъ Марка Аврелія!

Мы не станемъ сообщать подробностей отвратительнаго зрѣлища казни сорока восьми христіанскихъ мучениковъ въ ліонскомъ амфитеатрѣ, даннаго легатомъ римскаго императора въ видѣ увеселительнаго представленія на многолюдномъ праздникѣ, который открылся 1-го августа (177 г.). Къ этому дню съѣзжались въ Ліонъ

представители галльскихъ общинъ для празднованія годовщины посвященія жертвенника Риму и Августу, и стекалось множество народа, по случаю ярмарки, изъ всей Галліи. Такимъ образомъ, вся Галлія, въ лицѣ своихъ представителей, была свидѣтельницей жестокихъ и отвратительныхъ пытокъ и позорной казни, совершенной надъ ея первыми христіанами. Эта казнь и истязанія, продолжавшіяся нѣсколько дней, начались съ Аттала, котораго не защитило и званіе римскаго гражданина, и Александра, по профессіи врача, родомъ изъ Фригіи. Закончились эти отвратительныя зрѣлища мученіями и казнью Бланины, которая перенесла всѣ степени пытокъ, до сидѣнья на раскаленномъ желѣзномъ стулѣ вѣлючительно, съ такимъ изумительнымъ мужествомъ, что, по словамъ очевидцевъ, расхлывшаяся изъ амфитеатра толпа только и говорила: «никогда въ Галліи не видано было женщины, которая бы столько вытерпѣла».

Противъ всякаго чаянія мучителей, устроенное ими зрѣлище несокрушимой твердости духа въ исповѣдникахъ христіанскаго ученія послужило источникомъ свѣжей силы и могущественнаго дѣйствія новой религіи. Имена ліонскихъ мучениковъ сдѣлались скоро извѣстны всему христіанскому міру и укрѣпляли страдальцевъ за вѣру при новыхъ гоненіяхъ, которыя тогда, т. е. въ послѣдніе годы Марка Аврелія, свирѣпствовали по всей имперіи.

Гоненія, какимыъ подвергались христіане въ правленіе Марка Аврелія, лежатъ, безъ сомнѣнія, пятномъ на памяти мудраго и добродѣтельнаго римскаго императора. Но есть и смягчающія вину обстоятельства. Маркъ Аврелій не придумывалъ самъ этихъ гоненій; они досталось ему въ наслѣдство отъ предшественниковъ, и не такихъ предшественниковъ, какъ Неронъ и Домиціанъ, къ памяти которыхъ онъ чувствовалъ отвращеніе, а такихъ, какъ Траянъ, Адріанъ и Антонинъ Пій, которыхъ онъ имѣлъ право считать государями, понимавшими свое призваніе и дѣйствовавшими въ интересахъ порядка, закона и справедливости. Допуская это преслѣдованіе, онъ только продолжалъ политику возстановленія уваженія къ закону и къ государственнымъ учрежденіямъ, начатую Траяномъ и поддержанную его преемниками въ видахъ укрѣпленія государства, потрясеннаго смутами и беззаконіями предшествоваващаго столѣтія. Политика эта требовала поддержанія старыхъ римскихъ

традицій, куда относилось и значеніе государственнаго культа, съ развитіемъ котораго была такъ тѣсно связана исторія Рима; требовала водворенія спокойствія въ провинціяхъ, въ которыхъ поведеніе христіанъ, рѣзко отдѣлявшихъ себя отъ остальнаго населенія, подавало поводъ къ волненіямъ; требовала, наконецъ, строгаго исполненія предписаній закона и правительственныхъ распоряженій, какъ иначе и не можетъ быть въ государствѣ благоустроенномъ.

Что Марекъ Аврелій не могъ преслѣдовать въ христіанахъ ихъ религіознаго образа мыслей и одобрять мученій, какимъ подвергались въ разныхъ концахъ римскаго государства люди за свои вѣрованія, это едва-ли нужно доказывать. Для этого онъ былъ слишкомъ философъ и слишкомъ гуманный правитель. Мы не скажемъ, пожалуй, вмѣстѣ съ Ренаномъ, что свобода мысли въ римской имперіи отъ Нерона до Константина была полная; но несомнѣнно, что религіозныя преслѣдованія въ собственномъ смыслѣ были чужды духу римскаго государства и что Римъ признавалъ свободное отправление всѣхъ культовъ въ имперіи. Самая столица государства, равно какъ и приморскіе города Италіи, были полны послѣдователями всевозможныхъ вѣрованій, собиравшимися на молитву въ свои храмы, совершавшими свои религіозныя процессіи и даже безпрепятственно производившими пропаганду своихъ культовъ среди остальнаго населенія. Это наводненіе Рима и Италіи поклонниками Кивелы, Изиды, Митры и другихъ божествъ, приходившихъ съ Востока, не нравилось людямъ образованнымъ, возбуждало насмѣшливыя выходки въ сатирической литературѣ, возбуждало иногда неудовольствіе и подозрительность правительства, но никому не приходило въ голову ставить людямъ въ преступленіе то именно, что они молятся своимъ богамъ и даже заботятся о распространеніи своего богопочитанія среди окружающихъ. Римъ не только допускалъ, но и самъ переваривалъ всѣ культы, переводилъ чужихъ боговъ на свой Олимпъ и усваивалъ многое изъ религіозной практики покоренныхъ народовъ. Возникновеніе новаго культа среди другихъ, въ это время въ особенности, не могло само по себѣ казаться страннымъ и тѣмъ болѣе возбуждать преслѣдованіе.

Но этотъ новый культъ былъ особеннаго рода. Онъ отрицалъ всѣ другіе и относился къ нимъ съ явнымъ презрѣніемъ. Онъ имѣлъ тѣсную связь съ іудействомъ, также чуждымъ духа терпимости по отношенію къ другимъ вѣрованіямъ и, вдобавокъ, еще ознамено-

вавшимъ себя при Веспасіанѣ и Адріанѣ явнымъ возмущеніемъ противъ римскаго владычества. Исповѣдники христіанства внушали подозрѣніе своими тайными собраніями и дѣлались нарушителями законовъ о недозволенныхъ обществахъ. Такъ какъ они составляли по своему образу жизни контрастъ съ другимъ населеніемъ и не чествовали боговъ, всѣми признаваемыхъ, то въ народѣ стали возникать слухи о томъ, что въ средѣ новой секты совершаются всевозможныя отвратительныя преступленія. Слухи эти усиливали нерасположеніе въ обществѣ къ новой сектѣ, возникшее уже вслѣдствіе ея исключительности и нетерпимости. Быстрое распространеніе христіанства въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, какъ, напр., въ Виѣннѣ, возбуждало противъ него представителей языческихъ культовъ, которые не могли равнодушно видѣть, какъ ихъ храмы пустѣли, жертвоприношенія уменьшались, а вмѣстѣ съ тѣмъ умалялось какъ благосостояніе, такъ и значеніе жрецовъ и храмовыхъ служителей. Ко всему этому, въ правленіе Марка Аврелія, присоединились разныя бѣдствія, посѣщавшія, одно за другимъ, то ту, то другую провинцію имперіи: моровыя язвы, наводненія, голодъ, землетрясенія, нападенія непріятелей, со всѣхъ сторонъ устремлявшихся на римскія границы и требовавшихъ огромнаго напряженія силъ государства для обезпеченія мира и цѣлости владѣній. Народное раздраженіе, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, искало выхода и, при недовѣрїи и нерасположенїи большинства населенія къ христіанамъ, обрушивалось на нихъ тѣмъ легче, что въ ихъ нечестїи, въ ихъ неуваженїи къ національнымъ божествамъ, въ приписываемыхъ имъ тяжкихъ преступленіяхъ находилось объясненіе гнѣва боговъ, требовавшихъ искупительной жертвы. Это народное раздраженіе, поддерживаемое сознательными врагами христіанства, было главнымъ источникомъ воздвигавшихся на нихъ гоненій. Римскія власти въ провинціяхъ должны были съ нимъ считаться и нерѣдко давать ему удовлетвореніе. Мы видѣли, съ какимъ удовольствіемъ въ Лионѣ народъ смотрѣлъ на пытки и казни христіанъ, производившіяся въ мѣстномъ амфитеатрѣ. Такъ было и въ другихъ мѣстахъ — въ Малой Азїи, въ Африкѣ, вездѣ, гдѣ послѣдователи новой религіи были многочисленны. Раздраженный народъ съ изступленіемъ требовалъ отдачи христіанъ на растерзаніе звѣрямъ (*christianos ad leonem*), и требованіе это, по свидѣтельству современныхъ христіанскихъ апологетовъ, обратилось у

него въ привычку при каждомъ общественномъ несчастіи. Съ этимъ фактомъ народной ярости противъ христіанъ принуждены были считаться и сами императоры и выражать свою волю въ приказахъ и наставленіяхъ властямъ, стоявшимъ лицомъ къ лицу съ народнымъ возбужденіемъ. Все это нужно имѣть въ виду, когда заходить рѣчь о гоненіяхъ на христіанство во второмъ столѣтіи нашего лѣтосчисленія.

Преслѣдовалась не вѣра во Христа, а презрѣніе къ государственной религіи и еще болѣе нарушеніе законовъ о не дозволенныхъ товариществахъ; преслѣдовалось, кромѣ того, то необычайное упорство, съ какимъ христіане стояли на своемъ, при объясненіяхъ съ властями, стараясь показать, что они не только не боятся мученій, но даже желаютъ имъ подвергнуться. Въ этомъ упорствѣ, которое напередъ отстраняло всякое примиреніе, въ нежеланіи входить въ объясненія, въ готовности идти на казнь и пытку, видѣли неуваженіе къ властямъ, нѣчто вызывающее, мятежное. Власть, обладающая широкими полномочіями, вездѣ любитъ покорность и смиреніе, и нельзя удивляться, что она, имѣя по закону право предать казни строптиваго, за дѣйствительныя или мнимыя его преступленія, не чувствуетъ къ нему жалости. Христіане, не желая курить ладаномъ и дѣлать возліанія виномъ передъ статуей императора, являлись людьми мятежными и какъ-бы подтверждали подозрѣніе тѣхъ, кто видѣлъ въ нихъ враговъ имперіи и какихъ-то опасныхъ заговорщиковъ. Многіе изъ нихъ, въ особенности фанатически настроенные монтиансты, и не скрывали своего отвращенія не только къ языческой религіи, но и ко всѣмъ государственнымъ учрежденіямъ, предсказывая, притомъ, скорый конецъ всему этому «царству дьявола» и торжество послѣдователямъ Христова ученія, и радуясь общественнымъ бѣдствіямъ, какъ явному признаку наступающаго суда Божія надъ врагами своей религіи. Только такимъ образомъ, т. е. путемъ отрицанія существующаго порядка, пренебреженія къ тому, что было обязательнымъ для каждаго добраго гражданина, имя христіанина сдѣлалось ненавистно и уже само по себѣ стало обозначать нѣчто преступное, требующее преслѣдованія и наказанія.

Маркъ Аврелій, какъ слѣдуетъ думать, не раздѣлялъ всѣхъ предразсудковъ, какіе были въ ходу относительно христіанъ въ населеніи имперіи. Безъ сомнѣнія, ему не приходило въ голову обви-

нять ихъ за то, что въ одномъ мѣстѣ произошло наводненіе, въ другомъ засуха, тамъ голодъ, тамъ моръ, тамъ землетрясеніе. Но онъ и не чувствовалъ къ нимъ ни любви, ни уваженія. Онъ не любилъ ихъ, какъ глава имперіи, въ которой христіане являлись элементомъ безпокойнымъ или, по крайней мѣрѣ, причиною общественнаго неудовольствія; онъ не любилъ ихъ, какъ римлянинъ, высоко ставившій старья римскія преданія, и не могъ сочувствовать людямъ, отвергавшимъ эти преданія и обычаи, на которыхъ покоилось величіе Рима; онъ не любилъ ихъ и какъ философъ, зная ихъ ученіе не по догматамъ и нравственнымъ правиламъ, въ немъ заключающимся, а по духу сопротивленія и упорства, какой они проявляли въ столкновеніяхъ съ римскими властями. Философъ-императоръ былъ послѣдователемъ стоической школы и высоко ставилъ ту неустрашимость при встрѣчѣ со смертью, которая была однимъ изъ главныхъ догматовъ этого философскаго ученія. Въ своихъ «Размышленіяхъ» онъ поминутно возвращается къ мысли о готовности оставить жизнь во всякую минуту и о необходимости смотрѣть на наступленіе часа смерти съ чувствомъ полного спокойствія, какъ подобаеть вообще относиться ко всякому естественному и неизбѣжному явленію. Его, какъ-стойка, по видимому, должно было бы восхищать это презрѣніе къ смерти, это нечеловѣческое мужество въ перенесеніи пытки и мученій, какимъ заявляли себя христіане. Между тѣмъ, мы находимъ въ его «Размышленіяхъ» явное неуваженіе къ геройству христіанъ, идущихъ на смерть, какъ на праздникъ. Онъ не видитъ въ ихъ неустрашимости передъ смертью ни обдуманности, ни того достоинства, съ какимъ встрѣчаютъ смерть или должны встрѣчать философы, а лишь одинъ задоръ или упрямство. Да вотъ это самое мѣсто въ «Размышленіяхъ»: «Какая это душа, которая хоть сейчасъ готова, если нужно, оставить тѣло, для того ли, чтобы исчезнуть, или чтобы разсѣяться, или чтобы продолжать свое существованіе! Я говорю: готова, въ томъ смыслѣ, что эта готовность является въ силу ея собственнаго сужденія, не по чистому упрямству, какъ у христіанъ, а обдуманно, съ достоинствомъ, такъ чтобы она могла внушить тоже чувство и другому, безъ трагической ходульности» (IX, 3). Какъ философу, ему была непонятна эта жажда смерти, которую нерѣдко обнаруживали цѣлыя массы христіанскихъ исповѣдниковъ, видя въ мученичествѣ лучшее средство скорѣе соединиться со Хри-

стомъ и воспользоваться небесными благами, имъ уготованными. Бывали примѣры, засвидѣтельствованные и отцами церкви, что христіане во множествѣ являлись сами къ властямъ; требуя для себя казни и мученій, на какія были обречены нѣкоторые изъ представителей ихъ ученія, и случалось, что ихъ насильственно прогоняли отъ судейскихъ трибуналовъ, рекомендуя имъ удовлетворить свою жажду смерти другими способами. Эту нелюбовь императора къ новой религіозной сектѣ, какою тогда было христіанство, раздѣляли всѣ его окружающіе, раздѣлялъ его учитель риторикки Фронтонъ и философы, раздѣляло все образованное общество, въ то время поверхностно знакомое или и вовсе незнакомое съ сущностью христіанскаго ученія и смотрѣвшее на его послѣдователей, какъ на людей, преданныхъ самому грубому суевѣрію, въ религіозномъ отношеніи, и вредныхъ въ отношеніи общественномъ.

Можно ли послѣ всего этого возлагать всю тяжесть вины за преслѣдованія христіанъ, происходившія при Маркѣ Авреліѣ, на самого императора, который, вдобавокъ, не могъ же лично наблюдать за ходомъ дѣлъ во всей обширной имперіи и по-неволѣ долженъ былъ полагаться на дѣйствовавшихъ его именемъ легатовъ, проконсуловъ и преторовъ? Разумѣется, нельзя, хотя было бы несправедливо и снимать съ него всю отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ. Никакое обстоятельство не въ состояніи смягчить, до полного оправданія, факта преслѣдованія, во время правленія философовъ, новой религіи, — преслѣдованія жестокаго, кроваваго, звѣрскаго, одного изъ самыхъ страшныхъ, какія только знаетъ исторія. Въ этомъ пунктѣ мы смѣло расходимся съ Ренаномъ, который готовъ отпустить совсѣмъ этотъ грѣхъ мудрому государю и, вопреки голосу плачевнѣйшихъ фактовъ, прославлять и тутъ его кротость и великодушіе. Качества эти, безспорно, составляли принадлежность души лучшаго изъ римскихъ императоровъ; но также вѣрно и то, что они не нашли себѣ полного оправданія въ отношеніи къ христіанскому населенію имперіи. Маркъ Аврелій не былъ двигателемъ гоненій; онъ, по всей вѣроятности, не одобрялъ обнаруживавшейся по временамъ жестокости къ этому населенію со стороны мѣстныхъ властей; но онъ ее терпѣлъ, допускалъ, не ограничилъ законодательнымъ актомъ, хотя быть можетъ, и стремился къ смягченію ея на практикѣ, насколько позволяли ему заботы о другихъ нуждахъ государства, потрясаемаго, особенно въ послѣдніе годы его правленія,

не только внутренними бѣдствіями, но и внѣшними опасностями.

Когда рѣчь идетъ о христіанствѣ при Маркѣ Авреліѣ, т. е. во второй половинѣ II столѣтія нашей эры, то мы не должны представлять себѣ, что имѣемъ дѣло съ религіей, которой не достаетъ лишь полной свободы проявленія, чтобы сдѣлаться господствующею или, по крайней мѣрѣ, занять почетное мѣсто въ жизни современнаго общества. Это была религія, еще не установившаяся въ своихъ догматахъ, изобиловавшая множествомъ сектъ, изъ которыхъ каждая имѣла еще основаніе думать, что она получить въ церкви господство и преобладаніе. Это была религія, съ которою только-что начинали знакомиться въ греческой литературѣ и разбирать ея положенія. Въ глазахъ большинства образованныхъ людей и писателей она еще смѣшивалась съ іудействомъ, считалась одной изъ его сектъ, въ особенности на Западѣ имперіи. Количество исповѣдниковъ христіанства было весьма значительно на Востокѣ, видоизмѣняясь по разнымъ провинціямъ, но нигдѣ еще не достигало большинства населенія, исключая, можетъ быть, Гіераполиса и нѣсколькихъ другихъ городовъ Фригіи. Въ собственной Греціи христіанство въ это время не сдѣлало еще никакихъ успѣховъ. Въ Африкѣ оно нашло для себя благопріятную почву, но еще въ началѣ III столѣтія послѣдователи его составляли въ Картегенѣ едва десятую часть населенія. Въ Римѣ оно еще мало было замѣтно если взять во вниманіе, что почти черезъ сто лѣтъ послѣ вступленія въ управленіе Марка Аврелія, въ половинѣ III столѣтія, количество вѣрующихъ во Христа не превышало въ столицѣ имперіи тридцати или сорока тысячъ, что на полтора или даже на одинъ милліонъ населенія, конечно, очень не много. Въ городахъ Италіи оно начинало распространяться, но долгое время было еще такъ слабо, что въ третьемъ вѣкѣ оно считало немногимъ болѣе шестидесяти приходоу. Въ Галліи, въ половинѣ II вѣка, оно только начинало пробивать себѣ дорогу и во время гоненія 177 года имѣло своими представителями почти исключительно азіатскихъ выходцевъ. Объ Испаніи, о Британіи, какъ мѣстахъ христіанской пропаганды во второй половинѣ II столѣтія, трудно даже сказать что-нибудь. Къ этому нужно прибавить, что общественное положеніе лицъ, пранадлежавшихъ къ новой религіи, было, за немногими исключеніями, очень низко. Это были рабы, вольноотпущенники,

люди низшихъ профессій, вообще пришлецы и рѣдко туземцы въ Италиі. Разноплеменный составъ христіанскаго населенія на Западѣ доказывается тѣмъ, что языкомъ христіанъ въ Римѣ, во II и даже въ III вѣкѣ, былъ греческій. Это былъ языкъ литургіи, поученій, посланій, даже надгробныхъ надписей. Латинская христіанская литература началась въ Африкѣ, а не въ Римѣ. Апологическое сочиненіе Минуція Феликса, котораго Ренанъ упорно считаетъ африканцемъ, но который жилъ и писалъ въ Римѣ, не измѣняетъ дѣла, тѣмъ больше, что оно было единственнымъ въ своемъ родѣ и было назначено не для христіанъ, а для язычниковъ. Замѣчательно, что тамъ же, т. е. въ Африкѣ, сдѣланъ былъ и первый переводъ на латинскій языкъ библии, переводъ, предшествующій Иерониму и недавно изданный въ Парижѣ по ліонской рукописи *). Все это доказываетъ, какъ слабо было развитіе христіанства среди собственно римскаго и кореннаго италійскаго населенія, а это, въ свою очередь, даетъ намъ понять, какъ невелико было его общественное значеніе при Маркѣ Авреліѣ, какъ мало, слѣдовательно, христіанство II вѣка имѣло вліянія на общество и какъ мало у него было, въ то время, шансовъ на побѣду въ борьбѣ съ язычествомъ.

Правда, сила христіанства во второй половинѣ II столѣтія была не велика, едва даже замѣтна для людей, принадлежавшихъ къ образованному обществу; но она росла, а не уменьшалась, не смотря на полицейскія и судебныя преслѣдованія. Въ этомъ заключалось очевидное свидѣтельство жизненности новой религіи. Мало-по-малу въ ряды ея приверженцевъ стали вступать люди философскаго и литературнаго образованія, изъ среды которыхъ появлялись одинъ за другимъ ея защитники передъ правительствомъ и передъ образованнымъ обществомъ. Защита нерѣдко переходила и въ наступленіе. Это такъ насываемые христіанскіе апологеты, рядъ которыхъ начинается при Адрианѣ именами Квадрата, бывшаго потомъ епископомъ аѳинской христіанской общины, и Аристида. Это были

---

*) Издано собственно только пятикнижіе Моисея. Оно вышло подъ заглавіемъ: *Pentateuchi versio latina antiquissima e codice Lugdunensi. Version latine du Pentateuque antérieur à saint Jérôme, publiée d'après le manuscrit de Lyon avec des fac-similés, des observations paléographiques philologiques et littéraires sur l'origine et la valeur de ce texte par Ulysse Robert.* 1 vol. in 4. Paris, Firmin Didot, 1881.

первые ходатаи по дѣламъ христіанства передъ римскими императорами. За ними слѣдоваль мужественнѣйшій изъ апологетовъ, бывшій послѣдователь платонизма, Юстинъ Мученикъ, который отъ императора Антонина Пія и его сотоварища въ управленіи, Марка Аврелія, требоваль, чтобы они доказали именѣю по отношенію къ христіанамъ свою репутацію справедливыхъ и мудрыхъ правителей. Но гоненія на христіанъ не прекращались; не переставали появляться и новые ихъ защитники. Цѣлый рядъ таковыхъ слѣдоваль при Маркѣ Авреліѣ. Сюда относятся: ученикъ Юстина, Татіанъ, гностикъ при эдесскомъ дворѣ Бардезанъ, епископъ Гіераполиса Клавдій Аполлинарись, сардскій епископъ Мелитонъ, одинъ изъ ревностнѣйшихъ борцовъ противъ монтанизма—Мильтіадъ, философъ Аѣинагоръ. Двѣ изъ дошедшихъ до насъ апологіи этого времени были назначены не для императора, а для публики. Это письмо къ Діогнету неизвѣстнаго автора и діалогъ «Октавій» Минуція Феликса. Къ самому концу II столѣтія, уже при Коммодѣ, сынѣ Марка Аврелія, писалъ въ защиту христіанства антиохійскій епископъ Теофилъ, послѣдній изъ апологетовъ этого столѣтія. Апологіи эти знакомили языческій міръ съ христіанскимъ ученіемъ, отрицали справедливость обвиненій, направленныхъ противъ послѣдователей новой религіи, ходатайствовали объ избавленіи ихъ отъ преслѣдованій, выставляли, на видъ преимущество христіанскаго ученія передъ эллинскою мудростью и переходили иногда въ рѣзкое нападеніе на всю современную образованность. Въ этомъ послѣднемъ духѣ писалъ Татіанъ, сочиненіе котораго «Противъ Грековъ» проникнуто самою непримиримою ненавистью къ греческой культурѣ. Татіанъ, въ духѣ чистаго азіата, сирійскаго варвара, отвергалъ, какъ потомъ и африканецъ Тертуллианъ, не только греческую философію, но даже искусство и литературу, желая уничтоженія сочиненій греческихъ трагиковъ и комиковъ и ничего не видя въ театрѣ, кромѣ школы разврата. Другіе, какъ философъ Аѣинагоръ и Минуцій Феликсъ, старались примирить языческую образованность съ христіанствомъ, указывая въ немъ какъ бы вѣнецъ того, къ чему стремилась философія и чего она не могла достигнуть собственными силами.

Сочиненія христіанскихъ апологетовъ не производили большого дѣйствія ни на власть, ни на общество. Гоненія на христіанъ продолжались, и самыя тяжкія изъ нихъ происходили какъ разъ въ

самомъ концѣ правленія Марка Аврелія; образованная публика, не смотря на усилія нѣкоторыхъ христіанскихъ писателей отыскать точки примиренія между ученіемъ новой религіи и философскимъ рационализмомъ, продолжала смотрѣть на это ученіе, какъ на нѣчто исполненное самыхъ нелѣпныхъ предразсудковъ и суевѣрій.

Римскіе и греческіе писатели мало знали христіанство и не чувствовали охоты къ ближайшему съ нимъ ознакомленію. Ни Фронтонъ, относившійся къ нему съ такою враждебностью, ни его наиболѣе знаменитый ученикъ (Маркъ Аврелій) не обнаруживаютъ слѣдовъ систематическаго знакомства съ нелюбимымъ ими ученіемъ. Ренанъ полагаетъ, что Маркъ Аврелій не имѣлъ предъ глазами ни одной редакціи евангельскихъ текстовъ и не зналъ, быть можетъ, даже имени Иисуса. Это не только вѣроятно, но даже почти несомнѣнно. Христіанство въ то время занимало слишкомъ низменное положеніе въ ряду другихъ религій, чтобъ возбудить желаніе къ его ближайшему изученію. Многихъ ли изъ насъ интересуется въ настоящее время, напр., религіозное движеніе среди евреевъ? Многіе ли изъ насъ знакомы съ талмудической литературой, не смотря на давнее ея существованіе? Образованные люди въ Римѣ знали христіанъ по процессамъ, да по практическимъ съ ними столкновеніямъ, все болѣе и болѣе учававшимся. Въ самомъ императорскомъ дворцѣ, среди прислуги, находилось не мало христіанъ, что засвидѣтельствовано не только христіанскими писателями, но и многочисленными эпитафіями, сохранившимися въ катакомбахъ св. Каллиста, и даже насмѣшливыми надписями и карриатурами на христіанъ на стѣнахъ палатинскихъ зданій. Пренебреженіе къ новой религіи, — такъ громко выразившееся у Лувіана, который въ своемъ сочиненіи «О смерти Перегрина», сдѣлалъ изъ нея предметъ язвительныхъ насмѣшекъ, — было причиною, почему среди язычниковъ не чувствовалось интереса и къ чтенію апологическихъ сочиненій, выпускавшихся время отъ времени христіанскими писателями. Не смотря на то, во второмъ вѣкѣ нашей эры все-таки находились въ римскомъ и греческомъ обществѣ писатели, которые брали на себя задачу изучить христіанство въ его источникахъ и подвергнуть это ученіе критикѣ съ точки зрѣнія современной науки и философіи. Къ таковымъ принадлежалъ римскій философъ, — по однимъ эпикурейской, а по другимъ платонической школы, — Цельсъ, написавшій на грече-

скомъ языкѣ противъ христіанъ полное сарказма и злобы сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Истинное Слово».

Никогда христіанство не имѣло врага болѣе рѣшительнаго и систематическаго, чѣмъ какимъ явился во второй половинѣ II столѣтія авторъ только-что указаннаго сочиненія. Цельсъ зналъ христіанское ученіе не по слухамъ и не по случайнымъ свѣдѣніямъ: онъ зналъ его по священнымъ книгамъ, каноническимъ и неканоническимъ, по церковной литературѣ разныхъ сектъ, по изученію людей и преданій на мѣстахъ происхожденія и развитія христіанства. Онъ путешествовалъ по Палестинѣ, Финикіи и Египту, и внимательно изучилъ эти страны въ религіозномъ отношеніи. Иудейство ему было знакомо такъ-же, какъ и религія египетская. Онъ внимательно ознакомился съ книгой Бытія, Исходомъ и книгами Пророковъ. Сочиненіе его противъ христіанства потерялось въ языческой литературѣ, но сохранилось въ христіанской, благодаря Оригену, который, полемизируя съ нимъ, съ большою вѣрностью передалъ его содержаніе, иногда съ выписками самаго текста. Оно было у него не единственнымъ въ этомъ родѣ, но было, очевидно, главнымъ, и даже въ чужой передачѣ достаточно знакомить насъ съ тѣмъ, чѣмъ явилось христіанство въ глазахъ эллинской мудрости, которая и была самымъ страшнымъ врагомъ новаго религіознаго ученія. Только поборовши этого врага, основанная Христомъ религія могла считать свое дѣло выиграннымъ и торжество несомнѣннымъ, а побѣдить его во II вѣкѣ нашей эры было не только трудно, но и немислимо. Это было время оживленнаго движенія греческой философіи; въ это время философія была на престолѣ, проникала собой законы и участвовала въ управленіи. Книга Цельса показываетъ, какъ гордо еще держала себя эллинская мудрость при встрѣчѣ съ новыми религіозными вѣрованіями.

Съ первыхъ-же словъ Цельсъ считаетъ христіанство религіею вредною въ государственномъ отношеніи и нелѣпою предъ судомъ философіи. Какъ знатокъ еврейской исторіи, которой христіанство обязано своимъ происхожденіемъ, онъ начинаетъ опроверженіе догматовъ его съ еврейской точки зрѣнія, и прежде всего съ еврейской легенды о родителяхъ Иисуса, его воспитаніи и жизни; затѣмъ переходитъ къ разсужденію, что іудеи ждали совсѣмъ не такого мессію, что, будь онъ настоящій, они его не отвергли бы, что онъ былъ оставленъ даже своими учениками, схваченъ и каз-

ненъ, какъ обманщикъ. Такъ разсуждаютъ іудеи, которые, вдобавокъ ко всему, смѣются надъ ученіемъ о воскресеніи Христа и никакъ не могутъ допустить, чтобы Богъ могъ страдать, потерѣть наказаніе и не показать всѣмъ своего величія. Но, находя споры христіанъ съ іудеями смѣшными, Цельсъ принимается довазывать несостоятельность христіанства съ философской точки зрѣнія, причемъ указываетъ между прочимъ на то, что, исповѣдуя ни съ чѣмъ несообразное ученіе, христіанскіе учителя стараются внушить его грубымъ и невѣжественнымъ людямъ, глупымъ дѣтямъ и безтолковымъ женщинамъ, боятся науки и образованія и предпочитаютъ грѣшниковъ и преступниковъ людямъ чистымъ, словно Богу первые могутъ быть пріятнѣе.

Какъ философъ, Цельсъ не можетъ допустить, чтобы Богъ, или сынъ Божій, явился къ людямъ и жилъ съ ними. Для чего? Развѣ ему безъ того неизвѣстно, что происходитъ на землѣ? Развѣ онъ не можетъ исправить здѣшнихъ дѣлъ, не сходя на землю и не посылая туда кого-нибудь? Неужели это нужно было ему для того, чтобы быть признаннымъ людьми и удовлетворить тѣмъ самолюбію, свойственное лишь людямъ? Христіане приписываютъ его пришествію на землю намѣреніе спасти людей, доставить блаженство праведнымъ и наказать неправедныхъ. Но зачѣмъ онъ дѣлаетъ это теперь, а не дѣлалъ раньше? Зачѣмъ онъ явился въ этой странѣ, а не въ другой? Такія рѣчи о божествѣ, по понятію Цельса, оскорбляютъ его святость. То, что христіане говорятъ о потопѣ и концѣ міра, есть только искаженіе старой истины. Міръ не подлежитъ разрушенію, а только на землѣ происходятъ по временамъ потопы и пожары. Цельсъ злостно смѣется надъ притязаніями іудеевъ и христіанъ, по словамъ которыхъ Богъ только о нихъ и думаетъ, имъ возвѣщаетъ слово истины, съ ними входитъ въ сношенія и, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ согрѣшили, сходитъ на землю или посылаетъ своего сына, чтобы предать огню злыхъ, а добрымъ доставить вѣчное блаженство. Считаая противнымъ здравому смыслу ученіе о преданіи вѣчному огню нечестивыхъ, Цельсъ возмущается ученіемъ о воскресеніи тѣла, какъ противнымъ всякимъ законамъ природы, и не допускаетъ объясненія этого явленія всемогуществомъ Божиимъ, такъ какъ Богъ, разумъ всего сущаго, не можетъ дѣлать того, что противно разуму.

За іудеями Цельсъ признаетъ то достоинство, что они, какъ и

вѣ другіе народы, слѣдуютъ отечественнымъ законамъ и имѣютъ культъ національный. Христіане же отпали отъ евреевъ, и ихъ религія не имѣетъ никакого національнаго характера. Здѣсь противникъ христіанства, разбирая христіанское ученіе, находитъ его во всѣхъ отношеніяхъ нелогичнымъ,—идеть ли рѣчь о мессіанизмѣ Христа, о сынѣ Божіемъ, о сатанѣ, о мірозданіи, или о пророчествѣ и вѣчной жизни — все равно. То же, что у нихъ есть хорошаго, давно сказано Платономъ и другими философами, и сказано лучше, чѣмъ у нихъ. Цельсусъ находитъ неразумнымъ ихъ отвращеніе къ храмамъ и божескимъ изображеніямъ. Что скульптурныя изображенія боговъ не суть боги, это знали еще персы, этому учили Гераклитъ и это извѣстно каждому взрослому человѣку. Христіане утверждаютъ, что Бога нельзя изобразить (таково было на самомъ дѣлѣ мнѣніе первоначальной церкви, перешедшее въ нее изъ Ветхаго Завѣта), а между тѣмъ сами же говорятъ, что Богъ создалъ человѣка по образу своему. Они говорятъ, что въ поклоненіи статуямъ заключается поклоненіе демонамъ, а сами поступаютъ хуже, поклоняясь умершему. Но нѣтъ ничего худого поклоняться демонамъ, такъ какъ Богъ поставилъ свои власти надъ разными явленіями въ мірѣ человѣческомъ. Христіане заявляютъ, что нельзя служить многимъ господамъ, но служеніе демонамъ есть собственно служеніе поставившему ихъ Богу. Да христіане, признавая единаго Бога, и не остаются, по мнѣнію Цельса, вѣрными этому принципу, такъ какъ они рядомъ съ Богомъ почитаютъ и его сына, и даже ставятъ сына человѣческаго выше верховнаго Бога. Если, далѣе, они избѣгаютъ участія въ народныхъ религіозныхъ празднествахъ, то это потому, что они составляютъ тайную общину. Если христіане ревностно защищаютъ свою вѣру и угрожаютъ своимъ врагамъ вѣчными мученіями, то жрецы другихъ культовъ точно также поступаютъ по отношенію къ христіанамъ. Странно только, что христіане, говоря о воскресеніи тѣла, имѣющаго для насъ такую цѣну, охотно предаютъ его на мученіе, какъ нѣчто не стоящее вниманія. Между мыслящими людьми можетъ идти рѣчь лишь о безсмертіи души, но никакъ не тѣла. Христіане не хотятъ воздавать почестей властямъ, когда эти послѣдніе предсѣдательствуютъ на общественныхъ церемоніяхъ: въ такомъ случаѣ пусть же они и не женятся, и не рожаютъ дѣтей, не пользуются плодами земли, не принимаютъ участія вообще ни въ радостяхъ, ни въ бѣдствіяхъ

жизни. Если они не хотятъ отдавать должнаго уваженія тѣмъ, которые нами управляютъ и власть которыхъ происходитъ отъ Бога, то намъ слѣдуетъ избавиться отъ класса людей, враждебныхъ установленному порядку.

Цельсъ—патріотъ и потому, дошедши до пунета, на которомъ христіане ему представляются не только превратно вѣрующими, но и дурными гражданами, онъ начинаетъ говорить языкомъ гнѣва. Онъ спрашиваетъ: ужь не воображаютъ ли христіане, что римляне оставятъ свои вѣрованія и своихъ боговъ и станутъ подъ покровительство того Бога, который неумѣлъ защитить свой народъ? Иудей, говоритъ онъ, не владѣютъ болѣе ни однимъ комомъ земли; дождутся и христіане, со всѣхъ сторонъ преслѣдуемые, что съ ними совсѣмъ покончатъ. Но онъ самъ не вѣритъ, по видимому, этой угрозы, такъ какъ, въ заключеніе, приглашаетъ ихъ не быть врагами имперіи, которой и безъ того угрожаютъ варвары съ разныхъ сторонъ, а помогать императору, сражаться за него, не уклоняться отъ обязанностей гражданскихъ и отъ военной службы: во имя общаго блага онъ предлагаетъ имъ примиреніе.

Но угрозы искорененія христіанства остались не осуществленными; не послѣдовало и примиренія. Римская имперія продолжала преслѣдовать новую религію, которая, въ свою очередь, продолжала распространяться и возвышаться. Она возвышалась по мѣрѣ того, какъ падала сама имперія, падала въ силѣ нравственной и матеріальной. Паденіе же это началось рѣшительно и пошло быстрыми шагами съ того дня, какъ умеръ мудрый и добродѣтельный императоръ, и въ управленіе міромъ вступилъ его безпутный сынъ, не знавшій въ жизни высшаго удовольствія, какъ участвовать въ бояхъ гладиаторовъ. Правленіе подобныхъ Коммоду безумцевъ было губительно для римскаго государства, но христіанство чрезъ это нисколько не проигрывало. Тутъ уже не было заботы о поддержаніи старыхъ римскихъ преданій; а какой вредъ могъ быть отъ того христіанству, которое отвергало эти преданія? Чѣмъ болѣе Римъ, подъ властію императоровъ варварскаго происхожденія, переставалъ быть Римомъ, тѣмъ ближе было торжество новой религіи. Она, правда, еще испытаетъ не одно жестокое гоненіе, и именно при императорахъ бодрыхъ и энергическихъ, которые пойдутъ по слѣдамъ Марка Аврелія въ поддержаніи угасающихъ все болѣе и болѣе преданій языческаго Рима. Но какъ невозможно поддержать уми-

рающее, такъ нельзя было никакими, даже Діоклетіановскими, мѣрами прекратить жизнь тому, что заключало въ себѣ условія жизни. Прошло лишь нѣсколько лѣтъ, какихъ нибудь три года, послѣ жестокаго Діоклетіановскаго гоненія, имѣвшаго въ виду съ корнемъ вырвать религію, распространившуюся уже на всемъ пространствѣ имперіи, какъ на римскомъ престолѣ является лицо, при которомъ христіанство получило официальное признаніе и которое послѣ смерти, было причислено къ лику святыхъ христіанскою церковью. Было-ли когда-нибудь торжество идеи рѣшительнѣе, очевиднѣе?

Но торжество это принадлежитъ уже четвертому вѣку нашей эры, а мы пока находимся еще во второмъ. Авторъ сочиненія, которое подало намъ поводъ къ настоящему разсужденію, высказываетъ мысль, что паденіе древняго міра, т. е. старой греко-римской образованности, стало дѣломъ несомнѣннымъ послѣ смерти Марка Аврелія и что день его смерти можетъ считаться въ этомъ отношеніи моментомъ рѣшительнымъ. Онъ руководствуется въ этомъ случаѣ такими соображеніями: «Въ философіи—говоритъ онъ—великій императоръ такъ высоко поставилъ идеаль добродѣтели, что никто не былъ обязанъ заботиться о томъ, чтобы ему слѣдовать; въ политикѣ, вслѣдствіе того, что онъ недостаточно глубоко разграничилъ обязанности отца отъ обязанностей кесаря, онъ открылъ, не желая того, зру тирановъ и анархіи; въ религіи, вслѣдствіе слишкомъ большой привязанности къ государственному культу, несостоятельность котораго онъ хорошо видѣлъ, онъ приготовилъ насильственное торжество культа неофициальнаго». Соображенія эти намъ кажутся недостаточными для того, чтобы считать паденіе древней гражданственности такъ тѣсно связаннымъ съ неудачнымъ исходомъ правленія Марка Аврелія. Самымъ мрачнымъ предзнаменованіемъ для будущаго, послѣ смерти мудраго императора, безъ сомнѣнія, было то, что онъ оставилъ міру въ наслѣдство сына, явившагося настоящимъ чудовищемъ на престолѣ, въ особенности, послѣ болѣе чѣмъ восьмидесятилѣтняго правленія хорошихъ государей. Правда, были между римскими кесарями меньшія чудовища въ лицѣ безумнаго Калигулы, изысканно-преступнаго Нерона, кровожаднаго Домиціана, но не было еще императора, который бы, ведя гаремную жизнь, какъ восточный деспотъ, всегда готовый на всякое преступленіе и мерзость, при этомъ еще спускался до испол-

ненія обязанностей гладіатора на римской аренѣ. Такое жесточайшее паденіе императорской власти, разумѣется, не сулило ничего хорошаго для римской имперіи; но въ то же время еще нимало не говорило о близкомъ концѣ античнаго міра. Погибла римская доблесть, но еще оставалась греко-римская культура, еще не окончился блестящій періодъ разработки римскаго права, одного изъ самыхъ великихъ созданій, завѣщанныхъ міру древней образованностью. Во всякомъ случаѣ, въ день смерти Марка Аврелія еще не было положено гравы дальнѣйшему развитію человѣчества въ духѣ греко-римской образованности, и древній міръ еще никому не казался погибающимъ. Ренана смущаетъ этотъ дѣйствительно страшный контрастъ между двумя правленіями, смущаетъ въ особеннности то, что «столько добродѣтели, столько любви» не могло предохранить человѣчество отъ того, чтобы сдѣлать его игрушкой низкихъ страстей самаго омерзительнаго человѣка. И потому французскій ученый считаетъ себя въ правѣ говорить:

«Вѣра въ добро съ того времени была потеряна. Послѣ Калигулы, послѣ Нерона, послѣ Домиціана, можно было еще надѣяться. Опыты не были окончательными. Но теперь царство зла, худшее, чѣмъ когда нибудь, возобновляется послѣ величайшаго усилія правительственнаго рационализма, послѣ восьмидесяти четырехъ лѣтъ превосходнаго режима, послѣ Нервы, Траяна, Адріана, Антонина, Марка Аврелія. Прощай, добродѣтель, прощай, разумъ! Коль скоро Маркъ Аврелій не могъ спасти міра, то кто спасетъ его? Теперь да здравствуютъ безумные! да здравствуетъ нелѣпость! да здравствуетъ сиріецъ и его двусмысленные боги! Серьезные врачи ничего не могли сдѣлать. Больному хуже, чѣмъ когда нибудь. Зовите эмпириковъ; они часто лучше достойныхъ уваженія практиковъ знаютъ, что нужно народу».

Но дѣло въ томъ, что всю величину зла стараго порядка въ римской имперіи конца II вѣка мы ясно видимъ лишь послѣ того, какъ зло это сдѣлалось достояніемъ исторіи. Современники смерти Марка Аврелія и вступленія на царство его преступнаго сына всего этого еще не видѣли. Тѣмъ менѣе ясна была въ тотъ моментъ судьба христіанства. Римская имперія въ то время была полна религиозными движеніями. Религій, стремившихся, помимо официальнаго греко-римскаго культа, ко всемірному господству, было нѣсколько. Христіанство было лишь одною изъ нихъ. Особенно большія

завоеванія сдѣланы были египетскимъ культомъ Изиды, который въ Римѣ заставлялъ очень много говорить о себѣ еще въ вѣкъ Августа, и персидскимъ культомъ Митры (Mithras, Mithras), бога солнца, начавшимъ распространяться въ римской имперіи во II и III вѣкахъ съ особенною силою и явившимся серьезнымъ соперникомъ христіанской религіи. Соперничество здѣсь было тѣмъ очевиднѣе, что въ организаціи своей митриализмъ представляетъ необыкновенное сходство съ христіанствомъ. У него было крещеніе, эвхаристія, пятидесятидневный постъ, покаяніе, очищеніе отъ грѣховъ, помазаніе, общія трапезы. Поклонники Митры вѣровали въ безсмертіе, въ существованіе рая для чистыхъ душъ. Среди послѣдователей этого культа господствовала большая набожность, поддерживаемая благочестивыми вечерними собраніями. Сходство его религіозной этики съ христіанскою было такъ велико, что христіанскіе писатели видѣли въ этомъ «сатанинское заимствованіе». Своимъ братскимъ союзомъ, существовавшимъ между посвященными на служеніе иранскому богу, эта религіозная община такъ-же, какъ и христіанская, отвѣчала времени, когда чувствовалась такая потребность взаимной любви; поддержки, единенія. Ренанъ замѣчаетъ: «Можно сказать, что еслибъ христіанство было остановлено какою-нибудь смертельною болѣзнію въ своемъ развитіи, міръ сдѣлался бы поклонникомъ Митры». Это, конечно, сказано смѣло; но фактъ большого распространенія митриализма въ римской имперіи несомнѣненъ. Этотъ культъ персидскому богу пережилъ официальное признаніе христіанства, пережилъ и провозглашеніе его господствующей религіей и если былъ, наконецъ, сокрушенъ новой религіей, то лишь путемъ жестокаго насилія, къ которому она стала прибѣгать, соединившись съ имперіей.

Итакъ, въ послѣдней четверти II столѣтія нашей эры, торжество христіанства въ римской имперіи или, лучше, побѣда надъ нею, подчиненіе ея себѣ, чѣмъ и кончилась упорная борьба новаго идеала съ старымъ, были еще дѣломъ не только далекимъ, но и крайне мечтательнымъ. Объ этомъ могли мечтать наиболѣе пылкія головы изъ послѣдователей христіанскаго ученія, какъ мечтаютъ теперь іудейскіе фанатики о пришествіи мессіи, который водворитъ на землѣ царство «избраннаго» народа. Но фактическихъ данныхъ, которыя бы хоть сколько-нибудь указывали въ то время на безсиліе стараго культурнаго міра устоять въ борьбѣ съ темными

послѣдователями всѣми презираемой религіозной сѣты, не было и признаковъ. Существовало, правда, какое-то смутное чувство общаго недовольства, неудовлетворенности настоящимъ, жажда перемѣны, желаніе выхода изъ какаго-то томящаго состоянія ¹⁾, потребность нравственнаго и соціальнаго обновленія; но какииъ путемъ придетъ эта перемѣна, это обновленіе, тогда еще никто не предугадывалъ. Не превратись римская имперія окончательно въ необузданную военную тиранию, не ослабѣи, подъ гнетомъ неблагоприятныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ обстоятельствъ, наука и философія, — новый періодъ въ жизни человѣчества насталъ бы незамѣтно, процессъ обновленія совершился бы естественно, безъ потрясеній, причиненныхъ нашествіемъ варварскихъ народовъ и разгромомъ имперіи, безъ погруженія во тьму средневѣковаго невѣжества. Но судьба, какъ извѣстно, распорядилась иначе. Дѣла имперіи, послѣ смерти Марка Аврелія, шли все хуже и хуже. Варвары нападали на нее со всѣхъ концовъ, императоры низвергались и поставлялись солдатами, военный деспотизмъ становился на дорогѣ всякому правильному развитію, матеріальное благосостояніе упало, равнодушіе къ общему благу увеличивалось. При этомъ третій вѣкъ нашего лѣтосчисленія представляетъ въ умственномъ отношеніи полный упадокъ; въ римской литературѣ началось неудержимое разложеніе. Все ветшало, безсилѣло, разрушалось — наука, искусство, философія, государство. И вотъ то, что казалось немыслимымъ въ концѣ II столѣтія, стояло въ концѣ III уже наканунѣ своего осуществленія, а въ IV столѣтіи торжествовало свою побѣду. Этой побѣдѣ содѣйствовали, безъ сомнѣнія, не одни внѣшнія обстоятельства, благоприятно сложившіяся для христіанства въ правленіе Константина, не одно внутреннее и внѣшнее ослабленіе римской имперіи, требовавшей обновленія новою нравственною силою, но и внутреннія причины, дававшія христіанскому началу неоспоримое преимущество передъ всѣмъ, что могло быть въ то время предложено къ обновленію ослабѣвшаго умственно и нравственно человѣчества.

«Христіанство побѣдило новою дисциплиной жизни, которую оно ввело въ міръ: Міръ нуждался въ нравственномъ преобразованіи: философія его не давала; установленныя религіи въ странахъ гре-

¹⁾ Ce qui régnait partout, c'était une profonde tristesse. Ренанъ, р. 467.

ческихъ и латинскихъ были поражены неспособностью сдѣлать людей лучшими“. Таеъ начинается Ренанъ свою рѣчь о причинахъ побѣды христіанства. И надо сказать правду, въ этихъ немногихъ словахъ очень вѣрно указывается значеніе христіанства въ исторіи человѣчества.

Христіанство явилось въ мірѣ силою нравственною, которой разслабленный уже древній міръ не могъ противопоставить ничего равнаго. Греческая философія, предъявившая въ стоицизмѣ чловѣку столь высокія нравственныя требованія, къ концу III вѣка была въ полномъ упадкѣ и не могла произвести нравственнаго переворота въ обществѣ, нуждавшемся въ обновленіи. При этомъ не нужно забывать, что философія была доступна лишь избраннымъ людямъ, людямъ тщательнаго образованія и счастливаго расположенія къ высшимъ умственнымъ занятіямъ. Рядъ ея послѣдователей никогда не могъ быть многочисленъ, и никогда масса общества не была способна заниматься метафизическими тонкостями и слѣдовать въ своей жизни предписаніямъ, убѣдительно говорящимъ разуму, но не дѣйствующимъ на чувство и воображеніе. Еще менѣе эта эллинская мудрость, выработавшая ученіе о высшемъ благѣ, состоящемъ въ дѣйствіяхъ, согласныхъ съ разумною природою чловѣка, была предназначена служить руководительницею въ нравственной жизни людямъ темнымъ, не просвѣщеннымъ, обездоленнымъ, „обремененнымъ и труждающимся“, которыхъ она даже прямо чуждалась, какъ части чловѣчества, погрязшей въ порокахъ и заблужденіяхъ и недоступной врачеванію уже въ силу своей непросвѣщенности. Философія была недоступна милліонамъ чловѣческихъ существъ, населявшихъ римскую имперію, а установленная религія не удовлетворяла сердечныхъ потребностей чловѣчества искавшаго поддержки, облегченія, состраданія, милосердія. Этимъ объясняется, почему проникавшіе на Западъ чужестранныя культы, имѣвшіе способность дѣйствовать на воображеніе своимъ таинственнымъ смысломъ и осуществлявшіе въ своей организаціи таеъ или иначе идею братства, пріобрѣтали себѣ многихъ адептовъ въ Италіи и охлаждали рвеніе къ національному богопочитанію.

Но ни одна изъ этихъ религій не говорила таеъ внятно и таеъ сочувственно ищущему обновленія чловѣчеству, какъ религія Христа, призывавшая къ себѣ всѣхъ безъ различія: эллины и иу-

дея, мудраго и глупаго, свободнаго и раба, богатаго и бѣднаго, знатнаго и темнаго, въ особенности же страждущаго и угнетеннаго, которымъ прямо обѣщала успокоеніе. Она говорила всѣмъ и каждому о братской любви, о чистотѣ сердца, о смиреніи духа, провозглашая всѣхъ людей равными предъ Богомъ и обѣщая своимъ вѣрнымъ послѣдователямъ награду на небеси, несказанное и вѣчное блаженство. Христіанство въ одно и тоже время и ставило высшій нравственный идеаль, и открывало къ себѣ доступъ послѣднему изъ смертныхъ, не стѣняясь никакимъ происхожденіемъ, никакою національностью, никакимъ общественнымъ положеніемъ, и дѣйствовало на воображеніе картиной будущей жизни, въ которой нѣтъ мѣста ни слезамъ, ни воздыханію, и гдѣ страдальцы за правду, люди, терпѣвшіе всякія мученія отъ людской несправедливости, всѣ обиженные судьбой, нищіе духомъ, всѣ, для каго земная жизнь была удѣломъ страданій, получаютъ полное успокоеніе. Неужели этого могло быть недостаточно для торжества новой религіи, считавшей себя призванною къ обновленію человѣчества? Ничего нѣтъ удивительнаго, что на голось, такъ просто, такъ понятно, такъ сердечно приглашавшій къ себѣ „труждающихся и обремененныхъ“, потекли народныя массы сначала на Востокѣ, гдѣ всякое религиозное ученіе, дѣйствовавшее на воображеніе, могло найти для себя благоприятную почву, а затѣмъ и на Западѣ, тоже извѣрившемся въ силу своихъ боговъ, не воодушевлявшихъ человѣка на нравственный подвигъ и не дававшихъ утѣшенія страждущимъ въ жизни загробной.

Религія, которую съ такимъ увлеченіемъ принимали народныя массы, и которая тѣмъ больше распространялась, чѣмъ больше ее преслѣдовали, рано или поздно должна была сдѣлаться религіей римской имперіи. Христіанство, мало по малу, перетягивая къ себѣ жизненныя силы всемірнаго государства, образовало, наконецъ, вокругъ него пустоту, въ которой ему вращаться становилось все труднѣе и труднѣе. Христіане избѣгали военной службы, соединенной съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ предписаній языческаго культа, а участвуя въ ней, не могли быть хорошими солдатами, такъ какъ служили противъ воли и совѣсти. Они не принимали на себя и общественныхъ должностей, исполненіе которыхъ было также соединено, по ихъ понятіямъ, съ идолослуженіемъ. Христіане не прибѣгали къ судамъ, установленнымъ въ государствѣ, а отдавали

свои тяжбы на рѣшеніе своихъ пастырей. Они не заключали съ язычниками браковъ и удалялись отъ всякаго рода съ ними сношеній, тѣмъ болѣе, что существовали распоряженія, стѣснявшія развитіе совокупной гражданской жизни между христіанами и язычниками. Даже въ путешествіяхъ христіане не останавливались въ языческихъ гостиницахъ, а находили для себя пріютъ среди своихъ единовѣрцевъ, пользуясь общественными трапезами. Ренанъ справедливо замѣчаетъ, что христіанству не было нужды открыто нападать на имперію, чтобы погубить ее; ему достаточно было только держать себя въ сторонѣ отъ государства, заключиться въ самомъ себѣ, чтобы подкопать его силы и сдѣлать невозможнымъ его дальнѣйшее существованіе на прежнихъ началахъ. И дѣйствительно, чѣмъ больше христіанство распространялось, тѣмъ больше слабѣла имперія, тѣмъ больше изсякала жизнь въ древнемъ обществѣ. По мѣрѣ того, какъ увеличивалось число членовъ христіанской церкви, пустѣли не только языческіе храмы, но пустѣлъ форумъ, пустѣлъ театръ, циркъ, пустѣли мѣста гимнастическихъ упражненій, убывала сила героизма въ войскѣ, становилось меньше честныхъ и способныхъ людей на службѣ гражданской. Никакое государство не въ состояніи долго жить столь неестественною жизнью, поддерживать такое возрастающее оскудѣніе жизненныхъ силъ, на какое осуждаетъ его систематическое уклоненіе отъ участія въ его жизни многочисленнаго класса гражданъ, не желающихъ имѣть ничего общаго съ его учрежденіями, дѣятельностію и заботами. Не могла выдержать такого состоянія и римская имперія. Западъ ея, гдѣ общество держалось упорнѣе за старыя преданія, не чувствовало еще въ такой степени необходимости переменъ, какъ Востокъ, именно Малая Азія, Сирія, Фракія, Македонія,—страны, сдѣлавшія ко времени Константина болѣе чѣмъ на половину христіанскими. А говорившій по гречески Востокъ, гдѣ, какъ вѣрно замѣчаетъ Ренанъ, всегда было больше жизни, больше культуры, больше умственнаго движенія, успѣлъ пріобрѣсти, послѣ объявленія Карваллоу римскими гражданами всѣхъ подданныхъ имперіи, явное преимущество надъ Западомъ, и въ концѣ III вѣка былъ, безспорно, важнѣйшею частью римскаго государства. Совершившійся тамъ переворотъ долженъ былъ, поэтому, обнаружить рѣшительное дѣйствіе на судьбу имперіи. Римскій императоръ становится на сторону христіанства. Новая религія побѣдила.

ОШИБКИ И РАСКАЯНІЕ ').

(Изъ времяя Наполеона I-го)

Illud est praecipue in cognitione rerum salubre et frugiferum, omnis te exempli documenta in illustri posita monumento intueri: inde tibi tuaeque reipublicae, quod imiteris, capias; inde foedum incertu, foedum exitu, quod vites.

Въ познаніи исторіи то особенно спасительно и плодотворно, что ты видишь поучительные образцы всякаго рода, изображенные на блестящемъ памятникѣ: оттуда ты можешь брать для себя и для своего государства то, чему слѣдуетъ подражать, равно какъ и то, чего ты долженъ избѣгать, что отвратительно по началу и отвратительно по концу.

Титъ Ливій.

Римскій историкъ, слова котораго стоятъ въ эпиграфѣ статьи нашей, вѣрно понималъ роль исторіи въ ряду другихъ человѣческихъ знаній. Исторія была и будетъ учительницей народовъ на ихъ пути къ улучшенію гражданскаго быта, къ созданію государственнаго величія, къ разрѣшенію сложной и трудной задачи общественнаго благосостоянія. Много значить для народа опытъ пережитыхъ имъ періодовъ государственной жизни. Еще больше имѣеть для него значенія опытъ жизни другихъ народовъ, особенно такихъ, въ судьбѣ которыхъ наиболѣе рельефно отразились законы, которымъ слѣдуетъ жизнь гражданскихъ обществъ въ своемъ развитіи, — народовъ, служившихъ главными представителями че-

') «Наблюдатель», октябрь, 1882 г.

ловѣчества въ разные фазисы его развитія, народовъ, по преимуществу историческихъ и, такъ сказать, избранныхъ. Въ судьбѣ этихъ народовъ дѣйствительно показываются передъ нами «поучительные образцы всякаго рода», разительные примѣры того, что ведетъ народъ къ возвышенію и могуществу, и того, за чѣмъ неизбежно слѣдуетъ пониженіе жизни и государственное паденіе. Благо тѣмъ народамъ, вожди которыхъ не закрываютъ глазъ на эти спасительные уроки исторіи, какъ бы нарочно созданные въ ихъ поученіе и наставленіе, и жалка участь тѣхъ изъ нихъ, которые къ накопленному многими вѣками и разнообразными эпохами историческому разуму относятся съ пренебреженіемъ или безъ должнаго вниманія. Народы, для которыхъ не пропадаетъ этотъ широкій разумъ всемірной исторіи, и суть историческіе, великіе, избранные народы: они даютъ тонъ въ ходѣ судьбъ челоѣчества, они обозначаютъ собой ступени въ его послѣдовательномъ развитіи, они даютъ дѣйствительное содержаніе исторіи, равнодушной ко всему слѣпостѣющему, неподвижному, исключительному и остающемуся позади главнаго теченія жизни въ извѣстныя эпохи.

Нѣтъ ничего безразсуднѣе для отдѣльнаго челоѣка, какъ упорствовать въ своихъ ошибкахъ и заблужденіяхъ, итти напереворъ голосу разума, подкрѣпляемаго ежедневнымъ опытомъ. За такое упорство люди платятся здоровьемъ, жизнью, семейнымъ благосостояніемъ, общественнымъ положеніемъ. Нѣтъ ничего гибельнѣе для народа, какъ отказываться отъ успѣховъ гражданской жизни, добытыхъ опытомъ исторіи, коснѣть въ невѣжествѣ, когда кругомъ все стремится къ просвѣщенію, стараться удерживать приемы управленія и формы гражданскаго быта, пережившіе свое время и явно несостоятельные передъ новыми понятіями и требованіями. За подобное пренебреженіе къ урокамъ исторіи и опыта народъ наказывается потерей приобрѣтеннаго раньше международнаго значенія, внутренними смутами и внѣшними потрясеніями, которыя ведутъ государство къ разложенію, раздробленію, а иногда и къ конечной гибели. Такіе критическіе моменты бывають въ исторіи всѣхъ народовъ, напоминая имъ объ уклоненіи отъ правильнаго пути развитія. Сильные народы ихъ переживаютъ благополучно и, спохватившись во время, вновь входятъ въ свою естественную колею и принимаются за національную работу съ новой силой и удвоенной энергіей; для народовъ слабыхъ или ослабѣвшихъ внутреннія смуты

и потрясенія, указывающія на органическую болѣзнь въ государственномъ тѣлѣ, служатъ началомъ національнаго паденія и государственнаго разложенія, обыкновенно довершаемаго внѣшними ударами.

Одну изъ такихъ критическихъ эпохъ переживала Франція въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Исторія Европы, со временъ христіанства, не знаетъ ничего, что могло бы сравняться съ тѣми величайшими внутренними потрясеніями, какими расплачивалась эта страна за всѣ грѣхи своего «старого порядка» (*ancien régime*), уродливость котораго начинала чувствоваться еще въ знаменитый вѣкъ Людовика XIV, за сто лѣтъ до революціи, потрясшей старое государство въ его основаніяхъ. За внутренними потрясеніями послѣдовали внѣшнія, громадность которыхъ превосходитъ все; что Европа пережила со временъ Александра Македонскаго, или, по крайней мѣрѣ, съ эпохи распаденія Западной Римской Имперіи. Буквально вся Европа изъ конца въ конецъ, отъ Атлантическаго Океана до Урала, была вовлечена въ ураганъ кровавыхъ войнъ, который поднялся велѣдъ за французской революціей, и принуждена была усмирять его соединенными силами. Въ этой борьбѣ всколыхавшейся Франціи съ соединенными силами Европы много поучительнаго. Но прежде всего поучительно то, что можетъ сдѣлать нравственная сила народа, одушевленнаго идеей дѣйствительнаго величія, и какъ мало значить могущество, опирающееся на одни внѣшнія средства, относящееся презрительно къ общественному мнѣнію, старающееся подавлять законныя его проявленія, не знающее предѣла своему высокоумію.

На эти размышленія навела насъ книга, раскрывающая документально одну изъ интересныхъ сторонъ французской исторіи въ правленіе Наполеона I-го. Книга эта разсматриваетъ борьбу возникшей на развалинахъ революціи диктаторской власти Бонапарта, извѣстной подъ именемъ консульства и первой французской имперіи, съ печатью, со всякимъ независимымъ голосомъ общества, насколько онъ могъ выразаться въ журналистикѣ, въ книгахъ, въ театральныхъ представленіяхъ. Она раскрываетъ предъ нами шагъ за шагомъ, какъ эта борьба начиналась, какъ развивалась, какъ дошла со стороны необузданнаго деспотизма до самыхъ чудовищныхъ проявленій, за которыми слѣдовало крушеніе имперіи, не нашедшей себѣ, въ критическую минуту, поддержки въ обществѣ,

которое было доведено деспотизмомъ до нравственнаго опѣпелѣнія. Заглавіе книги: *La censure sous le premier Empire, avec les documents inédits, par Henri Welschinger. Paris, 1882* (Цензура во время первой имперіи. Съ неизданными документами. Сочиненіе Генриха Вельшингера. Парижъ, 1882 ¹⁾).

До крайности поучительная и интересная картина — положеніе печати во время первой имперіи. Доселѣ мы знали о ней, — объ этомъ положеніи печати, въ тяжелую эпоху жизни французскаго общества, — лишь въ общемъ видѣ, знали лишь то, что газетамъ, книгамъ, всему, что появляется на свѣтъ посредствомъ печатнаго станка, жилось въ эту пору очень плохо, такъ плохо, какъ никогда прежде, даже при старомъ порядкѣ. Но страданія писателей какъ-то ступшеывались для насъ въ общей картинѣ страданій, какимъ подвергала Францію, а за нею и большую часть Европы, желѣзная рука деспота, не признававшего, въ опьяненіи военными успѣхами и громомъ побѣдъ, правъ не только частныхъ лицъ, но и цѣлыхъ государствъ и народовъ, и ставившаго необузданный произволъ на мѣсто закона. Что тогда значили слезы и горе какихъ нибудь журналистовъ и литераторовъ, раззоряемыхъ, сажаемыхъ въ тюрьму, изгоняемыхъ, преслѣдуемыхъ, доводимыхъ до нищеты, до голода, до отчанія, до самоубійства, когда опустошались цѣлыя области, истреблялись въ кровавыхъ войнахъ десятки и сотни тысячъ человѣческихъ существъ, ни въ чемъ неповинныхъ, низвергались короли, и независимыя государства обращались въ провинціи! Но теперь, когда г. Вельшингеръ, перерывшій архивы, раскрылъ предъ нами больше сотни официальныхъ документовъ, рисующихъ въ мелкихъ подробностяхъ самую оскорбительную тиранию надъ человѣческимъ словомъ и мыслью, т. е. надъ тѣмъ что въ человѣкѣ есть самаго высокаго, что его отличаетъ отъ всѣхъ другихъ земныхъ тварей, что ему принадлежитъ въ силу его божественной природы, что существовало въ мірѣ бесконечно раньше, чѣмъ появились на свѣтъ всякіе Фуше и Бонапарты —

¹⁾ Г. Вельшингеръ, по происхожденію эльзасецъ, еще до изданія этой книги имѣлъ извѣстность добросовѣстнаго изслѣдователя революціонной эпохи, которую онъ изучаетъ по архивнымъ документамъ. Его сочиненіе, подъ заглавіемъ «*Théâtre de la Révolution*», удостоилось преміи французской академіи.

судьба литературы, этотъ мартирологъ печатнаго слова во время первой французской имперіи, получаетъ другое значеніе. Теперь это уже не рядъ отдѣльныхъ фактовъ, между которыми на степень историческаго событія былъ возведенъ едва ли не одинъ фактъ ожесточеннаго преслѣдованія г-жи Сталь и особенно ея книги «О Германіи», а цѣлая связаная исторія гоненій на мысль и слово со стороны деспота, который, не смотря на весь блескъ своихъ военныхъ побѣдъ, своего государственнаго величія, не чувствовалъ себя безопаснымъ, пока могъ свободно выражать свою мысль хоть одинъ журналистъ или писатель. Это — цѣлая эпопея борьбы Наполеона съ представителями общественной мысли, борьбы, въ которой временное торжество было на сторонѣ грубой силы, но которая не доставила ему ни одного лавра и за которую онъ расплачивается передъ исторіей едва-ли не всей своей военной славой, едва ли не всѣмъ обаяніемъ своего генія.

Современная Франція, даже то ея поколѣніе, которое пережило тяжелые годы второй имперіи, представить себѣ не можетъ всѣхъ ужасовъ преслѣдованія, какому подвергалось печатное слово въ этой передовой странѣ Европы въ первыя пятнадцать лѣтъ нынѣшняго столѣтія. Самую горькую долю при этомъ испытали, какъ и понятно, политическія газеты. Ожесточенное гоненіе на нихъ началось тотчасъ же, какъ только генераль Бонапартъ сдѣлался первымъ консуломъ. Консульскимъ декретомъ отъ 27 нивоза VIII года, т. е. отъ 17 января 1800 г., было разомъ закрыто шестьдесятъ политическихъ газетъ изъ числа семидесяти трехъ, тогда существовавшихъ въ столицѣ Франціи, и оставлено только тринадцать. вмѣстѣ съ тѣмъ, поручено было министру внутреннихъ дѣлъ строго слѣдить, чтобы не появлялось новыхъ періодическихъ изданій политическаго характера. Закрытыя газеты обвинялись въ томъ, что они служили орудіемъ въ рукахъ враговъ республики, т. е. состояли въ оппозиціи къ новому правительству. Знаменитому министру полиціи Фуше, которому приписывается мысль объ одновременномъ уничтоженіи шестидесяти газетъ, было вслѣдъ за тѣмъ дано первымъ консуломъ порученіе удостовѣриться относительно нравственности и патріотизма редакторовъ оставшихся въ живыхъ изданій. При министрѣ полиціи было учреждено бюро, имѣвшее назначеніемъ слѣдить за направленіемъ печати. Видимо водворялась цензура, торжественно уничтоженная законодательнымъ собраніемъ 1791 г.

Завождая всё эти строгости, Бонапартъ прямо имѣлъ въ виду сломить всякую оппозицію своимъ стремленіямъ, какую могъ встрѣтить въ органахъ печати; рѣшившись править Франціей самовластно, онъ считалъ несообразнымъ съ своими цѣлями существованіе въ ней сколько-нибудь независимыхъ политическихъ изданій. «Если я—говорилъ онъ—дамъ волю печати, то не пробуду и трехъ мѣсяцевъ». Вскорѣ онъ уже съ самодовольствомъ высказывался о французскихъ газетахъ такимъ языкомъ: «Онѣ говорятъ только то, чего я хочу». Если это выраженіе и было пока еще самоувѣренно, то во всякомъ случаѣ оно хорошо рисуется тотъ идеалъ, каковой былъ составленъ деспотомъ-завоевателемъ о положеніи печати въ его имперіи.

Но задушить такъ скоро въ странѣ, только-что пережившей рядъ фазисовъ самой радикальной революціи, всякое проявленіе независимаго мнѣнія было трудно даже и послѣ страшной мѣры одновременнаго запрещенія шестидесяти политическихъ изданій. Требовался рядъ мѣръ постоянныхъ, слѣдующихъ одна за другой, требовалась рѣшимость не отступать ни передъ какимъ произволомъ, не стѣсняться никакимъ нарушеніемъ даже частнаго права, права собственности, чтобы вытравить изъ политической печати всякое самонадѣянное покушеніе на оппозицію и сдѣлать изъ нея лишь отголосокъ желаній и плановъ правительства. Подозрительное и педшее на проломъ къ своей цѣли правительство, и въ самомъ дѣлѣ, приняло такую систему дѣйствія. Одна провинціальная газета, «Républicain démocrate d'Auch», заговорила о дороговизнѣ хлѣба. Префектъ жерскаго департамента тотчасъ же сообщаетъ объ этомъ происшествіи министру внутреннихъ дѣлъ Луціану Бонапарту, и тотъ безъ дальнихъ церемоній приказываетъ закрыть немедленно (*sans délai*) столь смѣлую газету, «столь опасное орудіе въ рукахъ агитаторовъ». Одна изъ тринадцати политическихъ газетъ, которая учѣлѣли отъ погрома 27 января, «Ami des lois», была закрыта четыре мѣсяца спустя (28 мая 1800 г.) за то, что подтрунила надъ Институтомъ (академіей наукъ, по нашему). Первому консулу нуженъ былъ только предлогъ, чтобы уменьшить количество органовъ гласности, и вотъ онъ, лицемѣрно мстя за нарушеніе должнаго уваженія къ «людямъ, которые дѣлаютъ честь республикѣ и ежедневно расширяютъ кругъ человѣческихъ знаній», уничтожаетъ газету. Двѣ наиболѣе вліятельныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ

очень осторожны парижскія газеты, — умѣренно-либеральный «Journal des Débats» и роялистская «Gazette de France», древнѣйшій изъ всѣхъ политическихъ органовъ Франціи (основ. въ 1631 году), — становятся особенно ненавистны правительству, все болѣе и болѣе входящему во вкусъ къ крутымъ мѣрамъ. Закрыть ихъ нѣтъ сколько-нибудь приличнаго повода, но участь ихъ ни на одинъ день не обезпечена. Въ апрѣлѣ 1805 года, Наполеонъ, уже императоръ, взбѣшенный тѣмъ, что нѣкоторыя парижскія газеты заимствовали изъ иностранныхъ газетъ извѣстіе о роскоши императорскаго двора, пишетъ Фуше, что если печать будетъ себѣ позволять подобныя смѣлости, то онъ закроетъ всѣ газеты и оставитъ только одинъ политическій органъ на всю Францію. Особенно онъ питаетъ злобу противъ «Journal des Débats», который Фуше не перестаетъ представлять ему, какъ самую опасную газету. И вотъ, 20-го мая 1805 г., императоръ велитъ приставить къ «Journal des Débats» отдѣльнаго цензора, который и начинаетъ играть въ газетѣ роль главнаго редактора. 22-го мая онъ пишетъ тому же Фуше: «при первой дурной статьѣ я закрою эту газету». Но онъ ее не закрываетъ, а даетъ ей другое названіе, такъ какъ настоящее ему кажется напоминающимъ времена революціи. Въмѣсто заглавія «Journal des Débats», газета начинаетъ выходить подъ заглавіемъ «Journal de l'Empire», которое напоминаетъ уже не революцію, а конецъ ея, торжество военнаго деспотизма на развалинахъ республики. На заглавія газетъ Наполеонъ вообще обращаетъ большое вниманіе и находитъ совершенно умѣстными лишь такія, какъ Journal de Paris, Bulletin de l'Europe и Courrier français, которыя не обличаютъ собой никакой политической тенденціи, и восхищается заглавіемъ Gazette de France, кажушимся ему особенно патриотическимъ.

Въ 1805 году не было, по видимому, и мѣста журнальной оппозиціи противъ самовластиа лица, объявившаго себя императоромъ на подобіе римскихъ кесарей. Въ письмѣ къ Фуше отъ 1-го іюля Наполеонъ самъ признается, что «нельзя сказать, чтобъ газеты были теперь злонамѣренны». Но бѣда въ томъ, что онѣ, по его мнѣнію, «слишкомъ глупы». Эта глупость, какъ замѣчаетъ и авторъ книги, въ которой собраны относящіеся къ настоящему вопросу документы, состояла въ томъ, что газеты не обнаруживали никакого особеннаго усердія въ восхваленіи правительства, какъ поступали органы

официонные, не разделяли ненависти императора въ Англии, не наполняли своихъ столбцовъ исключительно извѣстіями, благопріятными его намѣреніямъ и т. п. И какъ горько пришлось заплатить имъ за такой недостатокъ официозной ревности! Распоряженіемъ императора, отъ 7-го августа 1805 года, газеты обявлялись двѣ или три двѣнадцатыхъ доли своего дохода вносить въ министерство полиціи! Первому пришлось испытать на себѣ этотъ новый знакъ вниманія императорскаго правительства къ положенію печати все тому-же «Journal des Débats». На его доходъ была наложена подать въ $\frac{3}{12}$ доли, по именному повелѣнію императора, который приказывалъ Фуше распространить эту мѣру, такъ сильно похожую на конфискацію частной собственности, и на другія газеты, сообразно доходамъ каждой изъ нихъ. Налогъ этотъ былъ предназначенъ на составленіе пенсій литераторамъ, угоднымъ правительству и служившимъ ему въ качествѣ цензоровъ, поставленныхъ надъ печатью. Во имя такой благой идеи, Фуше распорядился съ дохода ненавистой ему газеты «Publiciste» взимать уже не три, а четыре двѣнадцатыхъ, т. е. цѣлую треть дохода газеты, назначая одну половину этихъ денегъ въ кассу правительства, а другую на содержаніе исправлявшаго цензорскія обязанности Лакретеля, котораго онъ назначилъ главнымъ редакторомъ означенной газеты.

Кажется, трудно себѣ представить болѣе страдальческое положеніе, чѣмъ то, на какое была обречена политическая печать въ первое время имперіи. Назначеніемъ цензоровъ и даже официальныхъ редакторовъ независимыя газеты были доведены до полного ничтожества въ политическомъ смыслѣ; амбарго, наложенное на ихъ доходы, вело къ разоренію ихъ собственниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, получить разрѣшеніе на изданіе новой газеты стало совершенно невозможно. Нѣкто Декатръ хлопоталъ о дозволеніи ему издавать въ Монтаржи газету лишь для объявленій,—и въ этомъ ему было отказано. Докладчикъ изъ находившагося тогда при министерствѣ полиціи «бюро совѣщаній объ охраненіи свободы печати» (такъ называлось въ то время цензурное вѣдомство, официально, какъ бы не существовавшее) писалъ министру, что хотя, по видимому, нѣтъ ничего невиннѣе, какъ газета для объявленій, но что, во-первыхъ, въ той мѣстности уже есть такая газета, а во вторыхъ, редакторы газетъ рѣдко умѣютъ хорошо дѣржать себя и не оскор-

блять другихъ. Такимъ образомъ политическая печать была схвачена буквально за горло. Между тѣмъ, и это положеніе кажется Наполеону, Фуше и цензорамъ слишкомъ льготнымъ, и они угрожаютъ ей все новыми и новыми карами и стѣсненіями. Наполеонъ заставляетъ Талейрану, въ письмѣ отъ 6 марта 1806 года, о своемъ намѣреніи запретить газетамъ писать политическія статьи, и заставить ихъ воспроизводить у себя статьи «Монитѣра», оффиціального журнала имперіи. Въ тоже время, ему приходитъ въ голову остроумная мысль соединить духовные, т. е. католическіе журналы въ одинъ, который бы назывался «Journal des Curés» (Газета приходскихъ поповъ). Калигула жалѣлъ, что у римскаго народа не одна голова, чтобъ ему было удобнѣе отрубить ее. Наполеонъ находилъ неумѣстнымъ, что въ разныхъ газетахъ пишутся разные политическія статьи, когда можно имъ приказать перепечатывать статьи «Монитѣра», и считалъ бесполезнымъ существованіе нѣсколькихъ органовъ религіознаго или церковнаго содержанія, когда всѣхъ ихъ можно соединить, безъ дальнихъ разговоровъ, въ одинъ. Какія фантазіи могутъ приходиться въ голову людямъ, увѣрившимъ себя, что имъ все позволено!

Полицейскому управленію Наполеона I-го было и дѣйствительно все позволено. За статью Шатобріана въ «Mercure de France», отъ 4 іюля 1807 года, Наполеонъ назначилъ этой газетѣ не только цензора (т. е. въ сущности главнаго редактора) въ лицѣ Легуке, но и трехъ другихъ не прошенныхъ сотрудниковъ, въ лицѣ Лакретья старшаго, Эменара и кавалера Пуфье, принадлежавшихъ также къ цензорскому персоналу имперіи. О Шатобріанѣ же онъ, говорятъ, выразился такимъ образомъ: «не думаетъ-ли Шатобріанъ, что я дуракъ, что я его не понимаю? Да я его велю изрубить саблями на ступенькахъ Тюльери». Въ этой статьѣ, написанной по поводу «Путешествія по Испаніи» Делаборда, находились, между прочимъ, слѣдующія строки: «Муза часто изображала людскія злодѣянія, но въ языкѣ поэта есть нѣчто столь прекрасное, что самыя преступленія имъ, по видимому, облагороживаются. Историкъ одинъ можетъ ихъ изображать, не ослабляя ихъ ужаса. Когда, среди подлаго безмолвія, не раздаются никакихъ звуковъ, кромѣ звуковъ цѣпей и голоса доносчика, когда все дрожитъ передъ тираномъ и когда столь же опасно навлечь на себя его благосклонность, какъ и заслужить его немилость, тогда мщеніе народовъ возлагается на

историка. Напрасно благоденствует Неронъ — уже родился въ имперіи Тацитъ!» Вотъ тѣ строки, которыя привели въ ярость Наполеона, увидѣвшаго въ нихъ неприятную картину, словно лично его касающуюся. Вотъ за что «Меркурій Франціи» подвергся такой недостойной и унижительной карѣ.

Если такъ тяжело приходилось парижской печати, печати всемірнаго города, на который были устремлены, тогда особенно, взоры всей Европы, то не трудно представить себѣ, что дѣлалось въ это время съ провинціальною печатью. Мысль Наполеона о запрещеніи газетамъ помѣщать у себя другія политическія статьи, кромѣ тѣхъ, какія появились въ «Монитёрѣ», осталась безъ исполненія относительно парижскихъ изданій, но она не заставила долго ждать своего примѣненія въ провинціи. Циркуляромъ министра полиціи, отъ 6-го ноября 1807 года, префектамъ предписывалось запретить издателямъ газетъ «помѣщать впредь въ ихъ листкахъ какую бы то ни было статью, относящуюся къ политикѣ, исключая тѣхъ, какія они могутъ списать со столбцовъ «Монитера». При этомъ прибавлялось, что всякое проявленіе духа независимости въ газетахъ должно быть строго наказываемо, и газеты должны быть безъ церемоніи закрываемы. Чтобы дать почувствовать провинціальнымъ политическимъ изданіямъ еще болѣе тяжесть правительственной руки, они были обязаны платить двѣ двѣнадцатыхъ доли своего скуднаго дохода въ кассу министерства полиціи. Но и эта униженная до послѣдней степени печать казалась все еще стѣснительною для правительственнаго произвола, и вотъ 7-го января 1809 года былъ разосланъ префектамъ министерскій циркуляръ, которымъ, во исполненіе воли императора, требовалось, чтобы ни въ одномъ департаментѣ не было болѣе одной газеты, имѣющей право касаться политики.

Страшныя то были для политической печати времена. Когда въ государствѣ политическій гнетъ доходитъ до высокой степени, люди утѣшаютъ себя мыслью, что гнетъ этотъ достигъ градуса, дальше котораго онъ итти не можетъ. Нерѣдко такъ и бываетъ, что съ точки, признаваемой многими верхомъ тягости положенія, начинается поворотъ въ другую сторону, и политическая атмосфера начинаетъ очищаться все болѣе и болѣе. Но едва ли не чаще политическимъ философамъ приходится ошибаться. За невыносимымъ состояніемъ наступаетъ еще болѣе невыносимое, и моментъ, когда

должна наступить переменна въ воздухѣ, еще не такъ близокъ, какъ въ подобныхъ случаяхъ указываютъ его политическіе философы. Такъ именно и было во Франціи во время Наполеона I-го. Какъ ни былъ страшенъ для писателей Фуше, начавшій свое гоненіе на печать еще при директоріи, сдѣлавшей его министромъ полиціи, но замѣнившій его генераль Савари, герцогъ Ровиго, оказался еще страшнѣе. Достаточно было одного извѣстія объ его назначеніи, чтобъ произвести всеобщую панику. Вотъ какъ онъ самъ говоритъ по этому поводу въ своихъ «Запискахъ»: «Я наводилъ ужасъ на всѣхъ, всякій сталъ укладывать свои позитивы; только и было разговоровъ, что о ссылкахъ, тюремныхъ заключеніяхъ и еще того хуже. Я думаю, наконецъ, что извѣстіе о появленіи чумы на какойнибудь точкѣ берега не произвело бы большаго ужаса, чѣмъ мое назначеніе въ министерство полиціи». Опытъ показалъ, что опасенія были не напрасны. Савари прежде всего отличился тѣмъ, что представилъ императору въ октябрѣ 1810 г. прозекъ о новомъ со- вращеніи числа парижскихъ газетъ, такъ чтобы ихъ оставалось не болѣе двухъ, и ужь никакъ не болѣе шести, которыя въ свою очередь должны быть подчинены строжайшей предварительной цензурѣ. Въ первомъ случаѣ, онъ оставлялъ только «Moniteur Universel» и «Journal de Paris», приемъ журналы чисто литературныя и ученныя оставались невредимыми. Во второмъ случаѣ, Савари предлагаетъ оставить, кромѣ «Монитѣра», четыре ежедневныхъ политическихъ и литературныхъ газеты и одну еженедѣльную. При этомъ онъ распоряжался частными газетами такимъ образомъ: къ «Journal de Paris» онъ присоединялъ «Petites Affiches» и «Journal des Modes»; съ «Gazette de France» онъ соединялъ «Journal de Commerce» и «Journal des Curés»; съ «Publiciste» сливалъ «Journal du Soir», «Courrier de l'Europe» и «Feuille économique». Еженедѣльная газета «Mercure de France» поглощала собой, по его плану, всѣ другія еженедѣльницы и «Journal de littérature et des arts»..

Даже теперь становится жутко, когда представляешь себѣ это чудовищное отношеніе грубой солдатчины къ людямъ пера и представителямъ общественной мысли. На какой зараженной миазмами почвѣ должны были воспитаться дѣятели, подобные Савари, чтобы такъ варварски относиться не только къ литературѣ, но и къ частной собственности, соединенной съ литературными занятіями? Напо-

леонъ, однако, не былъ вполне доволенъ проектомъ Савари, находя его недостаточнымъ, такъ какъ къ нему не были приложены необходимыя статистическія и биографическія свѣдѣнія. Поэтому проектъ не былъ тотчасъ же приведенъ въ исполненіе. Въ слѣдующемъ (1811) году количество парижскихъ газетъ было дѣйствительно сокращено, но только не на шесть и не на двѣ, а на четыре. Были оставлены кромѣ «Монитѣра», лишь «Journal de l'Empire» (прежній «Journal des Débats»), «Gazette de France» и «Journal de Paris». Кажется, послѣ этого правительство, вооружившееся, вдобавокъ еще, по декрету 5 февраля 1810 года, всѣми орудіями пытки противъ писателей, которые бы желали въ чемъ нибудь оказаться строптивыми, могло усомниться, или, лучше, оставить въ покоѣ хотя эту ничтожную горсть журналистовъ, лишенныхъ, къ тому же, всякой возможности вредить ему? Не тутъ-то было. Наполеонъ придумалъ еще новый ударъ, который былъ дѣйствительно послѣднимъ. Онъ конфисковалъ всю собственность оставшихся еще газетъ, объявивъ ее собственностью государства.

Первою жертвою этой просвирпаціи сдѣлались владѣльцы «Journal des Débats», переименованнаго въ «Journal de l'Empire». Вотъ что по этому поводу говорить г. Вельшингеръ: «Императоръ раздѣлилъ ее (собственность газеты) на двадцать четыре части: восемь изъ нихъ онъ отдалъ полиціи, а шестнадцать остальныхъ распредѣлилъ между парадворцами и такими литераторами, какъ Булде-ла-Мертъ, Корветто, Реаль, Сольсье, Денонъ, Фьевэ, Мунье, де-Боссъ, де-Шерандо. Конфискація была произведена до того строго, что схватили даже кассу, бумаги и мебель, не давши какого бы то ни было вознагражденія Бертенамъ, собственникамъ газеты... Декретъ 18 февраля 1811 года приводилъ въ оправданіе этой конфискаціи слѣдующія основанія: доходы газетъ могли сдѣлаться собственностью не иначе, какъ въ силу именно концессіи государя; но этой концессіи не было, а предприниматели получали значительныя прибыли, которыя ихъ въ широкой мѣрѣ вознаграждали за всѣ ихъ жертвы; наконецъ, всѣ средства вліянія на редакцію должны принадлежать лишь людямъ вѣрнымъ, извѣстнымъ своею привязанностью къ императору и удаленіемъ отъ всякихъ сношеній и вліяній заграничныхъ. Въ силу этихъ мотивовъ, предпріятіе уступалось обществу акціонеровъ, назначенныхъ правительствомъ. Одна часть акцій назначена была на поощреніе и вознагражденіе лите-

раторовъ, другая на вознагражденіе такнхъ-то и такнхъ-то лицъ за услуги, оказанныя императору. Акціонеры должны были устроить администрацію газетъ, утверждать торговныя сдѣлки и расходы, назначать типографа, кассира, бухгалтера и сотрудниковъ, подъ контролемъ министерства полиціи. Семь мѣсяцевъ спустя, декретъ, данный изъ Компьени 17 сентября, докончилъ это дѣло разграбленія, и собственность всѣхъ газетъ попала во власть государства».

Ближе характеризовать эту разбойническую мѣру нѣтъ нужды. Всякій понимаетъ, что такая мѣра недостойна государственной власти, сколько нибудь законной и правильной. Въ данномъ случаѣ она явилась лишь вѣнцомъ дѣйствій правительства узурпаторскаго, которое не могло держаться законными средствами и которое потеряло уже способность отличать дозволенное отъ не дозволеннаго. Но теперь уже и этому правительству въ борьбѣ съ политической печатью дальше идти было некуда. Не стало этой печати или, по крайней мѣрѣ, того, что имѣло бы право называться этимъ именемъ. Провинціальныя газеты еще раньше были лишены права разсуждать о политикѣ иначе, чѣмъ перепечаткой статей «Монитѣра», а теперь имъ предписывалось и вовсе ничего не обнаруживать, кромѣ «объявленій мѣстнаго интереса и извлеченій изъ парижскихъ журналовъ, находящихся подъ непрерывнымъ надзоромъ», какъ это значится въ предписаніи министра полиціи отъ 21-го марта 1811 года. Въ парижскихъ же газетахъ, кромѣ литературной части, представляли теперь нѣсколько живой интересъ лишь отчеты о гражданскихъ, уголовныхъ и исправительныхъ процессахъ, и статьи, сюда относящіяся. Но министръ полиціи призналъ за благо сдѣлать распоряженіе, чтобъ впредь печатать и по этой части лишь то, что будетъ прислано газетамъ судебною властью.

Въ мірѣ человѣческомъ все такъ устроено, что зло, не нашедшее себѣ достаточнаго сопротивленія извнѣ, находитъ свои границы въ самомъ себѣ. Тѣ самые люди, которые одинъ передъ другимъ изощрялись въ комбинаціяхъ довести значеніе политической печати до нуля, стали теперь тревожиться размѣрами торжества, ими достигнутаго, и хлопотать о томъ, чтобы сдѣлать газеты сколько нибудь интересными. И вотъ начинается въ полицейско-цензурной средѣ гоньба за отысканіемъ невинныхъ сюжетовъ, которые могли бы развлечь публику. Агенты Савари то затѣваютъ ожесточенную

полемику противъ почтенныхъ сочиненій, думая вызвать ихъ авторовъ на отвѣтъ, чтобы тѣмъ, по ихъ выраженію, «забавлять людей праздныхъ и занимать любопытныхъ», то устраиваютъ бой между приверженцами французской музыки и любителями итальянской. «Въ настоящее время—пишетъ цензоръ Ламонтэ министру—большая скудость въ новостяхъ литературныхъ и театральныхъ. Это лучшая пища для праздныхъ людей Парижа, и когда они ея лишены, они изощряются въ предположеніяхъ насчетъ политики. Испанія занимаетъ тогда мѣсто Théâtre Français, Россія—мѣсто музыки, и правительство становится мишенью всѣхъ любителей говорить, потому что имъ не остается дѣлать ничего лучшаго. Нѣсколько живой споръ о предметахъ искусства и литературы былъ бы въ настоящій моментъ какъ нельзя болѣе кстати. Мнѣ кажется, не трудно завести его при помощи газетъ, но, къ несчастью, всѣ онѣ сдѣланы на одинъ фасонъ и не возбуждаютъ никакого интереса. Заставивши принять каждую газету свою роль, можно завести борьбу мнѣній, которая удивительно забавляетъ публику и достаточна для того, чтобы дать пищу салоннымъ разговорамъ». Развивая далѣе свою мысль и заявляя, что ни одинъ предметъ не можетъ въ настоящее время (это было наканунѣ войны съ Россіей 1812 года) такъ занять публику, какъ споръ о музыкѣ, Ламонтэ продолжаетъ: «Если ваше превосходительство одобряете идею, которую я имѣю честь повергнуть на ваше усмотрѣніе, то я начну непріязненные дѣйствія въ «Journal de l'Empire» черезъ одного любителя итальянской музыки и предупрежу конфиденціально г. Лакретеля (другого цензора), чтобы боецъ за французскую музыку явился вооруженнымъ съ ногъ до головы въ «Gazette de France». Эта маленькая война можетъ продолжаться извѣстное время и сдѣлать нѣкоторую диверсію для большой».

Но вотъ началась и эта большая, страшная война Франціи съ Россіей. Ужасъ наполнилъ сердца французовъ, узнавшихъ о бѣгствѣ изъ Москвы, переправѣ черезъ Березину и о гибели великой арміи за нѣсколько тысячъ верстъ отъ родины. И тутъ газеты не смѣютъ разсуждать о политикѣ иначе, какъ по предписанію цензуры. Наполеонъ находитъ ихъ офиціозное усердіе недостаточнымъ, говорить, что онѣ редактируются глупо. Но еще не много, и всѣ эта гнусная система управленія, основанная на лжи и насилии, рухнула. И какъ рухнула!

Всегда такъ бываетъ, что злѣйшими врагами важнаго правительства являются не жертвы его произвола, а люди, которые, служа ему изъ корыстныхъ видовъ или страха ради, считались его вѣрными и надежнѣйшими опорами. Тотъ самый перворъ Дакретель, который готовъ былъ за деньги на всякую услугу, который поучилъ, благодаря своимъ отношеніямъ къ правительству, каедру въ Сорбоннѣ и былъ обязанъ ему даже вступить въ академию, который еще недавно въ академической рѣчи говорилъ, что Наполеонъ «создалъ больше памятниковъ, чѣмъ Августъ, въ такое время, когда онъ одержалъ больше побѣдъ, чѣмъ Кесарь», — даже эта аркаатура всѣмъ обязанная своему покровителю, вѣдѣмъ писала, что божество попускало Бонапарта долгое время одерживать уступки только для того, «чтобы вселить въ нему навсегда ужасъ». Та самая г-жа Жанлисъ, которая, получая отъ императора по пятисотъ франковъ въ мѣсяцъ, представляла ему донесенія о вредныхъ литературныхъ стремленіяхъ и преслѣдовала г-жу Сталь съ непримиримымъ ожесточеніемъ, висала вѣдѣмъ въ своихъ «Запискахъ»; «Наполеонъ злоупотреблялъ всѣмъ — славой, побѣдой, могуществомъ и своимъ дѣятельнымъ и предприимчивымъ гоніемъ. Провидѣніе вдругъ ниспровергло это страшное могущество, которое столько унизило». Что въ этомъ удивительнаго, когда самъ сенатъ имперіи, дровогланая, 13-го апрѣля 1814 года, низложеніе своего господина, передъ которымъ еще такъ недавно унижался, не находилъ достаточно сильныхъ выраженій, чтобы высказать свое негодованіе къ Наполеону Бонапарту. Въ своемъ знаменитомъ протоколѣ, составленномъ по этому случаю, онъ обвинялъ низлагаемаго императора, между прочимъ, и въ томъ, что при немъ «свобода печати, установленная и освященная, какъ одно изъ правъ націи, была постоянно подчинена произвольной полицейской цензурѣ, и что онъ въ то же время пользовался печатью для того, чтобы наполнить Францію и Европу вымышленными фактами, ложными правилами, ученіями, благопріятными деспотизму, и оскорбленіями, направленными протівъ иностранныхъ правительствъ». Странными кажутся эти строки послѣ того, какъ тотъ же сенатъ, заключая въ средѣ своей комиссію, назначеніе которой было именно отстаивать свободу печати, ни разу не подыалъ въ защиту ея своего голоса и самыя чудовищныя нарушенія этой свободы оставлялъ безъ вниманія; странными онѣ кажутся послѣ тѣхъ многочисленныхъ

адресовъ, которые этотъ почтенный «*Sénat conservateur*» напоминалъ выраженіями благодарности, вѣрности, любви, преданности и уваженія. Нечего, послѣ этого, удивляться, что паденіе деспота было встрѣчено криками радости въ тѣхъ самыхъ газетахъ, въ которыхъ, благодаря тому, что онѣ находились въ полномъ распоряженіи полицейской цензуры, еще накануне онъ назывался «истолкователемъ воли неба», «исполнителемъ божественныхъ опредѣленій» и «сверхъвышнимъ распорядителемъ судебъ міра»¹⁾.

Извѣстно, что однимъ изъ первыхъ актовъ Наполеона по возвращеніи съ острова Эльбы было восстановленіе свободы печати, восстановленіе полное и искреннее, не нарушенное во весь періодъ ста дней ни однимъ фактомъ малѣйшаго насилія, не смотря на то, что газеты не перемонились въ нападкахъ на возвращающагося императора и доходили даже до того, что прямо вѣнчали въ убійству бывшаго тирана. Теперь наиболѣе энергичнымъ защитникомъ этой свободы явился Фуше, тотъ самый Фуше, который еще во время директоріи, и затѣмъ во время консульства, закрывалъ газеты десятками за одинъ разъ. Но это былъ защитникъ лицемерный, который, перешедши послѣ вторичнаго паденія Наполеона къ Бурбонамъ, также въ качествѣ министра полиціи, опять подчинилъ періодическую печать цензурному надзору. Самъ же Наполеонъ остался вѣренъ тѣмъ возрѣніямъ на печатное слово, съ какими онъ явился во Францію съ острова Эльбы. Находясь на островѣ св. Елены, онъ говорилъ: «Сынъ мой будетъ обязанъ царствовать со свободой печати. Нынѣ это необходимость».

Никогда позднія раскаянія человѣка не имѣли большаго значенія, какъ урокъ будущему.

Развитіе періодической печати въ странѣ мы считаемъ весьма важнымъ фактомъ ея культурной жизни. Не говоря о тѣхъ услугахъ, какія журналы и газеты оказываютъ распространенію знаній, пробужденію интереса къ умственной жизни, развитію общественныхъ инстинктовъ въ народной массѣ, фактъ этотъ важенъ и въ

¹⁾ Мы пользуемся при этомъ случаѣ исключительно данными, собранными въ книгѣ г. Вельшингера.

другомъ отношеніи. Онъ является живымъ свидѣтелемъ того, что въ обществѣ есть движеніе, что у него есть разнообразныя умственныя, нравственныя и политическія стремленія, что эти стремленія не подавляются насильственно, а находятъ для себя выраженіе, по крайней мѣрѣ, въ словѣ, если не въ практической жизни. Въ наше время, по степени развитія періодической печати можно безошибочно судить о степени политической свободы и общественнаго развитія. Чѣмъ больше въ странѣ журналовъ и газетъ, чѣмъ они разнообразнѣе по содержанію и по направленію, тѣмъ, значитъ, народъ свободнѣе, тѣмъ больше простора его естественнымъ стремленіямъ, тѣмъ, значитъ, жизнь его течетъ полнѣе, правильнѣе. Всего ихъ больше, какъ извѣстно, въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки: и гдѣ же, какъ не тамъ, человѣку предоставлено больше простора для развитія своихъ силъ? гдѣ онъ дѣятельнѣе и предприимчивѣе? гдѣ онъ свободнѣе? гдѣ онъ больше сознаетъ свое значеніе? гдѣ онъ, наконецъ, чувствуетъ себя счастливѣе, довольнѣе? Съ другой стороны, колоссальное развитіе печати въ Англіи, во Франціи, въ Германіи развѣ не стоитъ въ согласіи съ тѣмъ мощнымъ развитіемъ культурныхъ силъ, которое даетъ этимъ государствамъ преобладающее значеніе въ европейской жизни, искусствѣ, торговлѣ, промышленности? Развѣ не обще-извѣстенъ фактъ, что во всякой европейской странѣ, какъ только прекращаются или ослабляются препятствія, задерживающія національное или государственное развитіе, пробужденіе жизни сейчасъ же отражается на развитіи періодической печати, которая мгновенно становится неузнаваема по духу и оживленію? Трудно даже представить себѣ, какой глубокой въ этомъ отношеніи переворотъ совершился въ Италіи со времени освобожденія ея отъ иностраннхъ династій, и послѣ національно-политическаго объединенія. Этой бездны газетъ, которая теперь осаждаетъ путешественника по Италіи съ той минуты, какъ онъ вступилъ въ Венецію или Миланъ, не было и въ поминѣ. И газеты эти все разныя: свои въ Миланѣ, свои въ Венеціи, свои въ Туринѣ, Генуѣ, Флоренціи, Римѣ, Неаполѣ, свои во всѣхъ городахъ, имѣющихъ хоть какое-нибудь значеніе. Какая перемѣна въ этомъ отношеніи произошла также во Франціи послѣ паденія второй имперіи! Тутъ уже вновь появившіяся изданія считаются не сотнями, а тысячами. Даже въ Россіи мы дважды испытали въ томъ же отношеніи значительное жи-

вление, прямо вызванное пробужденіемъ преобразовательной дѣятельности въ нашей странѣ: одинъ разъ въ началѣ, а другой въ концѣ прошлаго царствованія. Словомъ, развитіе и оживленіе періодической печати служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ политическаго и общественнаго роста страны, доказательствомъ существующаго или пробудившагося въ ней стремленія развить свои духовныя и матеріальныя силы, тогда какъ пониженіе голоса этой печати, сокращеніе количества ея органовъ, суженіе содержанія и разнообразія въ направленіяхъ являются очевидными признаками увяданія общественнаго организма, ненормальнаго положенія дѣлъ въ государствѣ, прискорбнаго кризиса въ народной жизни.

Въ началѣ настоящаго столѣтія періодическая печать, говоря вообще, еще не играла той могущественной роли, какая досталась ей въ удѣлъ впоследствии, и какой она достигла особенно въ наше время. Въ прошломъ вѣкѣ, которому наполеоновское время служило непосредственнымъ продолженіемъ и даже, можно сказать, заключеніемъ, книга значила гораздо больше, чѣмъ въ наши дни. Тогдашнее общество искало въ журналахъ и газетахъ новостей дня, сѣдло по нимъ за придворными, военными и политическими соображеніями, но не дѣлало изъ нихъ для себя единственнаго чтенія, такимъ журналы и газеты стали для большинства читающей публики настоящей эпохи. Оно искало идей, образованія своего ума въ сочиненіяхъ философовъ, историковъ, политиковъ, юристовъ, поэтовъ. Оно читало Монтескье, Вольтера, Руссо, Дидро, «Энциклопедію», Гиббона, Юма, Адама Смита, Шекспира, Корнеля, Расина, Мольера, читало, наконецъ, Платона, Виргилія, Сенеку, Плутарха въ многочисленныхъ переводахъ, рассчитанныхъ прямо на массу образованныхъ читателей. Если смотрѣть на дѣло съ этой точки зрѣнія, то жестокое гоненіе, воздвигнутое Наполеономъ на политическую журналистику, не могло нанести особеннаго вреда тогдашнему общественному развитію, имѣвшему подкладкой не только длинный историческій опытъ, но и хорошее литературное и философское образованіе.

Оно такъ и было бы, еслибъ наполеоновская цензура и полиція преслѣдовали только политическія газеты и вообще періодическую печать во Франціи. Но эта цензура и полиція или, пожалуй, эта полицейская цензура преслѣдовала не только газеты, но и книги, и не только политическаго содержанія, но и литературнаго, фило-

софскаго и даже научнаго, преслѣдовала книги не только новыя, но и старыя. Самъ Наполеонъ терпѣть не могъ идеологовъ и лже-философовъ, какъ онъ называлъ людей, политическія теоріи которыхъ не совпадали съ хищническими принципами имперіи, и требовалъ, чтобы цензура, — постепенно усиливаемая «для охраны свободы печати», въ разныхъ формахъ, пока наконецъ не была водворена формально декретомъ 5 февраля 1810 года, подъ именемъ Главнаго управления по дѣламъ книгопечатанія и книжной торговли (*Direction générale de l'imprimerie et de la librairie*), — не только не допускала появленія неблагонамѣренныхъ книгъ и брошюръ, но и старалась направлять общественное мнѣніе въ пользу имперіи. Слуги его, исполняя волю господина, шли обыкновенно въ своемъ продажномъ усердіи дальше, чѣмъ это нужно было для своекорыстныхъ цѣлей правительства, и нерѣдко ставили его въ смѣшное положеніе. Ихъ ревность не по разуму доходила до того, что они обрѣзывали стихи Корнеля и Расина, и даже вычеркивали цѣлыя пьесы изъ классическаго репертуара *Théâtre-Français*. «Да эти цензоры хотятъ меня сдѣлать ненавистнымъ и смѣшнымъ! Эти цензоры совсѣмъ нелѣпы! Да этотъ господинъ слишкомъ большій дуракъ! Ему годится быть не цензоромъ, а рыночнымъ надсмотрщикомъ! Отставить его!» Въ такихъ выраженіяхъ многократно изливаетъ свою злобу на приставленныхъ къ печати стражей человѣкъ, который дѣйствительно хотѣлъ сдѣлать изъ литературы послушную рабу своей политики, но не понималъ произвола безцѣльнаго и бессмысленнаго, который только возбуждалъ раздраженіе и негодованіе противъ правительства, не имѣя для себя даже и самаго грубаго оправданія въ цѣляхъ наполеоновской политики. «Рѣшительно цензура ни на что не годится», сказалъ онъ наконецъ въ тяжелую для себя минуту, когда уже началось полное крушеніе имперіи.

Слова, вырвавшіяся изъ устъ императора, преслѣдуемаго судьбой, были исполнены большой горечи. Но это было слишкомъ позднее и одностороннее сознаніе своего заблужденія. Его цензоры — разные Лакретели, Эсменары, Ламонтэ, Этьени и ихъ начальники — Порталисы и Поммэрэйли, министры полиціи Фуше и Савари, наконецъ особыя лица, избранныя для наблюденія за литературою имъ самимъ, какъ г-жа Жанлисъ, извѣстный филологъ Лемаръ, бывший депутатъ національнаго собранія Монлозье — весь этотъ народъ, включая сюда и сенатскую комиссію, называвшуюся комиссіей

свободы печати (1), слишкомъ хорошо доказать, что если цензура не послужила имперіи на пользу, то не въ этомъ ее главное осужденіе. Ея вина передъ исторіею въ томъ, что она употребила всѣ усилія, чтобы развратить литературу; обезличить, обезсилить, если не въ концѣ залубить ее. И въ этомъ представители ея стародовали внушеніямъ, прямо или косвенно исходящимъ изъ кабинета, сначала перваго консула, а затѣмъ—императора; стремились угождать его вкусамъ,—вкусамъ человѣка, заявившаго свой взглядъ на свободу печати, между прочимъ, въ такихъ выраженіяхъ: «Для меня очень важно, чтобы могли печатать только люди, пользующіеся довѣріемъ правительства». Наполеонъ хотѣлъ, чтобы не только писатели, но и типографшники и книгопродавцы были людьми преданными его политикѣ. Можно себѣ представить, какія времена настали для литературы при такомъ возрѣніи на печатное слово со стороны деспотическаго правительства и при цѣлой арміи жадныхъ его служителей, готовыхъ изъ-за денегъ на всякую гнусность.

Авторъ книги о «Цензурѣ во время первой имперіи» приводитъ не мало фактовъ въ подтвержденіе того, какъ жестоко обращалась полиція съ авторами книгъ политическаго содержанія во время консульства и въ первые годы имперіи, писались ли эти книги роялистами или республиканцами, стихами или прозою. Конфискуя книги, полиція прибѣгала и къ насилію надъ личностью писателей, и не только авторы, но и содержатели типографій, гдѣ печатались сочиненія съ неприятнымъ для правительства политическимъ оттенкомъ, упрятавались въ тюрьмы, какъ преступники, или даже сажались въ сумашедшій домъ, какъ это случилось съ нѣкимъ поэтомъ Дезоргомъ, улолребившимъ въ одной изъ сочиненныхъ имъ пѣсень призывъ:

«Oui, le grand Napoléon
Est un caméléon».

Но вскорѣ стали преслѣдоваться не только политическіе памфлеты, не только книги съ политической тенденціей, явно враждебной «великому Наполеону», но даже и такія книги, которыя никогда и нигдѣ не подвергаются цензурному гоненію. Такъ, ничѣмъ нельзя оправдать гоненія на Тацита, хотя къ нему французскій императоръ и чувствовалъ объяснимую до нѣкоторой степени ненависть. Онъ имѣлъ неосторожность публично высказать

свое неудовольствіе по поводу перевода сочиненій великаго римскаго историка, сдѣланнаго извѣстнымъ филологомъ и знаткомъ жизни древнихъ, Дюро-де-Ламаллемъ. Изъ ненависти къ Тациту, Наполеонъ запретилъ трагедію Жозефа Шенъе «Тиберій» и поднялъ бурю по поводу стихотворнаго «Посланія къ Вольтеру», написаннаго тѣмъ же Шенъе, гдѣ, между прочимъ, находились слѣдующіе стихи:

Nos Verrès que du peuple enrichit l'indigence
Entendent Cicéron provoquer leur sentence;
Tacite en traits de flamme accuse nos Séjans
Et son nom prononcé fait pâlir les tyrans!..

Авторъ этихъ, въ сущности невинныхъ, стиховъ, занимавшій должность инспектора университета, былъ лишенъ мѣста, а цензура поняла, какъ теперь ей слѣдуетъ дѣйствовать, чтобъ угодить императору. Она накинулась съ ожесточеніемъ на сочиненія о революціи, писанныя роялистами, производила обыски въ книжныхъ магазинахъ и безжалостно конфисковывала въ нихъ даже старыя книги, принадлежащія къ этой категоріи. Входя все болѣе и болѣе во вкусъ къ насилію, она стала запрещать даже такія книги, какъ «Историческій очеркъ римскаго права», находя, что невольное сопоставленіе читателемъ вѣка Августа со временъ Наполеона, можетъ дать ему несовѣтъ выгодное представленіе о современной власти. Такое положеніе вещей дѣлалось невыносимымъ. О чемъ, наконецъ, писать, когда нельзя было безъ опасенія упомянуть имени Тацита и когда исторія римскаго права становится предметомъ, изученіе котораго также является опасностью для существующаго порядка, какъ и нѣсколько словъ въ защиту Лудовика XVI? При такомъ подозрительномъ настроеніи власти къ произведеніямъ печати, понятно, почему «Мученики» Шатобріана явились истиннымъ мученіемъ для цензуры, которой было не легко запретить сочиненіе автора съ громкимъ именемъ и притомъ сочиненіе такого высокаго содержанія, но которая вмѣстѣ съ тѣмъ не могла, по словамъ самого Шатобріана, не замѣтить поразительныхъ намековъ въ портретѣ Галерія и въ изображеніи двора Діоклетіана. Въ данномъ случаѣ, правительству ничего не оставалось дѣлать, какъ дать приказаніе политическимъ и литературнымъ газетамъ уничтожить (!) книгу рѣзкими и презрительными отзывами, какъ это и теперь

водится въ некоторыхъ государствахъ относительно писателей, принадлежащихъ къ оппозиціи.

Возстановленіе, декретомъ 5-го февраля, 1810 года, навѣки упраздненной предварительной цензуры дало императорскому правительству полную возможность предупреждать появленіе сочиненій, ему неприятныхъ, причѣмъ усилены были до крайности полномочія по отношенію къ преслѣдованію и напечатанныхъ сочиненій вмѣстѣ съ ихъ авторами и издателями. Прежде всего испытали на себѣ тяжелую руку Главнаго управленія по дѣламъ книгопечатанія и книжной торговли уже напечатанныя роялистскія и религиозныя сочиненія. Г. Вельшингеръ указываетъ на цѣлый рядъ такихъ сочиненій, немедленно подвергшихся конфискаціи, а именно: «Procès des Bourbons», сочиненіе, которымъ имѣлось въ виду возбудить живой интересъ къ королевской фамиліи, на «Maximes de Louis XVI», «Correspondance de Louis XVI», «Cimetière de la Madeleine» и др. Вмѣстѣ съ конфискаціей такого рода сочиненій предприняты были аресты книгопродавцевъ Делонэ и Леружа. Цензура, предводимая своимъ начальникомъ Порталисомъ, начала дѣйствовать такъ усердно, что возбудила даже къ себѣ зависть въ полиціи. Эта послѣдняя постаралась доказать своей соперницѣ, что въ дѣлѣ преслѣдованія недружелюбныхъ имперіи писателей можно проявить такую деятельность, передъ которой цензурныя строгости могутъ показаться только поблажками. Горькіе плоды такого соперничества полиціи съ цензурой испытала на себѣ во всей силѣ знаменитая г-жа Сталь по поводу своего наиболѣе громкаго сочиненія: «О Германіи».

Упорныя, неумолимыя преслѣдованія, которымъ подвергалась дочь знаменитаго финансиста Нежкера, жена барона Эриха Магнуса Сталь-Гольштейна, во все время Наполеоновской диктатуры, принадлежатъ болѣе политической, чѣмъ литературной исторіи Франціи, и составляютъ фактъ общеизвѣстный. Но г. Вельшингеръ открылъ массу новыхъ документовъ, сюда относящихся и рисующихъ поразительными чертами всю мелочность и жестокость преслѣдованія, какъ самимъ Наполеономъ, такъ и его полиціей, женщины, открывшей на другой день послѣ 18-го брѹмера свой салонъ для либеральной оппозиціи. Мы оставляемъ однако всю эту эпопею въ сторонѣ, за исключеніемъ ея послѣдней части, начинающейся съ того

момента, когда было приступлено къ печатанію сочиненія «О Германіи».

Издатель этого сочиненія, согласно постановленіямъ декрета 5-го февраля 1810 года, представилъ его въ цензуру, которая не нашла причинъ воспротивиться его печатанію. Когда это печатаніе началось, то г-жа Сталь, которой давно уже было запрещено приближаться къ Парижу ближе, чѣмъ на 40 лье, пріѣхала изъ Швейцаріи во Францію и остановилась въ замкѣ Шомонъ на Луарѣ (Chaumont-sur-Loire), съ тѣмъ чтобы слѣдить за ходомъ печатанія своей книги и исправлять ея корректуру. О своемъ желаніи приблизиться къ заповѣдной чертѣ, которая ее отдѣляла отъ столицы Франціи, она увѣдомила полицію и сообщила ей причину такого желанія. При ней былъ паспортъ, дозволявшій ей, вмѣстѣ съ ея старшимъ сыномъ, отправиться черезъ Францію въ Америку. Полиція, внимательно слѣдившая за всѣми движеніями гонимой женщины, узнала, что, живя въ Шомонѣ или въ Фоссѣ у графа Салаберри, она имѣла свиданіе съ нѣкоторыми роялистами и иностранцами, между прочимъ, съ Бенжаменомъ Констаномъ, съ м-ше Рекамье, Матье-де-Монморанси, съ Барантами—отцомъ и сыномъ, и съ однимъ русскимъ камергеромъ. Результатомъ такого полицейскаго освѣдомленія было то, что г-жа Сталь вдругъ получаетъ отъ мѣстнаго префекта предписаніе: въ теченіе 48 часовъ выѣхать въ Америку или въ Коппэ, т. е. въ ея швейцарское имѣніе. Предписаніе это шло отъ министра полиціи Савари и послано было префекту 24 сентября 1810 г. Въ то же время, въ Парижѣ всѣ уже готовые листы ея книги (цѣлыхъ два тома) были опечатаны, а къ дверямъ типографіи поставленъ караулъ.

Арестъ, (наложенный на сочиненіе г-жи Сталь полиціей, безъ вѣдома цензуры, которая оканчивала разсмотрѣніе 3-го тома и не слѣдила никакихъ препятствій къ печатанію двухъ первыхъ, за дѣлъ самолюбіе начальника цензуры, Порталиса, и заставилъ его указать въ письмѣ къ министру полиціи, хотя и въ официально-вѣжливыхъ формахъ, на нарушеніе полиціей постановленія закона 5-го февраля 1810 года. Въ оправданіе этого нарушенія, онъ могъ представить себѣ только какія-либо спеціальныя побужденія, которыхъ ему касаться не слѣдуетъ. Но протестъ начальника цензуры не помогъ дѣлу: верхъ остался за министромъ полиціи, сославшимся на «особенныя обстоятельства». Много было уже и того, что онъ

согласился освободить типографію отъ караула и отсрочить удаленіе г-жи Сталь изъ предѣловъ Франціи.

Цензура, даже и послѣ ареста сочиненія, не нашла причинъ запретить его обнародованіе. Она потребовала лишь исключенія или измѣненія нѣкоторыхъ мѣстъ, въ сущности очень невинныхъ, какъ напр. слѣдующее: «Одна умная женщина сказала, что Парижъ былъ такимъ мѣстомъ въ мірѣ, гдѣ можно лучше всего обойтись безъ счастья», или слѣдующее: «Пламенное геройство принца Лудовика (Прусскаго) должно бросить еще нѣкоторую славу на его товарищей по оружію», или слѣдующее: «Какъ только начинаешь считаться съ обстоятельствами, все потеряно, такъ какъ нѣтъ никого, кто не имѣлъ бы обстоятельствъ»... Остальныя опасныя мѣста, числомъ восемь, всѣ въ такомъ же родѣ. Авторъ согласился измѣнить ихъ или пожертвовать ими, лишь бы видѣть плоды своихъ шестилѣтнихъ трудовъ въ рукахъ у общества. Уже была г-жею Сталь прочитана послѣдняя корректура 3-го тома, уже книгопродавецъ увѣдомилъ ее, что цензура позволила выпустить книгу, какъ вдругъ сынъ присылаетъ ей извѣстіе, что книгу не выпускаютъ, что книгу хотятъ уничтожить. Это было 28 сентября, а 29-го префектъ, графъ Корбиньи, потребовалъ отъ нея выдачи корректурныхъ листовъ и рукописи. Бѣдная женщина выдала корректуры, а относительно рукописи заявила, что еще не получила ея изъ Парижа, но что даетъ слово доставить и ее. Въ такомъ смыслѣ префектъ донесъ министру полиціи. На самомъ дѣлѣ рукопись находилась въ рукахъ вѣрныхъ людей, а правительству, ни за что не хотѣвшему выпустить книги, какія усилія ни употреблялъ къ тому ея авторъ, была вручена лишь плохая копія, которою оно и удовольствовалось. Конецъ этой исторіи состоялъ въ томъ, что авторъ книги былъ удаленъ изъ Франціи, а сама книга до послѣдняго листка была изорвана, типографскій же наборъ ея уничтоженъ. Г. Вельшингеръ совершенно кстати вспоминаетъ при этомъ отвѣтъ министру полиціи, данный г-жею Рекамье по случаю передачи ей заявленія Наполеона, что она можетъ ѣхать въ Копенъ къ г-жѣ Сталь, но что этимъ она подвергаетъ себя опасности не возвратиться въ Парижъ: «Можно простить великому человѣку слабость любить женщинъ, но не слабость ихъ бояться»...

Поступокъ наполеоновской полиціи съ «Германіей» г-жи Сталь

показываетъ, до какого плачевнаго состоянія доведена была литература въ послѣдніе годы имперіи. Запрещались и уничтожались книги, даже дозволенные цензурой. Но и этого мало. Преслѣдовались не только книги, издаваемые во Франціи, но и обнародованныя за границей—въ Голландіи, въ Германіи, въ Италіи, и авторы ихъ подвергались гоненіямъ даже и за предѣлами Франціи: необыкновенно длинны были руки у наполеоновскаго правительства. Разсмотрѣвши одну книгу, изданную въ Голландіи, парижскій цензоръ не задумался предложить Савари отправить слѣдующее письмо къ главному начальнику полиціи въ Голландіи: «Я поручаю вамъ, милостивый государь, арестовать типографщика и автора памфлета подъ заглавіемъ: *Secret physico-chimique etc.* Соблаговолите дать мнѣ отчетъ относительно (исполненія) этого приказанія». Вотъ до чего дошла цензура, видя постоянные аресты писателей и содержателей типографій въ своемъ отечествѣ! Вообще цензоры въ это время принимали на себя слишкомъ много: они преслѣдовали не только то, что имъ казалось враждебнымъ Наполеону, но иногда и то, что, по ихъ мнѣнію, обладало недостаточнымъ талантомъ къ его восхваленію. Аббатъ Aillaud вздумалъ воспѣть подвиги Наполеона въ Египтѣ и написалъ историческую поэму подъ заглавіемъ «Египтіада». Цензоръ, къ которому это произведеніе поступило на разсмотрѣніе, дѣлаетъ такую резолюцію: «Не такому слабому сочиненію подобаешь прославлять его величество. Ему нужно Гомера».

До чего дожила тогда Франція! Какая военная слава могла искупить тяжесть столь неестественнаго внутренняго положенія, положенія, унижительнаго до послѣдней степени и обиднаго для всякаго общества, тѣмъ болѣе для такого, которое до того времени такъ гордо держало голову передъ остальною Европой, ведя ее за собой проповѣдью свободы и прогресса. Да и долго ли пришлось ей наслаждаться этой военной славой, такъ дорого купленной?.. Виѣшнее униженіе страны и новыя внутреннія потрясенія — вотъ что было плодомъ политики, попиравшей ногами общественную самостоятельность, стремившейся задушить въ зародышѣ всякій свободный и независимый голосъ, который могъ бы обратить вниманіе на то, что подъ ногами страны раскрывается бездна.

Мы уже говорили, какъ, возвратясь съ острова Эльбы, Наполеонъ раскаялся въ своихъ преступленіяхъ противъ печати и поставилъ ей свободу однимъ изъ догматовъ своего новаго управле-

нія. «Свобода печати прежде всего», говорилъ онъ Бенжамену Констану, призвавши его въ Тюльери для совѣщанія о новой конституціи. «Душить ее (печать) нелѣпо; эта статья—дѣло рѣшенное»—прибавилъ онъ въ заключеніе. Мы привели также раньше слова императора, сказанныя имъ въ одинъ изъ печальныхъ дней его пребыванія на островѣ св. Елены, слова, въ которыхъ онъ призналъ невозможность управлять нынѣ безъ свободы печати. Нѣтъ ббльшаго торжества для истины, какъ то, когда начинаютъ ее исповѣдывать во всеуслышаніе наиболѣе жестокіе ея гонители.

АВСТРІЙСКІЕ РУССКІЕ И ЛЬВОВСКІЙ ПРОЦЕССЪ. ¹⁾

Въ 1865 году наиболѣ скорый путь изъ Петербурга въ Одессу лежалъ на Варшаву, Краковъ, Львовъ, Черновицы и Кишиневъ. До Львова, столицы Галиціи, шла желѣзная дорога; отъ Львова до Черновицъ, главнаго города Буковины, можно было ѣхать въ почтовомъ дилижансѣ; отъ Черновицъ до Новоселицы, пограничнаго русскаго пункта, съ евреемъ; отъ этого же пункта вплоть до нашей черноморской столицы — на почтовыхъ лошадахъ по подорожной. Этотъ путь избралъ пишущій эти строки въ концѣ апрѣля 1865 г., слѣша прибыть въ Одессу къ открытію новороссійскаго университета, которое было назначено на 1-е мая.

Такимъ-то образомъ мнѣ удалось въ первый разъ проѣхать по Галиціи и остановиться во Львовѣ. Въ то время, т. е. семнадцать лѣтъ тому назадъ, положеніе дѣлъ въ Червонной Руси мало обращало на себя вниманія въ Россіи. Нужды, горе, стремленія, надежды населенія, родственнаго намъ по крови, языку, религіи, первоначальной исторіи, борьба его съ другими этнографическими элементами края, развитіе его, литературное и общественное, рѣдко кому у насъ были знакомы близко, *de visu*, даже между учеными. Русскіе ученые, какъ историки, такъ и филологи, занимавшіеся судьбой и языками славянскихъ народовъ, въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ охотно посѣщали Прагу, Вѣну, Пештъ, даже

¹⁾ «Наблюдатель», августъ 1882 г.

Загребъ и Бѣлградъ, но обходили Львовъ, древнюю столицу Червонной Руси, городъ Льва и Данила Галицкихъ. Немногіе русскіе публицисты, касавшіеся въ то время Галиции, говорили о тамошнихъ дѣлахъ съ чужого голоса, польскаго или нѣмецкаго, обличая самое смутное представленіе о еуществующихъ здѣсь общественныхъ отношеніяхъ. Отчужденіе наше отъ страны, составлявшей нѣкогда важную часть русской земли, было въ то недавнее время такъ велико, что не только въ нашей періодической литературѣ, вообще не отличающейся широтою и обстоятельностью свѣдѣній, но даже въ географическихъ учебникахъ имя исконнаго русскаго города Львова обыкновенно приводилось въ его нѣмецкой формѣ Лемберга, а въ одномъ изъ наиболѣе популярныхъ тогда нашихъ журналовъ, въ «Современникѣ», была напечатана статья, называвшаяся появленіемъ во Львовѣ русской газеты «Слово»,—которая должна была служить органомъ интересовъ русско-галицкаго населенія, — «національною безтактностью».

Взглянуть своимъ глазомъ на край, много столѣтій тому назадъ оторванный отъ русской земли, посмотреть на представителей тамошняго общества и познакомиться съ мѣстными учеными и литераторами было чрезвычайно интересно. Я остановился на нѣсколько дней во Львовѣ. Первый визитъ мой былъ въ редакцію «Слова», въ которой всего отчетливѣе бился пульсъ пробудившейся русской жизни въ забытомъ нами край; другіе визиты были направлены къ такъ называемымъ «святотурцамъ», т. е. къ ученымъ, принадлежащимъ къ тамошнему греко-уніатскому собору св. Георгія. Въ національномъ русскомъ клубѣ, носящемъ названіе «Народнаго Дома», мнѣ удалось въ первый же день увидѣть почти всю русскую «интеллигенцію» Львова, какъ свѣтскую, такъ и духовную, собравшуюся тогда на представленіе старинной малороссійской оперы «Наталья Полтавка». Пришлось мнѣ заглянуть и въ старинный храмъ, построенный на самомъ возвышенномъ мѣстѣ города, во время богослуженія, почти ничѣмъ не отличающагося отъ нашего; довелось посмотреть и на семейную жизнь своихъ новыхъ знакомыхъ и обстановку ихъ жилищъ, которая любопытному путешественнику всегда можетъ сказать многое. Долго засиживаться мнѣ въ столицѣ Червонной Руси было однако нельзя, и я, послѣ объясненій съ полиціей, пожелавшей ознакомиться какъ съ цѣлью моего прибытія

во Львовъ, такъ и съ дальнѣйшимъ направленіемъ путешествія, уѣхалъ въ Одессу.

Но уѣхалъ я съ крайне тяжелымъ чувствомъ, которое тогда только отчасти излилъ въ письмѣ, посланномъ;—изъ предосторожности уже по достиженіи русскихъ предѣловъ,—въ «С.Петербургскія Вѣдомости». Это тяжелое чувство лишь усилилось впоследствии, когда мнѣ пришлось быть еще два раза во Львовѣ въ 1867 году. Но что же я вынесъ изъ своего знакомства съ русскими въ этомъ городѣ?

Я вынесъ многое. Я увидѣлъ, прежде всего, поразительную бѣдность и страшную загнанность тамошняго русскаго общества. Бѣдность была видна во всемъ: въ жилищахъ, въ квартирной обстановкѣ, въ клубномъ помѣщеніи, въ образѣ жизни представителей тамошней русской «интеллигенціи», какъ они, на польскій образецъ, себя называютъ. Жаль было смотрѣть на редактора главной русской газеты, когда онъ, въ своемъ убогомъ помѣщеніи, завтракалъ стаканомъ молока, признаваясь, что бѣльшей роскоши онъ себѣ позволить не можетъ. Да и какаѣ тутъ могла быть рѣчь о роскоши, когда редакція могла издерживать въ это время на выпускъ газетъ не болѣе 20 гульденовъ (около 12 рублей по тогдашнему курсу) въ три мѣсяца! Если такъ богато жилъ редакторъ главной русской газеты, Б. И. Дѣдицкій, то нетрудно себѣ представить, какъ жилъ его помощникъ, бѣдный С., получавшій въ мѣсяць что-то такое около 20 гульденовъ. И эти люди дѣлали свое дѣло съ мужествомъ, съ любовью, со страстью, съ самоотверженіемъ! Дѣлали его и ученые, которые были не богаче журналистовъ. Каноникъ Петрушевичъ, главный русскій ученый въ Галиціи, получалъ въ годъ, если не ошибаюсь, не болѣе 400 гульденовъ. Скудость средствъ не мѣшала ему, однако, составить прекрасную бібліотеку со множествомъ старинныхъ рукописей, не мѣшала упорно работать надъ составленіемъ славянскаго словаря и издавать въ свѣтъ свои филологическія и археологическія сочиненія. Не могу безъ чувства глубокаго уваженія вспомнить объ этомъ почтенномъ труженикѣ, такъ радужно встрѣчающемъ въ своей темной кельѣ всякаго русскаго. Вотъ гдѣ можно было поучиться безкорыстію, подвижничеству и дѣятельной любви къ родинѣ!

Какъ ни велика была бѣдность этихъ добрыхъ патріотовъ, какъ ни щемила она сердце пріѣзжаго русскаго, но еще больше была

поразительна ихъ общественная загнанность. Населеніе, заявлявшее при всякомъ случаѣ, на дѣлѣ, свою вѣрность австрійскому государству и императорскому дому, держалось въ самомъ черномъ тѣлѣ, не имѣло никакого общественнаго значенія въ краѣ. Нѣмцы, поляки, евреи смотрѣли на него съ пренебреженіемъ. Нигдѣ во Львовѣ, въ этомъ исконно-русскомъ городѣ, не было слышно русскаго языка въ общественномъ мѣстѣ; почти нигдѣ не видно было его и на вывѣскахъ; представителю кореннаго населенія, особенно если онъ не скрывалъ своихъ русскихъ чувствъ и не выдавалъ себя за челоуѣва, преданнаго польскимъ интересамъ и ненавидящаго *Москву*, не было доступа къ государственнымъ и общественнымъ должностямъ; не давалось никакого участія въ управленіи.

Съ назначеніемъ намѣстникомъ Галиціи графа Голуховскаго, положеніе русскихъ,—тяжелое, казалось, до послѣдней степени,—еще болѣе ухудшилось. И безъ того полякъ, царившій всецѣло въ странѣ, въ силу своего общественнаго положенія, сдѣлался теперь ея полноправнымъ хозяиномъ. Въ рукахъ его окончательно сосредоточилась всякая власть: политическая, административная, судебная, полицейская. Тогда къ политическому и общественному гнету, который никогда не переставалъ лежать на Галиціи подъ польскимъ и австрійскимъ владычествомъ, прибавилась еще деморализація, направленная противъ интеллигентныхъ силъ русскаго населенія. Польская власть стала вызывать изъ среды его отщепенцевъ, дѣйствуя посредствомъ субсидій для изданія газетъ въ духѣ измѣнническомъ относительно господствующаго настроенія и посредствомъ раздачи стипендій студентамъ, отрицающимъ стремленія русскихъ патріотовъ. Деморализація эта, правда, захватывала лишь ничтожную часть русской «интеллигенціи». Издававшіяся на польскія деньги, газеты украинофильско-польскаго характера не находили и десятковъ подписчиковъ; на полученіе стипендій, дававшихся за измѣну народному дѣлу, соглашались только единицы. Но эта домашняя рознь немало отягощала положеніе несчастнаго русскаго населенія, забитаго и безправнаго.

Всякое положеніе выносимо, когда есть надежда на его поправленіе, на выходъ къ лучшему. Но галицкіе русскіе, семнадцать или пятнадцать лѣтъ тому назадъ, этой надежды не имѣли, этого выхода не видѣли, даже и въ далекомъ будущемъ. Самое ужасное въ ихъ положеніи было то, что естественное его поправленіе всего

менѣе зависѣло отъ нихъ самихъ, отъ ихъ собственныхъ усилій. Всякое стремленіе ихъ на пользу родины, имѣвшее мало-мальски національный характеръ, встрѣчало вражду и упорное сопротивленіе, если не въ центральномъ правительствѣ, то въ ближайшемъ, мѣстномъ, представители котораго были или поляки, или лица, находившіяся подъ вліяніемъ польскаго общества. Поляки же, или ихъ единомышленники, стремились къ тому, чтобы галицкіе русскіе елико возможно меньше чувствовали себя русскими, чтобъ они, будучи «gente Russi», были «natione Poloni», чтобъ симпатіи ихъ обращались не на Востокъ, а на Западъ, чтобъ они были какъ можно болѣе похожи на поляковъ по языку, вѣрѣ, политическимъ чувствамъ и литературнымъ стремленіямъ.

— Наше положеніе отчаянное, — говорилъ мнѣ одинъ изъ патриотовъ. — Насъ поляки схватили за горло, и они насъ, пожалуй, задуютъ. Имъ ненавистно самое имя Руси; насъ сживаютъ со свѣта. Чего смотреть Россія?

— Намъ закрыта всякая общественная дѣятельность, — говорилъ мнѣ редакторъ «Слова». — Если закроютъ мою газету, — а этого можно ожидать всякую минуту, — то знаете ли, что мнѣ остается? Остается или надѣть петлю на шею, или итти въ монастырь. Другого выхода нѣтъ! Мнѣ и въ Россію закрыта дорога, такъ какъ я отказался отъ ордена, присланнаго мнѣ по случаю празднованія тысячелѣтія русскаго государства. Сами знаете, могъ-ли я принять его въ моемъ положеніи. Теперь меня обзываютъ московскимъ агентомъ, а что заговорили бы, еслибъ я надѣлъ русскій орденъ? Нѣтъ, наше положеніе ужасно!

— Мнѣ прислали изъ Россіи книги, — говорилъ одинъ изъ почтенныхъ ученыхъ, — да никакъ не могу получить ихъ; не выдаютъ. У насъ, въ Австріи, теперь конституція, но намъ, русскимъ (образованные галичане въ то время избѣгали называть себя русинами) какая отъ того польза? Поляки дѣлаютъ съ нами все, что хотятъ.

— Какое счастье, что вы не знаете по-польски! — говорилъ добродушный помощникъ редактора «Слова». Я не могу на васъ смотрѣть безъ зависти. Мы здѣсь не можемъ шагу сдѣлать безъ польскаго языка, мы обязаны говорить всюду по-польски. Но за что у васъ, въ Россіи, такъ любятъ поляковъ? Зачѣмъ вы отдаете насъ имъ на жертву?

Почтенный г. С. былъ серьезно убѣжденъ, что въ Россіи полякамъ рай земной, и ничего такъ не желалъ для русскихъ галичанъ, какъ свободы и благоденствія, какими пользуются, по его мнѣнію, поляки въ нашемъ отечествѣ. Онъ — и многіе раздѣляли его мнѣніе — думалъ также, что Россія совершаетъ преступленіе противъ Галиціи и противъ себя самой, оставляя Червонную Русь, и вмѣстѣ съ нею свои естественныя границы, въ предѣлахъ другого государства. Сознаюсь, что и я самъ былъ и повинѣнъ остаюсь того же мнѣнія. Если русскому государству суждено долгое существованіе, то оно неизбежно должно будетъ упираться на своемъ юго-западѣ въ Карпаты, а не въ какой-то ручеекъ или канаву.

Среди гнета, не только политическаго, но и административнаго, судебнаго и, всего болѣе, общественнаго, — гнета тяжелаго, о какомъ мы, живя въ своемъ государствѣ, говоря на своемъ языкѣ, управляясь своими властями и законами, и понятія не имѣемъ (говорю это съ полною искренностью), — галицкихъ русскихъ поддерживало, поддерживаетъ и будетъ поддерживать лишь сознаніе, что они не медкій народецъ, говорящій областнымъ нарѣчіемъ и не имѣющій литературы, достойной этого имени, а часть великаго народа, распространившагося отъ Карпатъ по Европѣ и Азіи до Великаго Океана, что они говорятъ языкомъ, какимъ говорятъ въ Кіевѣ, Москвѣ, Новгородѣ, Петербургѣ, Перми, Tobольскѣ, Иркутскѣ; что въ числѣ литературныхъ гениевъ своего племени они считаютъ не только Шевченко, но и Пушкина, Лермонтова, Гоголя; что пока будетъ существовать на востокѣ Европы великое русское государство, будутъ существовать и они, и что, быть можетъ, не далеко день, когда они, унижаемые, какъ парій, нѣмцами и поляками, соединятся и политически съ своими восточными братьями.

Въ этомъ сознаніи своей принадлежности къ великому народу нѣтъ ничего ни революціоннаго, ни преступнаго; но когда «Слово», въ минуты отчаянной борьбы за существованіе въ 1866 году, высказало его во всеуслышаніе, то это было столь оглушительнымъ ударомъ для галицкихъ поляковъ, что слова русской газеты и до сихъ поръ еще звучатъ въ ихъ ухахъ, какъ нѣчто ужасное, превосходящее всѣ предѣлы государственныхъ преступленій. Съ этого самаго дня, т. е. съ 8-го августа 1866 г., образованные русины, особенно же ученые и издатели газетъ, стали въ глазахъ польскихъ чиновниковъ въ Галиціи бунтовщиками и государственными измѣн-

никами, а ихъ литературная дѣятельность, въ которой такъ замѣтно стремленіе подражать языку великорусскихъ писателей, отнынѣ стала служить лишь доказательствомъ измѣны австрійской монархіи, т. е. правильнѣе, польскому владычеству. Самое досадное для враговъ русской народности въ Галиціи было то, что всѣ ихъ многолѣтніе, даже вѣковныя труды, употребленные на истребленіе въ коренныхъ обитателяхъ Червонной Руси сознанія своего кровнаго родства съ закордонною Россіей, понесены были даромъ. Ни насильственное измѣненіе правописанія и шрифта въ книгахъ галицкихъ русскихъ, ни строгое запрещеніе имъ, называемымъ на австрійскомъ официальномъ языкѣ рутенами, именоваться русскими, ни ожесточенное преслѣдованіе газетъ — ничто не искоренило въ гонимомъ населеніи его природнаго чувства, чувства связи своей съ независимымъ русскимъ народомъ.

Это чувство, это сознаніе, высказанное громко, разомъ подняло народныя силы и облегчило имъ борьбу съ ненавистниками русскаго имени. Не смотря на всѣ гоненія, удвоенныя, даже удесятенныя съ того времени, какъ австрійская политика сдѣлала изъ Галиціи исключительно польскую область, какъ бы не замѣчая тамъ присутствія другого населенія, составляющаго, притомъ же, главный по численности этнографическій элементъ въ области, не смотря на покровительствуемый мѣстною властью разладъ въ средѣ самой русской «интеллигенціи», часть которой, принявъ украинофильскую тенденцію, стала заявлять себя не менѣе враждебною *Москвѣ* (т. е. Россіи), чѣмъ сами поляки, — не смотря на все это, русское сознаніе въ Галиціи стало развиваться такъ быстро и сильно, что послѣ славянскаго съѣзда, бывшаго въ Москвѣ, въ 1867 году, галицкіе русскіе, какъ представители обще-русской культуры въ Австріи, думали было стать во главѣ обще-славянскаго движенія къ литературному объединенію. Въ Вѣнѣ, столицѣ австрійской имперіи, сталъ издаваться русскій журналъ «Заря», журналъ, «посвященный обще-славянскимъ интересамъ», какъ значилось въ его заглавіи. Первый номеръ этого журнала, выходившаго подъ редакціей гг. Ливчака и Климовича, появился 1-го іюля по старому стилю. Онъ ставилъ прямо и рѣшительно вопросъ о духовномъ единеніи всѣхъ славянъ, и самымъ могучимъ орудіемъ этого единенія провозглашалъ русскій языкъ, «какъ нейтральный, имѣющій богатую литературу и для всѣхъ славянъ дѣйствительно равно понятный и

доступный». Роль, принятая на себя галицкими русскими, оказалась въ то время имъ не по плечу, и русскій печатный органъ въ Вѣнѣ, «посвященный обще-славянскимъ интересамъ», просуществовалъ недолго, но обще-русское сознание въ Галиціи, впервые торжественно провозглашенное въ «Словѣ» г. Дѣдицкаго, продолжало все болѣе и болѣе крѣпнуть и, не смотра на постыдное противо-дѣйствіе ему со стороны украинофильской партіи, въ настоящее время уже достигло такой силы, что вызвало исконныхъ противниковъ его на отчаянную мѣру—на преданіе суду вождей русскаго населенія края, по обвиненію въ государственной измѣнѣ.

Вотъ почва, на которой разыгрался политическій процессъ во Львовѣ,—судъ надъ одиннадцатью русскими, обвиняемыми въ государственной измѣнѣ. Фактъ этого процесса показываетъ, что злоба польской «интеллигенціи» противъ русской въ Галиціи достигла крайней степени, что она помрачила враждебные русскому имени умы до забвенія всякаго политическаго такта и приличія. Процессомъ этимъ галицкая Польша открыто призналась въ своемъ безсиліи подчинить себѣ нравственно бѣдное и почти сплошь мужицкое русское населеніе, и въ то же время доказала, что скорѣе готова погубить себя саму, чѣмъ отдать справедливость противнику, признать его права въ краѣ одинаковыми съ своими.

Поводомъ къ процессу послужило, какъ извѣстно, желаніе крестьянъ села Гниличекъ, недовольныхъ своимъ униатскимъ священникомъ, перейти въ православіе, возвратиться, какъ они заявляли, къ прежней вѣрѣ, къ вѣрѣ отцовъ своихъ. Какой ударъ для польскаго сознанія, что цѣлые вѣка іезуитскаго гнета надъ Червонною Русью не могли истребить въ ней памяти о вѣрѣ отцовъ, о той вѣрѣ, которую исповѣдуетъ до сихъ поръ русскій народъ во всѣхъ предѣлахъ своего обширнаго царства! По закону, въ австрійской имперіи существуетъ полная свобода вѣроисповѣданія. Пожелай жители села Гниличекъ перейти въ протестанство, іудейство, магометанство, даже въ язычество, это могло бы послужить развѣ интереснымъ предметомъ для газетныхъ сообщений, но никакого особеннаго переломка среди польскихъ пановъ, полиціи, прокуратуры не произвело бы. Но принятіе православія, восточной «схизмы»—это вопросъ политическій, это говорить о сочувствіи къ Россіи, это дѣло панславистской пропаганды. Необходимо пресѣчь столь страшное зло въ самомъ корнѣ: вѣдь примѣру одной деревни мо-

жесть послѣдовать другая, а тамъ третья, четвертая, такъ чт современемъ вся восточная Галиція можетъ очутиться въ «схизмѣ», исповѣдуемой проклятыми москалями! Отсюда одинъ шагъ до бунта противъ «австрійскаго государственнаго союза»; до открытаго объявленія желанія присоединиться къ Россіи. Кто виновникъ, кто подстрекатель крестьянъ? Начались обыски, аресты; наиболѣе выдающіеся представители русскаго галицкаго общества, священники, журналисты, литераторы, были заключены въ тюрьму. И вотъ началось дѣло о государственной измѣнѣ.

Мы не знаемъ, приняло ли бы гоненіе на русскихъ галичанъ такой крутой и ожесточенный характеръ, еслибы гонителямъ ихъ не придало храбрости общее возбужденіе противъ Россіи, вызванное въ Австріи недавнею агитаціей русскихъ славянофильскихъ газетъ противъ этой державы и особенно рѣчами, покойнаго теперь, генерала Скобелева. Но несомнѣнно, что это возбужденіе развязало руки ненавистникамъ русскаго имени не только въ Галиціи, но и во всей австро-венгерской имперіи, особенно же въ Венгріи. Вся австрійская Русь была заподозрѣна теперь въ сочувствіи панславистской пропагандѣ, вся пятимилліонная Русь, обитающая въ Галиціи, Буковинѣ и сѣверной Венгріи, подверглась гоненію. Найдены были и глава мнимаго заговора, имѣвшаго цѣлью «отторженіе Галиціи, Буковины и сѣверной Венгріи отъ неразрывнаго государственнаго союза и состава коронныхъ земель австрійской монархіи»; какъ значитса въ обвинительномъ актѣ, подписанномъ государственнымъ прокуроромъ Шимоновичемъ. Такимъ главою былъ признанъ уроженецъ венгерской Руси, помѣщикъ имѣнія Чертешь въ Венгріи, проживавшій въ послѣднее время во Львовѣ, отставной императорско-королевскій надворный совѣтникъ, кавалеръ австрійскаго ордена Желѣзной Короны и русскихъ орденовъ: Анны 2-й степени и Владиміра 3-й степени, 66-тилѣтній старикъ Адольфъ Добрянскій. Самымъ злѣйшимъ врагомъ его явился глава венгерскаго министерства, г. Коломанъ Тисса, бывшій когда-то добрымъ знакомымъ обвиняемаго, а теперь приславшій львовской прокуратурѣ чуть не цѣлый обвинительный актъ противъ своего прежняго знакомаго.

Процессъ начался 12-го іюня (новаго стиля) чтеніемъ длиннѣйшаго обвинительнаго акта, которое продолжалось болѣе трехъ часовъ и въ которомъ удѣлено значительное мѣсто дѣятельности

нашей славянофильской партіи. Ее обвиняли въ томъ, что она «проповѣдуетъ крестовый походъ противъ Австріи, и стремится освободить якобы угнетенныхъ австрійскихъ славянъ», работая для этой цѣли систематически и постоянно отбискивая себѣ союзниковъ, какъ въ самой Россіи, такъ и въ Австріи. Между представителями этой партіи у насъ, въ Россіи, указываются: покойный Погодинъ, генераль Ѳадѣевъ, г. Аксаковъ, г. Катковъ (1), варшавскій профессоръ славянскихъ нарѣчій Будиловичъ, покойный генераль Скобелевъ, г. Побѣдоносцевъ и двое молодыхъ ученыхъ, путешествовавшихъ за границей, гг. Соколовъ и Пальмовъ. Агентами этой партіи являются въ Австріи, по словамъ обвинительнаго акта, издатели русскихъ газетъ, а именно: «Слова» (г. Площанскій), «Пролома» и «Вѣча» (г. Марковъ), «Листка Родиннаго» (священникъ Огоновскій), «Пріятеля дѣтей» (г. Трембицій), «Господаря» и «Промышленника» (Ничай). Средоточіемъ же всей панславистской агитаціи въ Руси Галицкой, Буковинской и Венгерской, является, какъ было выше указано, Адольфъ Добрянскій, который (о, ужасъ!) «былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ гг. Площанскимъ и Марковымъ, редакторами «Слова» и «Пролома», поддерживалъ ихъ своими статьями и, какъ видно изъ показаній г. Маркова, намѣревался стать во главѣ русской печати, добиться сліянія существующихъ изданій, на мѣсто ихъ основать ежедневный органъ и, такимъ образомъ, придать русской печати однообразное направленіе... направленіе панславистское. Онъ даже началъ подготавливать это, исходатайствовавъ подписку въ Россіи для изданій: «Проломъ», «Вѣче», «Наука», «Листокъ», «Пріятель» и т. д. Во Львовѣ онъ намѣренъ былъ стараться о примиреніи украинцевъ съ москалефилами».

Такъ велики преступленія г. А. Добрянскаго! Но и преступленія другихъ, преданныхъ суду, русскихъ не менѣе страшны. О г. Площанскомъ обвинительный актъ говоритъ, что онъ «сообщилъ «Слову» рѣшительно панславистическое направленіе; что и личность его и прошлое возбуждаютъ сильное подозрѣніе; что онъ постоянно былъ занятъ панславистическими идеями». Во время торжества открытія въ Москвѣ памятника Пушкину, г. Площанскій отправилъ въ Москву привѣтственную телеграмму «въ доказательство духовнаго единенія съ великорусскимъ народомъ». Ему ставится и это въ государственное преступленіе. При обыскѣ у него была найдена

статья, гдѣ, между прочимъ, говорилось: «Въ будущемъ мы составимъ одну великую славянскую семью. Сто двадцать миллионѣвъ славянъ, съ могущественнымъ государствомъ во главѣ, дождутся лучшаго будущаго». Человѣкъ, который мечтаетъ о будущемъ славянскаго племени, есть, разумѣется, измѣнникъ отечеству. Что касается редактора Маркова, то онъ самъ достаточно себя характеризуетъ въ конфискованномъ письмѣ его къ Я. О. Головацкому, бывшему львовскому профессору русской словесности, проживающему теперь въ Вильнѣ, въ качествѣ предсѣдателя виленской археографической комисіи. «Меня знаютъ — пишутъ онъ — за чистокровнаго москалефила». Про скалатскаго священника Наумовича, подговаривавшаго гнилическихъ крестьянъ къ переходу въ православіе, и говорить нечего. Онъ рисуется въ обвинительномъ актѣ самымъ отчаяннымъ панславистомъ. Онъ публично высказывалъ свою привязанность къ Россіи, говоря прямо: «Я приверженецъ Россіи; тамъ лучше, тамъ нѣтъ гнѣта». Православіе и русскую народность онъ считалъ неразрывно связанными. Онъ издавалъ брошюры: «Историческій катихизисъ» и «Послание св. Владиміра Великаго», въ которыхъ, между прочимъ, встрѣчаются такія мѣста: «На свѣтѣ одна только единая Русь, раздѣленная политически между Россіей и Австріей»; или: «народъ русскій останется русскимъ, какъ Карпаты останутся русскими горами, а Днѣстръ никогда не повернетъ къ Вислѣ, но будетъ течь во вѣки вѣковъ въ русское Черное море»; или: «трижды подъ господствомъ Австріи раздѣленная, Русь предана на милость и немилость полякамъ, мадярамъ и румынамъ». На замужней дочери А. Добрянскаго, г-жѣ Ольгѣ Грабаръ, тоже лежатъ страшныя преступленія: она вела оживленную переписку, особенно съ своимъ братомъ, живущимъ въ Петербургѣ, и служила ему посредницей въ его корреспонденціи съ другими лицами. Одни имена ея корреспондентовъ служатъ достаточными уликами ея измѣны отечеству. Это, кромѣ ея брата, гг. Будиловичъ, Терлецкій, Огоновскій, Трембицкій, Ничай, Кулачковскій, т. е. профессора, священники, редакторы газетъ. Таковы главные заговорщики противъ цѣлости Австрійской Имперіи, пособниками которыхъ были: сынъ Наумовича, студентъ вѣнскаго университета, священникъ Николай Огоновскій, изъ Чахова, редакторъ Трембицкій изъ Станиславова, редакторъ Ничай изъ Голешова, да крестьяне — Иванъ Шпундеръ изъ Гнилицекъ и Алексій

Залускій изъ Збаража, пособники въ совращеніи галицкихъ крестьянъ въ православіе.

Самое малое безпристрастіе требуетъ сказать, что никогда еще не бывало обвинительнаго акта въ государственной измѣнѣ, болѣе произвольно составленнаго и болѣе проникнутаго племенной злобою. Ни для кого не было тайной, что галицкіе русскіе находили свое положеніе, въ виду тройнаго давленія на нихъ со стороны нѣмцевъ, поляковъ и евреевъ, до крайности тяжелымъ: они громко жаловались на притѣсненія своей народности всюду, гдѣ только могъ раздаться ихъ голосъ—въ печати, во львовскомъ сеймѣ, въ вѣнскомъ рейхсратѣ—и также громко заявили свои жалобы на теперешнемъ судѣ. — «Вы жаловались, въ разговорѣ съ Залускимъ, на угнетеніе русиновъ?» спрашивалъ предсѣдатель суда священника Наумовича. — «Конечно; кто же не жалуется на это?» было отвѣтомъ обвиняемаго. Но, жалуясь на притѣсненія, они въ то же время всегда оставались вѣрными подданными австрійскаго цезаря, что было неоднократно засвидѣтельствовано какъ властями имперіи, такъ и австрійско-нѣмецкою печатью, которая отнеслась къ польско-мадьярскимъ обвиненіямъ русиновъ въ измѣнѣ съ явнымъ недоувѣріемъ. Между тѣмъ, исторія не можетъ сказать, чтобы именно мадьяры и поляки, забывшіе теперь тревогу объ измѣнѣ въ средѣ русскаго населенія Австріи, отличались особенно вѣрноподданическими чувствами къ дому Габсбурговъ. Не комично-ли звучитъ обвиненіе въ измѣнѣ, исходящее отъ такихъ обвинителей? Далѣе: галицкіе русскіе выражали свое недовольство не центральнымъ правительствомъ, у котораго, напротивъ, они всегда искали себѣ защиты, а мѣстнымъ, польскимъ, обращавшимся съ ними не какъ съ равноправными обитателями австрійскаго государства, а какъ съ національными врагами, сочувствующими ненавистной полякамъ Россіи. Да, они всегда сочувствовали Россіи, какъ странѣ единокровной, единойзычной и почти единовѣрной. Но развѣ сочувствіе своему племени, какое замѣчается, напримѣръ, у американскихъ или русскихъ нѣмцевъ въ Германіи, или у познанскихъ и галицкихъ поляковъ къ полякамъ Царства Польскаго, вмѣнялось имъ когда-нибудь въ преступленіе? Галицкіе русскіе входили въ литературное и религіозное общеніе съ лицами, живущими въ Россіи. Но развѣ русскіе поляки не поддерживаютъ самыхъ оживленныхъ литературныхъ и религіозныхъ сношеній съ своими соплеменниками

въ Познані и Галиціи? Развѣ наши балтійскіе нѣмцы не дѣлають того же въ отношеніи къ нѣмцамъ метрополи? Галицкіе русскіе высказывали иногда другъ другу устно или письменно свои мечты о будущемъ политическомъ соединеніи всѣхъ отраслей русскаго народа и даже всего славянскаго племени. Но развѣ поляки не думаютъ о соединеніи разорванныхъ исторіей частей своего племени во единое политическое тѣло и не мечтають объ образованіи польскаго государства, которое бы простиралось «отъ моря до моря»? Развѣ австрійскіе и русскіе нѣмцы не сознають себя единымъ народомъ съ нѣмцами фатерланда и не вздыхаютъ о томъ, что они оторваны отъ великаго дерева объединенной теперь Германіи? Если же австрійцы не предають суду ко обвиненію въ государственной измѣнѣ ни нѣмцевъ, которые, начиная съ депутата Шёнерера и кончая членами закрытой студентской читальни въ Вѣнѣ, мечтають о воссоединеніи съ Германіей, ни поляковъ, которые, заодно съ познанскими и русскими своими братьями, ждуть не дождутся воссозданія единой и нераздѣльной Польши; если мы также спокойно взираемъ и на невинныя балтійскія вздыханія объ единомъ фатерландѣ, и на грезы польскихъ патриотовъ, не могущихъ спокойно говорить о «проклятой Москвѣ» и не желающихъ разстаться съ надеждой на нашу гибель и на торжество «еще не погибшей Польши», — то почему же такъ притязательны, по отношенію къ галицкимъ русскимъ, изъ которыхъ иные тоже мечтають, господа поляки, купно съ господами мадьярами? Гдѣ же у галицкихъ, венгерскихъ и буковинскихъ русскихъ измѣна своему государству, если этой измѣны нѣтъ у позволяющихъ себѣ говорить, писать и мечтать гораздо больше, чѣмъ они, австрійскихъ нѣмцевъ и поляковъ? Въ чемъ же заключаются ихъ государственныя преступленія?

Преступленія ихъ заключаются въ томъ, что они не шли на сдѣлки съ врагами русской народности, въ томъ, что они всегда оставались вѣрными австрійскому государству, не раздѣляя ни мадьярскихъ, ни польскихъ стремленій; наконецъ въ томъ, что гг. Добрянскій, Наумовичъ, Марковъ, Площанскій и ихъ товарищи — вожди своего народа, поддерживающіе въ немъ національное чувство и не позволяющіе ему забывать, что онъ — лишь малая отрасль великаго народа русскаго, живущаго самостоятельную государственную жизнь. Никакихъ дѣйствительныхъ государственныхъ

преступленій, а тѣмъ болѣе такихъ, которыя называются измѣною государству, преданные львовскому суду русскіе не совершали. Ни личныя сношенія съ нашими литераторами и учеными, ни переписка съ представителями нашей славянофильской партіи, ни полученіе газетами субсидій отъ славянскихъ комитетовъ, невиннѣйшихъ и безсилнѣйшихъ въ свѣтѣ политическихъ обществъ, — если ихъ можно возвести въ это званіе, — ничто подобное не подлежитъ суду, какъ политическое преступленіе, такъ какъ во всемъ этомъ нѣтъ никакого признака преступности, въ особенности, когда рѣчь идетъ о людяхъ, живущихъ въ конституціонномъ государствѣ, гдѣ политическая свобода предполагается обезпеченною. Нельзя считать политическимъ преступленіемъ и содѣйствія гниличскимъ крестьянамъ къ переходу въ православіе, т. е. къ принатію христіанскаго исповѣданія, признаннаго въ австро-венгерской монархіи законнымъ, наравнѣ съ другими христіанскими исповѣданіями, и имѣющаго свою установленную закономъ іерархію, высшіе члены которой утверждаются императоромъ; нельзя и вовсе считать этого преступленіемъ въ странѣ, гдѣ существуетъ полная свобода вѣроисповѣданія. Стыдъ и срамъ польской администраціи въ Галиціи, что она позволила себѣ, въ своихъ обвиненіяхъ, увлечься до того, что поставила въ преступленіе пользованіе самымъ дорогимъ правомъ нашего времени, правомъ исповѣдывать Бога и молиться ему по внушенію совѣсти, и притомъ правомъ не только нравственнымъ, но и политическимъ, гарантированнымъ основными законами государства. Это, ничѣмъ не оправдываемое, гоненіе на людей за приверженность ихъ къ православному обряду, какъ и стремленіе, при помощи іезуитовъ, олатинить, по возможности, униатское исповѣданіе, противъ воли не только русскаго населенія и низшаго униатскаго духовенства, но и высшей духовной власти въ странѣ, показываютъ только, какъ мало сознаетъ свои историческія ошибки польская шляхта, какъ мало способна къ возрожденію шляхетская Польша, прониженная насквозь іезуитскими стремленіями. Чтобы придать хотя тѣнь основательности обвиненію въ измѣнѣ представителей русскаго населенія Галиціи, обвинительный актъ указываетъ на найденный, въ письмѣ журналиста Маркова къ залѣщичскому священнику Книгиницкому, запросъ о существованіи или состояніи крѣпостныхъ сооружений въ Залѣщичкахъ. Но видѣтъ въ этомъ запросѣ, — вызванномъ, по словамъ Маркова, слухами объ

арестъ тамъ какихъ-то шпионовъ,—намѣреніе сообщить свѣдѣнія о существующихъ въ Галиціи укрѣпленіяхъ русскому правительству, было нелѣпо уже на томъ основаніи, что странно было бы предполагать у нашего главнаго штаба недостатокъ свѣдѣній о военномъ значеніи разныхъ пограничныхъ мѣстностей, особенно въ Галиціи, и желаніе заимствовать ихъ у некомпетентныхъ въ военномъ дѣлѣ журналистовъ. Къ тому же, лицо, къ которому адресовано было письмо, положительнымъ образомъ заявило на судѣ, что г. Марковъ, освѣдомляясь о существованіи укрѣпленій, не спрашивалъ никакихъ подробностей, не требовалъ описанія ни мѣстности, ни существующихъ тамъ подземныхъ ходовъ, ничего подобнаго, что могло бы подать поводъ къ мысли о любопытствѣ сколько-нибудь подозрительнаго характера.

Легко понять, какъ трудно было для обвинительной власти поддерживать на судѣ обвиненія, сплетенныя изъ племенной ненависти, злобы и подозрительности. Судебное слѣдствіе не могло привести или подтвердить ни одного факта, походяго на измѣну государству, не могло выяснитъ ничего, кромѣ произвола польскихъ властей, систематическаго нарушенія ими тайны писемъ и безсѣстной конфискаціи ихъ на почтѣ, кромѣ возмутительнаго политическаго гнета, какому подвержено русское населеніе въ Галиціи. Теперь вся Австрія, вся Европа знаетъ, какъ невыносимо-тяжело положеніе русскаго населенія восточной Галиціи, какъ нагло попираются тамъ всѣ права, даже такіа, которыя гарантированы основными законами государства, какъ, на примѣръ, свобода вѣроисповѣданія. Гоненіе на галицкихъ крестьянъ, заявившихъ желаніе перейти къ вѣрѣ отцовъ своихъ, было въ это время не единственнымъ религіознымъ гоненіемъ. Священникъ Наумовичъ заявилъ на судѣ, что сынъ его, докторъ Николай Наумовичъ, просидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ въ заключеніи единственно за перемѣну вѣроисповѣданія. Никто въ Западной Европѣ до этого процесса не повѣрилъ бы, что въ Галиціи до сихъ поръ считается политическимъ преступленіемъ употребленіе мѣстными русскими газетами оборотовъ рѣчи, свойственныхъ общему литературному русскому языку, что за употребленіемъ такого рода оборотовъ слѣдитъ полиція, и донесенія ея, къ этому вопросу относящіяся, принимаются къ свѣдѣнію прокуратурой и разсматриваются на судѣ, какъ-бы нѣчто дѣйствительно преступное въ политическомъ смыслѣ, какъ это было въ за-

сѣданіи 7-го іюля (н. ст.). И это въ государствѣ, гдѣ провозглашено равенство національностей, гдѣ въ принципѣ существуетъ свобода печати!

Мы пишемъ эти строки, когда еще процессъ не оконченъ, когда адвокаты еще не произнесли своихъ защитительныхъ рѣчей и присяжные не вынесли приговора. Но для насъ уже несомнѣнно, что процессъ этотъ долженъ быть признанъ крупною политическою ошибкой со стороны поляковъ, какъ несомнѣнно и то, что присяжные не могутъ произнести приговора обвинительнаго. Слѣдя за ходомъ суда изо дня въ день, преимущественно по отчетамъ вѣнской «*Neue Freie Presse*», мы не могли не видѣть, какъ во многихъ случаяхъ дѣйствовала на присяжныхъ и на публику неосновательность обвиненій и недобросовѣстность обвинителей, раскрываемая не только разъясненіями подсудимыхъ, но и показаніями свидѣтелей. Присяжные неоднократно обращались къ обвиняемымъ или къ свидѣтелямъ съ вопросами, отвѣты на которые могли только окончательно разъяснить дѣло въ пользу подсудимыхъ! Такъ, напримѣръ, при разсмотрѣніи вопроса о вліяніи священника Наумовича на гнилическихъ крестьянъ, по отношенію къ расположенію ихъ принять православіе, присяжный Майеръ обратился къ свидѣтелю Митрофановичу, православному священнику во Львовѣ, съ вопросомъ: «Не есть-ли царь—глава церкви, къ которой вы принадлежите?»—Церковь, къ которой я принадлежу, совершенно независима отъ русской; у насъ свои особые синоды и свои духовныя власти — отвѣчалъ свидѣтель, снимая тѣмъ, въ глазахъ присяжныхъ, главную вину съ обвиняемыхъ, которымъ обвинители приписывали цѣль политическую, измѣническую. — «Существуютъ-ли постановленія закона, признающія восточную церковь, какъ одну изъ государственныхъ церквей въ Австріи?»—спрашивалъ присяжный, докторъ Готтлибъ, того же свидѣтеля.

— Да, отвѣчалъ послѣдній, наша церковь признана законами; наши церковные капиталы даже состоятъ въ завѣдываніи правительственныхныхъ чиновниковъ.—Эти элементарныя разъясненія, вызванныя присяжными, были чрезвычайно важны и произвели на нихъ, по замѣчанію газетъ, сильнѣйшее впечатлѣніе. То, въ чемъ обвинительная власть находила измѣну, оказалось, даже для наименѣе знакомыхъ съ дѣломъ людей, не только не преступнымъ, но и находящимъ себѣ защиту въ законахъ и учрежденіяхъ. Подобнымъ

же образомъ былъ разъясненъ для присяжныхъ, по желанію одного изъ нихъ (г. Рыльского), вопросъ о томъ, насколько языкъ и литература русиновъ, по историческимъ основаніямъ, ближе къ языку и литературѣ русскихъ, чѣмъ поляковъ. Разъясненіе, данное приглашеннымъ, въ качествѣ свидѣтеля, основателемъ «Слова», г. Дѣдицимъ, должно было показаться лицамъ, которыхъ хотѣли заставить видѣть государственное преступленіе въ употребленіи русско-галицкими писателями оборотовъ общаго русскаго литературнаго языка, тѣмъ болѣе убѣдительнымъ, что г. Дѣдицкій со-слался въ своемъ мнѣніи на наиболѣе уважаемыхъ ученыхъ польской національности.

Когда обвинителямъ галицкихъ русскихъ въ измѣнѣ отечеству приходится прибѣгать къ такого рода обвиненіямъ, что, на примѣръ, обвиняемые въ своихъ газетныхъ статьяхъ прибѣгали къ подражанію оборотамъ литературнаго русскаго языка, или видѣть анти-австрийскую демонстрацію въ помѣщеніи священникомъ Огоновскимъ, въ своей газетѣ «Родинный Листокъ», портрета и біографіи Тургенева,—то для всякаго, сколько нибудь одареннаго здравымъ смысломъ, человѣка становится яснымъ, что тутъ дѣло идетъ не о дѣйствительныхъ преступленіяхъ обвиняемыхъ, а лишь о національной злобѣ и ненависти обвинителей. Обвиненія, построенныя на такомъ зыбкомъ фундаментѣ, по-неволѣ обличали себя нерѣдко такими нелѣпостями, что вызвали взрывы смѣха въ публикѣ, присутствовавшей при судебномъ разбирательствѣ. Судебные отчеты, печатавшиеся въ «Neue Freie Presse», испещрены замѣчаніями: «смѣхъ», «оживленный смѣхъ» и т. п. Такъ, на примѣръ, въ прочитанномъ на судѣ полицейскомъ донесеніи относительно редактора Трембицкаго значится, что хотя при обыскѣ у него не найдено никакихъ компрометирующихъ бумагъ, но все-таки власти думаютъ, что онъ посвятилъ себя съ юныхъ лѣтъ учительскому званію «единственно затѣмъ, чтобы тѣмъ легче прививать другимъ ненависть къ полякамъ и имѣть возможность дѣйствительнѣе вести агитацію противъ государственнаго порядка». Едва только публика, встрѣтившая чтеніе этого донесенія коломыйскаго окружнаго начальника взрывомъ смѣха, успокоилась, какъ предсѣдателемъ суда было прочтено донесеніе окружнаго станиславовскаго начальника о преступной дѣятельности редактора Ничая, которое также вызвало оживленный

смѣхъ въ публикѣ. Донесеніе говорило, что у Ничая не найдено ничего предосудительнаго, но это объясняется, будто бы, тѣмъ, что онъ, въ «своихъ руссофильскихъ агитаціяхъ, дѣйствуетъ такъ искусно, что его трудно поймать». Не могла публика удержаться отъ смѣха и при чтеніи донесенія замборскаго окружнаго начальника о томъ, что Адольфъ Добрянскій, разговаривая въ вагонѣ желѣзной дороги съ капитаномъ Лозинскимъ, между прочимъ, обратился къ нему съ вопросомъ: какъ идти дѣла въ Босніи? Такой вопросъ — продолжаетъ донесеніе — «является подозрительнымъ, такъ какъ надворный совѣтникъ (Добрянскій), какъ русинъ, могъ видать такія вещи (т. е. то, что получилъ въ отвѣтъ) Россіи».

Мы сказали, что обвиняемымъ нетрудно было состязаться съ подобными обвиненіями. И дѣйствительно, рѣчи, произнесенныя ими въ свою защиту, или данныя ими суду объясненія носятъ рѣшительно побѣдоносный характеръ. Обвиняемымъ не было нужды прибѣгать къ ораторскимъ приемамъ или къ юридическимъ изворотамъ, чтобы выставить на видъ всю гнусность грубаго и во всѣхъ своихъ частяхъ несостоятельнаго обвиненія. Имъ нечего было даже отказываться отъ того, что они имѣютъ расположеніе къ Россіи и русскому народу, съ которымъ они связаны единствомъ происхожденія, языка и племенныхъ интересовъ, чтобы доказать правоту своего дѣла и защитить отъ подозрѣнія свои вѣрноподданническія чувства по отношенію къ Австріи. За нѣкоторыми изъ нихъ, какъ за Адольфомъ Добрянскимъ, стоятъ многіе годы признанныхъ заслугъ своему государству; высоко-полезную дѣятельность для своей страны такихъ лицъ, какъ скалатскій священникъ Наумовичъ, должны были торжественно признать на судѣ даже враги русскаго имени въ Галиціи, польскіе помѣщики и католическіе патеры. Между тѣмъ, именно гг. А. Добрянскій и священникъ Н. Наумовичъ выставляются главными виновниками «заговора», направленаго противъ цѣлости владѣній австрійской монархіи.

Что же говорили въ свою защиту эти «заговорщики», эти «измѣнники отечеству», которымъ судъ грозитъ смертною казнью?

Рѣчь А. Добрянскаго продолжалась три часа. Ему нужно было говорить больше всѣхъ, какъ потому, что онъ выставленъ въ обвинительномъ актѣ главою заговора, такъ и потому, что его обвиняли двѣ стороны: поляки и мадьяры. Трудно сказать, какія обви-

ненія дышали бѣльшею злобою, но главная часть рѣчи почтеннаго старца была направлена на опроверженіе обвиненій, присланныхъ суду г. Коломаномъ Тиссой, министромъ-президентомъ венгерскаго министерства. Шедшія съ этой стороны обвиненія были для него еще чувствительнѣе, чѣмъ тѣ, какими вооружилась противъ него польская злоба, такъ какъ они шли отъ человѣка, связаннаго съ нимъ давними узами знакомства и обязаннаго благодарностью за оказанныя услуги.

Рѣчь свою обвиняемый началъ указаніемъ на свидѣтельство исторіи, что между народами, населяющими австрійскую монархію, издавна существовали такіе, которые причиняли государству опасности и затрудненія, и такіе, которые всегда оставались вѣрными императору и монархіи. Къ первымъ принадлежатъ мадьяры и поляки, къ послѣднимъ—тирольцы и русскіе. Существовавшій издавна въ Австріи вопросъ о національностяхъ сдѣлался острымъ съ 1848 г. Особенно онъ выступилъ наружу въ Венгріи и Галиціи. Такъ началъ г. Добрянскій свою защиту, но, прерываемый и стѣсняемый предсѣдателемъ въ развитіи общей точки зрѣнія на борьбу національностей, онъ долженъ былъ ограничиться направленными лично противъ него обвиненіями, и старался, при общемъ напряженномъ состояніи судей, присяжныхъ и публики, доказать, до какой степени эти обвиненія невѣрны, противорѣчивы и странны. Несообразность ихъ доходитъ до того, что въ письмахъ его, конфискованныхъ при обыскѣ, находятъ притворную австрійско-патріотическую тенденцію. Обвиняемый обращается къ прокурору съ вопросомъ: не думаетъ-ли онъ, что эти частныя письма были писаны имъ прямо въ расчетъ на ихъ конфискацію? Ораторъ смѣется надъ обвиненіемъ его въ шпионствѣ относительно залѣпницкой крѣпости, говоря, что странно было бы сообщать чужой державѣ свѣдѣнія о крѣпости, не имѣющей ни фортовъ, ни укрѣпленій; говоритъ объ униі, что ей не сочувствовали даже сами галицкіе епископы, отрицаетъ вѣрность указанія обвинительнаго акта, будто г. Побѣдоносцевъ посвятилъ ему какое-то сочиненіе, равно какъ и указанія на сотрудничество его сына, Мѣрослава, въ панславистическихъ газетахъ; говоритъ, что поѣздка священника Наумовича въ Россію не служила для него поводомъ къ оживленной перепискѣ. Затѣмъ онъ обращается къ показаніямъ, присланнымъ суду г. Ко-

ломаномъ Тиссой, который посягаетъ на его честь и даетъ совершенно ложныя свѣдѣнія о его личныхъ дѣлахъ. Глава венгерскаго министерства обвиняетъ его, между прочимъ, и въ томъ, что будто онъ тайкомъ уѣхалъ въ 1875 году въ Россію, тогда какъ онъ отправился туда съ паспортомъ, выданнымъ ему венгерскими властями; обвиняетъ и въ томъ, будто онъ, Добрянскій, нарочно выучился русскому языку, тогда какъ онъ выучился мадьярскому, французскому, а русскій языкъ всосалъ въ себя съ молокомъ матери. Г. Тисса ставитъ ему въ вину то, что онъ былъ въ сношеніяхъ съ русскими войсками во время ихъ пребыванія въ Венгріи. Но, при появленіи въ Венгріи русскаго войска, тамъ было двѣ партіи, изъ которыхъ одна желала возстановленія порядка и была дружественно расположена къ русскимъ, явившимся на защиту австрійской имперіи, а другая, предводительствуемая Кошутомъ, стремилась къ ниспроверженію монархіи и русскихъ ненавидѣла: онъ, обвиняемый, принадлежалъ къ первой партіи, а нынѣшній глава венгерскаго министерства старается себя выставить приверженцемъ послѣдней. Замѣчательно, однако, что къ русской партіи принадлежалъ и отецъ г. Коломана Тиссы. Для Венгріи было счастье, что тогда существовала расположенная къ Россіи партія. Не приди русскія войска своевременно, теперь не существовало бы уже никакой Венгріи. Странно упрекать его за то, что онъ велъ себя съ тактомъ по отношенію къ русскимъ войскамъ, и за полученіе русскихъ орденовъ. Обвиненіе, что онъ получилъ отъ Россіи деньги, на которыя будто и купилъ свое имѣніе, лишено всякаго основанія. Мадьяры ненавидятъ его особенно за то, что, при сдачѣ венгерскихъ плѣнныхъ въ Вилагошѣ, онъ присутствовалъ, какъ единственный представитель Австріи. Г. Тисса, который во время оно не разъ обращался къ нему по своимъ личнымъ дѣламъ, не то сталъ бы говорить, еслибъ явился сюда лично. Во всякомъ случаѣ, онъ, обвиняемый, ненавидимый мадьярами, велъ себя всегда и вездѣ, какъ истый австрійскій патриотъ. Рѣчь его, произнесенная въ 1861 году въ венгерскомъ сеймѣ, не была обнародована потому, что онъ выступилъ, какъ вѣрнопопданный императора, а не потому, что она была въ панславистическомъ и измѣнническомъ духѣ. Правда, онъ остался вѣренъ своей національности и религіи, но для этого не нужно было ему перестать быть до-

брымъ гражданиномъ своего государства. Обвинительная записка г. Тиссы исполнена такихъ противорѣчій, что онъ имѣеть полное право воскликнуть: *difficile est satiram non scribere!*

Прокуратура— продолжалъ обвиняемый,—находить возможность обвинять его въ сношеніяхъ съ русскимъ протоіереемъ Раевскимъ; она обвиняеть его и въ томъ, что онъ дѣлалъ во Львовѣ визиты, украшенный орденами, какъ будто въ этомъ есть что-нибудь преступное, обвиняеть въ агитациі въ пользу единства литературнаго языка, какъ будто въ другихъ странахъ не стремятся къ тому же. Обвинительный актъ называетъ его руссофиломъ: «это названіе— говорить г. Добрянскій— я принимаю безъ протеста; каждый полякъ, въ свою очередь, полонофиль. Я многимъ обязанъ Россіи: тамъ живутъ мои дѣти и внуки. Не смотря на это, я состою и останусь вѣрнымъ австрийскимъ гражданиномъ и горячимъ патриотомъ, любящимъ свою родину. Но странно, какимъ образомъ насъ могутъ обвинять въ руссофильствѣ: это, вѣдь, дѣло чувства, а за чувства нельзя привлекать къ отвѣтственности. Я уже потому такъ расположенъ къ Россіи, что вижу въ союзѣ между Австріей и Россіей чрезвычайную выгоду для Австріи, и моя дружба къ Россіи соединена съ любовью къ моему отечеству. Я славянофиль, и считаю для себя великою честью мое участіе въ основаніи истинно-славянскаго клуба, вѣнскаго «Славянской Бесѣды», членомъ которой я состою и до сихъ поръ... Князь Чарторижскій и художникъ Гроттгеръ были также членами этого клуба, хотя они оба поляки».

Продолжая свою рѣчь въ томъ же тонѣ, г. Добрянскій говоритъ: «наши законы обезпечиваютъ намъ полную свободу совѣсти и вѣроисповѣданія, и никто не имѣеть права нарѣзать слѣдствіе по тому поводу, что отдѣльныя личности или цѣлыя общины переходятъ въ лоно другой церкви. Религія у насъ дѣло совѣсти, и никто не можетъ вмѣшиваться въ такія дѣла. Еслибъ я даже совѣтовалъ гниличскимъ крестьянамъ принять православіе, то и въ этомъ не было бы ничего противозаконнаго, такъ какъ само дѣйствіе исполнѣе законно. Я не чувствую за собой никакой вины, и если меня осудятъ за то, что я пользовался правами, обезпеченными нашими государственными законами, то во всей Австріи раздастся крикъ негодованія, и наше отечество будетъ дискредитовано у другихъ народовъ: мы живемъ, вѣдь, въ правовомъ государствѣ».

Такъ отвѣчало на обвиненіе въ государственной измѣнѣ лицо, признанное главнымъ руководителемъ мнимаго заговора. Г. Добрянскій говорилъ, какъ человѣкъ, который умѣетъ за себя постоять и не боится никакихъ клеветъ и придирчивыхъ обвиненій. Онъ считаетъ своимъ правомъ и даже вмѣняетъ себѣ въ честь именно то, на чемъ его враги хотѣли построить злостное обвиненіе въ государственной измѣнѣ. Онъ руссофилъ и славянофилъ. Пусть осудятъ его за эти чувства, если достанетъ смѣлости осудить человѣка, не сдѣлавшаго ничего противозаконнаго. — Въ такомъ же родѣ говорили и другіе главные обвиняемые.

«Я славянинъ раг excellense, говорилъ на судѣ священникъ Наумовичъ. Мнѣ мило и дорого все славянское. Я люблю Шевченко, Пушкина, Мицкевича, Каченовскаго; я люблю все славянское, какъ тиролецъ любить все нѣмецкое. Но мои чувства находятся въ границахъ Австріи, которую я считаю призванною образовать вторую Швейцарію, въ которой всѣ народности соединены и работаютъ на пользу своей родины. Я присутствовалъ на пражскомъ славянскомъ конгрессѣ, я состою въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ славянскимъ міромъ, и не могу понять, какимъ образомъ поляки могутъ отрицать свой славянскій характеръ: это меня печалитъ и возмущаетъ... Надежды мои еще не пропали. Я надѣюсь, что наступятъ лучшія времена. Я поляковъ вообще не презираю, а только тѣхъ, которые насъ угнетаютъ. Можетъ быть, новая истинно-либеральная партія, основателемъ которой является почтеннѣйшій докторъ Фишгофъ, внесетъ новую жизнь, новые принципы въ наше государственное управленіе, и поляки одумаются. Мое послѣднее слово: я славянофилъ, но австрійскій славянофилъ».

«Я и впредь буду писать—говорилъ на судѣ журналистъ Марковъ—въ такомъ же духѣ и буду отстаивать интересы моего народа, если даже мнѣ будетъ угрожать висѣлица... Всѣ народности терпѣли гоненія. Раньше терпѣли поляки и мадьяры, теперь очередь за нами. Но тѣ, которыхъ раньше обвиняли въ государственной измѣнѣ, сидятъ теперь въ кабинетѣ министровъ!..»

На этомъ мы и останавливаемся, не имѣя въ виду передавать всѣ подробности процесса, впрочемъ, далеко еще не конченнаго (мы пишемъ эти строки 4-го іюля). Намѣреніе наше было лишь сообщить читателю нѣсколько данныхъ, способствующихъ правиль-

ному пониманію дѣла, послѣдствія котораго могутъ быть очень важными для хода нашей ближайшей исторіи. А пока мы позволяемъ себѣ надѣяться, что безразсудно начатый процессъ кончится полнымъ оправданіемъ подсудимыхъ, и что львовскій судъ не навлечетъ на польскую націю позора, который легъ бы тяжело на ея судьбу, не доставивъ ей вмѣстѣ съ тѣмъ никакого торжества, даже кратковременнаго.

ПРОВИНЦІАЛИЗМЪ ВЪ ПОЛИТИКЪ. ¹⁾

Русская общественность отличается отъ общественности любой изъ западно-европейскихъ странъ весьма характернымъ признакомъ: крайнею незрѣлостью. Въ этомъ—наше великое горе и источникъ нашихъ горькихъ страданій. Ничто у насъ не установлено, все является вопросомъ, во всемъ неясность, вездѣ путаница, Мы не можемъ согласиться въ самыхъ простыхъ и ясныхъ вещахъ; нѣтъ ни общихъ принциповъ, ни общихъ стремленій, ни общаго пониманія. Только этимъ хаотическимъ состояніемъ понятій можно объяснить то, что нерѣдко самыя серьезныя вещи у насъ разсматриваются, какъ смѣшныя, а къ самымъ смѣшнымъ люди относятся съ благоговѣніемъ; только полнымъ отсутствіемъ сколько нибудь дѣйствительнаго политическаго воспитанія въ нашемъ обществѣ можно объяснить себѣ ожесточенные споры о вещахъ, совсѣмъ не стоящихъ спора, и крайнее раздраженіе противъ лицъ, не раздѣляющихъ всѣхъ симпатій и антипатій какого нибудь незначительнаго кружка или узкой партіи.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, мы говорили о положеніи нашихъ ближайшихъ соплеменниковъ въ Австріи, такъ называемыхъ русиновъ, т. е. галицкихъ русскихъ, по поводу извѣстнаго львовскаго процесса. Мы осуждали идею этого безразсуднаго процесса, вызваннаго племенною ненавистью поляковъ къ русскому населенію

¹⁾ «Наблюдатель», декабрь 1882 г.

Галиціи; мы находили, что онъ былъ крупнымъ политическимъ промахомъ со стороны польской «интеллигенціи». вмѣстѣ съ этимъ, мы не могли не выразить своего сочувствія людямъ, которые были преслѣдуемы за то, что они чувствуютъ свою кровную связь съ нами; за то, что они желаютъ состоять съ нами въ литературномъ и религіозномъ общеніи; за то, наконецъ, что, тѣснимые со всѣхъ сторонъ и особенно поляками, они видятъ свою защиту и спасеніе своего народа въ насъ, своихъ ближайшихъ соплеменникахъ, въ нашемъ національномъ и государственномъ могуществѣ. Все это имъ было вмѣнено, вопреки закону и справедливости, въ государственное преступленіе; все это было выставлено австрійскою обвинительною властью, какъ измѣна имперіи Габсбурговъ. Мы находили, что крайне несправедливо обвинять людей за ихъ естественныя чувства, за такія чувства, которыя никакъ не меньше проявляются у самихъ ихъ обвинителей, за сочувствіе своему племени, или хотя бы даже за тяготѣніе къ нему. Мы указывали также на незаконность преслѣдованія нѣкоторыхъ изъ нашихъ соплеменниковъ за пропаганду православнаго обряда среди галицкихъ униатовъ, при существующей въ Австріи свободѣ вѣроисповѣданія, и находили чудовищнымъ вмѣненіе журналистамъ и писателямъ въ вину того, что они старались приближать свой письменный языкъ къ литературнымъ оборотамъ языка общерусскаго. Съ какой стороны мы ни смотрѣли на обвинительный актъ, онъ намъ казался несправедливымъ, произвольнымъ, пристрастнымъ и даже нелѣпымъ; сколько ни старались мы отыскать въ дѣйствіяхъ подсудимыхъ какую-либо вину, мы находили, что они были посажены въ тюрьму и привлечены къ суду безъ всякаго законнаго основанія. Такъ смотрѣла на дѣло, по видимому, и вся русская печать и все русское общество, такъ смотрѣли многіе въ Европѣ и въ самой Австріи. Всякая другая точка зрѣнія казалась намъ, въ данномъ случаѣ, для разсудительныхъ людей невозможною.

Мы однако ошибались. Нѣсколько теплыхъ словъ, сказанныхъ нами въ защиту нашихъ гонимыхъ соплеменниковъ въ Галиціи, очень не понравились въ Кіевѣ. Тамъ тоже слѣдили съ большимъ интересомъ за ходомъ процесса, затѣяннаго австрійскимъ правительствомъ или, лучше, польскими иезуитами противъ главныхъ представителей русской народности въ Галиціи; но интересъ этотъ былъ нѣсколько иного рода. Сколько мы можемъ судить изъ адресован-

ныхъ къ намъ писемъ и отчасти даже изъ двухъ статей кievской газеты «Заря», тамъ съ большимъ удовольствіемъ узнали бы объ осужденіи гг. Добрянскаго, Наумовича, Маркова, Площанскаго и др., чѣмъ объ ихъ оправданіи. Какъ такъ? Возможно ли, чтобы въ Кіевѣ, въ столицѣ Малороссіи, находились люди, не только не сочувствующіе горю заключенныхъ и выдержавшихъ продолжительную пытку пристрастнѣйшаго политическаго процесса, своихъ ближайшихъ соплеменниковъ въ Австріи, но и до нѣкоторой степени довольные при видѣ постигшаго ихъ несчастія и даже, пожалуй, встрѣтившіе ихъ оправданіе не безъ чувства нѣкотораго внутренняго раздраженія?! Вѣдь эти Наумовичи, Марковы, Площанскіе, Ничаи и ихъ товарищи по заключенію, вѣдь это — кровные малороссы, вѣдь это передовые борцы за права и свободу національнаго развитія того самаго народа, который живетъ въ Малороссіи и составляетъ, въ этнографическомъ смыслѣ, съ населеніемъ нашей Украйны одно нераздѣльное цѣлое? Совершенно такъ! Но эти Марковы, Площанскіе, Наумовичи и Ничаи — не совсѣмъ того прихода, которому сочувствуютъ наши кievскіе политики и авторы статей въ «Зарѣ»¹⁾. Людей, подвергшихся во Львовѣ тяжелому политическому процессу, въ тѣхъ кievскихъ кружкахъ, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь, называютъ москвофилами, тогда какъ симпатіи этихъ кievскихъ кружковъ цѣликомъ обращены къ тѣмъ представителямъ галицко-русской «интеллигенціи», которые принадлежать къ такъ-называемой украинской партіи. Москвофиль въ глазахъ ихъ — уже не галичанинъ, или такой галичанинъ, который не имѣетъ никакого права на сочувствіе. Человѣкъ, который, живя въ Галиціи, чувствуетъ влеченіе не къ Украйнѣ только, а и къ Великороссіи, ко всему русскому народу, къ цѣлой Россіи, человѣкъ, который въ своихъ статьяхъ и сочиненіяхъ старается употреблять обороты общерусскаго литературнаго языка, который думаетъ, что весьма сильнымъ оплотомъ русской національности въ Галиціи можетъ служить укорененіе въ ней сознанія о своей принадлежности къ великому народу, населяющему восточную Европу, наконецъ, человѣкъ, который состоитъ въ дружественныхъ отноше-

¹⁾ Статьи эти носятъ такое заглавіе: «Вниманію Наблюдателя» и В. И. Модестова» (№№ 196 и 210).

нѣхъ съ политическими людьми, журналистами и литераторами въ Россіи,—такой человѣкъ, по мнѣнію нашихъ кievскихъ антагонистовъ, представляетъ собой нѣчто крайне антипатичное, представляетъ собой, такъ сказать, сосудъ, наполненный всякою мерзостью. Отъ такого человѣка, какъ бы высоко ни стоялъ онъ, на самомъ дѣлѣ, по своему умственному и нравственному развитію, какъ бы онъ горячо ни любилъ свой народъ, какъ бы мужественно ни отстаивалъ его права и независимость, терпя политическое гоненіе, судебное преслѣдованіе и пытку тюремнаго заключенія,—приверженецъ украинофильской партіи не ждетъ ничего хорошаго. Онъ не допускаетъ въ немъ, въ москвофилѣ, ни любви къ народу, ни искреннихъ политическихъ убѣжденій, ни честнаго дѣйствія. Говоря это, мы не шутимъ и не смѣемся надъ читателемъ; мы сообщаемъ ему лишь то, что часто слышали, что не разъ читали. Да вотъ какъ отзывается о галицкихъ москвофилахъ одинъ изъ нашихъ кievскихъ корреспондентовъ, считающій настоящими галичанами только представителей и приверженцевъ украинофильской партіи. . . «Москвофилы, это—тѣ, которые выслали орду униатскихъ священниковъ для обращенія люблинскихъ униатовъ въ православіе; это—люди, которые выдѣлили изъ себя тѣхъ педагоговъ, которые понадаются у насъ на святой Руси; это—люди, которые могутъ поставить дѣятелей для Ташкента, Кавказа, Закаспійской Области и всякой другой провинціи русскаго государства; это—люди,.... которые уже поставили нѣсколько человѣкъ, слѣдившихъ въ Австріи вообще, и въ Галиціи въ частности, за русскими нигилистами; это—люди, которыхъ плѣняетъ идеаль принадлежности къ великому государству, въ которомъ, если бы они тѣмъ или другимъ путемъ къ нему присоединились, они бы явились поставщиками тѣхъ бюрократовъ и чиновниковъ, которые на все готовы; это—люди, у которыхъ нѣтъ никакихъ социальныхъ и политическихъ убѣжденій, кромѣ тѣхъ, которыя вытекаютъ изъ нынѣшняго строя и нынѣшняго положенія нашего отечества»...

Всякій понимаетъ, что эти жесткія слова относительно той части галицкихъ русскихъ, которая относится съ любовью къ Россіи и ищетъ сближенія съ нашимъ народомъ и государствомъ, внушены автору письма духомъ партіи и что ихъ, во всякомъ случаѣ, не диктовало безпристрастіе. Трудно даже а priori допустить, чтобы люди, составляющіе притомъ же цвѣтъ мѣстной русской образо-

ванности, ученые, профессора, редакторы газетъ, выдающіеся члены духовенства обладали лишь нехорошими или несимпатичными свойствами, что только своекорыстные и жадные до жирныхъ мѣстъ и большихъ чиновъ люди могутъ чувствовать и сознавать потребность возможно-большей связи съ великимъ народомъ, съ которымъ ихъ родину разъединила исторія, и что настоящіе, честные и искренніе патриоты въ Галиціи не смѣютъ и думать о ближайшей связи съ нашимъ народомъ и государствомъ, исключая его мало-россійской окраины. Для тѣхъ же, кто знаетъ лично, какъ пишутъ эти строки, не одного изъ представителей этой «москвофильской» партіи въ Галиціи, кто видѣлъ ихъ и у себя въ Россіи, и на ихъ родинѣ, во всей обстановкѣ ихъ жизни и дѣятельности; кто видѣлъ ихъ горе, нужду, страданія, подчасъ безъисходныя, слѣдивъ за ихъ энергическою, неустанною борьбою съ врагами ихъ национальности,—для тѣхъ вся пристрастность отъѣзжа объ этихъ людяхъ въ письмѣ нашего уважаемаго корреспондента бросается въ глаза съ очевидною ясностью.

Какъ бы то ни было, а статья наша «Австрійскіе русскіе и львовскій процессъ» (Августъ, 1882 г.) статья, въ которой мы подняли голосъ въ защиту своихъ галиційскихъ современниковъ во имя справедливости и гуманности, произвела неблагоприятное впечатлѣніе въ Кіевѣ или, лучше, въ украинофильскихъ кружкахъ этого города. И къ автору статьи, и къ самому журналу были обращены упреки въ пристрастіи къ галиціямъ москвофиламъ, въ шовинизмъ (!), въ поднятіи вопросовъ, которые не входятъ «въ компетенцію русской печати» и, само собою разумѣется, въ недостаточномъ знакомствѣ съ дѣломъ. Упреки эти шли, правда, отъ людей, не враждебно относящихся вообще къ нашей публицистической дѣятельности, исповѣдующихъ принципы широкаго либерализма и даже отъ лицъ, связанныхъ съ нами узами старой и вѣрнѣйшей дружбы. Но это-то обстоятельство и не позволяетъ намъ оставить обращенныя къ намъ упреки безъ вниманія. Въ нихъ много горечи, но много и искренности, и они возбуждены не злобою противъ насъ, а довѣріемъ къ намъ и уваженіемъ къ нашей скромной дѣятельности. Къ тому же, какъ ни странно они въ данномъ случаѣ, но они поднимаютъ, въ сущности, вопросы важные, заслуживающіе внимательнаго разсмотрѣнія, такіе вопросы, въ которыхъ между образованными людьми должно быть возможно меньше разно-

гласія, и недоумѣнія въ которыхъ нерѣдко сопровождаются при-скорбными для національной жизни послѣдствіями.

Намъ ставятъ въ вину, что мы выразили сочувствіе къ людямъ, гонимымъ за то, что они любятъ наше отечество и видятъ въ немъ оплотъ своего національнаго существованія среди враждебныхъ народностей. Намъ ставятъ въ вину, слѣдовательно, чувства самыя естественныя, самыя невольныя! Противники наши хотѣли бы, чтобы этихъ людей, которые насъ любятъ, на насъ надѣются, отъ насъ однихъ ждутъ поддержки въ своей борьбѣ за существованіе, чтобы этихъ людей мы ненавидѣли, чтобы отъ нихъ мы отворачивались! На насъ недовольны за то, что мы этимъ преданнымъ намъ людямъ не предпочитаемъ въ Галиціи тѣхъ, которые насъ не любятъ, которые отъ насъ отрешиваются, которые готовы, пожалуй, соединиться противъ насъ съ нашими общими врагами, нѣмцами и поляками. До чего же мы дожили, коль скоро въ средѣ насъ самихъ стали возможны такія неестественныя обвиненія и такія противоестественныя желанія? Неужели гнетущія наше гражданское развитіе обстоятельства уже начинаютъ разлагать государственный смыслъ въ нашемъ образованномъ обществѣ, по крайней мѣрѣ, на его окраинахъ? Неужели Россія уже перестаетъ считаться на этихъ окраинахъ общимъ нашимъ отечествомъ, любовь къ которому должна быть выше всякихъ провинціальныхъ привязанностей, должна стоять внѣ всякихъ счетовъ партій, какъ бы онѣ ни назывались—москвофилскими, украинофильскими, славянофильскими, либеральными, консервативными, прогрессивными и даже бюрократическими? Неужто и въ самомъ дѣлѣ началось уже наше національное и государственное разлѣченіе?

Ничего нѣтъ мудреннаго, если уже и началось при тѣхъ трагическихъ условіяхъ, въ какихъ теперь движется наше политическое существованіе, существованіе безъ вѣры, безъ надежды, безъ радости. Печальные симптомы множатся, въ настроеніи общества обнаруживаются явленія, до сихъ поръ небывалыя. Все говоритъ о томъ, что равнодушіе къ нашему общественному благу, къ національной чести, къ государственному достоинству едѣла въ послѣднее время огромные уснѣхи. До насъ доходятъ слухи, которые могли бы быть названы ужасающими, еслибы мы такъ не привыкли къ ужасающимъ слухамъ и даже явленіямъ.

Но мы были бы, по всей вѣроятности, несправедливы, еслибы

стали объяснять возраженія и упреки, сдѣланные намъ изъ Кіева по вопросу о галицкихъ русскихъ, недостаткомъ патріотизма въ нашихъ противникахъ. Для нашихъ антагонистовъ благо Россіи, слѣдуетъ думать, не менѣе дорого, чѣмъ и для насъ самихъ; они только иначе понимаютъ его условія и смотрятъ на отношенія Россіи къ Галиціи не съ общей государственной, а съ своей мѣстной, провинціальной и притомъ партійной точки зрѣнія. По ихъ мнѣнію, мы, великороссы, можемъ оставить галицкихъ русскихъ или, какъ они ихъ называютъ, русиновъ въ покоѣ; они думаютъ, что имѣтъ дѣло съ ними надлежитъ лишь имъ, малороссамъ, украинцамъ. Они убѣждены, что наше вниманіе, въ которомъ такъ или иначе звучитъ струна нашей государственности, не можетъ послужить галичанамъ на пользу, что оно вызываетъ среди нихъ только раздоры и отягощаетъ ихъ положеніе возбужденіемъ національныхъ страстей среди поляковъ и подозрительности въ австрійскомъ правительствѣ. Они думаютъ, что для галичанъ лучше и полезнѣе ограничиться связями съ Малороссіей, примкнуть къ ея литературному и народному движенію, не думая о политическомъ единеніи съ русскимъ государствомъ, и что взаимныхъ усилій приднѣпровской и прикарпатской Руси достаточно для того, чтобъ отстоять въ Галиціи малорусскую народность въ борьбѣ ея съ польскими притязаніями и доставить этой народности блага спокойнаго и довольнаго, экономическаго и общественнаго, существованія. Разсуждая такимъ образомъ, они, — какъ это вообще бываетъ съ приверженцами узко-народныхъ или провинціальныхъ воззрѣній, — считаютъ всякое разногласіе съ ними за кровную обиду, за какое-то свѣ отатство, за неуваженіе самыхъ священныхъ правъ челоуѣчества. Отсюда ихъ ненависть къ такъ-называемымъ москвофиламъ въ Галиціи и недовольство нами, которые отвѣчаютъ взаимностью на обращенныя къ намъ симпатіи ненавистной украинофиламъ партіи.

Вопросъ, слѣдовательно, въ томъ, что наши кіевскіе антагонисты, стоя не на государственной, а на мѣстной и узко-народной точкѣ зрѣнія, предпочитаютъ независимое развитіе малороссійской народности, и дома и въ Галиціи, тяжелой опекой русскаго государства, безъ нужды подавляющей ихъ мѣстныя и дорогія для нихъ особенности. Значитъ, еслибы это государство шло по пути правильнаго развитія, если бы его внутренняя политика была осно-

вана на духъ свободы, на уваженіи къ мѣстнымъ особенностямъ, еслибы она давала просторъ развитію здоровыхъ, какъ индивидуальныхъ, такъ и общественныхъ стремленій, тогда, по всей вѣроятности, и отношеніе къ ней значительной части представителей малороссійской народности было бы другое; тогда кіевскіе украинофилы, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые отлично понимаютъ невозможность полнаго политическаго отдѣленія Малороссіи отъ русскаго государства, пока существуетъ это послѣднее, быть можетъ, даже содѣйствовали бы политическому воссоединенію Галиціи съ Россіей, а не смотрѣли бы на такую перспективу съ ужасомъ; тогда московфильская партія въ Галиціи не возбуждала бы въ нихъ столь глубокой антипатіи, и они не могли бы ни оспаривать законности ея существованія, ни считать ее враждебною наиболѣе жизненнымъ интересамъ своей народности.

Если это такъ, то мы понимаемъ, почему и въ нашей Украинѣ, и въ той, которая подвластна Австріи, есть люди, отвергающіе для Галиціи пользу всякаго сближенія съ «Москвою», т. е. съ русскимъ государствомъ, преслѣдующіе приверженцевъ этого сближенія своей ненавистью и считающіе себя въ правѣ обращаться къ намъ, какъ къ представителямъ либеральнаго принципа, съ упреками за поддержку ненавистныхъ имъ стремленій въ средѣ одной изъ партій въ русской Галиціи. Мы даже готовы видѣть въ исходной точкѣ нашихъ украинофиловъ, въ желаніи отстоять елико возможно основы своей народности, оправданіе ихъ нерасположенія къ русской государственной идеѣ и къ нашимъ объединительнымъ стремленіямъ. Но мы все-таки находимъ, что они, защитники украинофильской тенденціи, находятся на ложной дорогѣ и сильно ошибаются, если думаютъ, что они могутъ достигнуть вообще обезпеченія благоденствія малороссійской народности безъ крѣпкой связи ея съ цѣлой Россіей, безъ солидарности съ ея государственными интересами, безъ ея народной и государственной помощи.

Мы допускаемъ, что настоящее состояніе нашего государства весьма далеко отъ того, чтобы оно могло дѣйствовать привлекательно на сосѣднія и родственныя намъ славянскія народности. Мы понимаемъ, что господство грубыхъ, ретроградныхъ и бюрократическо-полицейскихъ идеаловъ въ состояніи не только оттолкнуть отъ насъ всякаго, кто думалъ прежде искать въ союзѣ и сближеніи съ Россіей опоры для своего національнаго существованія, но

и привести къ разложенію тѣ элементы, изъ которыхъ до сихъ поръ состояло само русское государство. Но такое положеніе Россіи слишкомъ не нормально, чтобъ оно могло считаться законнымъ и быть продолжительнымъ. Выходъ изъ такого неественнаго состоянія необходимъ и придетъ самъ собою. Какъ ни мрачнымъ представляется многимъ изъ насъ наше ближайшее будущее, но все-таки въ глубинѣ души мы вѣримъ и надѣемся, что настоящій государственный кризисъ минуетъ и настанутъ времена лучшія. Во всякомъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о государствѣ или народѣ, то нельзя судить о ходѣ его развитія по одному моменту и притомъ моменту, наступившему для всѣхъ неожиданно. Если же это такъ, т. е., если наше государство непременно вступить на путь болѣе правильнаго развитія, то неизбѣжно въ такомъ случаѣ, что отношеніе его къ мѣстнымъ правамъ и обязанностямъ будетъ другое. Россія страдаетъ отъ чрезмѣрной централизаціи и бюрократическаго управленія; слѣдовательно, при малѣйшей переимѣнѣ къ лучшему, однимъ изъ первыхъ шаговъ ея будетъ предоставленіе большаго прѣстора мѣстной жизни и усиленіе самоуправленія. Возможно широкая автономія отдѣльныхъ частей, народное самоуправленіе—это принципы, безъ которыхъ въ настоящее время невозможно здоровое развитіе государства, невозможно благосостояніе и довольство населенія. Кромѣ небольшой горсти заклятыхъ бюрократовъ и потерявшихъ не только стыдъ, но и разумъ публицистовъ, все русское общество, можно сказать даже — весь русскій народъ требуетъ развитія автономическаго начала, требуетъ облегченія отъ бюрократической опеки и расширенія, по крайней мѣрѣ, мѣстнаго самоуправления. Малороссія находится въ томъ же положеніи, какъ и Великороссія: и тутъ, и тамъ одинако чувствуется тяжесть существующаго строя и одинаково желаніе лучшаго. Придетъ время, и русское государство перестанетъ быть пугаломъ для тѣхъ, кто знакомъ со сколько-нибудь сносными условіями политическаго существованія, и въ немъ будетъ данъ просторъ всякому честному, какъ индивидуальному, такъ и общественному стремленію. Какъ же тогда должны будутъ вести себя люди, считавшіе врагами своей народности какъ тѣхъ, кто, принадлежа къ этой самой народности, относился къ Россіи съ любовью и упованіемъ, такъ и тѣхъ, кто, какъ мы напр., платили преданнымъ нашей странѣ галицкимъ русскимъ взаимною любовью, утѣшеніемъ и сочувствіемъ? Или при-

верженцы узко-народной теоріи среди нашихъ малороссовъ и тогда будутъ заставлятъ своихъ галицкихъ соплеменниковъ дичиться Россіи, предоставляя имъ лучше погибнуть въ непосильной борьбѣ съ поляками, чѣмъ вступить въ дѣятельную связь съ Россіей, гдѣ малороссійская народность также обезпечена въ свободномъ развитіи, какъ и великороссійская? Или они, наконецъ, смотрятъ на будущность Россіи съ ничѣмъ непобѣдимымъ недовѣріемъ?

Говоря откровенно, въ такъ-называемыхъ украинофилахъ, изъ которыхъ немалое количество намъ знакомо лично и близко, мы всегда находили большое отсутствіе политической сообразительности. Мы никогда въ нихъ не замѣчали ни твердо опредѣленныхъ стремленій, ни яснаго сознанія средствъ, какими они рассчитываютъ достигнуть осуществленія своихъ (также мало опредѣленныхъ) цѣлей. На вопросъ: чего они хотятъ?—только самые необдуманые изъ нихъ высказываются въ томъ смыслѣ, что они не желаютъ имѣть съ нами, т. е. съ русскимъ государствомъ, ничего общаго; всѣ же, разсуждающіе по обыкновеннымъ правиламъ человѣческой логики, сознаются, что Малороссія не можетъ жить вполне самостоятельно отъ остальной Россіи политической жизнью, что для этого нѣтъ ни малѣйшихъ условій ни этнографическихъ, ни географическихъ, ни историческихъ, ни религіозныхъ, ни, тѣмъ болѣе, политическихъ. Если же это такъ, то само собой слѣдуетъ, что одинъ и тотъ же интересъ какъ великорусской, такъ и малорусской «интеллигенціи»—хлопотать всѣми силами о томъ, чтобы наше общее (и притомъ совершенно одинаково общее) государство стремилось къ прогрессу въ жизни политической, экономической, литературной, научной, художественной и т. д. Между тѣмъ, вся забота украинофиловъ, какъ политической партіи, направлена не къ тому, чтобы дѣйствовать съ нами вмѣстѣ соединенными усиліями на пользу общихъ потребностей отечества, а къ тому, чтобы какъ можно больше обособить южно-русскую народность (допуская, что есть такая народность) отъ великорусской, отдѣлить ее отъ насъ и языкомъ, и литературой, и нравами, и обычаями. Такое стремленіе партіи, противное требованіямъ истинной культуры, которая ведетъ къ сближенію, а не къ раздѣленію отдѣльныхъ народовъ и тѣмъ болѣе частей одного и того же народа, стремленіе, не встрѣчающее, вдобавокъ, никакой поддержки въ массѣ малороссійскаго населенія, ясное дѣло, должно было встрѣтить противодѣйствіе не только въ госу-

дарственной власти, но и еще болѣе въ самомъ русскомъ обществѣ. И дѣйствительно, русское общество не только великорусскихъ мѣстностей, но и самой Малороссіи, знать не хочетъ объ украинофильствѣ, какъ политической партіи, и никогда не допуститъ, чтобы эта партія приобрѣла какое-нибудь значеніе. Да и какъ допустить развитіе партіи, старающейся искусственно раздуть вражду или, по крайней мѣрѣ, раздвоеніе между двумя видами одной и той же народности, у которыхъ все общее — и языкъ, и вѣра, и происхожденіе, и земля, и исторія? Почему же тогда не появиться у насъ какой-нибудь новгородской партіи, которая также бы потянула въ особую сторону отъ условій общерусской жизни; какой-нибудь казанской партіи, которая тоже захотѣла бы развить русско-татарско-черемисскія особенности въ нашей національной жизни, не говоря уже о партіяхъ сибирской, кавказской, туркестанской и т. п., изъ которыхъ каждая захочетъ настаивать на возможно большей эманципации своихъ мѣстностей отъ солидарности съ общою жизнью русскаго государства?.. Если же не только русская государственная власть, въ какихъ бы рукахъ она ни находилась, но и русское общество неизбѣжно обнаружитъ рѣшительное противодѣйствіе всякому искусственному раздвоенію націи, то какими средствами украинофильская партія осуществить свою программу? Быть можетъ, въ союзѣ съ поляками? Быть можетъ, въ союзѣ съ австрійскими или прусскими нѣмцами? Есть мечтатели, которые не отступаютъ и предъ такой комбинаціей, но имъ Богъ простить: не вѣдать бо, что творять.

Вопросъ, о которомъ мы теперь бесѣдуемъ съ читателями, чрезвычайно щекотливъ и настолько запутанъ, что, высказавши ту или другую мысль, нужно постоянно оговариваться, чтобы не вызвать недоразумѣнія. Мы только-что говорили о близкомъ, можетъ быть, наступленіи времени, когда каждая русская мѣстность получитъ возможность развить свои матеріальныя и духовныя силы, и когда будетъ данъ весь необходимый просторъ здоровымъ общественнымъ силамъ и стремленіямъ, а теперь мы и слышать не хотимъ о томъ, чтобы украинофильская партія вела свою пропаганду, не встрѣчая противодѣйствія со стороны русскаго общества. Но въ этомъ нѣтъ никакого противорѣчія. Всякая мѣстность имѣетъ, по нашему мнѣнію, право жить своею внутреннею жизнью, развивать свои силы и условія своего благосостоянія, матеріальнаго и нравственнаго.

Имѣеть это право и Малороссія. Ни одинъ образованный человѣкъ не станетъ спорить, что малороссъ такъ же, какъ и великороссъ, можетъ говорить на какомъ угодно языкѣ, пѣть свои или чужія пѣсни, разрабатывать свою музыку, свое нарѣчіе, народный бытъ, письменность и, коли угодно, литературу, если допустить, что малороссійская литература существуетъ и способна къ развитію; но нельзя, напримѣръ, допустить, чтобы мѣстный говоръ бралъ на себя роль языка государственнаго, чтобы въ школахъ, содержимыхъ государствомъ или обществомъ, въ которыхъ зачастую трудно отличить малорусскіе элементы отъ великорусскихъ, языкъ всѣмъ доступный, всѣмъ понятный, языкъ общерусскій, языкъ, обработанный и научно, и литературно, и общественно, уступилъ свою роль одному изъ мѣстныхъ нарѣчій, употребляемому исключительно простолюдинами, не обработанному ни для научнаго, ни для литературнаго, ни для общественнаго употребленія, уступилъ единственно въ угоду малочисленной партіи, именующей себя украинофильскою, и въ противность всѣмъ интересамъ государственнымъ и общественнымъ. Правда, въ нашей журнальной литературѣ не рѣдкость встрѣтить голоса, относящіеся съ сочувствіемъ къ такому противогосударственному и противообщественному стремленію. Но это или голоса людей, никогда не думавшихъ серьезно о политическихъ вопросахъ и въ данномъ случаѣ лишенныхъ всякой компетентности; или голоса лицъ, хотя, быть можетъ, и развитыхъ политически, но способныхъ все принести въ жертву предвзятой теоріи. Однако ни одно государство въ мірѣ, древнемъ и новомъ, не уступало правъ исторически сложившагося государственнаго, тѣмъ болѣе, общенароднаго языка въ пользу какого-либо мѣстнаго нарѣчія того же самаго языка. Мы могли бы въ данномъ случаѣ сослаться на древній Римъ, на нынѣшнюю Италію, Германію, Францію, Англію, на всякое другое, существующее на землѣ, государство, еслибы вообще нужно было доказывать, что школьное обученіе должно вестись не на мѣстномъ нарѣчій, а на языкѣ государства и литературы, служащей представительницей всего народа, а не части его ¹⁾. Только совершенно особая, исторически

¹⁾ Прекрасныя мысли высказаны на этотъ счетъ въ педагогической книгѣ «Народной Школы» за сентябрь текущаго года.

сложившаяся и обладающая своей независимой литературой національность, входя въ составъ другого государства, имѣетъ право требовать, чтобъ ея языкъ не былъ вытѣсненъ изъ школьнаго, административнаго и судебнаго употребленія, а никакъ не разнообразность одной и той же національности. Необходимо при этомъ замѣтить, что русскій литературный языкъ, языкъ школы и государственныхъ отправленій, какъ это не разъ указывалось и галицкими писателями, не есть великорусское нарѣчіе, а общерусскій языкъ, въ образованіи котораго малорусскій народъ и малорусскіе писатели участвовали едва ли менѣе, чѣмъ великорусскій народъ и его писатели. Одна кіевская духовная академія, насчитывающая три столѣтія существованія и служившая въ XVII-омъ вѣкѣ и до половины прошлаго столѣтія единственнымъ источникомъ высшаго образованія въ Россіи, можетъ быть сильнымъ ручательствомъ въ истинѣ только-что высказаннаго положенія. Съ другой стороны, если допустить въ школу мѣстное нарѣчіе южной и югозападной Россіи, то отчего не допустить въ сѣверозападномъ крайѣ, для таковаго же употребленія, нарѣчіе бѣлорусское? Отчего не заставить преподавателей, положимъ, въ витебскихъ народныхъ школахъ или въ гимназій дзятать и цяятать сообразно особенностямъ мѣстнаго нарѣчія? Это, скажутъ, былъ бы абсурдъ. Конечно, абсурдъ; но такой же абсурдъ — и употребленіе въ преподаваніи словъ съ малороссійскимъ отгѣнкомъ и произношеніемъ, напр. въ южныхъ губерніяхъ. Онъ неизбѣженъ, коль скоро разъ будетъ признано, что роль государственнаго языка можетъ быть уступлена мѣстному простонародному нарѣчію, многимъ, къ тому же, въ той мѣстности незнакому. Но вопросъ объ языкѣ стоить болѣе внимательнаго и особаго разсужденія, а потому мы, не останавливаясь на немъ, пойдемъ далѣе.

Мы свазали, что въ стремленіяхъ украинофильской партіи замѣтно явное отсутствіе политическаго смысла, что у нея недостаточно ясны ни самыя стремленія, ни средства, какими она надѣется достигнуть своихъ цѣлей. Но этого никакъ нельзя сказать о тѣхъ галичаныхъ, къ которымъ какъ наши украинофилы, такъ и галицкіе, относятся съ такою непріязненностію и которыхъ они называютъ москвофилами. Какія бы вины ни ввозили на этихъ галицкихъ москвофиловъ ихъ противники во Львовѣ и въ Кіевѣ, сколько бы они ихъ ни обвиняли въ приверженности къ абсолю-

тизму, въ пренебреженіи къ своему народу, въ своекорыстныхъ стремленіяхъ,—не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ кружокъ образованныхъ людей, состоящій изъ ученыхъ, учителей, адвокатовъ, журналистовъ и наиболѣе просвѣщенныхъ членовъ духовенства, и смотрящій на Россію, какъ на единственно вѣрный якорь спасенія для галицкой Руси, обладаетъ несомнѣннымъ политическимъ смысломъ и проницательностью. Вида въ Россіи, въ единеніи съ русскимъ народомъ, въ русскомъ государствѣ единственную силу, которая можетъ доставить торжество малорусской народности въ борьбѣ съ польскими притязаніями какъ въ самой Россіи, такъ и въ Галиціи, они, въ интересахъ спасенія своей національности, признаютъ эту силу такъ, какъ она есть, со всѣми ея достоинствами и недостатками, съ ея устройствомъ, какъ настоящимъ, такъ и будущимъ. Ихъ упрекаютъ въ готовности служить абсолютизму и бюрократическому режиму нынѣшней Россіи, но они этимъ не смущаются, превосходно понимая, что интересы сохраненія національнаго бытія выше всякихъ разсужденій о формѣ правленія, которая можетъ мѣняться, быть сегодня такою, завтра другою, тогда какъ нація съ своими жизненными потребностями остается и, прежде всего, требуетъ самосохраненія. Гдѣ разбирать формы правленія людямъ, которымъ враждебная ихъ народности сила наступила на горло и готова примириться съ ними не иначе, какъ на условіи ихъ отреченія отъ всѣхъ преданій, отъ вѣры, отъ исторіи?—«Возьмите насъ къ себѣ, обратите хоть въ крѣпостные у себя дома, но только вырвите насъ изъ польскихъ когтей»—говорили намъ, 17 лѣтъ тому назадъ, во Львовѣ со слезами на глазахъ нѣкоторые тамошніе русскіе, люди честные и уважаемые въ своемъ обществѣ. И этихъ-то людей, такъ глубоко чувствующихъ страданія своей родины, такъ-называемые украинофилы думаютъ смутить тѣмъ, что они не увлекаются австрійскимъ конституціонализмомъ, не приносящимъ ихъ народу ничего, кромѣ новаго притѣсненія и униженія! Что имъ въ конституціи, при которой они отданы болѣе, чѣмъ когда нибудь, на жертву польской шляхтѣ съ іезуитами? Какой толкъ имъ въ этой конституціи, которая только усилила власть надъ ними исконныхъ враговъ ихъ національности, и при которой ихъ трехъмилліонный народъ едва могъ провести въ рейхсратъ трехъ представителей, не доставивши себѣ въ то же время сколько-нибудь почетнаго мѣста и во львовскомъ сеймѣ, гдѣ поляки господствуютъ

какъ полные хозяева? Правда, конституція своей буквой обезпечиваетъ свободу печати и свободу совѣсти, величайшія и настоятельнѣйшія потребности современнаго человѣчества; но заключеніе въ тюрьму наиболѣе выдающихся членовъ русско-галицкаго общества и львовскій процессъ, въ которомъ ставилось подсудимымъ въ государственное преступленіе ихъ сочувствіе православію и употребленіе оборотовъ общерусскаго литературнаго языка, показали, что для нихъ, для галицкихъ русскихъ, австрійская конституція ровно ничего не обезпечиваетъ.

Читатель видитъ, почему мы отдаемъ предпочтеніе той партіи въ Галиціи, которая, на языкѣ ея противниковъ, называется московфильскою, а не той, которая называется и тамъ, и у насъ украинофильскою, и къ которой обращены всѣ симпатіи какъ нашихъ кievскихъ корреспондентовъ, такъ и газеты «Заря», стоящей, повидимому, близко къ украинофильскому лагерю. И корреспондентъ, изъ письма котораго мы раньше сдѣлали выписку, и означенная газета упрекаютъ насъ, за такое отношеніе къ дѣлу, между прочимъ, въ солидарности съ московскими славянофилами и съ такъ-называемыми «охранителями». По ихъ мнѣнію, разсуждать такъ, какъ мы разсуждаемъ, съ государственной и патриотической точки зрѣнія, могутъ только славянофилы, ретрограды и консерваторы. Авторъ статьи въ газетѣ «Заря» доводитъ свою неосмотрительность въ утвержденіяхъ и выраженіяхъ даже до того, что считаетъ возможнымъ заявить, будто мы въ своей статьѣ «Австрійскіе русскіе и львовскій процессъ» заимствовали «данныя и выводы свои изъ стараго багажа нашихъ охранителей-централистовъ», между тѣмъ, какъ всякій, кто читалъ нашу статью, знаетъ, что приведенныя въ ней данныя двухъ родовъ: одни состоятъ изъ нашихъ личныхъ наблюденій надъ положеніемъ Галиціи и взаимнымъ отношеніемъ партій среди тамошняго русскаго населенія, равно какъ и изъ заявленій, устныхъ и письменныхъ, самихъ представителей тамошней русской народности; а другія принадлежатъ обвинительному акту и ходу судебного процесса. Никакихъ другихъ данныхъ, тѣмъ болѣе «заимствованныхъ изъ стараго багажа», въ статьѣ нѣтъ, какъ нѣтъ и выводовъ, заимствованныхъ изъ того же источника. Нашимъ кievскимъ антагонистамъ просто непонятно, какимъ образомъ люди, истинно либеральные, могутъ не раздѣлять стремленій украинофильской, или, какъ они себя теперь часто на-

зываютъ, «народной» партіи, и рѣшительно не одобрять ихъ крайне пристрастнаго отношенія къ разнымъ направленіямъ въ галицкой русской «интеллигенціи». Для такъ называемыхъ «святоюрцевъ» и «москвофиловъ» у нихъ нѣтъ ничего, кромѣ холодности, пренебреженія и даже презрѣнія, такъ какъ эти люди стояли и стоятъ за общность одного литературнаго языка для всего русскаго племени и смотреть на Россію съ уваженіемъ и надеждою; хороши для нихъ въ Галиціи только тѣ «народники», которые по недалекости своей, а не по любви къ родинѣ, отрешиваются, какъ отъ пугала, и отъ Россіи, и отъ общаго литературнаго языка. Стоя на такой узкой, провинціальной и совсѣмъ не государственной точкѣ зрѣнія, наши кіевскіе возражатели хотѣли бы, чтобы и мы смотрѣли на дѣло такимъ же пристрастнымъ, неосновательнымъ и поверхностнымъ взглядомъ. Имъ, конечно, не трудно найти себѣ поддержку въ нѣкоторыхъ представителяхъ петербургской и московской либеральной печати; они и указываютъ въ «Зарѣ» на одного виднаго петербургскаго литератора, какъ на лицо, имъ сочувствующее. Ну, что же? Такихъ отдѣльныхъ лицъ они могутъ набрать себѣ въ союзники, пожалуй, еще съ полдесятка; но никогда они не будутъ имѣть на своей сторонѣ русскаго образованнаго общества и — что всего должно быть для нихъ досаднѣе — своего собственнаго народа. Автору этихъ строкъ, жившему многіе годы въ Кіевѣ, хорошо извѣстно, что малороссійскій народъ совсѣмъ не расположенъ учиться грамотѣ по книжкамъ малороссійскаго или, какъ самъ онъ выражается, мужицкаго нарѣчія. Знаніемъ грамоты онъ называетъ умѣнье читать и понимать то, что читаютъ въ церкви, умѣнье читать и понимать царскіе указы, знаніе языка, на которомъ говорятъ вообще не мужики, а люди письменные, образованные. Да и галицкихъ простолюдиновъ, составляющихъ одинъ народъ съ нашимъ украинскимъ, трудно соблазнить союзомъ съ предводителями украинофильскаго движенія въ Кіевѣ. Ненавиднѣе этимъ проповѣдникамъ какой-то малороссійской культуры, или, по недавнему выраженію г. Кулиша, гайдамацкой философіи, москвофилы въ Галиціи хорошо понимаютъ, что какой-нибудь подольскій губернаторъ, представитель русскаго правительства близъ австрійской границы, имѣетъ въ глазахъ населенія восточной Галиціи во сто разъ болѣе значенія, чѣмъ самый первый кумирь украинофильской партіи въ Кіевѣ, который, какъ таковой,

не представляетъ для народа рѣшительно никакой величины и не имѣетъ для него никакого обаянія. Въ подольскомъ губернаторѣ русско-галицкій народъ видитъ до нѣкоторой степени олицетвореніе могущества родственнаго ему народа, силы великаго государства; а что онъ видитъ въ какомъ нибудь кievскомъ народникѣ, который изъ силъ вонъ выбивается, чтобъ заставить малороссійскаго мужика читать книжицы, написанныя такимъ украинскимъ языкомъ, котораго толкомъ не понимаютъ и письменнѣйшіе изъ малороссовъ?

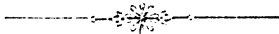
Вообще говоря, мы не знаемъ на свѣтѣ ни одной политической партіи, которая была бы болѣе искусственна и беспочвенна, чѣмъ партія украинофильская. По нашему мнѣнію, она не имѣетъ никакой будущности и не въ состояніи выдержать, — въ своемъ стремленіи обособить малороссійскій народъ, противопоставить его цѣлому русскому организму, какъ нѣчто самостоятельное по культурѣ, — ни малѣйшаго столкновенія съ жизнью. Если суждено Галиціи вступить въ тѣсную связь съ закордонною Русью, то это будетъ не въ силу стремленій украинофильской партіи, а въ силу притяженія, какое обнаруживаетъ на нее русское государство, единственная сила, которая можетъ прикрыть и защитить оторванную отъ насъ и изнывающую подъ игомъ чужеземной власти вѣтвь русскаго племени. Сознаніе существованія этой спасительной силы составляетъ для русскаго населенія восточной Галиціи наибольшій залогъ его національной будущности. Оттого-то польская шляхта, іезуитство и австрійская государственная власть употребляли и употребляютъ всѣ усилія, чтобы выбить изъ головы у галицкихъ мужиковъ сознаніе кровнаго родства съ великимъ сосѣднимъ народомъ, и оттого-то вся эта враждебная русскому имени армія такъ равнодушно, а иногда и сочувственно, относится къ проискамъ украинофиловъ, понимая, что съ этой стороны не можетъ быть никакого серьезнаго вліянія на русинскій народъ. Ослабѣи наша государственная мощь—это немедленно отразится отягченіемъ участи нашихъ иноземныхъ братьевъ, среди окружающихъ ихъ недруговъ, пониженіемъ ихъ энергіи въ борьбѣ за свое народное достоиніе, болѣе смѣлыми приемами и польскаго панства и іезуитства къ ихъ духовному порабощенію, къ ихъ національному обезличенію. Извѣстно, какъ во Львовѣ отражались перипетіи послѣдней нашей войны съ турками: всякая наша побѣда заставляла

гордо держать головы русское населеніе и чувствовалась имъ, какъ бы побѣда его самого надъ поляками; всякая наша неудача понижала настроеніе этого населенія и придавала торжествующій видъ его недругамъ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ галицкой Руси существуетъ тяготѣніе къ Россіи (не къ Украинѣ), котораго не парализовать никакимъ крайнофильскимъ усиліемъ.

Мы не защитники войны, мы самые рѣшительные ея противники. Но отъ нашихъ чувствъ и желаній очень мало зависитъ или, лучше, и вовсе не зависитъ предотвратить ее, когда она, по ходу вещей, сдѣляется необходимою. Если такая война когда-нибудь возникнетъ (а въ наше время всего можно ожидать) между Россіей и Австріей, тогда галиційскій вопросъ выступитъ на сцену въ самой грозной реальности. Побѣдить Россія, Австрія должна будетъ проститься съ Галиціей и русскую границу на нашемъ юго-западѣ обозначать Карпаты. Побѣдить Австрія, русская народность въ Галиціи будетъ пришиблена окончательно, да, вдобавокъ къ тому, судьбу ея принуждены будутъ раздѣлить также Подолия и Волинь, которыхъ побѣдители уже заранѣе грозятъ не оставить въ нашемъ владѣніи. Само собою разумѣется, что это былъ бы ударъ, нанесенный въ сердце всей Россіи, которая не только перестала бы считаться великою державой, но и была бы недалеко отъ того, чтобы быть вычеркнутою изъ числа державъ европейскіихъ. Итакъ, вотъ что значить Галиція для русскаго государства и русское государство для Галиціи! Обладаніе ею обезпечиваетъ будущее нашего государства и торжество въ ней русской народности на многія столѣтія; рѣшительное же закрѣпощеніе ея, въ исходѣ войны, за Австріей, можетъ быть лишь соединено съ уменьшеніемъ границъ русскаго государства, съ конечнымъ сокрушеніемъ въ Европѣ русскаго могущества и съ поглощеніемъ беззащитной русской народности въ Червонной Руси польскою. И въ виду такой-то дилеммы, гдѣ рѣчь идетъ о судьбахъ русскаго государства, всего русскаго племени, приверженцы крайнофильской теории говорятъ, что намъ нѣтъ никакихъ поводовъ заниматься галиційскимъ вопросомъ, а все, что касается прикарпатской Руси, должно быть сдано на руки имъ, господамъ крайнофиламъ! Видано-ли на свѣтѣ что-либо болѣе наивное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе притязательное въ политической партіи?

На этомъ мы пока останавливаемся, хотя и сознаемъ, что во-

прось о притязаніяхъ украинофильства требуетъ болѣе подробнаго и обстоятельнаго обсужденія. Но это вопросъ очень щекотливый и не совсѣмъ удобный для оживленной полемики при данныхъ политическихъ условіяхъ. Мы и не затронули бы его, еслибы сочли себя въ правѣ оставить безъ всякаго отвѣта вызовъ, сдѣланный намъ изъ Кіева. Вызванные на эту бесѣду, мы сказали то, что составляетъ наше глубокое убѣжденіе и въ чемъ, мы увѣрены, съ нами не разойдутся и лучшіе представители русской образованности въ цѣлой Россіи. Любя свободу мнѣній, мы не перестанемъ относиться съ уваженіемъ къ почтеннымъ людямъ, философствующимъ о политикѣ съ своей провинціальной точки зрѣнія, но мы глубоко сожалѣли-бы, еслибъ такая точка зрѣнія получила какое-нибудь распространеніе въ нашей печати, особенно способной заступаться въ вопросахъ, гдѣ ясное пониманіе и твердое рѣшеніе представляются всего необходимѣе.

МИХАИЛЪ ДМИТРІЕВИЧЪ СКОБЕЛЕВЪ ¹⁾.

«Смерть Скобелева — истинное несчастье для Россіи». Такъ говорили и писали всѣ или почти всѣ русскіе граждане, принимающіе къ сердцу судьбу отечества, когда пронеслась печальная вѣсть о неожиданной кончинѣ славнаго полководца. Люди самыхъ разнородныхъ воззрѣній сходились на томъ, что злая судьба, неотвязно преслѣдующая Россію, нанесла ей новый ударъ, внезапно отнявъ у нея человѣка, на котораго возлагались большія надежды и имя котораго пользовалось обаяніемъ въ народныхъ массахъ. Скорбь была общая и искренняя. Чувствовалась какая-то убыль національной силы, чувствовалась потеря, въ настоящую минуту незамѣнимая. Тѣ, кто въ день смерти и похоронъ Скобелева находился въ Москвѣ, были свидѣтелями самыхъ трогательныхъ сценъ народнаго горя и истинно-величественной манифестаціи народнаго чувства, взволнованнаго тяжкою утратой; но и мы, находившіеся вдали отъ мѣста смерти героя Плевны и Геокъ-Теше, не могли не видѣть того угнетеннаго настроенія, какое вызвала эта смерть во всѣхъ слояхъ русскаго населенія. На торжественной панихидѣ, происходившей въ исакіевскомъ соборѣ 28 іюня, мы были свидѣтелями въ своемъ родѣ единственнаго зрѣлища: интеллигентная и, такъ сказать, отборная публика, почти исключительно наполнявшая величественный и обширнѣйшій храмъ русской столицы, когда раз-

---

¹⁾ „Наблюдатель“, Ноябрь, 1882 г.

дались печальные звуки молитвы «Со святыми упокой», опустилась на колѣни и молилась въ глубокомъ волненіи. Простой народъ, пораженный неожиданностью смерти лица, имя котораго, со времени послѣдней войны съ Турціей, сдѣлалось извѣстнымъ въ каждой русской деревнѣ, не хотѣлъ вѣрить, что эта смерть произошла естественно. Онъ видѣлъ въ ней руку тайныхъ враговъ Россіи и тѣмъ явно обнаруживалъ тревогу, какую въ душѣ его произвело печальное извѣстіе.

Быть можетъ, тревога есть именно то чувство, съ какимъ отнеслось къ смерти Скобелева и русское образованное общество. Какъ ни велико у насъ сознание внутреннихъ золъ, какъ ни подавлены мы видомъ нашего гражданскаго неурейства, какъ ни тяжело намъ живется у себя дома въ разныхъ отношеніяхъ, но съ нѣкотораго времени насъ стало тѣснить новое, дотолѣ невѣдомое намъ чувство, чувство недостатка внѣшней государственной безопасности. Не столько послѣ несчастной для насъ крымской войны, сколько послѣ «побѣдоносной» недавней войны съ Турціей, мы потеряли прежнюю самонадѣянность, потеряли чувство своей неуязвимости со стороны западныхъ сосѣдей. Всѣ мы не только считаемъ теперь возможною войну съ Германіей и Австріей, но и понимаемъ, что война эта потребуетъ отъ насъ величайшаго напряженія, и даже допускаемъ, что она можетъ кончиться для насъ неудачно. Мы видимъ, что сосѣди наши далеко опередили насъ не только формами гражданскаго быта, не только благоустройствомъ политическимъ, экономическимъ и финансовымъ, но и военными средствами, какъ то: устройствомъ на нашей границѣ сильныхъ крѣпостей, обильнымъ и усовершенствованнымъ вооруженіемъ, способностью къ быстрой мобилизаціи арміи и даже численностью войскъ, немедленно готовыхъ вступить въ борьбу съ непріателемъ. Наши военные писатели стали откровенно признаваться, что у насъ нѣтъ достаточныхъ средствъ, чтобы вести войну наступательную съ западными сосѣдами, что мы можемъ не безъ успѣха вести съ ними развѣ войну оборонительную, да и то защищаясь больше пространствомъ, чѣмъ крѣпостями и оружіемъ. Этого тяжелаго чувства и горькаго сознанія, пятнадцать—двадцать лѣтъ тому назадъ, у насъ не было. Крымская война свидѣтельствовала только о нашей гражданской и экономической отсталости, а не объ упадкѣ нашего военнаго могущества. Мы по прежнему оставались сильной

военной державой, съ которой нечего было и думать вступать въ борьбу политически - разстроенной Австріи или слабѣйшей изъ великихъ державъ, Пруссіи. Но съ того времени, какъ Австрія сдѣлалась свободнымъ государствомъ, а Пруссія, при нашей помощи, превратилась въ Германію, положеніе дѣла измѣнилось не въ нашу пользу. На нашей западной границѣ образовалась страшная военная сила, тѣмъ болѣе грозная, что государства, которымъ она принадлежитъ, находятся не въ соперничествѣ, какъ это было прежде, а въ тѣсной дружбѣ, значеніе которой можетъ обнаружиться главнымъ образомъ въ войнѣ съ нами. Основательно или нѣтъ, Скобелевъ считался единственнымъ знеромъ, который былъ страшенъ нашимъ врагамъ, настоящимъ и будущимъ; по крайней мѣрѣ, его военному гению наиболѣе довѣряло русское общество и онъ одинъ считался способнымъ вести наши войска къ вѣрной побѣдѣ. И вдругъ этого военного гения не стало! Понятна тревога.

Въ такомъ впечатлѣніи, произведенномъ смертью Скобелева на русское общество, сама собою сказала оцѣнка его значенія для родины. Думать, что только гений внезапно умершаго героя былъ способенъ предотвратить для насъ бѣдствія несчастной европейской войны; вѣрить, что только онъ одинъ могъ вести насъ въ этой войнѣ къ побѣдѣ — что еще требуется для признанія великихъ заслугъ и талантовъ въ военномъ человѣкѣ? Могъ ли самъ покойный ожидать себя болѣе оцѣнки и признанія среди своихъ соотечественниковъ? А русское общество несомнѣнно такъ думало и такъ вѣрило, или, по крайней мѣрѣ, было расположено такъ вѣрить, считал, какъ и онъ, войну съ западными сосѣдями неотвратимую послѣ колоссальныхъ промаховъ, надѣланныхъ нашею вышней политикой еще въ прошлое царствованіе. Общество наше осталось при своемъ взглядѣ на любимаго героя послѣдней балканской войны и послѣ видимаго увлеченія, какому онъ поддался въ своей рѣчи на обѣдѣ 12-го января въ Петербургѣ и затѣмъ въ обращеніи къ сербскимъ студентамъ въ Парижѣ. Увлеченія эти говорили только о недостаткѣ политической выдержки въ человѣкѣ, страдавшемъ жаждою дѣятельности и понимавшемъ необходимость поддержать хоть чѣмъ-нибудь бодрость духа въ обществѣ, которое, послѣ новыхъ и глубокихъ разочарованій, въ лицѣ однихъ начинало предаваться постыдному равнодушію, а въ лицѣ другихъ стало приходить въ зловѣщее отчаяніе. Если пишуцій эти строки, въ

свое время, нападавъ съ нѣкоторою живостью на эти увлеченія, то во-первыхъ, потому, что они энергически поддерживались и даже прославлялись у насъ партіей, гибельное вліаніе которой на наши дѣла было въ то время очевидно; а во-вторыхъ, потому, что не было для насъ ничего болѣе неблагоразумнаго, какъ возбуждать бдительность врага и давать ему въ руки тяжкое противъ насъ, въ глазахъ остальной Европы, обвиненіе въ вызовѣ. Можно видѣть необходимость или неизбѣжность войны и слѣдуетъ къ ней готовиться; но ускорять ея наступленіе, не обращая вниманія на наше внутреннее разстройство, могло бы въ дѣломъ самой необдуманной политики. Вызовъ, сдѣланный Свѣдлевымъ въ петербургской и парижской рѣчахъ нѣмецкому племени, былъ очень опрометчивымъ шагомъ со стороны храбраго генерала и обнаруживалъ въ немъ очевидный недостатокъ политическаго благоразумія; но, какъ мы сказали, онъ нисколько не поколебалъ въ глазахъ общества значенія Скобелева, какъ гениальнаго полководца, который можетъ, въ критическія минуты, оказать отечеству незамѣнимыя услуги.

Недавно появившаяся и только-что прочтенная нами книга г. Немировича-Данченко, ¹⁾ сообщающая множество живыхъ и самыхъ интересныхъ данныхъ о безвременнѣ умершемъ героѣ, какъ нельзя болѣе оправдываетъ скорбь русскаго народа объ его утратѣ. Книга эта написана на-скоро, страдаетъ отсутствіемъ строгаго расположенія матеріала, неисправна въ корректурномъ отношеніи, но она необыкновенно содержательна, и появилась какъ нельзя болѣе кстати. Авторъ, познакомившійся съ покойнымъ въ началѣ войны 1877—1878 годовъ, бывшій свидѣлемъ его смѣлыхъ подвиговъ, близко сошедшійся съ нимъ и имѣвшій возможность хорошо изучить его, сообщаетъ намъ лишь свои воспоминанія и личныя впечатлѣнія. Но въ этихъ отрывочныхъ «воспоминаніяхъ и впечатлѣніяхъ» встаетъ передъ нами живой человѣкъ во весь свой ростъ, и наше представленіе о немъ становится до того цѣльнымъ, что едва ли оно бы цѣльнѣе, если бы мы имѣли предъ собой не отрывочныя воспоминанія, а подробную и связную біографію Скобелева.

---

¹⁾ Скобелевъ. Личныя воспоминанія и впечатлѣнія В. И. Немировича-Данченко, съ 4-мя гравюрами и факсимиле письма М. Д. Скобелева. С.-Петербургъ, 1882 г. (Изданіе Девриена).

Воинскія доблести Скобелева составляютъ уже достояніе исторіи. Его военный геній признанъ всѣми и не можетъ быть отрицаемъ въ виду совершившихся фактовъ, всѣмъ извѣстныхъ и подвѣргнутыхъ критической оцѣнкѣ не только нашими, но и иностранными авторитетами. Служила, служить и, пожалуй, будетъ и впредь служить предметомъ спора нравственная личность почившаго героя, до крайности чернимая врагами и восторженно восхваляемая друзьями. Г. Немировичъ-Данченко близко стоялъ къ покойному и до сихъ поръ находится подъ сильнѣйшимъ обаяніемъ его личности; мы не состояли съ нимъ ни въ какихъ отношеніяхъ, но, читая книгу г. Данченко, невольно раздѣляемъ чувства поклонниковъ Скобелева. Намъ приходилось однако сталкиваться съ мнѣніями и чувствами совершенно другого рода, съ печатными и устными; съ печатными—въ нѣмецкихъ газетахъ и съ устными—въ разговорахъ съ нѣкоторыми изъ его бывшихъ сослуживцевъ и швольныхъ товарищей. Мы не станемъ утверждать, что эти мнѣнія, неблагоприятныя намяти Скобелева, лишены основанія и внушены недоброжелательностью: слабыя стороны покойнаго очень хорошо извѣстны и нѣкоторыя изъ нихъ достойны самаго глубокаго сожалѣнія. Зачѣмъ же видѣть, поэтому, одно недоброжелательство тамъ, гдѣ приговоръ можетъ подкашиваться прямо извѣстною системой нравственныхъ воззрѣній и истекаетъ вовсе не изъ предосудительной точки зрѣнія? Но одно дѣло признавать слабости въ человѣкѣ и другое—судить о немъ на основаніи этихъ слабостей. Слабы всѣ люди безъ исключенія, особенно въ частной жизни; но нѣтъ ничего болѣе несправедливаго, какъ оцѣнивать личность историческаго дѣятеля по тѣмъ или другимъ нехорошимъ привычкамъ чисто партикулярнаго свойства. Совершенно вѣрно сказано, что для камердинера нѣтъ великаго человѣка. Многие изъ людей весьма склонны стоять на этой камердинерской точкѣ зрѣнія и даже переносить ее въ исторію. Но что можетъ быть болѣе ребяческаго и нелѣпаго?

Не смотря на всѣ свои слабости, о которыхъ такъ много было рѣчи въ послѣднее время, Скобелевъ, взятый въ цѣломъ своемъ видѣ, im Ganzen und Grossen, является намъ симпатичнѣйшею и полною дѣйствительнаго обаянія личностью. Всякій, кто прочтетъ книгу г. Данченко, непременно вынесетъ изъ нея такое впечатлѣніе. Это впечатлѣніе останется вѣрнымъ даже и тогда, еслибы было доказано, что нашъ извѣстный литераторъ, подѣланный съ пу-

бликою своими воспоминаніями, приводилъ ихъ односторонне и былъ слишкомъ субъективенъ въ своихъ впечатлѣніяхъ или, по-просту, сообщалъ намъ не всегда настоящую истину. Несомнѣнно-вѣрныхъ чертъ, характеризующихъ умъ, сердце, характеръ, стремленія и дѣйствія Скобелева, такъ много уже отмѣчено въ литературѣ русской и иностранной, что тѣ или другія неточныя воспоминанія или невѣрныя впечатлѣнія автора указанной нами книги не были бы въ состояніи ни малѣйшимъ образомъ подорвать вѣрность рисуемаго общюю массою этихъ чертъ нравственнаго облика Скобелева, облика, въ высокой степени интереснаго и достойнаго изученія.

Независимо отъ своего военнаго генія, Скобелевъ былъ человѣкъ умный, образованный и гуманный. Вотъ впечатлѣніе, какое получается на каждомъ шагѣ при чтеніи книги г. Немировича-Данченко. Изъ всѣхъ этихъ свойствъ мы придаемъ особую цѣну его гуманности, той чертѣ, которая дѣлаетъ личность оплакиваемаго теперь героя особенно симпатичною. Умныхъ и образованныхъ людей немало даже и въ Россіи, гдѣ, для того, чтобы быть въ силѣ и почетѣ, такъ легко обойтись и безъ ума и безъ образованія; но гуманность,—то свойство, безъ котораго личность человѣческая не имѣетъ большой нравственной цѣны, какими бы блестящими качествами она ни изобиловала,—составляетъ принадлежность высшихъ натуръ и встрѣчается рѣже, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Самый грубый эгоизмъ, не стѣсняющійся въ своихъ стремленіяхъ никакимъ ущербомъ для ближняго, является между нами обыденнымъ фактомъ. Мелкая зависть, недоброжелательство, злорадство по отношенію къ окружающимъ, стремленіе унижить ближняго и возвысить себя насчетъ его чести и репутаціи, грязное себѣлюбіе, не желающее шевельнуть пальцемъ въ защиту оскорбляемыхъ на нашихъ глазахъ правъ и интересовъ другого, неуваженіе къ слабому, низшему и обиженному—все это не считается у насъ позорными качествами, не мѣшаетъ людямъ казаться порядочными. Чѣмъ дальше, тѣмъ грубѣе становится нашъ образованный человѣкъ, тѣмъ дальше отъ гуманности. И эта душевная грубость, это неуваженіе къ нравственнымъ правамъ другого, это волчье отношеніе къ человѣческой личности поражаютъ насъ въ современномъ русскомъ обществѣ всюду, но всего болѣе тамъ, гдѣ по видимому, должны были бы господствовать совсѣмъ другія отношенія. Тотъ проклятый татаринъ, присутствіе котораго въ нашей славянской крови, такъ

рѣзко бросается въ глаза стороннему наблюдателю московскихъ нравовъ, сталъ въ послѣднее время сказываться въ нашихъ общественныхъ и административныхъ сферахъ съ особенною силою. Какъ же, послѣ этого, можетъ быть намъ не дорога гуманность, — необходимѣйшій и важнѣйшій признакъ европейской культуры, наиболѣе истинной культуры въ человѣчествѣ, — гуманность въ воинѣ, въ томъ нашемъ героѣ, печальную смерть котораго такъ единодушно оплакиваетъ Россія?

То, что рассказываетъ г. Данченко о заботахъ Скобелева по части здоровья и довольствія солдатъ, объ уваженіи къ ихъ личности, какъ къ личности своихъ сотоварищей на полѣ брани и русскихъ гражданъ, которымъ выпала на долю честь бороться съ врагомъ отечества, одно достаточно для того, чтобы побудить насъ отдать памяти почившаго героя величайшую дань сочувствія и уваженія. Посреди всеобщей неурядицы и самаго безчеловѣчнаго грабежа интендантскихъ чиновниковъ, солдаты отряда Скобелева были единственные, которые всегда, — даже во время страшнаго перехода, по горло въ снѣгу, черезъ Балканы, — были накормлены, обуты и одѣты. Если въ чемъ отказывала казна, то Скобелевъ покупалъ самъ или заставлялъ покупать своего отца, нерѣдко выманивая у него деньги хитростью, лишь бы его солдатъ не бѣдствовалъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда среди обобраннаго другими отрядами населенія нельзя было, по видимому, достать продовольствія или одежды солдатамъ и за хорошія деньги, Скобелевъ часто, послѣ немовѣрныхъ усилій, умѣлъ доставать для своей арміи все то, что считалъ необходимымъ для поддержанія въ ней здоровья и нравственной бодрости.

— «У насъ ничего нѣтъ!» отвѣчали интенданты Скобелеву, когда надобно было снаряжать его дивизію въ путь черезъ Балканы въ страшную зиму. И что же? Скобелевъ, какъ другіе командиры, предоставилъ солдату итти черезъ горы безъ сапоговъ, мерзнуть въ изодранной шинели, кормиться сухарями, изгибаться подъ тяжестью лишняго груза? Ничуть не бывало. Вотъ что намъ повѣствуетъ въ данномъ случаѣ авторъ книги:

«Страшно отягощающіе солдатъ ранцы были уничтожены и замѣнены холщевыми мѣшками... Закупка сапоговъ, полушубковъ, фуфаякъ шла повсюду. За три недѣли въ Габровѣ были заказаны вьюки и вьючныя сѣдла, запасался непривосновенный запасъ суха-

рей, крупы, наливался въ бочки спиртъ. . И главное, заслуга Скобелева была въ томъ, что все это сдѣлано было помимо интендантства...

«Предусмотрительность генерала дошла до того, что заранѣе было куплено на каждый полкъ по 60 головъ рогатаго скота. До горъ они (sic) должны были везти запасы, а въ горахъ служить пищей. Остальные дивизионные командиры, приходя въ какую-нибудь мѣстность, требовали продовольствія и подводъ: населеніе, совсѣмъ реквизированное уже, оказывалось несостоятельнымъ; движеніе войскъ замедлялось, начиналось истребленіе неприкосновеннаго запаса сухарей. Здѣсь же подводы и кормъ являлись въ одномъ и томъ-же. Кормъ шель на ногахъ и везъ войсковые грузы. Заботливость Скобелева о солдатѣ дошла даже до того, что весь запасъ уксуса и кислоты, бывшій у плевненскихъ торговцевъ, всѣ сапоги, вся кожа, всѣ бараньи шкуры были куплены. По всему пути Скобелевъ самъ лично наблюдалъ, чтобы солдаты не оставались безъ горячей пищи. Въ мятели, на вершинахъ Балканъ, гдѣ у другихъ вымораживались цѣлые полки, у Скобелева солдаты имѣли похлебку и вдоволь мяса» (стр. 238—239).

Въ позднюю ночь г. Данченко встрѣчаетъ Скобелева въ Казанлыкѣ ѣдущимъ изъ города въ одну деревню, гдѣ стояли его солдаты. На вопросъ нашего автора о причинѣ поѣздки въ такую пору, такъ какъ ему было извѣстно, что генераль все время остановки въ Казанлыкѣ не имѣлъ «ни минуты отдыха», Скобелевъ отвѣчаетъ:

— Попаду къ разсвѣту... Хочу узнать, какъ моихъ солдатъ кормятъ теперь. Какъ начать варить имъ похлебку и кашу, я уже тамъ буду. Ненарокомъ... Поѣдемъ вмѣстѣ!»

Описаніе этого случая г. Данченко сопровождаетъ такимъ замѣчаніемъ:

«Чѣмъ дальше, тѣмъ его заботливость о солдатѣ все больше и больше росла. Онъ сердцемъ болѣлъ за него. И всякая несправедливость, нанесенная солдату, живо чувствовалась имъ, точно эта обида направлена была на него одного. Онъ блѣднѣлъ, когда при немъ рассказывалось о томъ, какъ въ такой-то дивизіи солдаты голодаютъ, какъ въ другой ихъ сѣкутъ, какъ въ третьей ихъ изводятъ на бесполезной муштрѣ...» (стр. 276).

— «Я бы васъ просилъ этого въ моемъ отрядѣ не дѣлать» — грозно замѣтилъ Скобелевъ полковому командиру, ударившему солдата. «Теперь я ограничиваюсь строгимъ выговоромъ, въ другой разъ долженъ буду принять инныя мѣры... Солдатъ долженъ гордиться тѣмъ, что онъ защищаетъ свою родину, а вы этого запитника бьете, какъ лакея...» (стр. 49).

Другой полковой командиръ, едва только поступившій въ дивизию Скобелева, былъ имъ прямо выгнанъ изъ нея за то, что съ перваго же дня сталъ, какъ выражается г. Данченко, «культивировать солдатскіе зубы».

— «Мнѣ такихъ не надо, говорилъ возмущенный Скобелевъ, совсѣмъ не надо. Отправляйтесь въ штабъ писарей бить. У меня боевые полки къ этому не привыкли» (стр. 50).

Высоко долженъ стоять въ глазахъ всѣхъ образованныхъ людей военачальникъ, оберегающій здоровье, честь и личное достоинство своихъ соратниковъ; но онъ поднимается въ нашихъ глазахъ еще выше, когда мы видимъ его пылающимъ негодованіемъ на грубое обращеніе съ плѣнными.

Солдатъ изъ конвоя, сопровождавшаго партію плѣнныхъ близъ Шейнова, ударилъ турецкаго аскера прикладомъ. Скобелевъ, случайно видѣвшій эту сцену, набросился на офицера, начальника конвоя.

— «Это что за нравы? г. офицеръ! Я отниму у васъ саблю вашу... Вы—позоръ русской арміи... За чѣмъ же вы смотрите?.. Стыдъ! у васъ солдаты бьютъ плѣнныхъ!.. Бить плѣнныхъ (продолжалъ онъ) можетъ только мерзавецъ и негодяй. Офицеръ, спокойно глядящій на такую подлость, не долженъ быть терпимъ... Палачи!.. Не совѣтую вамъ никогда попадать въ мой отрядъ».

И затѣмъ, обратившись къ солдату:

— «А ты—какъ ты могъ ударить плѣннаго?.. Ты дѣлалъ ему честь, дрался съ нимъ однимъ оружіемъ, онъ такой же солдатъ, какъ и ты, и только потому, что судьба противъ него, потому, что сила на твоей сторонѣ, ты бьешь безоружнаго!» (стр. 220).

Страшно нравится намъ это святое негодованіе, вызванное возмутительнымъ насиліемъ надъ беззащитными существами. Вотъ гдѣ сказывается благородная природа человѣка! вотъ языкъ не варвара, хохочущаго при видѣ издѣвательства надъ человѣческой личностью, что такъ часто попадаетъ на глаза въ нашемъ любезномъ отече-

ствѣ, а истаго европейца, знающаго, что такое настоящая честь, и что такое человѣческое достоинство. Но у Скобелева защита слабого и незащитнаго не была дѣломъ минутной вспышки, какъ это у насъ встрѣчается со многими лицами, гордящимися своею гуманностью, а дѣломъ его кровнаго убѣжденія, продуктомъ его просвѣщеннаго міросозерцанія.

— «Смотрите, братцы! напутствовалъ онъ солдатъ, отправлявшихся изъ Плевны за Балканы, — не обижайте болгаръ и турокъ! Они—мирные жители. За первыхъ вы деретесь, свободу имъ своей кровью завоевываете, слѣдовательно они вамъ друзья и братья; а вторые, если остались на своихъ мѣстахъ, не ушли отъ васъ, значитъ, они вѣрятъ добротѣ и чести русскаго солдата... А обманывать такую вѣру и грѣшно, и стыдно!» (стр. 240).

Полководецъ, который былъ проникнуть такими человѣчными чувствами даже на полѣ брани, долженъ былъ обнаруживать облагораживающее вліяніе на все окружающее. Въ книгѣ г. Данченко приведена масса примѣровъ, какъ высоко былъ поднятъ патриотическій духъ въ арміи Скобелева и какъ солдаты его, находясь подъ постояннымъ возбужденіемъ въ нихъ чувства воинской чести и человѣческаго достоинства, привыкли смотрѣть на себя, какъ на нѣчто высшее въ составѣ войскъ, дѣйствовавшихъ на Балканскомъ полуостровѣ, какъ на людей, отъ которыхъ само собою требуется и особенная сила духа, и особое благородство поведенія. «Мы Скобелевскіе», говорилъ отказавшійся отъ хлороформа солдатъ, которому нужно было отрѣзать обѣ ноги. Ему говорятъ, что безъ хлороформа трудно выдержать операцію, что всѣ принимаютъ его, а онъ отвѣчаетъ:

— «То всѣ... А мы на особомъ положеніи, мы Скобелевскіе».

Трудно выдумать ту потрясающую сцену, которую описываетъ нашъ авторъ, показывая, какую нечеловѣческую силу духа обнаружилъ этотъ «Скобелевскій» воинъ, стараясь, при страшной операціи, не уронить слабодушіемъ репутаціи своего геройскаго отряда. (стр. 147—148). Словно читаешь Тита Ливія и видишь предъ собой Муція Сцеволу, кладущаго въ огонь свою руку и говорящаго, что онъ римскій гражданинъ и что такихъ, какъ онъ, молодцовъ въ римскомъ войскѣ—не мало!

Не мало ихъ было и въ отрядѣ Скобелева. — «Я посылаю васъ на смерть, братцы!»—прямо говорилъ нашъ герой, въ

нѣкоторыхъ случаяхъ, той или другой горсти своихъ соратниковъ, приказывая ей броситься въ атаку на неприступную позицію, затѣмъ чтобы отвлечь силы непріателя въ извѣстную сторону. «Вась перебѣютъ» — продолжаетъ онъ воодушевлять своихъ героев; «зато вы дадите побѣду всему моему отряду. Смерть ваша будетъ честною и славною смертью... Станутъ вась отбивать, отступайте, чтобы сейчасъ же опять броситься въ атаку. Слышите - ли?... Пока живы, до послѣдняго человѣка нападайте...» (стр. 80). Храбрецы кричали «ура» въ отвѣтъ своему военачальнику и бодро шли умирать по его приказанію. Подобная сцена, рассказанная Катонъ въ его «Origines» и относящаяся къ подвигамъ римскаго войска въ первую пуническую войну, приводила въ изумленіе позднѣйшихъ римскихъ историковъ. Самъ Катонъ смѣло сравнивалъ ее съ геройствомъ Леонида и трехсотъ спартанцевъ, павшихъ при Фермопилахъ, съ геройствомъ, считавшимся до того времени неподражаемымъ по своему величію. А подъ начальствомъ Скобелева такіа чудеса мужества и самоотверженія происходили не одинъ разъ. Взятіе страшнаго редута во время третьей Плевны и геройская смерть майора Горгалова (стр. 130) на турецкихъ штыкахъ, смерть, принятая имъ добровольно, только потому, что онъ далъ слово полководцу живымъ не уйти съ этого редута, который, между тѣмъ, пришлось опять уступить туркамъ, развѣ это — не страница, выхваченная изъ древней исторіи, изъ исторіи великихъ военныхъ и гражданскихъ подвиговъ и легендарнаго самоотверженія?

— Насъ, значитъ, оставили совсѣмъ? Никого и ничего на помощь?.. Послѣ того, какъ все уже почти сдѣлано?—говорилъ Скобелевъ въ отчаяніи, видя, что геройское мужество его отряда, оставленнаго безъ всякой поддержки въ критическую минуту, пропадаетъ даромъ.

— Никого и ничего! отвѣчаютъ ему.

Такое бездушное отношеніе къ благу и чести отечества можетъ сразить хоть кого, и Скобелевъ, безстрашный боецъ, зарыдалъ. На эти слезы плевненскаго героя смотрѣла исторія. Людямъ, распорядившимся третьимъ боемъ подъ Плевной, онъ давалъ въ руки побѣду: онъ взялъ неприступную и господствующую позицію, для отнятія которой были направлены всѣ силы Османа - наши, и умолялъ поддержать его геройскихъ сподвижниковъ, которымъ иначе остается только умереть со славою; но требованія его были

грубо отклонены. И онъ заплакалъ, ему оставалось только плакать при видѣ того, какъ глупость или интрига лицъ, выше его стоящихъ, губятъ славное дѣло, позорятъ армию, Россію. Ему оставалось еще, пожалуй, умереть, и онъ дѣйствительно искалъ въ этотъ день смерти, но смерть еще не хотѣла идти ему на встрѣчу. Отчего же онъ рыдалъ, отчего онъ искалъ смерти, когда другіе оставались спокойными при видѣ новой, страшной, третьей неудачи нашихъ войскъ подъ Плевною, и даже подтрунивали надъ его отчапніемъ? Оттого, что онъ былъ настоящій гражданинъ своей страны, оттого, что онъ горячо любилъ свое отечество, оттого, что ему дорога была честь его, оттого, что онъ чувствовалъ стыдъ, краснѣлъ за Россію.

Чувствовать стыдъ, болѣть душой за отечество, посрамляемое тупостью, глупостью, самолюбіемъ или неспособностью его оффиціальныхъ представителей, можетъ не всякій. Казенные воры, грабители-интенданты, утопавшіе въ шампанскомъ среди дневныхъ и ночныхъ оргій въ Букарештѣ, въ то время, когда несчастные солдаты, находясь безъ провизіи, безъ сапоговъ, безъ полушубковъ, умирали отъ голода и холода тысячами, разумѣется, не знаютъ ни стыда, ни краски въ лицѣ отъ чувства государственнаго униженія или патріотическаго негодованія. Эгоисты и честолюбцы, готовые пожертвовать благомъ, спокойствіемъ, самыми жизненными интересами и даже будущностью стомилліоннаго народа въ угоду страстямъ и похотямъ своей ничтожной клики, обыкновенно говорятъ въ своей черствой душѣ, подобно извѣстной французской куртизанкѣ: «après nous le déluge!» и не понимаютъ, какъ можно убиваться изъ-за проиграннаго сраженія или при вѣсти о заключеніи унижительнаго для отечества международнаго договора. Они продолжаютъ занимать тѣ же мѣста, получать тѣ же или увеличенные оклады, по прежнему давить своихъ личныхъ противниковъ—какое же имъ дѣло до чести и будущности отечества? Скобелевъ хотя и принадлежалъ къ кругу этихъ людей, по своему общественному положенію, но былъ далекъ отъ нихъ душою. Онъ ненавидѣлъ и презиралъ этихъ бездушныхъ или малодушныхъ истукановъ, у которыхъ на устахъ охранительныя фразы, а въ сердцѣ только зависть, алчность и ненависть, и ясно понималъ, что отечество наше находится далеко не въ безопасномъ положеніи относительно ближайшаго бу-

душаго. Онъ мучился этимъ пониманіемъ и испытывалъ въ послѣдній годъ своей жизни тяжелыя нравственныя страданія.

Еще за нѣсколько недѣль до своей смерти, въ послѣднее свое свиданіе съ г. Немировичемъ-Данченко, онъ высказывался въ горькихъ выраженіяхъ о нашемъ политическомъ, экономическомъ и нравственномъ положеніи, и приходилъ къ весьма неутѣшительнымъ выводамъ. Г. Данченко не нашелъ возможнымъ передать намъ подробности этого разговора и сообщаетъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ о его духѣ. Мы однако понимаемъ его сущность, понимаемъ, между прочимъ, и изъ тѣхъ ободрительныхъ словъ, которыми покойный заключилъ невеселую бесѣду о нашихъ бѣдахъ и опасностяхъ.

— «А все-таки будущее наше. Мы переживемъ и эту эпоху (увы! онъ не пережилъ ее). Хватитъ силы... Слава Богу не рухнетъ отъ этого Россія».

Покойный, такимъ образомъ, еще вѣрилъ въ будущее Россіи и не находилъ, что эта эпоха служитъ началомъ нашего непоправимаго паденія, какъ начинаютъ думать уже многіе. Онъ вѣрилъ, но шелъ къ осуществленію своихъ надеждъ путемъ, котораго никто не назоветъ вѣрнымъ. Средствомъ къ пробужденію нравственныхъ и экономическихъ силъ Россіи, къ выходу ея изъ труднаго положенія, онъ считалъ ускореніе войны съ Германіей.

Мысль объ этой войнѣ, неизбежность которой для него была очевидна, не давала ему покоя. Онъ носился съ нею еще за Балканами (стр. 278) и мечталъ о преобразованіи къ тому времени русской кавалеріи; онъ начиналъ уже беспокоиться, что война эта застанетъ насъ врасплохъ, когда побывалъ на маневрахъ въ Пруссіи и убѣдился, что «тамъ серьезно готовятся» посчитаться съ нами (стр. 327), хотѣлъ ускорить ее воинственными спичами прошлой зимы, произнесенными въ Петербургѣ, Парижѣ и Варшавѣ, и незадолго до смерти уже тревожился, что ему, пожалуй, не удастся принять участіе въ этой войнѣ и «разбить исконныхъ враговъ Россіи» (стр. 343), такъ какъ предчувствіе ему говорило, что у него смерть уже стоитъ за плечами.

Въ нашихъ и въ нѣмецкихъ газетахъ, по поводу воинственныхъ рѣчей Скобелева, говорили, что онъ любитъ войну для войны, что безъ войны ему скучно, что она ему нужна для возбужденія нервовъ, что это его стихія, въ которой онъ только и чувствуетъ себя

хорошо. Мнѣнія эти были ошибочны. Скобелевъ былъ слишкомъ развитый человекъ, чтобы быть рубакой по призванію и смотрѣть на войну, какъ на ремесло или забаву. Онъ зналъ лучше каждаго изъ насъ ея ужасы и принималъ ее, какъ необходимое зло въ жизни народовъ, черезъ которое часто приходится пройти, чтобы достигнуть лучшаго положенія, и которое одно можетъ иногда разсѣкать узелъ международныхъ отношеній, не разрѣшимый другимъ способомъ. Г. Немировичъ-Данченко плохо оправдываетъ покойнаго отъ обвиненій въ любви къ военнымъ приключеніямъ, когда по неосторожности называетъ его «позомъ войны, ея энтузіастомъ», полагая, что такіа выраженія не поддерживаютъ вышеозначенныхъ обвиненій. Во всей книгѣ его мы однако не находимъ никакихъ данныхъ, которыя бы свидѣтельствовали, что Скобелевъ дѣйствительно смотрѣлъ на войну съ энтузіазмомъ и съ поэтическимъ увлеченіемъ, чтобы онъ искалъ случая продлить это бѣдствіе, коль скоро оно уже началось, или вызвать новое для собственнаго удовольствія. Мы видимъ только, что, поставленный въ необходимость воевать, онъ велъ свое дѣло съ рѣдкимъ мужествомъ, энергіей и, коли угодно, съ увлеченіемъ, но съ увлеченіемъ человека, воодушевленнаго идеей доставить въ начатой и разгорѣвшейся войнѣ побѣду своему оружію, отержать надъ непрітелемъ торжество возможно блестящее, которое бы удовлетворяло и пользамъ отечества, и славу полководца, и храбрости и самоотверженію войскъ, имъ предводимыхъ. Но страсти вызывать войну, ввергая въ нее безразсудно свой народъ и государство для личныхъ видовъ или для удовлетворенія своимъ капризамъ, Скобелевъ не имѣлъ, какъ ни много въ этомъ отношеніи говорить противъ него фактъ его рѣчей, взбудоражившихъ, въ первые мѣсяцы настоящаго года, европейское общественное мнѣніе. Ни его замѣчательный умъ, ни патріотизмъ, ни гуманность, являвшаяся отличительною чертою его характера, не позволяютъ намъ становиться въ этомъ случаѣ на сторону его противниковъ. Да вотъ и подлинныя его слова, насколько они вѣрны и справедливы въ книгѣ г. Немировича-Данченко: «Это страшное дѣло (говорилъ онъ о войнѣ). Подло и постыдно начинать войну такъ себѣ, съ вѣтру, безъ крайней необходимости... Никакое легкомысліе въ этомъ случаѣ непростительно. Черными пятнами на короляхъ и императорахъ лежатъ войны, предпріятыя изъ честолюбія, изъ хищничества, изъ династическихъ интересовъ».

Но—скажутъ намъ—что же въ такомъ случаѣ означаетъ его воинственность, какую онъ проявилъ незадолго до своей смерти, видимо стараясь пробудить въ нашемъ обществѣ идею о необходимости войны, взволновать его этой идеей въ совершенно мирное время, среди тяжелыхъ обстоятельствъ экономическихъ и политическихъ? Развѣ онъ не понималъ, какимъ страшнымъ случайностямъ подвергалъ онъ своей проповѣдью войны благосостояніе Россіи, на какую сомнительную карту онъ ставилъ ея будущее? Развѣ онъ не видѣлъ, что наше обезсиленное недавней войной и разстроенное внутри государство къ новой войнѣ не готово, особенно къ войнѣ съ врагомъ сильнымъ, предусмотрительнымъ, искуснымъ, издавна старавшимся обезпечить свой успѣхъ какъ матеріальными, такъ и нравственными средствами? Развѣ онъ не зналъ, что прошло то время, когда Россія была грозна своею военною силою народамъ Запада, что нельзя теперь никого запугать нашимъ могуществомъ, мѣра и вѣсъ котораго лучше извѣстны нашимъ сосѣдямъ, чѣмъ намъ самимъ? Развѣ онъ, наконецъ, не чувствовалъ, что въ его бранномъ кличѣ была фальшивая нота, нота ничѣмъ неоправдаваемой самоувѣренности, нота, въ которой звучало не сознание избытка въ насъ національной силы, а жалоба на притѣсненіе чужеземцами, свидѣтельствующая лишь о нашей внутренней слабости?

Все это Скобелевъ, безъ сомнѣнія, понималъ, видѣлъ, зналъ и чувствовалъ, одно въ большей, другое въ меньшей степени. И все-таки онъ взывалъ къ войнѣ съ «исконнымъ врагомъ Россіи». Взывалъ онъ къ ней, какъ всякій понимаетъ, не потому, конечно, чтобы онъ желалъ гибели Россіи, а потому, что не видѣлъ для насъ другого спасенія. Онъ могъ ошибаться, и сильно ошибался въ пути къ этому спасенію, но не подлежитъ сомнѣнію, что исходная точка его сужденія была въ высшей степени патріотическая. Едва-ли намъ нужно заявлять, что мы—противники войны вообще, и допускаемъ ее лишь какъ самую крайнюю необходимость, т. е., какъ средство защиты своей родины, когда врагъ покушается на ея честь, независимость или цѣлость. Война наступательная, въ видахъ-ли завоеванія новой территоріи, или въ видахъ подчиненія сосѣда нашей власти или нашему вліянію, не говоря уже о войнахъ изъ-за несогласія съ другими державами или народами въ политическихъ принципахъ, въ войнахъ, какія Россія вела, напр.,

въ концѣ прошлаго и въ половинѣ нынѣшняго столѣтія (венгерская война), всякая такая война, по нашему мнѣнію, вопіетъ къ небу и составляетъ оскорбленіе самыхъ священныхъ правъ человѣчества. Такія войны обыкновенно и не приносятъ никакой пользы, а рано или поздно отзываются на странѣ самыми тяжелыми послѣдствіями. Не явный ли ущербъ матеріальный и нравственный принесла намъ наша венгерская война? Какимъ крупненіемъ Франціи окончились побѣдоносныя войны Наполеона I-го! Что принесли этой странѣ войны Наполеона III въ Крыму и Мексикѣ? Не подготовили-ль онѣ страшное пораженіе имперіи въ войнѣ съ Германіей? Понятно само собой, что мы не можемъ одобрять опаснаго шага, сдѣланнаго нашимъ героемъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, шага, взволновавшаго Европу и грозившаго намъ большими неприяностями. Но мы его понимаемъ.

Скобелевъ видѣлъ, какъ тяжело внутреннее состояніе Россіи, видѣлъ и то, какъ съ каждымъ днемъ убываетъ наше государственное могущество и международное значеніе. Онъ понималъ, что нашъ государственный организмъ пораженъ болѣзнію, отъ которой нужно лѣчиться самыми энергическими средствами. Ближайшею причиной этой болѣзни, по крайней мѣрѣ, поводомъ, послужившимъ къ отягченію нашего внутренняго положенія и къ ослабленію внѣшняго могущества, былъ берлинскій трактатъ. Трактатъ этотъ онъ считалъ совершенно вѣрно позоромъ для Россіи и неизбѣжнымъ условіемъ нашего паденія. Восточный вопросъ, сводящійся ближайшимъ образомъ къ вопросу о нашемъ владѣніи Босфоромъ и Дарданеллами, не только не рѣшенъ, но, благодаря берлинскому трактату, почти совсѣмъ ушелъ изъ нашихъ рукъ. Нужно дѣйствовать, пока еще не ушло время, нужно пользоваться всѣми обстоятельствами, чтобы выйти на торную дорогу въ достиженіи своихъ важнѣйшихъ государственныхъ цѣлей. Но есть врагъ, который мѣшаетъ всякому нашему шагу на пути въ національному величію, который мѣшалъ прежде, будетъ мѣшать и впредь. Врагъ этотъ—нѣмецъ въ Германіи и въ Австріи. Онъ врагъ не только Россіи, но и всего славянства. Поэтому съ нимъ у насъ борьба неминуема. Между тѣмъ, онъ съ каждымъ часомъ усиливается и, въ предвидѣніи войны съ нами въ близкомъ будущемъ, запасается противъ насъ всѣми оборонительными и наступательными средствами, а мы дремлемъ и заботимся лишь о томъ, какъ-бы о насъ не подумали

худо насчетъ вѣрности трактатамъ и искренности дружескихъ отношеній къ сосѣдямъ. Нужно, поэтому, произнести роковое слово во всеуслышаніе: мы знаемъ, кто нашъ врагъ и готовы посчитаться съ нимъ на поляхъ брани. Кажъ только это роковое слово будетъ произнесено, нѣтъ больше мѣста колебаніямъ. Русскій народъ долженъ готовиться къ войнѣ съ Германіей и нѣмецкою Австріей, къ войнѣ, которой избѣжать нельзя, но которую можно только сдѣлать болѣе или менѣе для насъ благопріятною, смотря по нашей бдительности и предусмотрительности.

Такъ, по видимому, разсуждалъ усопшій теперь герой, когда рѣшился выступить съ своими рѣчами, надѣлавшими столько шума и, безспорно, повредившими его громкому имени. Повредило ему, во-первыхъ, то, что возвѣщая свои патриотическія думы и чувства, онъ дѣлалъ это въ такихъ формахъ и выраженіяхъ, что явился какъ бы органомъ, если не прямо орудіемъ такъ-называемой славянофильской партіи, узкой и крайне несимпатичной по своимъ началамъ и стремленіямъ для каждаго образованнаго человѣка партіи; во-вторыхъ, то, что высказывая на весь міръ, какъ бы отъ лица русскаго народа, такія чувства и мысли относительно сосѣднихъ державъ, которыя всего благоразумнѣе было бы до времени хранить про себя или высказывать по секрету, онъ явно обнаружилъ недостатокъ политическаго такта, непростительный для человѣка, высоко стоящаго на государственной лѣстницѣ. Какой же, въ самомъ дѣлѣ, благоразумный политическій дѣятель станетъ громко предупреждать національнаго врага о томъ, что его ненавидятъ, что онъ долженъ ожидать нападенія и, такимъ образомъ, не только заставлять его готовиться къ отраженію нападенія, но и давать ему поводъ обвинять своего противника, предъ лицомъ всего образованнаго міра, въ дерзкомъ вызовѣ? Впослѣдствіи Скобелевъ понялъ, по видимому, свою ошибку и увидѣлъ, какъ онъ промахнулся, съ одной стороны, накинувшись ни съ того ни съ сего, по рецепту славянофильской клики, на русское образованное общество, и безъ того принужденное выдерживать тяжелую борьбу съ невѣжествомъ и съ политическимъ шарлатанствомъ противниковъ его законныхъ стремленій, съ другой—поставивши, безъ всякой нужды, въ щекотливое положеніе лицъ, несущихъ на себѣ отвѣтственность за ходъ нашей внѣшней политики. Только этимъ чувствомъ сдѣланнаго промаха можемъ мы объяснить ту грустную ноту, которая, по сло-

вамъ г. Немировича-Данченко, звучала въ его дружескихъ разговорахъ въ послѣднее время. «Моя пѣсня слѣта», говорилъ онъ автору лежащей у насъ передъ глазами книги, намекая на близость своей смерти. Что могло навѣять предчувствіе близкой кончины на человѣка сильнаго, здороваго и задававшася такими обширными планами? Не гораздо ли легче его грустное настроеніе, доходившее, пожалуй, и до предчувствія близкой смерти, объясняется тѣмъ ложнымъ шагомъ, который онъ сдѣлалъ въ несчастную минуту, вѣроятно, не безъ сторонняго подстрекательства, и который поставилъ его въ какое-то странное положеніе въ русскомъ обществѣ?

Говоря это, мы не хотимъ осуждать Скобелева, скорѣе — мы хотимъ оправдать его. Онъ былъ, безспорно, горячій патріотъ, а патріотизму можно прощать многое, тѣмъ болѣе его невольныя подчасъ увлеченія. Достаточно сказать въ оправданіе покойнаго, что онъ, какъ и мы, чувствовалъ всю тягость положенія нашего отечества, не находящаго себѣ удовлетворенія ни во внутреннихъ порядкахъ, ни въ умаленномъ своемъ международномъ значеніи. Онъ видѣлъ, какъ мы все дальше и дальше уходимъ отъ условій правильного развитія, какъ мы, охраняя себя отъ усвоенія началъ новой государственной жизни, губимъ наше будущее, наше историческое призваніе, нашъ, какъ онъ выражался, «историческій *raison d'être*». А между тѣмъ, онъ стоялъ высоко, онъ чувствовалъ въ себѣ и подъ собой силу, онъ сознавалъ для себя потребность и даже обязательность дѣйствія. Виноваты уже условія нашей общественной и государственной жизни, что дѣятельному и одержимому благороднымъ честолюбіемъ человѣку у насъ почти нѣтъ достойнаго и правильного поприща для дѣятельности. И вотъ герой Плевны и Геокъ-Тепе, отмѣченный уже въ глазахъ образованнаго міра печатью гениа, полководецъ, сравниваемый съ Наполеономъ и Суворовымъ, принужденъ искать повода, чтобы напомнить о себѣ своимъ согражданамъ, и подрываетъ свою репутацію необдуманнми рѣчами, а вскорѣ затѣмъ умираетъ во цвѣтѣ силъ, къ общему изумленію!

Чѣмъ больше однако мы всматриваемся въ эту жизнь, полную естественнаго, а подчасъ и искусственнаго, движенія, въ эту бурную, но благородную душу, сгоравшую жаждой плодотворной дѣятельности, способную къ великимъ подвигамъ патріотизма и самоотвер-

женія, тѣмъ больше мы понимаемъ, какой крупной силы лигилась Россія, тѣмъ больше мы сознаемъ, что въ неожиданной и, не смотря на всѣ разоблаченія, недостаточно разъясненной смерти Скобелева, мы понесли потерю, которую еще не разъ будемъ оплакивать. У этого человѣка была живая душа, были благородныя чувства, широкіе замыслы, сильный характеръ, энергія въ дѣятельности, неутомимость въ преслѣдованіи цѣли, готовность служить идеѣ до послѣдняго вздоха; у него было обаяніе личности, у него была популярность имени, которая, по замѣчанію его враговъ, стоила Россіи трехсотъ-тысячной арміи; къ нему была обращена любовь народа, отличившаго его среди всѣхъ современныхъ дѣятелей, какъ наибольшаго выразителя своего духа, и питавшаго къ нему безграничное довѣріе:—кто можетъ замѣнить Россіи такую богатырскую силу, когда для нея придетъ часъ испытанія? Гдѣ мы возьмемъ другого Скобелева?

УНИВЕРСИТЕТСКІЙ ВОПРОСЪ ¹⁾.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Мы живемъ въ такое время, когда самыя жизненные вопросы у насъ отступаютъ на задній планъ, затираются общимъ неустройствомъ нашего быта и становятся какъ бы не существующими. Давно ли, кажется, правильная постановка народнаго образованія, нашей учебной системы на всѣхъ ея степеняхъ, являлась въ глазахъ всего русскаго общества задачей, которая тяготѣетъ надъ нами всею тяжестью важнѣйшаго государственнаго вопроса и рѣшеніе которой не терпитъ отлагательства? А между тѣмъ, кто теперь, т. е. въ данную минуту, говорить о томъ, что безъ широкаго распространенія въ народѣ образованія, безъ умноженія начальныхъ школъ въ неограниченномъ количествѣ, какими бы то ни было средствами, намъ нѣтъ спасенія? Кто теперь думаетъ, что съ этимъ главнѣйшимъ изъ всѣхъ вопросовъ современнаго государства связано наше національное процвѣтаніе, наше государственное могущество, наше международное положеніе? Кому теперь приходится въ голову обращать особенное вниманіе правительства на то, что мы называемъ „школьнымъ вопросомъ“ по преимуществу, на ненормальную систему гимназическаго образованія, систему, уродующую нашихъ дѣтей физически и нравственно, уже принес-

---

¹⁾ «Наблюдатель», Января и Февраля, 1882.

шую не мало печальныхъ плодовъ для современнаго молодого поколѣнія и грозящую въ будущемъ ослабленіемъ нашей умственной силы и нравственнымъ обезличеніемъ русской образованности? Кого теперь занимаетъ печальное положеніе нашей науки, неудовлетворительная система университетскаго преподаванія, оскорбительный для такого большого государства недостатокъ ученыхъ силъ даже для какихъ-нибудь семи университетовъ, при которомъ даже главныя кафедры остаются годами, иногда десятками лѣтъ, незамѣщенными? Мы дожили до того, что подобные вопросы стали намъ казаться маловажными или, по крайней мѣрѣ, несвоевременными. Симптомъ печальный, пугающій...

Нѣтъ въ государствѣ вопросовъ важнѣе народнаго образованія. Нигдѣ упущенія, ошибки, неправильная точка зрѣнія на дѣло не сопровождаются послѣдствіями болѣе пагубными и менѣе поправимыми. Чтò въ народномъ образованіи упущено сегодня, того нельзя уже вознаградить завтра, какъ нельзя воротить дня, уже прожитаго; все, чтò есть неправильнаго въ организаціи школы, оставляетъ свой слѣдъ на умѣ, чувствѣ и характерѣ всего учащагося поколѣнія, и изгладить этотъ слѣдъ уже не въ нашей власти. Чѣмъ болѣе запущено школьное дѣло въ данную минуту, тѣмъ меньше средствъ поправить его въ будущемъ. Пошатнувшіеся финансы можно, какъ показываетъ недавній опытъ Франціи и Соединенныхъ Штатовъ Америки, поставить на ноги въ короткое время нѣсколькими удачными мѣрами и твердою эконоическою политикой; въ разстроенную армію можно ввести порядокъ усиленіемъ дисциплины и примѣромъ стрóгаго исполненія долга со стороны ея предводителей. Но совсѣмъ другое дѣло—развить въ странѣ научный духъ, создать профессоровъ для университетовъ, учителей для гимназій и народныхъ училищъ. Никакое покровительство, никакія права и льготы не создадутъ въ странѣ, даже въ десятки лѣтъ, науки и ея достойныхъ представителей, если почва для этого не была подготовлена раньше хорошимъ и правильнымъ удобреніемъ. Загонъ, въ которомъ держалась университетская наука при императорѣ Николаѣ, даетъ себя чувствовать во всей силѣ и по настоящее время скудостью ученыхъ силъ, способныхъ занимать университетскія кафедры. Насильственное сокращеніе количества студентовъ въ университетахъ при томъ же государѣ сказалось между прочимъ и въ недостаткѣ учителей, который чувствовался почти

во все время прошлаго царствованія, а теперь замаскированъ привлеченіемъ въ наставники русскаго юношества огромнаго количества иностранцевъ, т. е. принятіемъ мѣры, вредъ которой давно уже признанъ и оцѣненъ по достоинству всѣмъ русскимъ обществомъ. Нигдѣ зло нейдетъ такъ глубоко и такъ сильно не осложняется, какъ именно въ неправильной постановкѣ дѣла народнаго образованія. Кто въ состояніи исчислить всю ту потерю умственныхъ, нравственныхъ и экономическихъ силъ, какую несетъ Россія отъ того, что десятки милліоновъ ея обитателей не знаютъ школы и не получили даже начальнаго образованія? Какія потери несетъ черезъ это русская промышленность, торговля, благоустройство семейное и общественное, даже государственное могущество и полетъ національнаго гениа въ сферѣ знанія и искусства, въ сферѣ частной и общественной предприимчивости!

Повторяемъ, нѣтъ въ государствѣ вопросовъ важнѣе народнаго образованія. Это—вопросы не только настоящаго, но и будущаго, это—вопросы, отъ удачнаго рѣшенія которыхъ зависитъ наше благосостояніе политическое и матеріальное, наше положеніе въ средѣ другихъ народовъ, наше мѣсто въ исторіи. Пренебрегать ими — значитъ ставить на карту все, что есть самаго дорогаго въ судьбѣ народа, значитъ губить его нравственныя силы, его будущность, его призваніе.

Впрочемъ, сказать, что русское общество умышленно закрываетъ глаза на столь важную задачу, было бы несправедливо. Оно стремится, оно рвется къ образованію изо всѣхъ силъ, и не оно виновато въ томъ, что это стремленіе не находитъ себѣ надлежащаго удовлетворенія. Оно проситъ и молить объ открытіи новыхъ учебныхъ заведеній, о доставленіи возможности его дѣтямъ учиться. Эти просьбы и мольбы оно повторяетъ каждую осень, когда сотни и тысячи дѣтей находятъ школьныя двери передъ собой закрытыми не по винѣ ихъ родителей, не по недостаточности своей подготовки къ вступленію въ тотъ или другой классъ гимназіи, или какого-либо спеціальнаго училища, а по недостатку мѣста въ существующихъ школахъ, вслѣдствіе ограниченнаго числа существующихъ учебныхъ заведеній. Образованія ищетъ и самъ народъ, инстинктивно понимая вредъ вѣковаго пребыванія во тьмѣ и подчасъ изъявляя готовность платить послѣдній грошъ за обученіе своихъ дѣтей грамотѣ, которую онъ называетъ «святою». Но его благія на-

мѣренія рѣдко находятъ поощреніе, а всего чаще встрѣчаютъ затрудненія въ существующихъ порядкахъ и всего болѣе въ бюрократическомъ крючкотворствѣ лицъ, завѣдующихъ дѣломъ школьнаго образованія. Нельзя, у насъ открыть школы безъ разрѣшенія, нельзя учить, не имѣя на то казеннаго патента, не слѣдуя указанной программѣ, не подчиняясь разнымъ, запутывающимъ дѣло, формальностямъ, не подвергаясь незаслуженнымъ униженіямъ. Современное русское общество не только понимаетъ глубоко потребность образованія, но и чувствуетъ недостатки организациі школы средней и низшей, непригодность и даже убійственность дурно поставленнаго классицизма, чувствуетъ весь вредъ отъ преподаванія древнихъ языковъ иностранцами, отъ преобладанія въ педагогической системѣ формализма и бездушія, отъ недостатка въ ней гуманности и уваженія къ дѣтской природѣ. Чувствуютъ все это и лица, поставленныя во главѣ управленія нашимъ школьнымъ просвѣщеніемъ. Но злая судьба, тяготящая надъ нашимъ отечествомъ въ послѣдніе годы, останавливаетъ каждый нашъ шагъ къ выходу изъ ненормальнаго положенія, лишаетъ силы всякое доброе начинаніе и снова доставляетъ торжество элементамъ, враждебнымъ нашему благу, вашему процвѣтанію, нашей будущности.

Зло сознанное, всѣми или многими понимаемое, носить въ себѣ задатокъ паденія. Рано или поздно русская земля покроется начальными школами; чуждой нашему народному духу и исторіи, нерациональной системѣ средняго образованія настанетъ конецъ въ близкомъ будущемъ. Мы не только вѣримъ въ это по патриотическому чувству, но и убѣждены, что иначе и быть не можетъ, что это дѣло исторической необходимости. Надобно было бы совершенно отчаяться въ дальнѣйшей судьбѣ нашего отечества, нужно было бы помириться съ мыслью, что для насъ начался уже періодъ неоправимаго государственнаго и національнаго разложенія, чтобы отъязаться отъ твердой вѣры въ близкое наступленіе времени, когда начальное образованіе полетитъ по Россіи широкимъ потокомъ, а среднее будетъ введено въ свою естественную волю, не разъ нами приблизительно намѣченную.

Иное дѣло высшее, университетское образованіе. О состояніи его ни въ нашемъ обществѣ, ни въ правительствѣ нѣтъ исполнѣ яснаго и вѣрнаго представленія. Случайныя обстоятельства, именно студентскія волненія, отделили нашъ университетскій вопросъ съ

его надлежащей дороги и выдвинули въ немъ на первый планъ сторону внѣшнюю, дисциплинарную. И въ обществѣ, и въ правительствѣ говорили много о томъ, въ какое отношеніе должны быть поставлены студенты къ профессорамъ и къ начальству, какія можно предоставить молодымъ людямъ права и вольности, какимъ путемъ всего удачнѣе предотвратить шумное нарушеніе дисциплины, беспорядочныя сходки, волненія. Въ этомъ у насъ въ послѣднее время видѣли сущность университетскаго вопроса. Если затрогивались иногда и другія его стороны, то исходнымъ пунктомъ сужденій была все-таки часть внѣшняя, дисциплинарная. Въ этомъ направленіи шли толки въ обществѣ и печати, въ этомъ смыслѣ дѣлались правительственныя распоряженія. Но сущность университетскаго вопроса, очевидно, не въ томъ, какъ ведутъ себя по временамъ студенты, а въ томъ, какъ въ нашихъ университетахъ поставлена наука, исполняютъ ли они свою роль рассадниковъ въ странѣ высшаго образованія, замѣщаются ли кѣедры достойными представителями научнаго званія, не понижается ли въ нихъ уровень преподаванія, есть ли въ нихъ движеніе впередъ, стремленіе къ поднятію своихъ умственныхъ силъ, къ плодотворному вліянію на учащихся и черезъ нихъ на все окружающее.

Много было писано у насъ объ университетахъ, но настоящая точка зрѣнія на дѣло рѣдко выступала наружу, особенно въ послѣднее десятилѣтіе, когда она, напротивъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше утрачивалась. Кто не помнитъ оживленной полемики, которая велась на столбцахъ «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Вѣстника» почти противъ всей остальной періодической печати, защищавшей нынѣшнее состояніе университетовъ въ виду суроваго режима, которымъ грозили имъ въ органахъ московскаго ретроградства? Въ этой полемикѣ, даже и тогда, когда она шла по поводу студентскихъ волненій, яблокомъ раздора служилъ исключительно уставъ 1863 года, который былъ ненавистенъ г. Каткову и провалившемуся въ московскомъ университетѣ, при выборахъ на новое пятилѣтіе, Леонтьеву, и за который обѣими руками держались всѣ у ниверситетскія корпораціи. Въ сущности вопросъ шелъ для одной стороны о сохраненіи университетскаго самоуправленія, для другой—о поглощеніи его министерскою канцеляріей. Все, что ни говорилось при этомъ той или другой стороною о состояніи нашихъ университетовъ, объ ихъ внутренней жизни, говорилось въ виду

одной конечной цѣли: отмѣнить уставъ 1863 года или сохранить его, что сводилось, въ свою очередь, къ вопросу о подчиненіи университетской жизни бюрократическому режиму, дѣйствующему у насъ во всѣхъ другихъ сферахъ государственнаго быта, или оставленіи за учеными корпораціями права вести свои дѣла по своему усмотрѣнію. При такой постановкѣ вопроса было естественно, что одна воюющая сторона направляла всѣ свои усилія къ тому, чтобъ выставить современное состояніе университетовъ въ возможно болѣе неблагопріятномъ свѣтѣ, а другая старалась всѣми силами доказать, что университеты наши никогда не стояли на такой высотѣ, какъ со времени дѣйствія новаго устава. Отсюда выходило, что въ то время, какъ на страницахъ однихъ журналовъ и газетъ, въ статьяхъ по университетскому вопросу, публики ничего не видѣла, кромѣ изображенія ихъ недостатковъ, поставляемыхъ въ связь съ дѣйствующимъ уставомъ, на страницахъ другихъ изданій она встрѣчала лишь похвалы ихъ современному устройству, отмѣна котораго грозила бы неминуемымъ бѣдствіемъ для высшаго образованія. Безпристрастныхъ голосовъ не раздавалось въ печати, и если они по временамъ и пытались пробиться наружу, то говорили такъ мало и робко, что проходили совершенно незамѣченными.

Безпристрастному изображенію современнаго состоянія нашихъ университетовъ мѣшали двѣ причины. Одною изъ нихъ была ярость нападеній на нихъ со стороны бюрократической партіи, требовавшей принесенія себѣ въ жертву всякаго подобія самоуправленія, гдѣ бы оно ни проявлялось, хотя бы въ ученой республикѣ; другою—корпоративный духъ университетовъ, налагающій на cadaго изъ своихъ членовъ нравственную обязанность быть солидарнымъ съ корпораціей въ дѣлѣ защиты ея правъ, чести и достоинства. Что чувство самосохраненія, обязанность защищать лучшія начала отъ грубыхъ на нихъ покушеній, наконецъ, солидарность отдѣльныхъ членовъ съ корпораціей, не позволяли открывать слабую сторону нашихъ высшихъ разсадниковъ просвѣщенія тѣмъ именно людямъ, которымъ она была наиболѣе извѣстна, — это понятно. Но также понятно и то, что лица, не принадлежація къ университету, но проникнутыя идеей пользы самоуправления, не хотѣли выступать невольными союзниками партіи, поползновенія которой были ненавистны всякому, кому дороги истинные интересы и благо отечества. Когда нужно защищаться отъ врага, тогда простое благоразуміе

требуетъ не раскрывать предъ нимъ своихъ внутреннихъ ранъ, равно какъ не разъединяться, а дѣйствовать соединенными силами. Это правило, обязательное во внѣшней войнѣ, не менѣе обязательно и во внутренней. Этимъ объясняется то единодушіе, съ какимъ либеральная печать съ одной стороны и университетскія корпораціи съ другой не переставали до послѣдней минуты заявлять, что въ современномъ устройствѣ университетовъ измѣнять нечего и что уставъ 1863 года долженъ остаться неприкосновеннымъ. Что же касается недостатковъ, которыми, по словамъ бюрократической партіи, переполнена университетская жизнь и организація, то сторона, поставленная въ оборонительное положеніе, о нихъ совершенно умалчивала. Единодушіе ея въ этомъ отношеніи было до сего времени такъ велико, что внушало въ себѣ невольное уваженіе даже со стороны людей, всего менѣе склонныхъ подчиняться стороннему нравственному давленію и какъ нельзя болѣе дорожащихъ независимостью мнѣнія.

Но такому положенію дѣла долженъ быть положенъ конецъ. Состояніе высшаго образованія въ странѣ есть дѣло столь большой важности, что передъ нимъ блѣднѣютъ всякіе интересы партій, какими бы благовидными и возвышенными принципами они ни прикрывались. Неужели потому, что однимъ нужно преувеличивать мрачныя стороны университетской жизни, а другимъ выгоднѣе скрывать ихъ, русское общество не должно знать истиннаго состоянія своихъ университетовъ, съ процвѣтаніемъ которыхъ связанъ его надежды на торжество свѣта и разума въ дальнѣйшихъ судьбахъ отечества? Неужели и теперь, когда не существуетъ болѣе тѣхъ специальныхъ обстоятельствъ, при которыхъ всякое неодобрительное слово объ университетскихъ порядкахъ могло служить лишь на пользу приверженцевъ канцелярскаго режима, говорить правду объ университетахъ значить—измѣнять дѣлу свободы, становиться на сторону ея гонителей? Неужели и теперь либеральный принципъ требуетъ скрывать существующее зло на томъ основаніи, что объ этомъ злѣ говорятъ противники этого принципа? Вопросы странные, но вполнѣ законные, когда вспомнишь, какъ трудно было до самаго послѣдняго времени напечатать что-нибудь не въ пользу созданной уставомъ 1863 года университетской организаціи и установившихся подъ ея вліяніемъ современныхъ нравовъ университетскихъ корпорацій. Авторъ этихъ строкъ, которому нѣтъ нужды до-

казывать свою сердечную преданность интересамъ русскаго образованія и который, послѣ суроваго опыта жизни, можетъ охладѣть ко многому, только никакъ не къ судьбѣ русской школы и науки, неоднократно пытался выступать съ указаніемъ на темныя стороны университетской жизни, тяжело отзывающіяся на интересахъ нашей науки и высшаго образованія, но всегда встрѣчалъ тому энергическое противодѣйствіе если не матеріальнаго, то нравственнаго свойства. Не разъ приходилось откладывать въ сторону перо, готовое набросать картину университетской неурядицы, прямо вытекающей изъ недостатковъ дѣйствующаго устава; случалось и прекращать уже начатое печатаніе статей, относящихся къ этому предмету. Противодѣйствіе шло почти исключительно отъ близкихъ людей и выражалось въ весьма энергическихъ увѣщаніяхъ. «Время ли теперь—говорили автору—указывать на мрачныя стороны университетской жизни, когда на нихъ направлены стрѣлы бюрократической партіи и циническія выходы ретроградной печати? Выступать противникомъ нѣкоторыхъ порядковъ въ университетахъ не значить ли, съ другой стороны, вызвать противъ себя большинство членовъ университетскихъ корпорацій и подвергнуться граду нареканій и даже оскорбленій въ органахъ либеральной печати? Не лучше ли подождать обсужденіемъ университетскаго вопроса до того времени, когда судьба нашихъ университетовъ будетъ болѣе обезпечена отъ подчиненія ихъ мертвящей рукѣ канцелярскаго произвола, губительнаго для процвѣтанія всякой жизни, а тѣмъ болѣе жизни умственной, научной?» Съ искренностью, и безспорною разсудительностью такихъ рѣчей было бороться трудно и приходилось уступать ихъ давленію.

Но въ настоящее время вышеприведенныя разсужденія потеряли свою силу. Нынѣшній ¹⁾ министръ народнаго просвѣщенія, на первыхъ же порахъ отправленія своей должности, категорически заявилъ, что онъ, по отношенію къ университетамъ, будетъ стоять на почвѣ устава 1863 года и будетъ «уважать права, закономъ имъ предоставленныя». Опасности потерять свою автономію для университетовъ, слѣдовательно, теперь не существуетъ или, по крайней мѣрѣ, критическое время для этой автономіи миновало. Въмѣстѣ

¹⁾ Баронъ А. П. Николаевъ.

съ этимъ, должно въ средѣ просвѣщенныхъ членовъ университетскихъ корпорацій измѣниться и отношеніе къ критикѣ современнаго устройства университетовъ и явленій, съ нимъ связанныхъ или даже изъ него вытекающихъ, — къ критикѣ, при томъ же, дружественной, проникнутой желаніемъ лишь видѣть въ лучшемъ свѣтѣ то, что дорого самимъ корпораціямъ, и потому считающей себя вправѣ указать на то, что для пользы науки и высшаго образованія подлежитъ измѣненіямъ, равно какъ и на то, что можетъ поднять уровень научной жизни и общественной нравственности въ университетахъ и увеличить силу вліянія на общество со стороны этихъ, дорогихъ всякому, любящему свою родину, русскому человѣку, расадниковъ науки и просвѣщенной мысли въ отечествѣ. Что касается либеральной печати, то и она, подвергнувшаяся столькимъ тяжелымъ испытаніямъ, не можетъ, наконецъ, не понять, что нѣтъ для нея интересовъ выше истины и что нѣтъ блага, которое могло бы стоять въ противорѣчій съ этою послѣднею.

«Университетѣ наши находятся въ самомъ грустномъ положеніи: составъ профессоровъ далеко не блестящъ; вакантныхъ каедръ много, а тѣ, которыя и заняты, мало отъ того выигрываютъ; замѣчательныхъ людей между преподавателями очень мало, а замѣчательныхъ трудовъ, ими совершенныхъ на пользу науки, еще менѣе; тутъ уже господствуетъ не классицизмъ, не реализмъ, а Богъ вѣсть что... Профессоры походятъ болѣе на чиновниковъ, исполняющихъ свои официальные обязанности, чѣмъ на преподавателей, дорожащихъ передачею своимъ слушателямъ тѣхъ свѣдѣній и убѣжденій, которыхъ они преисполнены, а студенты преимущественно заняты тѣмъ, какъ бы отбыть положенные годы обученія и получить ученую степень, дающую права по службѣ. Тутъ наука не причемъ; общенія между учащими и учащимися также почти нѣтъ никакого; формальное исполненіе своихъ обязанностей есть главная забота и тѣхъ, и другихъ».

Кому принадлежитъ эта картина современнаго состоянія нашихъ университетовъ? г. Каткову? г. Любимову? г. Георгіевскому? Ничуть не бывало. Ее нарисовало лицо, не разъ заявлявшее полное осужденіе системъ управленія народнымъ просвѣщеніемъ, такъ мало отвѣчающей жизненнымъ потребностямъ нашего отече-

ства, ее нарисовалъ известный общественный дѣятель и публицистъ, въ цѣломъ рядѣ умныхъ брошюръ, изобразившій неприглядность нашего положенія въ разныхъ отношеніяхъ, человекъ, не имѣющій никакихъ поводовъ относиться къ университетамъ недоброжелательно, а являющійся лишь въ роли-сторонняго, но безпристрастнаго наблюдателя. Авторъ вышеприведенныхъ строкъ — г. Кошелевъ *).

Кто станетъ утверждать, что въ приведенныхъ строкахъ заключается какое нибудь преувеличеніе *грустнаго* состоянія нашихъ университетовъ? А если въ нихъ дѣйствительно нѣтъ преувеличенія, то надобно сознаться, что положеніе высшаго образованія въ Россіи безотраднo. Оно сводится, по наблюденіямъ г. Кошелева, къ слѣдующимъ даннымъ: много незанятыхъ кафедръ; между университетскими преподавателями царствуетъ печальная посредственность; ученые труды большей части преподавателей ничтожны, по крайней мѣрѣ, не обращаютъ на себя вниманія; преподаваніе лишено жизни и носитъ характеръ формальнаго исполненія обязанностей; нравственной связи между профессорами и студентами нѣтъ или очень мало; преподаваемая въ университетахъ наука не обнаруживаетъ на слушателей возвышающаго и окрыляющаго душу вліянія. Есть надъ чѣмъ задуматься. Вѣдь если наблюденія автора вышеприведенныхъ строкъ вѣрны, то мы въ настоящее время присутствуемъ при такомъ состояніи нашихъ университетовъ, которое указываетъ уже не на застой въ ихъ процвѣтаніи, а прямо на какое-то разложеніе, на болѣзнь органическую.

Посмотримъ однако на дѣло ближе.

Еслибъ намъ не было ничего извѣстно ни о качествѣ ученыхъ и преподавательскихъ силъ, дѣйствующихъ въ нынѣшнихъ русскихъ университетахъ, ни о внутренней жизни университетовъ вообще, ни о научныхъ и преподавательскихъ успѣхахъ въ частности, еслибъ не было извѣстно ничего другого, съ чѣмъ связано процвѣтаніе или паденіе высшаго учебнаго заведенія, то одного факта опустѣнія многихъ кафедръ было бы вполне достаточно для того, чтобы понять, что университеты наши стоятъ не на хорошей дорогѣ.

*) См. его брошюру: «Что же теперь дѣлать?» Берлинъ, 1879, стр. 18—19.

Какая может идти рѣчь о процвѣтаніи науки и высшаго преподаванія тамъ, гдѣ многія и нерѣдко важнѣйшія, основныя кафедры безмолствуютъ, и безмолствуютъ не семестръ, не годъ, не два, а пять, десять, пятнадцать лѣтъ и даже болѣе! Если это безмолвіе и не всегда надобно понимать въ буквальномъ смыслѣ, въ виду того, что обыкновенно факультеты находятъ лицо, которое берется временно читать лекціи по вакантной кафедрѣ, то все-таки незамѣщеніе кафедръ въ теченіе многихъ лѣтъ — фактъ весьма характеристическій для жизни нашихъ университетовъ и крайне печальный. Стоитъ лишь заглянуть въ печатающіеся въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» отчеты «о дѣятельности и состояніи учебныхъ заведеній», чтобы видѣть, какъ далеко идетъ бѣдствіе отъ недостатка въ профессорахъ всѣхъ русскихъ университетовъ, кромѣ петербургскаго. Ничего не можетъ быть, однако, въ этомъ отношеніи краснорѣчивѣе отчета казанскаго университета за 1880 годъ, въ которомъ мы читаемъ слѣдующее:

«Изъ числа положенныхъ по штатамъ кафедръ вакантными были слѣдующія: на историко-филологическомъ факультетѣ: римской словесности со второй половины 1869 года; исторіи всеобщей литературы и теоріи и исторіи искусствъ, — обѣ со времени введенія въ дѣйствіе университетскаго устава 1863 года, арабскаго языка — съ сентября 1868 года и турецко-татарскаго — съ іюля 1872 года; на физико-математическомъ: практической механики и физической географіи — обѣ со времени введенія въ дѣйствіе нынѣшняго устава; на юридическомъ: церковнаго законодательства — съ сентября 1869 года; исторіи славянскихъ законодательствъ — со времени введенія въ дѣйствіе устава 1863 года, уголовнаго права и уголовнаго судопроизводства и судопроизводства — съ іюля 1870 года; исторіи иностранныхъ законодательствъ, древнихъ и новыхъ — съ января 1876 года, энциклопедіи права — съ октября 1879 года; на медицинскомъ: общей патологіи — съ іюня 1879 года и хирургической госпитальной клиники — съ декабря 1880 года» (Журналъ Минист. Народн. Просв. Августъ, 1881).

Откуда мы видимъ, что нѣкоторыя кафедры въ казанскомъ университетѣ, со времени ихъ основанія, не имѣли еще ни одного преподавателя, а нѣкоторыя изъ основныхъ факультетскихъ кафедръ, какъ кафедра римской словесности на историко-филологическомъ

факультетъ и уголовного права на юридическомъ, пребываютъ не занятыми—первая двѣнадцать лѣтъ, а вторая одиннадцать? Обратившись къ другимъ университетамъ, мы увидимъ, что въ кievскомъ кафедре римской словесности остается вакантно четыре года, а греческой — четырнадцать. И это въ университетѣ, гдѣ историко-филологическій факультетъ съ 1-го курса подраздѣленъ на отдѣленія, изъ которыхъ главное классическое! Согласно отчету, читанному 30-го августа на актѣ новороссійскаго (одеcскаго) университета, тамъ кафедре философіи остается вакантно со 2-го октября 1876 г., римской словесности — съ 1-го января 1877 г., сравнительной грамматики индо-европейскихъ языковъ — съ 12 октября 1874 г., исторіи всеобщей литературы — съ 1-го мая 1866 г., агрономической химіи — съ 10-го марта 1879 г., энциклопедіи права — съ 14-го октября 1872 года, международного права — съ 1-го мая 1865 г., церковнаго законодѣнія — съ 20-го іюня 1875 года. Даже въ московскомъ университетѣ, по отчету за 1880 г., оставались незанятыми по одному юридическому факультету цѣлыхъ четыре кафедры: энциклопедіи права, уголовного права, уголовного судопроизводства и исторіи славянскихъ законодательствъ.

Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть, какъ великъ одинъ изъ тяжкихъ недуговъ, какими страдаютъ русскіе университеты. О причинахъ его мы скажемъ ниже, а теперь обратимъ вниманіе на другую сторону дѣла. Если печально видѣть, что университеты не могутъ найти лицъ для замѣщенія кафедръ, изъ которыхъ нѣкоторыя безмолвствуютъ въ продолженіе десяти, пятнадцати лѣтъ и болѣе, то еще болѣе грустное чувство овладѣваетъ нами при мысли, что и занятія кафедры, какъ выражается г. Кошелевъ, «мало отъ того вынуживаются». Прежде чѣмъ мы расскажемъ печальную повѣсть о томъ, какъ обыкновенно замѣщаются теперь въ русскихъ университетахъ вакантныя кафедры, мы не можемъ не заявить грустнаго факта, что достоинство преподавательскаго персонала въ университетахъ нашего времени представляетъ собой, сравнительно съ недавнимъ прошлымъ, явный упадокъ. Пунктъ этотъ очень щекотливъ и фактическое разъясненіе его невозможно безъ того, чтобы не затронуть личныхъ самолюбій. Поэтому мы будемъ здѣсь осторожны, но не можемъ оставить дѣла безъ всякаго освѣщенія, хотя бы только для одного историко-филологическаго факультета. Возьмемъ кафедру славянскихъ нарѣчій. Давно

ли было время, когда она имѣла своими представителями въ разныхъ университетахъ такихъ лицъ, какъ Григоровичъ, Бодявскій, Срезневскій! Гдѣ теперь найдутся на этой кафедрѣ представители, равные по уму, образованію и ученому значенію этимъ корифеямъ славянской филологіи ¹⁾? Много ли теперь на этой кафедрѣ именъ, хотя-бы только извѣстныхъ публикѣ, не говоря о знаменитости? Возьмемъ, коли угодно, и русскую исторію. Недалеко то время, когда на кафедрѣ по этому предмету гремѣли имена Соловьева, Костомарова, а раньше—Погодина, Устрялова. Развѣ теперешніе представители этой кафедры, не исключая даже лучшихъ изъ нихъ, между которыми есть имена весьма почтенныя, могутъ сравняться съ своими предшественниками въ ученой славѣ, во вліяніи на общество и даже въ качествѣ ученой производительности? Не бытъ, одно время, бѣдна громкими именами и кафедра всеобщей исторіи. Все русское образованное общество знало Куторгу въ Петербургѣ, Грановскаго и Кудравцева въ Москвѣ. Теперь же о большей части нашихъ историковъ знаютъ только студенты, да и то не всѣхъ факультетовъ.

Странное дѣло! У нынѣшнихъ профессоровъ, во крайней мѣрѣ у лучшихъ изъ нихъ, нѣтъ недостатка ни въ учености, хотя и узкой, ни въ знакомствѣ съ научными приемами, хотя бы только нѣмецкихъ семинарій—въ этомъ они подѣ часть даже сильнѣе своихъ предшественниковъ, — но роль ихъ въ отечественной наукѣ ограничена, вліяніе на слушателей мало замѣтно, а на общество—и совсѣмъ ничтожно. Имена большей части изъ нихъ совершенно неизвѣстны публикѣ, и сочиненія ихъ, за малыми исключеніями, совсѣмъ не находятъ читателей. Съ именами прежнихъ профессоровъ наша публика была такъ же хорошо знакома, какъ и съ именами любимыхъ поэтовъ и прозаическихъ писателей: На ихъ публичныя лекціи стекались сотни и тысячи слушателей. Лекціи эти были событіями сезона; о нихъ всѣ говорили, содержаніе ихъ было предметомъ оживленныхъ споровъ въ обществѣ. Статьи этихъ профессоровъ, помѣщавшіяся въ журналахъ, читались съ жадностью

¹⁾ Петербургскому университету впрочемъ посчастливилось приобрести на кафедру славянскихъ нарѣчій очень сильнаго ученаго, въ лицѣ г. Ягича, иностраннаго славянина.

и представлялись всей читающей публикѣ авторитетными. То ли теперь? Теперь даже литераторы и преподаватели другихъ учебныхъ заведеній сплошь да рядомъ не знаютъ, кто преподаетъ въ университетѣ латинскій языкъ или всеобщую исторію. Не значить ли это, что въ нашемъ университетѣ убьла сила ума и таланта, сила научнаго авторитета? Несомнѣнно значить. Тамъ, гдѣ умъ и талантъ тамъ и извѣстность, тамъ и вліяніе. Кто не знаетъ имени Вуллєрова или Менделѣева? А между тѣмъ химія — наука, далеко не такъ популярная, какъ словесность или исторія? Кто не знаетъ Чебышева-математика? Ученая специальность, какъ видитъ читатель, не играетъ роли въ доставленіи лицу славы и значенія. Истинная величина видна вездѣ и не можетъ долго оставаться подъ спудомъ. У публики есть удивительное чутье, которымъ она узнаетъ умственную или нравственную силу въ людяхъ, дѣйствительно выдающихся, и не хочетъ знать о тѣхъ, кого ей выставляютъ за большихъ ученыхъ или гениевъ, вопреки справедливости. Если, такимъ образомъ, ученая корпорація — цѣлый университетъ или только факультетъ — не имѣетъ на общество никакого вліянія, если публика ничего не знаетъ о величинѣ ученыхъ, копошащихся въ своемъ муравейникѣ и представляющихся въ немъ великими, то это вѣрный признакъ, что въ корпораціи царствуетъ посредственность или прямо ограниченность.

Говоря о настоящемъ положеніи умственныхъ силъ русскихъ университетовъ сравнительно съ прежними, мы имѣемъ въ виду по преимуществу историко-филологическій факультетъ, не только потому, что наличный его составъ и дѣятельность его представителей намъ болѣе извѣстны, но и потому, что нигдѣ такъ не замѣтно паденіе качества умственныхъ силъ, какъ именно на этомъ факультетѣ. Къ этому нужно прибавить еще и то соображеніе, что историко-филологическій факультетъ, по свойству преподаваемыхъ въ немъ наукъ, всегда былъ особенно на виду у общества и имѣетъ всего болѣе возможности обнаружить благотворное вліяніе науки на умственную, нравственную и эстетическую жизнь общественной массы. Есть, поэтому, не малое основаніе мѣрять состояніе университета по качеству умственныхъ силъ его представителей, занимающихся языкознаніемъ, литературой, философіей и исторіей. Языкознание, литература, исторія всегда составляли и еще долго будутъ составлять главнѣйшіе элементы образованія во всякомъ обществѣ:

потому-то и важно, чтобы представителями науки въ этомъ отношеніи являлись люди талантливые и достойные. Кто знаетъ, не стоить ли пониженіе идеальныхъ стремленій и даже обыкновенной гражданской нравственности въ русскомъ обществѣ послѣднихъ полутора десятковъ лѣтъ въ нѣкоторой связи съ паденіемъ у насъ высшаго образованія по наукамъ историческимъ и филологическимъ? Отъ кого теперь молодое поколѣніе слышитъ сильное и вдохновенное слово, которое во время оно увлекало его къ возвышеннымъ чувствамъ и мыслямъ и давало ему на всю жизнь точку опоры въ живо-нарисованныхъ образахъ великихъ людей, въ картинахъ стремленій великихъ эпохъ, въ раскрытіи широкаго смысла въ произведеніяхъ гениальныхъ писателей? Кого теперь могутъ волновать, въ комъ могутъ шевелить благородныя чувства и направлять умъ къ идеаламъ челоѳической жизни историческія лекціи, когда, напримѣръ, читающій въ близкомъ къ намъ университетѣ древнюю исторію профессоръ ничего не видитъ въ исторіи Рима, кромѣ послѣдовательнаго ряда годовъ, обозначаемаыхъ именами консуловъ, и внѣшнихъ событій, къ этимъ годамъ приурочиваемыхъ? Какую пищу для ума и эстетическаго чувства можетъ дать чтеніе древнихъ писателей, сопровождаемое отъ начала до конца одними, и при томъ элементарными, этимологическими и синтаксическими объясненіями,— чтеніе, какъ бы не признающее въ писателѣ ни сильнаго литературнаго таланта, ни яркаго представителя общественной мысли, ни сына исторической эпохи, давшей его перу особый колоритъ и направленіе? Личность профессора всегда играетъ большую роль во влияніи преподаваемой имъ науки на слушателей, равно какъ и въ большемъ или меньшемъ ихъ расположеніи къ ея изученію. Сильный умомъ и даровитый ученый тотчасъ привлекаетъ къ занятію своей наукой многочисленныхъ и внимательныхъ учениковъ и образуетъ то, что называется школой, которая распространяетъ дѣло своего основателя и живетъ бодрымъ духомъ, въ то время какъ невольные слушатели узкаго міросозерцаніемъ и самоуслаждающагося въ своей ограниченности лектора занимаются дѣломъ спустя рукава и оставляютъ университетъ безъ всякаго научнаго духа, безъ всякаго одушевленія идеаломъ истины. Представимъ же себѣ, что гдѣ-нибудь цѣлый факультетъ составленъ изъ такихъ самоуслаждающихся въ своей ограниченности представителей науки, какъ вышеупомянутый профессоръ римской исторіи, возвра-

тившійся въ изложеніи исторіи къ самому первобытному методу, заимствованному имъ у «Лѣтописи» римскихъ понтификовъ, или, какъ тотъ профессоръ греческой словесности, который въ произведеніяхъ поэтовъ и прозаиковъ, у Гомера и Фукидида, у Софокла и Платона, не видитъ ничего, кромѣ склоненій, спряженій, наклоненій, временъ и падежей, въ особенности родительнаго. Развѣ при такомъ преподаваніи возможна научная жизнь въ сре. въ учащихся? Развѣ возможно при такихъ условіяхъ нравственное вліяніе профессорскихъ лекцій на слушателей? Развѣ могутъ такіе университетскіе дѣятели внушить молодому поколѣнію нравственную бодрость, заставить полюбить науку, приучить трудиться съ охотой, съ увлеченіемъ, дать идеаль, который служилъ бы юношѣ свѣточемъ въ жизни?

Наука требуетъ прежде всего возможно точнаго знанія фактовъ и явленій, касаются ли эти факты и явленія міра физическаго, или духовнаго—все равно. Но факты и явленія, какъ бы близко они ни были изучены, еще не составляютъ науки. Они составляютъ ея достояніе на столько, на сколько они ведутъ насъ къ познанію законовъ управляющихъ жизнью, т. е. ихъ обнаруженіемъ. Это познаніе законовъ явленій и есть задача науки,—то, въ чемъ заключается ея цѣль и сущность. Но не всѣ науки одинаково доступны точному изученію явленій; не всякаго рода явленія легко подчиняются тѣмъ общимъ началамъ, которыя мы называемъ законами. Область міра физическаго, гдѣ наблюденія проще и доступнѣе, гдѣ связь явленій виднѣе, гдѣ причинность ихъ нагляднѣе, гдѣ многое подлежитъ повѣркѣ при помощи искусственныхъ опытовъ, гораздо способнѣе подчиняться научному знанію, и потому гораздо раньше открыла человѣческому уму нѣкоторые изъ законовъ, въ этой области дѣйствующихъ. Область міра духовнаго несравненно сложнѣе по своимъ элементамъ, гораздо менѣе подлежитъ непосредственному наблюденію, вслѣдствіе того, менѣе доступна точному изученію и, на основаніи этого, еще далека отъ строгаго научнаго знанія, которымъ гордятся изслѣдователи внѣшней природы. Этою разницею въ степени познаваемости явленій физическихъ и духовныхъ объясняется, между прочимъ, то обстоятельство, что въ наукахъ естественныхъ всякій ученый болѣе на своемъ мѣстѣ, чѣмъ въ наукахъ, имѣющихъ предметомъ жизнь человѣка или общества. Тогда какъ въ первыхъ и ограниченный человѣкъ, вооруженный терпѣніемъ

и умѣнемъ обращаться съ механическими аппаратами, — можетъ дѣлать свое дѣло съ пользой для другихъ и для самой науки, — въ наукахъ высшаго разряда безъ выдающагося природнаго ума, старательнаго образованія и творческой способности или таланта нельзя сдѣлать ничего важнаго или полезнаго: здѣсь и изученіе фактовъ представляетъ гораздо больше трудности, а пониманіе внутренняго смысла явленій, ихъ связи и причинности требуетъ способнос. ей далеко не дюжиннаго свойства. Вотъ почему даровитость въ наукахъ филологическихъ, историческихъ, философскихъ является важнѣйшимъ условіемъ, безъ котораго не можетъ быть ни настоящаго ученаго, ни хорошаго профессора. Безъ нея самое упорное специальное изученіе дѣла окажется безплоднымъ, а передача его слушателямъ останется безъ вліянія. Такой человѣкъ не въ состояніи ни выбрать надлежащаго предмета для чтенія, ни освѣтить его надлежащимъ образомъ, ни возбудить въ слушателяхъ вниманіе къ его изученію. При даровитости преподавателя, самый сухой и специальный предметъ, хотя бы родительный падежъ въ греческомъ склоненіи, приобретаетъ интересъ въ глазахъ слушателя, а безъ нея и римская исторія — предметъ, интереснѣе и поучительнѣе котораго не представляетъ намъ историческая наука, — явится сумбуромъ, неизвѣстно для чего преподаваемымъ съ кафедръ. Хорошій профессоръ — тотъ, кто можетъ и научить заниматься по строгому методу и науки, внушить любовь къ научнымъ занятіямъ. Нѣтъ среди учащихся юношей бодрого отзыва къ приобретенію научныхъ знаній, значитъ въ университетѣ наука въ упадкѣ, преподавательскихъ талантовъ нѣтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уровень высшаго образованія идетъ къ неизбѣжному пониженію.

Таково именнo состояніе нашихъ университетовъ въ области наукъ филологическихъ, историческихъ и, — позволю себѣ сказать, хоть мимоходомъ, — юридическихъ. Кафедры на юридическомъ факультетѣ не менѣе страдаютъ недугомъ отсутствія преподавателей, чѣмъ и на историко-филологическомъ. Замѣчательныхъ юридическихъ трудовъ появляется меньше прежняго; жалобы студентовъ-юристовъ на слабый характеръ преподаванія всеобща; застой на юридическихъ факультетахъ, если не явный упадокъ ихъ, — о чемъ однако говорятъ многіе, — очевиденъ. Достаточно указать хоть на тотъ фактъ, что множество студентовъ юридическаго факультета въ любомъ университетѣ не посѣщаютъ лекцій по полугодіямъ и

даже по цѣлымъ годамъ. Между этими студентами далеко не всѣ принадлежатъ къ лѣнивымъ и неспособнымъ. Но всѣ они въ одинъ голосъ говорятъ, что посѣщеніе юридическихъ лекцій въ университетахъ бесполезно, что профессора изъ года въ годъ читаютъ по однѣмъ и тѣмъ же запискамъ или даже по печатнымъ книгамъ. Явленіе это, которое не встрѣчается въ такомъ грубомъ видѣ ни на какомъ другомъ факультетѣ, было бы ужасно, еслибъ юридическій факультетъ могъ давать тонъ университету. Къ счастью для науки, этой привилегіей онъ никогда не пользовался, кромѣ, быть можетъ, итальянскихъ университетовъ стараго времени.

Какъ въ природѣ, такъ и въ мірѣ человѣческомъ, всякое начало стремится утвердить себя, продолжить и распространить свое дѣйствіе. Стремится утвердить себя и царство посредственности въ университетѣ, и это не на одномъ историко-филологическомъ факультетѣ и не въ одномъ какомъ нибудь университетѣ, а на всѣхъ факультетахъ и во всѣхъ университетахъ безъ изыятія. Въ настоящее время, проникнуть въ университетскую корпорацію даровитому ученому едва ли многимъ легче, чѣмъ пройти верблюду сквозь игольное ухо. Какая-то глухая и упорная вражда къ таланту проявляется всюду, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Про историко-филологическіе факультеты и говорить нечего. Тамъ даровитость вмѣняется чуть не въ преступленіе. Стоитъ только посмотрѣть, какія диссертациі принимаются теперь по наукамъ филологическимъ и историческимъ и считаются за хорошія, чтобы просто ужаснуться. До крайности узкія темы, неряшливое расположеніе содержанія, тяжелое и мало литературное изложеніе, а, главное, отсутствіе всякаго философскаго духа признается теперь между филологами за положительныя достоинства. Боже сохрани, если молодой ученый обнаруживаетъ широту взгляда, живое изложеніе, стремленіе къ ясности мысли и способность къ обобщеніямъ. Это теперь былъ бы не ученый, а литераторъ, публицистъ или что хотите, но только не такой человѣкъ, какой теперь требуется. Еслибъ Грановскій теперь вздумалъ поступить на кафедрѣ исторіи въ петербургскій университетъ, онъ не собралъ бы для себя въ факультетѣ и трехъ голосовъ. Тупость не порокъ, а даже признакъ солидности; порокъ въ талантѣ, въ даровитости. Одно время ходилъ слухъ, что по поводу предложенія одного извѣстнаго и даровитѣйшаго изъ русскихъ историковъ въ почетные доктора, въ этомъ факультетѣ была

произнесена фраза: «въ такомъ случаѣ надо было бы дать почетную докторскую степень и танцору Петина». *Se non è vero, è ben trovato!* Но вражда къ даровитости проявляется не въ одномъ историко-филологическомъ факультетѣ. И понятно. Вѣдь даровитый ученый—соперникъ; онъ же обыкновенно человѣкъ съ характеромъ, съ развитымъ чувствомъ достоинства. Какъ можно пустить въ факультетъ такого человѣка! Онъ будетъ имѣть вліяніе на студентовъ, какого другіе не имѣютъ; онъ будетъ привлекать къ себѣ массу слушателей; онъ дастъ истинное понятіе о нашемъ ученомъ достоинствѣ. То ли дѣло теперь! Мы всѣ равны, за большімъ не гоняемся, хвалимъ другъ друга, опираемся одинъ на другого, всѣ дѣла у насъ рѣшаются полюбовно. Пусть студенты думаютъ, что такая наука, какую мы преподаемъ, и есть настоящая, серьезная! Недавно въ университетахъ было воздвигнуто гоненіе на академію наукъ за то, что тамъ разсуждали точь въ точь, какъ разсуждаютъ въ самихъ университетахъ. Странно! Почему же другимъ нельзя имѣть взгляда, который мы сами у себя вводимъ въ правило?

Прошло уже четыре года, какъ я оставилъ университетскую кафедру. Съ тѣхъ поръ я не только не переставалъ любить университетъ, но принимаю къ сердцу его судьбы, кажется, теперь еще болѣе, чѣмъ какъ это было въ то время, когда я дышалъ исключительно его воздухомъ, жилъ его жизнью и ему одному посвящалъ Богомъ. мнѣ данныя силы. Но никакая сторона университетской жизни не возбуждаетъ во мнѣ столь жгучихъ и скорбныхъ воспоминаній, какъ рядъ несправедливостей коллегіи къ лучшимъ ученымъ силамъ, толкавшимся въ двери профессуры. Припоминая все видѣнное своими глазами и слышанное своими ушами, присовокупляя къ этому то, что удалось узнать изъ жизни другихъ университетовъ, я не могу безъ грустнаго чувства представить себѣ судьбу русскаго даровитаго ученаго, прежде чѣмъ онъ добьется обезпеченнаго положенія на профессорской кафедрѣ или въ другомъ званіи. Говорю даровитаго, потому что посредственность и, даже бездарность всегда легче пробьетъ себѣ ученую дорогу, которая удобнѣе открывается крѣпкому лбу, чѣмъ крѣпкому уму. Виѣсть съ тѣмъ, я долгомъ считаю высказать свое убѣжденіе, что будь у насъ больше открыта дорога таланту, русскіе университеты не находились бы въ томъ печальномъ положеніи, въ какомъ они нынѣ безспорно обрѣтаются.

Жалуются на недостатокъ людей для замѣщенія касседръ; жалуются на слабость официальныхъ представителей русской науки и на избѣганіе способными молодыми людьми ученаго поприща. Но какъ же могло бы быть иначе при данныхъ условіяхъ? Не можетъ быть ничего многострадальнѣе судьбы юноши, ищущаго профессорскаго званія въ Россіи. Сплошь да рядомъ случается, что способный молодой человѣкъ, нашедшій себѣ во время своего студенчества покровителя въ одномъ профессорѣ, предметомъ котораго онъ занимается, встрѣчаетъ въ то же время нерасположеніе въ другомъ, если не въ другихъ, всего чаще по личнымъ отношеніямъ его покровителя къ своимъ товарищамъ. Молодой человѣкъ ждетъ, что его, по окончаніи курса, оставятъ при университетѣ для дальнѣйшихъ занятій. Нерѣдко это и случается; но случается и такъ, что молодой человѣкъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, остается за дверью университета. Какой для него на первый разъ ударъ, какое разочарованіе! Никогда я не забуду одного печальнаго событія въ кievскомъ университетѣ. Молодой историкъ, окончившій курсъ блестящимъ образомъ, получившій высшія отмѣтки по всѣмъ предметамъ своего факультета, удостоенный золотой медали за конкурсное сочиненіе, которое, по постановленію факультета, было вскорѣ затѣмъ напечатано въ «Университетскихъ Извѣстіяхъ» рядомъ съ трудами профессоровъ, представленный къ оставленію въ университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію, былъ безъ всякихъ основаній забаллотированъ въ совѣтѣ. Это было въ засѣданіи 21 октября 1877 года, послѣднемъ, въ которомъ я присутствовалъ. Не дай Богъ никому пережить тѣхъ ужасныхъ минутъ, какія переживаютъ юноши при подобныхъ обстоятельствахъ! Но положимъ, что мечта молодого ученаго осталась при университетѣ осуществилась. Два или три года онъ занимается предметомъ своей специальности, готовится къ экзамену, собираетъ матеріалы для магистерской диссертации. Жизнь онъ ведетъ при этомъ въ обстановкѣ студента, получая 600 рублей въ годъ стипендіи, часть которой у него уходитъ на покупку книгъ, безъ которыхъ заниматься нѣтъ возможности. Многіе изъ его товарищей уже успѣли жениться и составить себѣ нѣкоторое общественное положеніе, а онъ ждетъ со страхомъ и трепетомъ дня наступленія магистерскаго экзамена. Бѣдняга учился, учился, а ему все еще нужно экзаменоваться, какъ школьнику. Счастье его, если данный ему

въ руководители профессоръ — человекъ съ вѣсомъ и не имѣеть враговъ въ факультетѣ. Иначе бѣда! Экзамень, выдержанный съ успѣхомъ по главному предмету, обращается въ ничто по капризу или по заносчивости экзаминатора по предмету второстепенному, экзаминатора, который, иногда желая отомстить на экзаменуемому покровительствующему профессору, иногда пользуясь случаемъ показать свое мало признаваемое значеніе, ставитъ неудовлетворительную отмѣтку магистранту. Я былъ не разъ свидѣтелемъ подобнаго злодѣянія и увѣряю читателя, что ничего нельзя себѣ представить болѣе безнадежнаго и отчаяннаго, какъ положеніе въ эти минуты несчастнаго молодого ученаго. Можно быть увѣреннымъ, что въ эти минуты онъ прокликаетъ не только университетъ и науку, но и самый день своего рожденія. Всѣ надежды его разлетѣлись въ прахъ отъ одного движенія руки какого-нибудь капризнаго, иногда ничтожнаго по уму и познаніямъ, официальнаго представителя факультетской науки, который, быть можетъ, самъ еще недавно и притомъ благодаря лишь крайнему снисхожденію экзаминаторовъ, прошелъ Каудинскія ущелья магистерскаго экзамена. Какъ молодой человекъ, способный, трудолюбивый, недавно еще мечтавшій объ ученой извѣстности, о знаменитости, какъ онъ придетъ домой и какъ онъ объяснитъ свое горе матери, сестрѣ, быть можетъ, тутъ же ожидающей его невѣстѣ? Что за невыносимое, что за удручающее положеніе! У рѣдкаго изъ этихъ жертвъ грубости и произвола снова является охота подвергаться разъ испытанной каторгѣ, а обыкновенно неудовлетворительная отмѣтка на магистерскомъ экзаменѣ вычеркиваетъ навсегда молодую силу изъ претендентовъ на кафедру.

Но вотъ молодой человекъ счастливо прошелъ магистерскій экзамень, написалъ диссертацию и даже успѣлъ ее зачитать публично, при громѣ рукоплесканій студентовъ и сторонней университету публики. Много силъ, много здоровья потрачено имъ въ трудѣ, а иногда еще больше въ борьбѣ съ разными учеными самолюбиями, съ прихотями и капризами ученой коллегіи. Онъ теперь магистръ, слѣдовательно ученый, написалъ книгу, слѣдовательно онъ писатель. На первомъ шагѣ самолюбіе удовлетворено, но затѣмъ этого ученаго и писателя не перѣдко ждетъ горькое разочарованіе. Въ университетѣ свободна должность доцента, на которую онъ имѣетъ и формальное, и нравственное право. Должность эта скудно

вознаграждается, всего 1,200 рублей въ годъ. Каждый учитель гимназій теперь можетъ получать больше, а о жалованьяхъ въ судебномъ, въ акцизномъ или тому подобныхъ вѣдомствахъ и говорить нечего. Но молодой магистръ ждетъ этой должности, какъ манны небесной. Жилъ онъ до сего времени на 600 р., а съ 1,200 р. онъ можетъ зажить чуть не Крезомъ. Важно приобрѣтеніе права читать съ кафедръ, важно вступить ногой въ университетскую коллегію. Но факультетъ, по соображеніямъ, ему одному извѣстнымъ, не предоставляетъ новому магистру доцентуры. Можетъ быть, вакантное мѣсто приберегается для другого, для лица, болѣе пріятнаго декану, болѣе податливаго, уступчиваго, менѣе скупающагося на похвалы ученымъ заслугамъ факультетскаго ареопага. И вотъ магистръ и писатель не знаетъ, гдѣ главу преклонить. Великое счастье, если горечь его судьбы смягчится посылкой его за границу для усовершенствованія въ его специальности; если же и этого нѣтъ, то ученая карьера его кончена, и тяжелые труды его были подняты имъ совершенно напрасну, такъ какъ для всякой другой карьеры нѣтъ никакой нужды ни подвергаться магистерскому экзамену, ни писать диссертациі, ни жить предварительно два-три года на чердакахъ, копаясь въ книгахъ и отказывая себѣ въ необходимыхъ развлеченіяхъ. Но случается такъ, что доцентская должность для магистра только отсрочивается до времени, когда онъ возвратится изъ заграничной командировки. Еслибъ такъ и происходило на самомъ дѣлѣ, то въ этой отсрочкѣ не было-бы ничего страннаго и неправильнаго. Но я очень живо припоминаю себѣ случай съ лицомъ, котораго мнѣ сердечно хотѣлось видѣть на университетской кафедрѣ. По приобрѣтеніи магистерской степени, лицо это было выбрано въ доценты по кафедрѣ исторіи факультетомъ, но забаллотировано 'совѣтомъ. Вскорѣ, впрочемъ, ему была выхлопотана заграничная командировка. Молодой историкъ, бойкій и даровитый, не замедлилъ обратить на себя вниманіе ученыхъ кружковъ за границей: объ его магистерской диссертациі была напечатана большая статья въ «Journal des Savants», принадлежащая перу крупнѣйшаго ученаго, его статьи печатались въ специальныхъ иностранныхъ журналахъ; собранные имъ по французской исторіи новые документы были признаны важнымъ приобрѣтеніемъ для науки и охотно печатались иностранными учеными обществами. Я не помню на историко-филологическомъ факультетѣ случая, когда

доцентской должности искало бы лицо, имѣвшее столько ученой извѣстности и столько вѣскихъ рекомендацій. Между тѣмъ тотъ самый факультетъ, который, три года назадъ, избралъ его въ доценты единогласно, теперь сталъ тормозить всѣми мѣрами дѣло о новомъ представленіи молодого ученаго на обѣщанную ему должность. За этотъ періодъ времени измѣнились отношенія въ факультетѣ, и у прославившагося за границей историка явились соперники, которымъ водвореніе его въ факультетъ было не по сердцу. Только послѣ продолжительной и упорной борьбы факультетскихъ партій молодой человекъ былъ снова представленъ факультетомъ, и совѣтъ на этотъ разъ постыдился забаллотировать его. Но изъ-за чего было столько борьбы въ ученой коллегіи, столько горя для молодого ученаго, для его родителей? Все дѣло шло о жалкомъ окладѣ въ 1,200 рублей и о положеніи, котораго никто не назоветъ завиднымъ для сознающаго свои силы ученаго. Доцентъ имѣетъ право читать лекціи и право экзаминовать студентовъ изъ отдѣла науки, имѣ прочитаннаго. Такимъ образомъ, по отношенію къ студентамъ доцентъ имѣетъ права профессорскія. Но въ самой ученой коллегіи онъ профессорскихъ правъ не имѣетъ. Онъ не членъ совѣта и даже не членъ факультета; онъ можетъ быть призываемъ въ факультетскія засѣданія, но, въ теченіи двухъ лѣтъ, безъ права голоса, если дѣло не касается специально преподаваемаго имъ предмета. Такъ какъ все значеніе этой должности заключается въ томъ, что она есть прямой путь къ профессурѣ, то до достиженія этого верховнаго въ глазахъ доцента блага ему необходимо держать себя тише воды, ниже травы. Онъ долженъ по возможности избѣгать высказывать объ университетскихъ дѣлахъ свое мнѣніе, онъ долженъ стараться лавировать между партіями, не приставаая ни къ одной изъ нихъ, но и не дѣлая ни одну изъ нихъ себѣ враждебною. Иначе онъ вѣкъ свой останется доцентомъ, т. е. неполноправнымъ гражданиномъ въ университетской республикѣ. Задавить его не трудно. Особенно въ этомъ отношеніи важны два момента: первый, когда онъ представляетъ докторскую диссертацию; второй, когда дѣло идетъ о представленіи его въ экстраординарные профессора. Не принять докторскую диссертацию совершенно зависитъ отъ спеціалиста, дѣлающаго о ней отзывъ. Достаточно сказать этому спеціалисту, — который нерѣдко ниже по уму и таланту лица, преданнаго ему на закланіе, — что диссертация не хороша, и дѣлу конецъ! Факультетъ по неволѣ со-

глашается съ «специалистомъ», и представившій диссертацию не получаетъ степени доктора. Между тѣмъ съ полученіемъ этой степени связано все дальнѣйшее его движеніе въ ученой и учено-административной іерархіи. Единственное спасеніе — представить диссертацию въ факультетъ другого университета, который дѣйствительно оказываетъ обыкновенно больше безпристрастія. Но вотъ вы докторъ и имѣете всѣ права на профессуру; а васъ къ ней не представляютъ. Количество лицъ, желающихъ вашего повышенія меньше, чѣмъ количество вашихъ противниковъ, и вамъ приходится дожидаться момента, когда взаимное отношеніе партій измѣнится. Всего важнѣе въ данномъ случаѣ настроеніе совѣта, въ которомъ засѣдаютъ люди, въ огромномъ большинствѣ совершенно чуждые вашей наукѣ. Тутъ смотреть, повтому, не на вашу ученость и профессорскую способность, а на то, какую роль вы будете играть среди своихъ товарищей, съ кѣмъ вы будете ближе, съ кѣмъ дальше, и какая партія черезъ ваше вступленіе въ совѣтъ будетъ въ выигрышѣ. Наконецъ, настала благоприятный моментъ: въ вашу пользу составилось большинство голосовъ, и вы экстраординарный профессоръ. Какая радость! Не было въ вашей жизни момента болѣе важнаго и рѣшительнаго, какъ этотъ переходъ заповѣднаго Рубикона, какъ этотъ торжественный день облеченія въ тогу совершеннолѣтія въ профессорскомъ званіи, когда вы не только дѣлаетесь полноправнымъ членомъ въ факультетѣ, но и получаете мѣсто въ залѣ засѣданій совѣта. Теперь ужъ вы сами можете имѣть вліаніе на судьбу другихъ и получаете возможность сами защищать себя; у васъ теперь есть голосъ наравнѣ со всѣми другими членами правительствующей университетской коллегіи, и вы чувствуете себя другимъ членомъ въ томъ самомъ зданіи, въ которомъ вы до сихъ поръ двигались какъ-то робко, нерѣшительно. Но вамъ 30—35 отъ роду, а вы, послѣ столькихъ годовъ тяжелой борьбы и лишеній, добились лишь 2,000 р. содержанія. Нравственное положеніе ваше поднялось высоко, юридическое — упрочено, а матеріальное все еще такъ незавидно, что всѣ ваши мысли устремлены по неволѣ на его улучшение. Вамъ хочется жить семейною жизнью, но она для васъ почти невозможна, по крайней мѣрѣ, соединена съ постоянными лишеніями и горемъ. Живя въ Петербургѣ, вы можете занимать одну, двѣ, три, пожалуй даже четыре должности внѣ университета, можете легко заработать лишнюю тысячу рублей литературнымъ

трудомъ въ периодическихъ изданіяхъ, если имѣете бойкое перо и вошли въ общеніе съ литераторами; но въ провинціи, если вы не медикъ-практикъ и не юристъ-адвокатъ, вамъ приходится съ своимъ жалованьемъ въ 2,000 рублей влечь жизнь еще очень далекую отъ довольства и благосостоянія. Когда васъ произведутъ въ ординарные профессора, вамъ прибавится еще тысяча рублей. Но достиженіе этого блага соединено также съ нѣкоторыми трудностями. У васъ есть враги, есть соперники, а вакантныхъ ординарныхъ кафедръ нѣтъ; скоро одна отерется, но на нее простираютъ виды и другіе. Все, наконецъ, побѣждено: вы ординарный профессоръ и получаете 3,000 рублей въ годъ содержанія. Это составляетъ лишь съ небольшимъ половину того, что получаетъ профессоръ во Франціи ¹⁾, гдѣ жить притомъ еще вдвое дешѣвле, чѣмъ въ любомъ изъ нашихъ университетскихъ городовъ. А между тѣмъ вы должны помнить, что трехтысячный окладъ въ большинствѣ случаевъ составляетъ предѣлъ вашего матеріальнаго обезпеченія. Должность декана факультета, увеличивающая профессорское содержаніе на 600 рублей въ годъ, можетъ вамъ никогда не достаться; отъ трудной и шекотливой въ настоящее время должности проректора вы сами отказываетесь, а должность ректора университета, доставляющая прибавку въ полторы тысячи рублей при казенной квартирѣ, можетъ быть только идеаломъ вашего земнаго величія, о которомъ позволительно мечтать, да и то лишь одинъ разъ въ четыре года.

Такова-то у насъ профессорская карьера. Она тяжела сама по себѣ, тяжела во всѣхъ странахъ, такъ какъ достиженіе въ ней упроченнаго положенія во всякомъ случаѣ требуетъ большой затраты силъ и много самоотверженія, но она вдвое тяжелѣе у насъ, при нашихъ нравахъ, при извѣстной жесткости нашихъ общественныхъ отношеній, при недостаточномъ развитіи чувства гуманности, при господствующемъ всюду въ нашей, еще мало просвѣщенной, жизни эгоистическомъ отношеніи къ дѣламъ общественнымъ. У насъ пустѣютъ кафедры, понижается вліяніе университетскаго препода-

---

¹⁾ Теперь профессора словеснаго и юридическаго факультетовъ въ Парижѣ получаютъ по 15,000 франковъ въ годъ; нашъ же университетскій профессоръ, считая рубль по нынѣшнему курсу въ 270 сантимовъ, получаетъ всего 8100 франковъ, а съ вычетомъ 2 проц. въ пользу пенсіоннаго капитала, в того менѣе. См. «Школьный Вопросъ», изд. 2-е, 1880 г., стр. 141.

ванія на студентовъ, ослабляется нравственная связь университетовъ съ обществомъ; но каѳедры будутъ пустѣть еще больше, выдающихся преподавателей будетъ еще меньше, если не измѣнятся условія, въ которыхъ движется теперь университетская жизнь, воспитываются у насъ ученые и пріобрѣтаются силы преподавательскія. Мы жалуемся на захудалое положеніе нашихъ университетовъ, явно клонящихся къ упадку и дающихъ о себѣ знать обществу болѣе своимъ внутреннимъ неустройствомъ, чѣмъ процвѣтаніемъ русской науки, обиліемъ ученыхъ трудовъ, нравственнымъ вліаніемъ на среду окружающую. Но этотъ упадокъ заведеній, на которыя еще недавно, какихъ-нибудь два десятка лѣтъ тому назадъ, русское общество смотрѣло съ чувствомъ благоговѣнія, въ данныхъ условіяхъ неизбеженъ и едва ли скоро остановится ¹⁾.

Не слѣдуетъ однако во всемъ винить людей: во многомъ виноваты обстоятельства. Процвѣтаніе науки не зависитъ ни отъ воли отдѣльныхъ лицъ, ни отъ воли отдѣльныхъ учреждений, ни отъ предписаній закона и администраціи. Оно зависитъ отъ многихъ причинъ и стоитъ въ связи съ общимъ строемъ жизни даннаго государства или народа. Не процвѣтаютъ у насъ университеты; а что другое процвѣтаетъ въ Россіи? Университетскіе нравы нехороши: а гдѣ у насъ въ другомъ мѣстѣ хорошіе нравы? Профессорскія корпораціи даютъ независимый умъ, талантъ, характеръ: а гдѣ у насъ въ настоящее время открыто всему этому свободное поприще? Приверженцы бюрократическихъ порядковъ думаютъ, что стоить лишить университеты устава 1863 г. и замѣнить его новымъ, составленнымъ по мысли гг. Каткова и Любимова, да подчинить студентовъ казарменной дисциплинѣ, и тотчасъ же университетское преподаваніе зацвѣтетъ, каѳедры наполнятся преподавателями, студенты будутъ превосходно учиться, и высшее образованіе въ Россіи поднимется на высоту небывалую. Еслибы только благо государствъ и отдѣльныхъ въ нихъ учреждений зависѣло отъ уставовъ, да отъ вмѣшательства министерскихъ канцелярій, тогда

---

¹⁾ Сообщенное газетами извѣстіе о забаллотированіи въ совѣтъ кievскаго университета двухъ выдающихся молодыхъ проессоровъ не служатъ-ли подтвержденіемъ нашему опасенію? Или кievскій университетъ, въ которомъ печальныя совѣтскія исторіи не переводятся, составляетъ среди другихъ русскихъ университетовъ исключеніе?

кажется, не было бы на свѣтѣ страны счастливѣе Россіи. Такъ много у насъ писалось всякихъ уставовъ, такъ много у насъ всякихъ законовъ, такъ велика у насъ сила канцелярій! Много у насъ всего этого добра, недостаетъ только духа жизни, обновляющаго, созидающаго, пробуждающаго, окрыляющаго. Безъ этого духа портятся учрежденія, развращаются нравы, останавливается полетъ талантовъ, хилѣютъ характеры, мельчаютъ личности. Вотъ почему намъ кажется, что въ данное время остановить упадокъ высшаго образованія у насъ трудно, какъ бы ни были энергичны мѣры, прямо противъ него направленные. Скорѣе всего слѣдуетъ ожидать, что этотъ упадокъ пойдетъ дальше и будетъ идти до тѣхъ поръ, пока не будетъ остановленъ общимъ потокомъ жизни, который двинетъ впередъ и науку, и искусство, и промышленность, и торговлю, который вдохнетъ «душу живу» въ учрежденія, пробудитъ въ людяхъ сознание долга, подниметъ характеры.

Впрочемъ, если мы дожили до того, что не чувствуемъ въ себѣ силъ успѣшно бороться съ окружающимъ насъ зломъ въ настоящемъ и принуждены ждать исцѣленія своихъ недуговъ только отъ будущаго, намъ неизвѣстнаго, то это еще не значитъ, что мы имѣемъ право сидѣть сложа руки и равнодушно смотрѣть, какъ гибнутъ наши умственные силы, не находя себѣ правильного приложенія, какъ у насъ чахнетъ наука отъ неумѣлаго съ нею обращенія, какъ для нашего юношества пропадаетъ ея живительная сила и облагораживающее вліяніе. Въ наукѣ наше спасеніе, а университеты—ея хранители и распространители. Сохрани Богъ, если мы допустимъ и эту соль жизни до полнаго «обуянія». Коль скоро зло сознано, то необходимо съ нимъ бороться. Нельзя бороться большими средствами, будемъ бороться малыми,—всеми, какія находятся въ нашемъ распоряженіи.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Извѣстно, что въ 1875 году была учреждена комисія съ цѣлю пересмотра университетскаго устава. Комисія эта, въ которой, кромѣ чиновниковъ министерства народнаго просвѣщенія, на-

ходился и одинъ профессоръ московскаго университета, имѣя своимъ председателемъ статсъ-секретаря И. Д. Делянова, начала свою дѣятельность личнымъ осмотромъ университетовъ. Переѣзжая изъ одного университетскаго города въ другой, она посѣщала лекціи, осматривала лабораторіи, музеи, клиники и другія учрежденія при университетахъ, приглашала профессоровъ для личныхъ объясненій по вопросамъ, ею заранее разосланнымъ каждому преподавателю, и составила такимъ путемъ сборникъ матеріаловъ, который могъ бы имѣть большую цѣну, еслибы всѣ члены ея были достаточно компетентны въ исполненіи принятой на себя обязанности и еслибы нѣкоторые изъ нихъ не приступили къ дѣлу съ явно предвзятыми цѣлями. Путешествіе этой комисіи, болѣе чѣмъ неудачно составленной, какъ и слѣдовало ожидать, было встрѣчаемо университетскими корпораціями съ недоумѣніемъ, которое возросло по мѣрѣ того, какъ нѣкоторые изъ ея членовъ высказывались въ болѣе и болѣе рѣшительномъ тонѣ о недостаткахъ современнаго университетскаго устройства и раскрывали планъ необходимыхъ, по ихъ мнѣнію, преобразованій. Планъ этотъ былъ ими, затѣмъ, формально высказанъ въ засѣданіяхъ комисіи, происходившихъ осенью 1876 года въ Петербургѣ съ участіемъ новыхъ членовъ, въ число которыхъ были приглашены преимущественно ректоры русскихъ университетовъ. Не смотря на то, что авторы плана преобразованій постоянно оставались въ этой усиленной комисіи въ меньшинствѣ, результатомъ совѣщаній ея былъ составленный въ ихъ духѣ проектъ новаго университетскаго устава, который однако не удостоился высочайшаго утвержденія.

Жалѣтъ ли, что труды учрежденной въ 1875 году комисіи, ѣздившей, писавшей, засѣдавшей, препиравшейся съ ректорами и составившей новый уставъ, пропали даромъ? Мы увидимъ, что жалѣтъ объ этомъ нѣтъ основаній. Но прежде всего нужно познакомиться съ характеромъ неутвержденнаго устава, а познакомиться съ нимъ тѣмъ легче, что онъ напечатанъ, даже и съ сопровождавшими его «соображеніями», въ вышедшей осенью 1881 года книгѣ г. Любимова ¹⁾. Въ общихъ чертахъ характеръ неутвержденнаго

¹⁾ Заглавіе этой книги слѣдующее: «Мой вкладъ. Статьи, записки, чтенія, замѣтки Н. А. Любимова, профессора московскаго университета. Томъ I. Университетскій вопросъ. Москва, 1881.»

устава рисуется въ слѣдующемъ видѣ. По отношенію къ управленію университетомъ, усиливается власть попечителя и его прямое вмѣшательство въ дѣла ученой коллегіи, ограничиваются права совѣта и ректора, вводится въ правленіе чиновникъ съ именемъ совѣтника по хозяйственной части, а для надзора за студентами поставляется инспекторъ по назначенію отъ попечителя, съ помощниками, выбираемыми самимъ инспекторомъ. Это значитъ: отнимается у университета значительная доля автономіи, предоставленной ему уставомъ 1863 года. Вводятся, далѣе, важныя измѣненія въ устройствѣ учебной части. Количество кафедръ, какъ и штатныхъ преподавателей, вообще сокращается, но увеличивается число профессуръ, въ виду того, что уничтожается званіе штатнаго доцента; расширяется институтъ приватъ-доцентовъ на основаніяхъ, принятыхъ въ нѣмецкихъ университетахъ; студентамъ предоставляется свобода слушанія лекцій у того или у другого профессора, или приватъ-доцента, съ обязательствомъ платить каждому слушаемому преподавателю установленную плату. Вмѣстѣ съ тѣмъ, приняты мѣры къ стѣсненію университетской автономіи и въ дѣлѣ преподаванія. Преподаватели обязываются составлять планы преподаванія впередъ на каждое полугодіе; планы эти препровождаются къ министру, который дѣлаетъ на нихъ замѣчанія и обязываетъ преподавателей къ тѣмъ или другимъ измѣненіямъ; по окончаніи полугодія, университеты обязываются представлять министру отчетъ о выполненіи преподаванія по утвержденнымъ планамъ. Расширены права министра по назначенію преподавателей. Такимъ образомъ, выборъ университетомъ кандидатовъ на кафедру получаетъ значеніе только рекомендаціи, для министра нисколько не стѣснительное; для усиленія преподаванія министру предоставляется право назначать профессоровъ и совершенно помимо инициативы университетовъ; предоставляется читать лекціи въ университетѣ членамъ академіи наукъ прямо въ силу своего званія, но съ вознагражденіемъ, установленнымъ для приватъ-доцентовъ. Введены также существенныя перемѣны по отношенію къ экзаменамъ. Экзамены, для выслушавшихъ полный университетскій курсъ или часть его, производятся комисіями, члены которыхъ назначаются министромъ. Это такъ называемые государственные экзамены, по нѣмецкому образцу; факультетамъ же предоставлено право экзаминовать лишь на ученые степени, изъ которыхъ степень кандидата уничтожается.

Для того, чтобы подвергнуться экзамену во внѣ-университетской комисіи, слѣдуетъ при прошеніи внести сумму въ 20 рублей, которая идетъ въ вознагражденіе экзаминаторамъ. Есть, наконецъ, въ неутвержденномъ уставѣ измѣненія, касающіяся сроковъ профессорской службы, пенсій, правъ и обязанностей студентовъ, стипендій, платы за слушаніе лекцій, и нѣкоторыя другія.

Нельзя сказать, чтобы въ этомъ уставѣ было все хуже, чѣмъ въ нынѣ дѣйствующемъ уставѣ 1863 года. Есть въ немъ, безспорно, и улучшения. Нельзя не одобрить заботливости новаго устава объ обезпеченіи профессоровъ, оставляющихъ службу раньше двадцатипятилѣтняго срока, равно какъ и объ увеличеніи размѣра полной профессорской пенсіи. Найдутся, быть можетъ, и другія стороны, которыми неутвержденный уставъ выгодно отличается отъ дѣйствующаго въ настоящее время. Но, говоря вообще, проектъ новаго устава не можетъ рассчитывать на сочувствіе людей, желающихъ здороваго развитія научной жизни въ своемъ отечествѣ.

Прежде всего, онъ вводитъ, въ сильныхъ дозахъ, бюрократическій элементъ въ такую сферу, гдѣ элементъ этотъ умѣстенъ всего менѣе. Если самоуправленіе оказывается началомъ прогресса и правильнаго развитія въ жизни государственной и общественной, если оно составляетъ наиболѣе неоспоримый политическій принципъ нашего времени и является, вообще, ничѣмъ незамѣнимымъ средствомъ спасенія для государствъ, обезсилѣвшихъ отъ административной опеки и гнета централизаціи, то нигдѣ оно не является болѣшимъ источникомъ жизни, какъ въ учрежденіяхъ, по самой сущности своей, коллегіальныхъ и стремящихся къ независимости своей внутренней жизни. Можно легко понять, что университетская автономія оказывается подчасъ неудобною для бюрократическихъ пріемовъ какого-нибудь строптиваго и слоннаго къ произволу министра; можно допустить, что пользующаяся автономіей корпорація обнаруживаетъ иногда склонность къ злоупотребленію своими правами въ пользу господствующей въ ней партіи и въ ущербъ интересамъ науки и высшаго образованія; но представить себѣ, чтобы наука лучше разрабатывалась и съ болѣшимъ умѣньемъ и энергіей преподавалась, когда дѣятельностью ея представителей распоряжаются департаментскіе чиновники или хотя бы члены министерскаго совѣта, нѣтъ возможности. Составители проекта новаго устава думаютъ, что преподаваніе пойдетъ успѣшнѣе, если предметъ лекцій

и количество недѣльныхъ часовъ на чтеніе ихъ профессоромъ будутъ назначаемы всякій разъ съ согласія министерства, которому затѣмъ долженъ представляться отчетъ объ исполненіи программы. Ничего не можетъ быть ошибочнѣе подобнаго мнѣнія. Въ дѣлѣ университетскаго преподаванія не тотъ профессоръ хорошъ, который читаетъ много лекцій, а тотъ, который читаетъ основательно и дѣйствуетъ возбуждительно на слушателей, не тотъ, кто можетъ читать разные предметы, смотря по обстоятельствамъ, а кто знаетъ глубоко дѣло, на изученіе котораго онъ посвящаетъ наиболѣе времени, которое онъ любитъ и за наученіе которому онъ сознательно несетъ передъ слушателями и отечествомъ нравственную отвѣтственность. Какая польза студентамъ слушать восемь лекцій въ недѣлю, читаемыхъ профессоромъ по принужденію, слѣдовательно—формально, вяло, безцвѣтно или по готовому учебнику? Какой имъ интересъ посѣщать подобныя лекціи? Не лучше ли было бы для нихъ слушать три-четыре лекціи того же профессора, но такія, въ которыхъ онъ является воодушевленнымъ своимъ предметомъ, лекціи, полныя содержанія и обнаруживающія процессъ самостоятельной работы лектора? Спора нѣтъ, есть предметы и бываютъ обстоятельства, когда профессору нужно читать шесть и восемь лекцій. Но почему объ этомъ лучше можетъ судить министръ, а не самъ онъ или не факультетъ, обязанный слѣдить за тѣмъ, чтобы преподаваніе велось въ надлежащей полнотѣ и правильности? Нераціональность вмѣшательства канцеляріи въ способъ университетскаго преподаванія такъ очевидна для всякаго, имѣющаго понятіе о томъ, что такое университетская наука, что ее нѣтъ нужды и доказывать. Одного этого вмѣшательства, т. е. ограниченія университетской автономіи въ самомъ неприкосновенномъ ея пунктѣ было бы достаточно для того, чтобы подсычь въ корнѣ жизненные силы университета и ихъ правильное развитіе. А если къ этому присовокупить цѣлую систему вмѣшательствъ во внутренній строй университетской жизни, право попечителя входить въ совѣтъ со всевозможными предложеніями къ обсужденію и, во многихъ случаяхъ, къ исполненію, устраненіе коллегіи отъ инспекціи надъ студентами и порученіе ея лицу, не имѣющему нравственной связи съ корпораціей, введеніе въ управленіе хозяйствомъ заведенія лица, чуждаго интересамъ преподаванія и обученія, право министра назначать профессоромъ по своему усмотрѣнію, то трудно и исчислить всѣ

пути, какими была бы окружена научная жизнь въ университетахъ, еслибы проекту новаго устава досчастливилось удостоиться законодательной санкціи.

Другая слабая и вредная сторона проэктированного устава заключается въ томъ, что онъ въ значительной своей части представляетъ рабское подражаніе порядкамъ, существующимъ въ нѣмецкихъ университетахъ, имѣющимъ тамъ свое историческое или національное основаніе, но не имѣющимъ для себя точки опоры въ нашихъ нравахъ и понятіяхъ. Спора нѣтъ, германскіе университеты живутъ роскошною научною жизнью и во многихъ отношеніяхъ могутъ составлять предметъ зависти не для насъ однихъ. Они обыкновенно обставлены многочисленными и нерѣдко значительными научными силами, въ нихъ господствуютъ строгіе научные методы, въ нихъ наука и преподаваніе свободны отъ всякаго сторонняго вмѣшательства, въ средѣ ихъ и около нихъ дѣйствительно цвѣтеть на всей волѣ научная жизнь, словно у себя на родинѣ. Какъ не желать, чтобы всѣ эти блага привились и на нашей почвѣ, чтобы и у насъ было изобиліе преподавателей и притомъ лучшаго качества, чтобы и наши университеты сдѣлались дѣйствительными центрами новой, свободной и строгой науки, влияние которой чувствовалось бы кругомъ на широкомъ пространствѣ и проникало бы, какъ въ Германіи, во все отправление общественной и гражданской жизни! Но думать, что такая благодать всего легче придетъ къ намъ оттого, что мы заведемъ у себя нѣкоторыя своеобразныя внѣшности нѣмецкихъ университетовъ, заставимъ студентовъ платить профессорамъ и привать-доцентамъ деньги за ихъ лекціи, уничтожимъ курсы и будемъ считать учебное время семестрами, предоставимъ студентамъ слушать профессоровъ и привать-доцентовъ по выбору, да заставимъ ихъ держать экзаменъ не у профессоровъ, а у лицъ, специально для этого назначенныхъ министромъ — это такая наивность, для которой трудно придумать и названіе. Она можетъ равняться развѣ легкомыслію тѣхъ музыкантовъ, въ баснѣ Крылова, которые воображали, что стоить имъ лишь сѣсть въ извѣстномъ порядкѣ, какъ тотчасъ же изъ нихъ составится оркестръ на славу. Стыдно и жалко становится, когда читаешь «Соображенія», которыми сопровождается введеніе этихъ германскихъ порядковъ въ проектъ новаго устава. Трудно гдѣ-нибудь встрѣтить столько отреченія отъ всякой самостоятельной мысли,

столько уместнаго убожества и унижительнаго пресмкательства передъ чужими воззрѣніями и привычками, какъ въ этихъ «Соображеніяхъ». Въ самомъ дѣлѣ, можетъ-ли быть что-либо противнѣе требованіямъ здраваго смысла, оскорбительнѣе для нравственнаго чувства, какъ подражаніе чужому по явному неуваженію къ требованіямъ своей жизни, признаніе, — по мѣрѣ вѣка, ничтожнымъ, иррациональнымъ или сомнительнымъ, — идеаломъ для насъ того, что даже на мѣстѣ своего происхожденія возбуждаетъ къ себѣ зависть и желаніе переменъ? Нѣмецкіе студенты платятъ профессорамъ и приватъ-доцентамъ, лекціи которыхъ они желаютъ слушать, опредѣленный гонораръ: почему же не платитъ его и русскимъ студентамъ, которые до сихъ поръ вносили плату за ученіе не преподавателямъ, а университету, какъ привычному ихъ заведенію? Въ Германіи, гдѣ много молодыхъ людей посвящаетъ себя научнымъ занятіямъ, находится между ними немало такихъ, которые соглашаются читать лекціи безъ вознагражденія отъ казны или отъ университета, довольствуясь тѣми грошами, какіе они могутъ собрать отъ предполагаемыхъ слушателей: отъ чего же и у насъ не завести въ возможно большемъ количествѣ такихъ любителей безхлѣбной науки съ тѣмъ же нѣмецкимъ званіемъ приватъ-доцентовъ, которые, отрекшись отъ всѣхъ прелестей міра, будутъ, какъ ихъ нѣмецкіе первообразы, ждать тѣхъ три года по окончаніи университетскаго курса полученія должности, не оплачиваемой никакимъ жалованьемъ, кромя сомнительнаго гонорара отъ слушателей? До сихъ поръ приватъ-доцентура у насъ слабо развилась и не оказывала никакого ощутительнаго вліянія на ходъ преподаванія, хотя она обыкновенно вознаграждалась или казеннымъ жалованьемъ, или пособіемъ изъ специальныхъ средствъ университета: отнимемъ у нея это жалованье и всякое вознагражденіе изъ университетскихъ средствъ, поставимъ ее такимъ образомъ въ тяжелыя условія, въ какихъ она находится въ Германіи, и тогда она у насъ развѣтетъ, сдѣлается рассадникомъ профессоровъ и заставить этихъ послѣднихъ слѣдить за собой внимательнѣе! До сихъ поръ у насъ достаточно было получить степень кандидата и представить какую нибудь диссертацию, хотя ту-же кандидатскую, лишь съ самымъ поверхностнымъ измѣненіемъ, защитить ее, прочесть дѣя пробныхъ лавцій, и молодой ученый получаетъ право читать съ кафедръ, хотя бы по окончаніи имъ университетскаго курса прошло

не болѣе мѣсяца. Но и при этихъ легкихъ условіяхъ, охотниковъ дѣлаться привать-доцентами у насъ находилось очень мало, въ особенности, если не представлялось возможности тотчасъ-же получить такъ называемыя обязательныя лекціи съ вознагражденіемъ штатнаго доцента. Составители проекта новаго устава рѣшили такъ: въ Германіи къ доцентурѣ допускаются молодые ученые лишь спустя три года по выходѣ изъ университета и, притомъ, по полученіи докторской степени; если мы установимъ въ Россіи для ищущаго званія привать-доцента также трехлѣтній срокъ по окончаніи университетскаго курса, да потребуемъ отъ него магистерскаго или докторскаго диплома, или, по крайней мѣрѣ, выдержанія магистерскаго экзамена, то это также поведетъ къ тому, что въ наши университеты будетъ наплывъ привать-доцентовъ. Такова логика тѣхъ, кто составлялъ знаменитый уставъ, отъ котораго г. Катковъ и К^о ждали поднятія нашихъ университетовъ! Думали-ли эти господа, что новѣйшіе наши ученые, прошедшіе классическую школу съ перваго класса, необходимо должны сдѣлаться идиотами и, ради приманки студентскаго гонорара, въ какихъ-нибудь пятьдесятъ или сто рублей въ семестръ, способными оставить отца и мать и прилѣпиться всѣми силами къ университету, — сказать трудно, а выходитъ, что составители устава были крайне неестнаго мнѣнія объ умственныхъ способностяхъ будущихъ привать-доцентовъ. Правда, есть въ проектѣ устава указаніе на то, что одинъ студентскій гонораръ считался составителями этого устава недостаточнымъ для привлеченія молодыхъ ученыхъ къ привать-доцентскому званію: одинъ параграфъ устава говоритъ, что «попечителю предоставляется», по ходатайству ли факультета черезъ совѣтъ, или по собственному его усмотрѣнію, «представлять привать-доцента, послѣ истекшаго полугодія успѣшнаго преподаванія, къ поощрительному вознагражденію изъ особой суммы» и т. д. Но чтобы удостоиться этого поощрительнаго вознагражденія, нужно заслужить расположеніе факультета, т. е., того профессора, для конкуренціи съ которымъ, по мысли устава, привать-доцентъ собственно и назначается, и, вдобавокъ, попечителя. Но коль скоро полученіе какого-либо блага зависитъ отъ личнаго расположенія нашихъ соперниковъ или начальниковъ, то это для знающаго себѣ цѣну ученаго приманка столько-же сомнительная, сколько и непривлекательная. Болѣе смысла имѣетъ то соображеніе, что перспектива сдѣлаться со време-

немъ профессоромъ сама по себѣ уже достаточна для того, чтобы выдержать нѣсколько лѣтъ труда, плохо оплачиваемаго и поставленнаго въ тяжелыя условія борьбы съ трудомъ лицъ, окрѣвшихъ въ своей дѣятельности, авторитетныхъ и вліятельныхъ въ университетской коллегіи. Но есть въ проектѣ новаго устава одинъ параграфъ, который въ этомъ отношеніи не даетъ мѣста никакимъ особенно свѣтлымъ мечтамъ и иллюзіямъ. Параграфъ этотъ гласитъ слѣдующее: «преподаваніе привать-доцентовъ находится подъ наблюденіемъ попечителя и ближайшимъ надзоромъ ректора и факультета въ лицѣ его декана, которые обязаны сообщать попечителю свои замѣчанія объ успѣшности и характерѣ преподаванія привать-доцента. Въ случаѣ преподаванія, нарушающаго требованія научной серьезности, а также въ случаѣ направленія чтеній, признаннаго вреднымъ, при неуспѣшности сдѣланныхъ указаній, попечитель можетъ при концѣ семестра и даже во время его лишать привать-доцента права преподаванія». Не будь этого параграфа, можно бы еще было предположить, что нашлись бы хоть немногіе молодые люди, которые рѣшились бы попытать свои силы на привать-доцентскомъ поприщѣ; но упомянутый параграфъ отнимаетъ у всякаго человѣка, не лишеннаго чувства достоинства, возможность покушенія на должность, гдѣ судьба человѣка всегдѣ отдается на жертву произвола. Что можетъ быть легче, какъ усмотрѣть въ чьихъ-либо лекціяхъ недостатокъ серьезности, въ особенности человѣку невѣжественному или лично нерасположенному къ лектору? Что можетъ быть ужаснѣе перспективы прослыть неожиданно-негаданно за человѣка вреднаго направленія? А между тѣмъ это такъ легко, коль скоро вы расходитесь хотя бы въ педагогическихъ взглядахъ (бывали примѣры) съ начальствомъ, или затмѣваете своимъ талантомъ и массой своихъ слушателей лекціи другихъ членовъ факультета. Всего страннѣе то, что такой параграфъ стоитъ въ проектѣ устава, провозглашающаго якобы свободу преподаванія. Избави Богъ отъ такой свободы!

Мы впрочемъ не пишемъ критики отложеннаго, какъ выражается г. Любимовъ, устава. Мы только указываемъ на его духъ и приводимъ въ примѣръ явной его несостоятельности нѣкоторыя его постановленія. Такъ какъ, по увѣренію философовъ, нѣтъ на

свѣтъ ничего абсолютно хорошаго и абсолютно дурнаго, то и въ «отложенномъ» уставѣ, составленномъ двумя-тремя членами комисіи 1875 года, есть отдѣльныя статьи, съ которыми можно помириться, который можно даже одобрить; но, взятый въ цѣломъ, онъ представляетъ законодательный проектъ, несостоятельный въ принципѣ, вредный въ приложеніи и пропитанный духомъ какой-то затѣнной жести и заботы объ униженіи всѣхъ, кого онъ непосредственно касается. Можно благодарить судьбу, что этотъ проектъ «отложенъ» или, какъ мы желали бы вѣрить, совсѣмъ отброшенъ въ сторону. Бѣдная русская наука, имѣющая свой главный пріютъ въ университетахъ, совсѣмъ зачахла бы въ этой душной атмосферѣ канцелярскаго произвола и лицемѣрнаго законодательства, которое, вдобавокъ ко всему, не задумывается самымъ грубымъ образомъ насиловать наши нравы и понятія, навязывая намъ узкія и своеобразныя формы чужаго быта, намъ глубоко антипатичныя. О наукѣ ли тутъ было бы думать университетскому преподавательскому персоналу, когда надобно употреблять всѣ усилія для охраненія чести заведенія отъ покушеній ничѣмъ не связанной съ его жизнью канцелярщины, когда приходилось бы ежеминутно дрожать за неприкосновенность права человека науки говорить по убѣжденію, а не по предписаніямъ министерской или попечительской канцеляріи! Сколько было бы столкновеній съ попечителемъ, съ «совѣтникомъ по хозяйственной части», съ инспекторомъ студентовъ—съ лицами, чуждыми коллегіи, далекими отъ ея существенныхъ интересовъ и назначенными лицъ исполнять волю пославшаго ихъ! Какія невозможныя, при нашихъ понятіяхъ, установились бы отношенія между студентами,—которые стали бы смотрѣть на преподавателей прямо, какъ на своихъ наемниковъ,—и профессорами, которые и теперь, при болѣе независимомъ положеніи, уже утратили силу нравственнаго вліянія на учащаеся въ университетахъ юношество! Реакціонная партія думала введеніемъ устава, лишающаго университеты приобрѣтенной ими съ 1863 года автономіи, возстановить внѣшній порядокъ, нерѣдко нарушаемый студентами въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, и держать профессоровъ на привязи у администраціи. Не знаемъ, въ чемъ заключается въ этомъ уставѣ талисманъ, имѣющій чудесную силу успокаивать волненіе умовъ и вносить миръ въ души недовольной молодежи, но можемъ сказать навѣрное, что процентъ выдающихся талантовъ и научнымъ авторитетомъ про-

фессоровъ сократился бы еще болѣе, а упадокъ чувства достоинства и духа независимости несомнѣнно отразился бы на университетахъ еще болѣе оскуднѣніемъ научной производительности, равно какъ и пониженіемъ живости и энергіи въ преподаваніи. Очень можетъ быть, что, при правѣ министерства назначать профессоровъ по своему усмотрѣнію, вакантныхъ каедръ было бы меньше, чѣмъ теперь, но научная жизнь въ университетахъ, оттого что они будутъ наполнены безцвѣтными и благонадежными, съ департаментской точки зрѣнія, лицами, ничего не выиграетъ, какъ не выиграетъ и значеніе университета въ глазахъ студентовъ и общества.

Такъ мы смотримъ на проектъ новаго устава, которымъ думалъ было наградить наши университеты г. Катковъ съ своей компаніей... Между тѣмъ создатели этого не утвержденного устава еще не считаютъ себя окончательно побѣжденными. Они все еще надѣются на торжество интриги, которая столько лѣтъ давала имъ преобладающій голосъ въ дѣлѣ нашего народнаго просвѣщенія и до сихъ поръ парализуетъ всякую попытку къ его улучшенію. Объ этихъ надеждахъ свидѣлствуетъ, если не прямо, то косвенно, и упомянутая книга г. Любимова объ университетскомъ вопросѣ. Книга эта, составленная изъ статей, писанныхъ московскимъ профессоромъ въ пользу отмѣны нынѣ дѣйствующаго устава 1863 года, назначается авторомъ именно въ оправданіе проекта новаго устава, не получившаго законодательной санкціи.

Н. А. Любимовъ былъ, безспорно, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ лицъ въ фалангѣ ненавистниковъ университетскаго строя, созданнаго въ періодъ реформъ прошлаго царствованія. Есть основаніе думать, что именно на него была возложена обязанность не только ближе изучить недостатки настоящаго состоянія русскихъ университетовъ, но и представить теоретическія основанія для того порядка вещей, который долженъ былъ выразиться елико-возможнымъ стѣсненіемъ автономіи университетовъ и подчиненіемъ ихъ министерской канцеляріи. Поводомъ къ агитаціи, имѣвшей въ виду устраненіе начала самоуправленія изъ жизни университетовъ, было какъ извѣстно, забаллотированіе въ 1872 году совѣтомъ московскаго университета, профессора Леонтьева на новое пятилѣтіе профессорской службы. Не мѣсто здѣсь входить въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, насколько правъ былъ московскій университетъ,

удалая изъ своей среды лицо, въ началѣ своей профессорской карьеры приносившее университету несомнѣнную пользу, но затѣмъ все больше и больше отстававшее отъ занятій предметомъ своей кафедры въ интересахъ публицистической дѣятельности, а въ послѣдніе годы еще болѣе удалившееся отъ строгаго исполненія своихъ служебныхъ обязанностей принятіемъ на себя обузы руководительства школой, извѣстной подъ именемъ «лица Цесаревича Николая». Но исторія нашего образованія не должна забывать того ближайшаго факта, въ силу котораго университетскій уставъ, еще не выдержавшій и десятилѣтняго опыта, признанъ былъ несостоятельнымъ. Полетѣли министерскіе циркуляры къ попечителямъ и запросы въ университеты о необходимости измѣненій въ уставѣ «съ цѣлью исполнѣ и достойно замѣщать своевременно всѣ вакантныя кафедры и усилить занятія студентовъ»; зашумѣли «Московскія Вѣдомости»; стали наполняться статьями объ университетскомъ вопросѣ страницы «Русскаго Вѣстника»; была образована комисія, начались разѣзды ея по университетамъ, однимъ словомъ, «пошла писать губернія». Во всей этой агитаціи Н. А. Любимовъ, повторяемъ, игралъ весьма замѣтную роль. На его долю, между прочимъ, выпала обязанность доказать путемъ печати, что въ нашихъ университетахъ нѣтъ ни свободы преподаванія, ни свободы ученія, и что стоитъ только усилить власть надъ ними министра и попечителя, опутать ихъ дѣятельность канцелярскими распоряженіями и постояннымъ вмѣшательствомъ стоящей внѣ ихъ учебной администраціи, какъ запвѣтетъ «академическая свобода», а вмѣстѣ съ нею и наука. Читатель можетъ подумать, что выраженія: свобода преподаванія, свобода ученія, академическая свобода приводятся нами въ шутку, когда рѣчь идетъ о задачѣ, принятой на себя г. Любимовымъ, однимъ изъ авторовъ проекта новаго устава, съ характеромъ котораго мы уже познакомились. Но напрасно: выраженія эти выливаются изъ подъ пера г. Любимова постоянно; никто болѣе его не говоритъ о свободѣ преподаванія и свободѣ ученія, никто болѣе его не защищаетъ ее, не видитъ въ ней идеала университетской жизни. Какъ ни странно ближайшій сотрудникъ г. Каткова, говорящій о свободѣ и во имя свободы, какъ ни комиченъ съ такимъ знаменемъ въ рукахъ одинъ изъ авторовъ проекта устава, подрывающаго университетское самоуправленіе и поручающаго попечителю, ректору и де-

кану строго-на-строго слѣдить за тѣмъ, не обнаруживается ли въ лекціяхъ приватъ-доцентовъ вреднаго направленія, а между тѣмъ это такъ: Бываютъ случаи, когда и чертъ проповѣдуетъ правила нравственности: что удивительнаго, если профессоръ, въ преслѣдованіи университетскаго самоуправленія, прикрывается фразами о свободѣ преподаванія? Наполеонъ III, злодѣйски захватившій власть во Франціи, въ одной изъ своихъ тронныхъ рѣчей говорилъ о томъ, что Франція, при его правленіи, пользуется всѣми видами свободы, какъ-то: свободой хлѣбопеченія, свободой торговли, свободой фабричнаго труда и т. д., и что онъ не понимаетъ, какой еще свободы дожидается оппозиція. Есть такія слова, которыя, даже и при самомъ безстыдномъ извращеніи ихъ смысла, все еще сохраняютъ свое обаяніе: ловкіе люди знаютъ это и пользуются ими, чтобы заставить публику себя слушать, въ расчетъ, что среди нея всегда находится не мало простаковъ и легковѣрныхъ, готовыхъ принимать фольгу за золото и неспособныхъ отличать пустой фразы отъ дѣла. Мы не удивляемся поэтому, что и почтенный Н. А. Любимовъ нашелъ себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ этому приему, коль скоро взялъ на себя нелестную задачу доказывать, что бѣлое черно, а черное бѣло. Этимъ, впрочемъ, мы вовсе не хотимъ сказать, что г. Любимовъ враждебенъ сущности академической свободы по принципу: такую враждебность трудно допустить въ профессорѣ, въ лицѣ, привыкшемъ обращаться съ наукой и преподавать ее другимъ. Но съ той минуты, какъ онъ избранъ былъ орудіемъ университетской реформы, въ видахъ уничтоженія университетскаго self-government, оказавшагося въ критическую минуту не на сторонѣ Леонтьева, выраженія: академическая свобода, свобода преподаванія и ученія могли раздаваться только въ глумительномъ или коварномъ смыслѣ. Этого только и не доставало для глумленія надъ здравнымъ смысломъ русскаго общества.

Легко понять, какое впечатлѣніе должна производить книга, старающаяся убѣдить читателя въ томъ, что вся бѣда нашихъ университетовъ—въ отсутствіи академической свободы, и что эту необходимую для процвѣтанія университетовъ свободу именно и хотѣлъ доставить имъ составленный гг. Георгіевскимъ и Любимовымъ, подъ наблюденіемъ г. Каткова, проектъ новаго устава. Путь къ этому идеалу—отнятіе у университетовъ самоуправленія и стро-

жайшее подчинение ихъ попечительскому надзору и распоряженіямъ министерской канцеляріи. Таковъ отвратительный смыслъ книги, пронизанной ложною любовью къ наукѣ и ея разсадникамъ, университетамъ! Фальшивая идея требуетъ и фальшивыхъ путей для своего развитія. И дѣйствительно, какъ это намъ ни прискорбно заявить о трудѣ, въ которомъ авторъ обличаетъ не мало изученія, путь г. Любимова ложенъ отъ начала до конца. Авторъ возстаетъ противъ устава 1863 г., не потому, чтобъ ему была видна его практическая или теоретическая несостоятельность, а потому, что онъ во многомъ отступаетъ отъ уставовъ нѣмецкихъ университетовъ и создалъ у насъ университетскую жизнь, не совсѣмъ похожую на жизнь германскихъ университетовъ. При всякомъ случаѣ, онъ ссылается на порядки нѣмецкихъ университетовъ до дерптскаго влчательно и, уснащая свою книгу цитатами изъ мнѣній нѣмецкихъ профессоровъ, защищавшихъ существованіе особенностей академической жизни своей страны, воображаетъ, что, въ виду такихъ аргументовъ, безсилны всякія возраженія. Всѣ своеобразности нѣмецкой жизни въ его глазахъ имѣютъ видъ авторитета, передъ которымъ можно только склоняться, и не признавать котораго было бы мальчишескимъ легкомысліемъ. Ничѣмъ онъ такъ не восхищается, какъ тѣмъ, что нѣмецкіе студенты платятъ гонораръ своимъ преподавателямъ. Гонораръ—это у него капитальный пунктъ въ университетскомъ устройствѣ, безъ котораго невозможно думать ни о какихъ улучшеніяхъ и безъ котораго въ особенности немислимы ни свобода преподаванія, ни свобода ученія. Вмѣстѣ съ гонораромъ, его приводитъ въ особенный восторгъ привать-доцентура, чисто германское учрежденіе, объясняемое историческими и экономическими условіями нѣмецкихъ университетовъ и нигдѣ, кромѣ Германіи, не имѣющее надлежащей почвы для своего развитія. Но и тамъ періодъ процвѣтанія этого учрежденія прошелъ, и тамъ охотниковъ проходить этотъ искусъ скудно оплачиваемаго труда становится меньше и меньше. Учрежденіе привать-доцентуры, т. е. разряда преподавателей, не получающихъ за свои труды казеннаго жалованья, можетъ соблазнить, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что тамъ, гдѣ оно привилось бы, усилился бы составъ преподавателей (какого достоинства, это — другой вопросъ), въ чемъ наши университеты безспорно нуждаются. Трудно только понять, почему именно у насъ, какъ и въ Германіи, нужно, чтобъ въ университетѣ были препода-

даватели, не получающіе жалованья и называющіеся приватными. Нельзя же думать, чтобъ преподаватель былъ лучше оттого, что не получаетъ жалованья, а принужденъ довольствоваться нѣсколькими рублями добровольнаго студентскаго подаянія. Но въ Германіи есть приватъ-доценты и жалованья они не получаютъ: значить, это—хорошее заведеніе, коли такъ въ Германіи. Такъ рассуждаетъ г. Любимовъ и не только рассуждаетъ, но и увѣряетъ, что въ приватъ-доцентахъ по германскому образцу, да въ устройствѣ экзаменовъ по тому же образцу, заключается «истинный ключъ университетской реформы» (стр. 144). Вся сила въ томъ, чтобы все было по германскому образцу, а тамъ уже само собой придетъ всякое преуспѣяніе. Въ Германіи, окончившихъ курсъ студентовъ экзамируютъ не бывшіе ихъ преподаватели, а назначенные министромъ чиновники. Необходимо и у насъ ввести такой порядокъ, необходимо безъ всякихъ соображеній о томъ, будутъ ли чиновники экзаминовать лучше профессоровъ, равно какъ и о томъ, какъ введеніе этого сторонняго экзамена по определенной программѣ, къ которой будутъ скоро приготовлены и руководства, отзовется на слуханіи студентами профессорскихъ лекцій, на стремленіи ихъ къ научнымъ занятіямъ, и возможно ли, наконецъ, по нашимъ условіямъ, образованіе сколько нибудь сносныхъ комисій для испытанія окончившихъ курсъ студентовъ внѣ университета.

Противъ этихъ стремленій облагодѣтельствовать наши университеты всяческими нѣмецкими порядками, даже такими, которые съ перваго взгляда представляются къ намъ непримѣнными, единодушно и постоянно высказывались представители русскихъ университетовъ въ той комиссіи, гдѣ г. Любимовъ развивалъ свои взгляды на реформу университетовъ, въ трогательномъ согласіи съ г. Георгіевскимъ. Но г. Любимовъ, издавая свои статьи отдѣльною книгой, не придавъ обстоятельнымъ и энергическимъ заявленіямъ своихъ компетентныхъ товарищей никакого значенія. Между тѣмъ и гонораръ, и приватъ-доцентура, и министерскія комисіи для экзаменовъ, все это, какъ и многое другое, выстѣ съ предлагаемой, въ видѣ данайскаго подарка, свободой ученія, было разобрано и оцѣнено, какъ само въ себѣ, такъ и по отношенію къ нашимъ нравамъ, понятіямъ и условіямъ, и все было отвергнуто въ томъ видѣ, въ какомъ предлагалось обожателями нѣмецкихъ порядковъ и вкусовъ.

Вотъ что между прочимъ говорили восемь членовъ комисіи по пересмотру университетскаго устава противъ мнѣній г. Любимова съ товарищами о гонорарѣ, приватъ-доцентурѣ, экзаменахъ и о всемъ прочемъ, что онъ приурочиваетъ къ академической свободѣ преподаванія и ученія.

«Германская система преподаванія — таково заключеніе длиннаго возраженія, подписаннаго гг. Воскресенскимъ, Питра, Кремлевымъ, Осокинымъ, Леонтовичемъ, Рахманиновымъ, Бекетовымъ и Коссовичемъ — неоднократно подвергалась порицаніямъ въ самой Германіи. Профессоръ Бона-Мейеръ проэктировалъ для германскихъ университетовъ мѣры, которыя, по его мнѣнію, были бы весьма полезны, и замѣчательно, что эти мѣры имѣютъ большое сходство съ положеніями нашего нынѣ дѣйствующаго устава, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что этому профессору нашъ уставъ не былъ извѣстенъ. Вообще намъ кажется, что неправильно мнѣніе, будто бы отъ той или другой системы такъ много зависитъ, что стоитъ только ввести новую систему, чтобы достигнуть огромныхъ результатовъ въ наукѣ и образованіи. Дѣло успѣха зависитъ прежде всего отъ хорошаго исполненія и, кромѣ того, отъ денежныхъ средствъ, употребляемыхъ на научныя пособія университетовъ: когда въ библіотекахъ нѣтъ многихъ необходимыхъ книгъ, въ клиникахъ, лабораторіяхъ, кабинетахъ нельзя надлежащимъ образомъ работать или нужно отказывать себѣ и студентамъ на всякомъ шагу въ исполненіи того или другого опыта наблюденія, то не можетъ быть значительнаго успѣха въ занятіяхъ. Что германская система преподаванія не есть такой талисманъ, при помощи котораго только и возможны успѣхи науки и просвѣщенія, это доказываютъ другія западно-европейскія страны съ высокою культурой и совершенно различными системами преподаванія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Англія имѣетъ совершенно своеобразную систему, во Франціи она также совершенно не похожа на германскую; а между тѣмъ кто можетъ сказать, чтобы Англія, въ научномъ отношеніи, въ особенности въ области научныхъ открытій, и по капитальнымъ ученымъ сочиненіямъ, проливающимъ новый свѣтъ на науку, стояла ниже Германіи? Также точно, кто рѣшится утверждать, что французская нація сдѣлала для науки менѣе, чѣмъ германская, хотя французы учились въ своихъ учебныхъ заведеніяхъ, не похожихъ на германскія? То же самое можно сказать о скандинавскихъ уни-

верситетахъ, которые имѣли громадное вліяніе на высокую степень образованія этихъ странъ и изъ которыхъ вышли такія свѣтила науки, какъ Линней, Берцеліусъ, Эліасъ Фрисъ и прочіе, а между тѣмъ скандинавскіе университеты имѣютъ также свои особенности. Было-бы, вѣроятно, весьма полезно для Россіи, еслибы типъ нашихъ университетовъ, получившій свое начало съ 1804 года, сохранился, и университеты, имѣвшіе, слѣдовательно, также свою исторію, не подвергались коренному преобразованію, копируя германскіе университеты. Несправедливо было бы сказать, что наши русскіе университеты, не смотря на многія неблагопріятныя условія ихъ развитія, не смотря на сравнительно малыя средства, которыя на нихъ положены, не принесли огромной пользы отечеству: кому же обязана Россія тѣми учеными, литераторами, всѣми образованными людьми на всѣхъ поприщахъ дѣятельности, какъ не университетамъ почти исключительно? ¹⁾

Въ приведенныхъ строкахъ мнѣнія представителей русскихъ университетовъ невѣрно только одно — слишкомъ большая роль, какая въ немъ приписывается нашимъ университетамъ въ произведеніи ученыхъ, литераторовъ и вообще образованныхъ людей. Ученые, литераторы и образованные люди производятся университетами только отчасти, а большая часть ихъ производилась и производится другими учебными заведеніями, каковы: духовныя академіи, бывшій главный педагогическій институтъ, прежніе наши лицеи—Царскосельскій, Рижельевскій, графа Безбородко, Демидовскій, разныя нынѣ существующія академіи, и институты спеціальнаго назначенія. Если взять во вниманіе массу образованныхъ людей, выпускаемыхъ теперь или выпускавшихся прежде этими и другими высшими учебными заведеніями, не говоря о среднихъ, которыя также доставляли и доставляютъ значительный контингентъ образованныхъ людей и даже литераторовъ, то дѣйствующая у насъ на разныхъ поприщахъ масса людей, собственно университетскаго образованія, окажется весьма незначительною. Даже среди самихъ университетскихъ профессоровъ далеко не ничтоженъ процентъ

---

¹⁾ См. Журналы засѣданій Высочайше учрежденной 21 сентября 1875 года комисіи по пересмотру университетскаго устава № 12. (Засѣданіе 3 октября 1876 г.).

лицъ, получившихъ образование въ университетовъ. Этимъ мы хотимъ сказать, что университетъ у насъ еще далеко не играетъ той роли, какую онъ себѣ приписываетъ, судя по заявленію его представителей въ вышеупомянутой комисіи. Даже среди восьми лицъ, подписавшихъ возраженіе противъ мнѣнія гг. Любимова, Георгіевскаго, Гезена и Варадинова, двое (Воскресенскій и Осокинъ) получили высшее образование въ университета, а третій (г. Питра) заграничнаго образованія. Но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ мнѣніе восьми членовъ комисіи, направленное противъ фальшивой точки зрѣнія, по которой процвѣтаніе университетской науки въ Россіи признается возможнымъ лишь при условіи введенія нѣмецкихъ порядковъ въ организацию университета, заслуживаетъ полного уваженія. Оно такъ ярко выставляетъ фальшивость пути, которымъ идетъ г. Любимовъ къ заключенію о необходимости новаго устава, долженствующаго измѣнить и систему нашего университетскаго преподаванія, и способъ университетскаго управленія, что дѣлаетъ излишнею всякую дальнѣйшую полемику съ книгой московскаго профессора.

Какъ постановленія не утвержденного проекта новаго университетскаго устава, которымъ предполагалось измѣнить строй жизни въ нашихъ университетахъ, такъ и мотивы къ нимъ, заключающіеся въ книгѣ г. Любимова и составляющіе общую собственность составителей новаго устава, съ точки зрѣнія университетскихъ корпорацій и ихъ представителей въ означенной комисіи, обнаруживаютъ явную несостоятельность. Журналы засѣданій комисіи по пересмотру университетскаго устава заключаютъ въ себѣ драгоценный сборникъ противоположныхъ мнѣній, принадлежащихъ, съ одной стороны, партіи министерскихъ чиновниковъ вмѣстѣ съ г. Любимовымъ, съ другой—представителямъ университетовъ (ректоромъ или ихъ замѣстителямъ, равно какъ и нѣкоторымъ профессорамъ), поддерживаемымъ иногда предсѣдателемъ и нѣкоторыми другими членами. Самая простая справедливость требуетъ признать, что убѣдительность, равно какъ естественность и искренность заявленій стоятъ рѣшительно на сторонѣ представителей университетовъ, а искусственность, натянутость и нелогичность доводовъ столь же рѣшительно выступаютъ наружу на сторонѣ ихъ противниковъ. Это, впрочемъ, не значитъ, чтобъ, по нашему мнѣнію, все, что эти послѣдніе говорили о недостаткахъ университетскаго пре-

подавания, экзаменовъ, администраціи, избранія профессоровъ, организаціи студентскаго быта, было придумано, преувеличено и вообще отзывалось недобросовѣстностью, не значить также, чтобы всѣ указанія ихъ на университетскій бытъ въ Германіи были излишними или не заслуживающими вниманія; но общій характеръ мнѣній противниковъ университетскаго устава 1863 г. таковъ, что невольно побуждаетъ къ защитѣ этого устава, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда несовершенство его постановленій очевидно. Понятно, поэтому, что возраженія представителей университетовъ въ этой комисіи носятъ столь побѣдоносный характеръ и располагаютъ въ свою пользу даже тогда, когда они являются не дѣйствительнымъ опроверженіемъ противныхъ мнѣній, а адвокатскою защитой существующаго. Университетскіе представители отстаивали уставъ 1863 года въ его цѣлости и имѣли къ тому основаніе, въ виду явныхъ покушеній противниковъ наложить руку на то, чѣмъ не можетъ не дорожить никакая ученая коллегія, на независимость ея внутренней жизни, на право самоуправленія.

Между тѣмъ уставъ 1863 года заключаетъ въ себѣ важныя недостатки. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что онъ, увеличивши количество кафедръ и преподавательскихъ должностей, не облегчилъ, если еще болѣе не затруднилъ, достиженіе профессуры, чѣмъ это было въ прежнее время. Онъ оставилъ неприкосновенными всѣ три ученныя степени: кандидата, магистра, и доктора, какія и до того времени слѣдовало пройти русскому ученому, чтобы получить вполне законную санкцію для занятія профессорской должности. Если видѣть облегченіе въ томъ, что устные магистерскіе экзамены уставомъ 1863 г. сдѣланы въ своемъ объемѣ и болѣе специализованы, а докторскіе и вовсе уничтожены, то необходимо признать важное затрудненіе въ томъ, что уставъ 1863 г. соединилъ самымъ рѣшительнымъ образомъ приобрѣтеніе званія профессора съ обладаніемъ докторскою степенью, не допуская ни въ какомъ случаѣ возведенія магистра въ исправляющую должность экстраординарнаго и ординарнаго профессора, какъ это постоянно практиковалось во время устава 1835 года, хотя также требовавшего для полученія профессуры обладанія докторскою степенью. Эта невозможность для магистра или кандидата получить званіе профессора и послужила одною изъ важнѣйшихъ причинъ, почему такое множество кафедръ въ нашихъ университетахъ, послѣ изданія устава

1863 года, оставались и остаются вакантными, не смотря на цѣлыя массы молодыхъ людей, посылаемыхъ за границу, равно какъ и готовившихся дома къ профессорскому званію. Шутка-ли дѣло получить три ученыхъ степени, или выдержать два устныхъ экзамена по предметамъ своей специальности и написать три диссертации, изъ которыхъ двѣ должны быть защищены публично! Но главное: зачѣмъ такое обиліе формальныхъ условій для признанія человѣка ученымъ и способнымъ читать лекціи въ званіи профессора? Если отъ количества сданныхъ экзаменовъ и защищенныхъ диссертаций зависитъ степень учености, то въ такомъ случаѣ русскіе профессора должны быть ученѣйшими: въ свѣтъ и уступать развѣ только китайцамъ, которые сдаютъ еще больше экзаменовъ, чѣмъ наши ученые. Но на дѣлѣ этого нѣтъ. Русскіе профессора не только не могутъ считаться болѣе свѣдущими въ наукахъ, чѣмъ нѣмецкіе, которые держатъ одинъ, и то до крайности упрощенный, экзаменъ на ученую степень, именно на степень доктора, но значительно уступаютъ имъ. Это доказывается не только несравненно меньшею степенью производительности русской науки, въ сравненіи съ нѣмецкою, но и характеромъ нашихъ профессорскихъ лекцій, обыкновенно стоящихъ въ зависимости отъ нѣмецкихъ университетскихъ курсовъ, какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ. Ясное дѣло, что обиліе экзаменовъ не служитъ гарантіей большой учености въ нашемъ профессорскомъ сословіи, какъ не служитъ ею и цѣлый рядъ диссертаций, представляемыхъ факультету въ подтвержденіе способности производить ученныя работы. Извѣстно, что нѣмецкіе ученые представляютъ факультету только одну диссертацию и при томъ столько же ничтожную по объему, сколько и по ученому достоинству, а между тѣмъ тѣ самые люди, которые открываютъ свой дебютъ въ наукѣ такой невзрачною диссертацией, оказываются впоследствии настоящими двигателями науки, передъ которыми кажутся иной разъ просто младенцами наши магистры и доктора съ своими, доходящими иногда до тысячи страницъ, книжищами. Въ то время, какъ въ Германіи, — гдѣ въ людяхъ, стремящихся къ профессорскому званію, есть избытокъ, — установленъ только одинъ экзаменъ на ученую степень, и притомъ давно уже обратившійся въ пустую формальность, у насъ, гдѣ, искатели ученой карьеры являются въ видѣ рѣдкихъ и странныхъ феноме-

новъ, устроенъ цѣлый рядъ заставъ, преграждающихъ доступъ къ профессорскому званію.

Замѣчательнѣе всего то, что такое положеніе дѣла защищается всего болѣе самими университетами. Ректоры и профессора, бывшіе членами пресловутой комисіи по пересмотру университетскаго устава, высказались энергически, въ засѣданіи 24-го ноября 1876 г., въ пользу оставленія неприкосновенными трехъ ученыхъ степеней и представили записку, по истинѣ, удивительную, если ее разсматривать не какъ одинъ изъ актовъ желанія во что бы то ни стало отстоять уставъ 1863 года во всѣхъ подробностяхъ, а какъ серьезное мнѣніе экспертовъ по очень важному вопросу. Чѣмъ больше эту записку читаешь, тѣмъ больше удивляешься, какъ она могла быть написана или, по крайней мѣрѣ, подписана, между прочимъ, такими почтенными лицами, какъ А. Н. Бекетовъ, К. А. Коссовичъ, И. И. Рахманиновъ. Сущность вопроса, — то именно, что установленіе трехъ ученыхъ степеней — дѣло излишнее для оцѣнки научныхъ познаній и въ то же время рѣшительно вредное, такъ какъ оно не только отбиваетъ охоту искать профессорской дѣятельности, но и портитъ нравственно тѣхъ, которые рѣшаются пойти на эти мытарства, — эта сущность осталась въ запискѣ совершенно не затронутою. Вся аргументація почтенныхъ представителей университетовъ и ихъ единомышленниковъ сводится къ утвержденію, что «градация трехъ ученыхъ степеней» у насъ существовала издавна и что она имѣетъ разумное основаніе; но принесло ли ея существованіе благодѣтельные плоды и въ чемъ заключается ея разумная основа, этого гг. представители университетовъ въ комисіи разъяснить не потрудились. Но вотъ, впрочемъ, важнѣйшія мѣста ихъ коллективнаго мнѣнія:

«Съ самаго основанія нашихъ университетовъ существуютъ у насъ три ученыхъ степени: кандидата, магистра и доктора, которыя признаны полезнымъ узаконить и дѣйствующій уставъ университетовъ. Какъ ждому понятно (?), что установленіе этихъ степеней вызвано благимъ намѣреніемъ правительства всѣми мѣрами содѣйствовать поднятію образованія, и многолѣтній опытъ доказалъ (чѣмъ?) всю пользу (а можетъ быть, весь вредъ?) установленія этихъ трехъ степеней, начиная со степени кандидата, какъ побуждающей значительную часть университетской молодежи къ усиленію своихъ занятій, чтобы не ограничиться полученіемъ

званія дѣйствительнаго студента, а добиться ученой степени кандидата, которая въ глазахъ и студентовъ, и общества успѣла приобрести значительную цѣну» ¹⁾).

Такъ начинается и оканчивается первый аргументъ. Спрашивается: есть ли въ немъ что-либо, кромѣ фразъ, прямо утверждающихъ то, что слѣдовало доказать, но ровно ничего не доказывающихъ? И не доказываетъ ли это отсутствіе всякихъ реальныхъ или философскихъ доказательствъ въ мнѣніи столь почтенныхъ людей именно того, что они взялись защищать дѣло совершенно несостоятельное какъ съ практической, такъ и съ теоретической точки зрѣнія?

Еще ниже, если только это возможно, по силѣ доказательствъ, вторая половина аргументаціи представителей университетовъ въ пользу удержанія трехъ ученыхъ степеней, которыми у насъ обусловлено достиженіе профессуры.

«Принятая у насъ издавна градация трехъ ученыхъ степеней, имѣетъ за себя разумное основаніе. Степень кандидата, даваемая университетомъ по экзамену и диссертации, свидѣтельствуетъ объ общемъ факультетскомъ образованіи лица ²⁾. Степень магистра, даваемая также по экзамену и печатной диссертации, свидѣтельствуетъ о специальномъ образованіи въ той или другой факультетской наукѣ; степень доктора, даваемая только по ученому труду (безъ экзамена) очевидно установлена въ видахъ большаго содѣйствія обогащенію нашей ученой литературы. Эта градация ученыхъ степеней находится въ связи и съ преподавательскими должностями въ университетахъ. Кандидатъ, по выполненіи имъ извѣстныхъ требованій, можетъ быть только приватъ-доцентомъ; должность штатнаго доцента можетъ быть занята только лицомъ, имѣющимъ степень магистра; для полученія же должности профессора, ищущій ея поставляется въ необходимость, въ видахъ содѣйствія развитію ученой литературы (!), представить вновь печатный ученый трудъ и этимъ путемъ получить высшую ученую степень доктора. Нельзя при этомъ упу-

¹⁾ См. журналы засѣданій комисіи по пересмотру университетскаго устава, № 35.

²⁾ Не всегда. Тамъ, гдѣ факультетъ подраздѣленъ на отдѣленія, какъ въ Кіевѣ, кандидатскій экзамень свидѣтельствуетъ только объ изученіи извѣстной отрасли факультетскихъ предметовъ.

свать изъ виду, что отмѣна первой ученой степени кандидата повлечетъ за собой пониженіе требованій отъ ищущаго высшихъ ученыхъ степеней—магистра и доктора. А такое пониженіе требованій, очевидно, служило бы у насъ подрывомъ для науки, парализовало бы ту прекрасную цѣль, съ которою установлены у насъ три ученыхъ степени».

Такимъ образомъ, по мнѣнію представителей университетовъ, существованіе у насъ трехъ ученыхъ степеней хорошо прежде всего тѣмъ, что оно ведетъ свое начало съ основанія университетовъ и узаконено дѣйствующимъ уставомъ; далѣе оно хорошо тѣмъ, что «вызвано благимъ намѣреніемъ правительства содѣйствовать поднятію образованія» и побуждаетъ учащихся не довольствоваться низшею степенью, а добиваться высшихъ. Какъ ни прелестны эти аргументы первой части профессорскаго мнѣнія, но вторая часть представляетъ намъ доводы еще болѣе убѣдительныя. Гг. представители университетовъ увѣряютъ, что двѣ изъ трехъ степеней, свидѣтельствуя будто бы о различныхъ степеняхъ факультетскаго образованія, нужны потому, что какъ разъ подходятъ у насъ къ должностямъ приватнаго и штатнаго доцентовъ, изъ которыхъ для перваго требуется будто бы, или, по крайней мѣрѣ, считается достаточнымъ общее факультетское образованіе, а для втораго—спеціальное.

Кажется, трудно найти примѣръ разсужденія, болѣе произвольнаго и болѣе несостоятельнаго; однако мы находимъ его въ дальнѣйшемъ ходѣ записки. Таково ея мѣсто, гдѣ эти представители университетовъ оправдываютъ существованіе докторской степени тѣмъ, что она, «очевидно, установлена въ видахъ большаго содѣйствія обогащенію нашей ученой литературы». Это значитъ, что меня заставляютъ подвергаться въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ нравственной пытке, обязывая писать книгу по вкусу факультета или его представителя по данному предмету и затѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ ждать, удостоится ли она снисходительнаго одобренія лица, зачастую понимающаго гораздо меньше меня въ данномъ вопросѣ; лишаютъ меня, далѣе, права занимать вакантную кафедру—не потому, что не увѣрены въ моихъ талантахъ и учености, а единственно въ видахъ обогащенія русской литературы моею диссертациею! Милосердные боги! неужели это—здоровое разсужденіе? Неужели въ немъ можно находить какое-либо основаніе для удержанія въ на-

шемъ университетскомъ уставѣ трехъ ученыхъ степеней, изъ которыхъ одна, какъ оказывается, требуется лишь для обогащенія русской литературы? Извѣстно, что проектъ поваго устава составленъ безъ всякаго вниманія къ мнѣнiямъ университетскихъ представителей, засѣдавшихъ въ комисіи. Еслибы всѣ ихъ мнѣнiя были такого же достоинства, то составителей устава нельзя было бы за недостатокъ вниманія къ нимъ подвергнуть никакому упреку.

Впрочемъ, какъ ни странно мнѣніе о необходимости удержанія трехъ патентованныхъ степеней русской учености, мало, какъ извѣстно, отъ того выигрывающей, но оно у насъ распространено и, конечно, больше безсознательно, чѣмъ сознательно, повторяется многими. Собственно здѣсь имѣется въ виду магистерская и докторская диссертации, которыя будто-бы составляютъ дѣйствительное и важное обогащеніе нашей ученой литературы. Въ такомъ смыслѣ высказалась по этому вопросу комисія въ цѣломъ своемъ составѣ ¹⁾, хотя часть ея, т. е. члены, составлявшіе «отложенный» уставъ, и не раздѣляли мнѣнiя университетскихъ представителей о необходимости сохраненія кандидатской степени, которой и дѣйствительно не оказалось въ проектированномъ уставѣ.

Нѣтъ нужды говорить, что такая точка зрѣнiя вполнѣ несостоятельна уже потому, что она даетъ предмету совершенно стороннее, несвойственное ему, назначеніе. Ученныя степени учреждаются не для того, чтобы при помощи ихъ обогащать литературу (такая идея, кромѣ нашихъ административныхъ философовъ, никому на свѣтѣ не приходила въ голову), а для того, чтобы онѣ свидѣтельствовали объ ученыхъ занятіяхъ лица тою или другою отраслю наукъ и о достаточности его познаній въ этой отрасли. Говоримъ въ отрасли, а не въ отдѣльной наукѣ, потому что не можетъ быть ученаго по исторіи, чуждаго научнаго знакомства съ филологіей, нельзя себѣ представить сколько-нибудь серьезнаго специалиста по римской литературѣ, не занимавшагося греческою, какъ не можетъ быть химика, не знающаго физики, или физиолога, не знающаго анатоміи. Только наши ученые и администраторы, составлявшіе уставъ 1863 г., умудрились открыть степени магистра и доктора русской исторіи, общей исторіи, греческой словесности, римской словесности, физи-

¹⁾ Журналы засѣданій комисіи и проч., № 22.

ки, химіи и т. д. Это, впрочемъ, мимоходомъ. Дѣло въ томъ, что ученныя степени имѣють назначеніемъ свидѣтельствовать объ успѣшномъ занятіи лица науками и даютъ ему право, такъ сказать, на принадлежность къ ученому сословію. Диссертациі, которыя пишутся для пріобрѣтенія ученыхъ степеней, служатъ только наиболѣе удобнымъ средствомъ для экзаминирующихъ убѣдиться въ томъ, что ищущій степени магистра или доктора дѣйствительно занимался наукой и знакомъ съ научными приемами. Ничего больше отъ этихъ диссертаций обыкновенно и не требуется. Въ прежнее время, до изданія новаго устава, факультеты не ставили непремѣннымъ условіемъ, чтобы диссертациі на ученныя степени печатались, и многія изъ нихъ, дѣйствительно, никогда не видали свѣта Божьяго, хотя авторы ихъ и получали степени и дѣлались вслѣдъ за тѣмъ профессорами экстраординарными и ординарными. Такимъ образомъ, до изданія устава 1863 г., когда диссертациі на высшія ученныя степени часто не печатались, не заводилось и рѣчи о связи ученыхъ степеней съ обогащеніемъ ученой литературы. Обогащеніе это, какъ основаніе для удержанія нѣсколькихъ ученыхъ степеней, вмѣсто одной или двухъ, есть выдумка новѣйшаго времени, не имѣющая ничего общаго съ основаніемъ ученыхъ степеней.

Но есть ли, съ другой стороны, обогащеніе ученой литературы диссертациями фактъ положительный, и не кроется ли, скорѣе, въ обязанности для будущаго профессора написать три диссертациі, причина обѣднѣнія нашей литературы значительными учеными сочиненіями? Въ самомъ дѣлѣ, что такое диссертациі на ученую степень, чѣмъ можетъ она быть и что есть въ дѣйствительности въ огромномъ большинствѣ случаевъ? Диссертациі есть трудъ, написанный для факультета и представляемый факультету. Назначеніе его — доказать умѣнье обращаться съ научными фактами и пользоваться научными приемами. Это трудъ, такъ сказать, подневольный и потому долженствующій сообразоваться съ учеными вкусами коллегіи, слѣдовать господствующей въ ней рутинѣ ученыхъ приемовъ и методовъ изслѣдованія и даже не уклоняться отъ взглядовъ на предметъ лица, произносящаго отъ имени коллегіи судъ надъ сочиненіемъ. Можетъ ли такой трудъ отличаться большими достоинствами? Можетъ ли онъ содержать въ себѣ полетъ мысли, полную независимость сужденія и свободу изложенія, однимъ словомъ то, что необходимо для ученаго труда, представляющаго собой дѣй-

ствительный вкладъ въ литературу народа и обнаруживающаго вліяніе на дальнѣйшее ея развитіе? Диссертация, рассчитывающая на непрѣмное одобреніе факультета, этихъ достоинствъ имѣть не можетъ, и если таковыя встрѣчаются въ диссертацияхъ, то обыкновенно въ такихъ, которымъ приходится странствовать изъ одного университета въ другой, чтобы получить требуемое одобреніе. Отсюда происходитъ, что научный уровень диссертаций, представляемыхъ на ученныя степени, очень посредственный, а литературныя достоинства ихъ большею частью такъ малы, что рѣдкая изъ нихъ находитъ себѣ читателей внѣ факультета или внѣ ограниченаго круга специалистовъ, которые читаютъ ее (если читаютъ) больше по обязанности, чѣмъ изъ любопытства или удовольствія. Таковъ удѣлъ диссертаций не только у насъ, но и вездѣ въ Европѣ. Поэтому во Франціи ученые нерѣдко передѣлываютъ свои диссертации встѣдъ за полученіемъ ученой степени и пускаютъ ихъ въ свѣтъ въ видѣ болѣе свѣжемъ и литературномъ.

Между тѣмъ на составленіе этихъ диссертаций тратится много силъ и много времени. Если положить пять лѣтъ на сдачу магистерскаго экзамена и на приготовленіе, печатаніе, рассмотрѣніе и одобреніе диссертаций магистерской и докторской, то мы скорѣе уменьшимъ, чѣмъ увеличимъ средній періодъ требующагося для этой процедуры времени. Авторъ этихъ строкъ даже не знаетъ примѣра, чтобы магистерство и докторство получались въ теченіе только пяти лѣтъ или раньше. Самъ онъ, начавши магистерскій экзаменъ осенью 1861 года, получилъ степень доктора лишь осенью 1868 года и, сколько можно припомнить, этотъ семилѣтній періодъ достиженія двухъ высшихъ ученыхъ степеней, былъ, сравнительно, очень скорымъ и успѣшнымъ окончаніемъ столь труднаго у насъ дѣла. Какой же бываетъ обыкновенно результатъ этихъ усилій, по окончаніи университетскаго курса и полученіи кандидатской степени, — которую мы не беремъ въ расчетъ, какъ приобретаемую вмѣстѣ съ выходомъ изъ университета или въ скоромъ послѣ того времени, — выдержать магистерскій экзаменъ и написать двѣ ученыхъ диссертации? Результатъ всеѣмъ извѣстный, но не завидный. Измученные этими диссертациями, обыкновенно пропадающими и для науки, и для общества, наши ученые, вмѣстѣ съ достиженіемъ профессорской должности, обыкновенно прекращаютъ учено-литературную дѣятельность, или же довольствуются мелкими трудами

и замѣтками, изрѣдка помѣщаемыми въ специальныхъ и мало читаемыхъ изданіяхъ. Вотъ почему мы думаемъ, что представленіе двухъ печатныхъ диссертаций, поглощающихъ силы ученыхъ въ ихъ молодые и дѣятельные годы, служить скорѣе причиною обѣднѣнія нашей ученой литературы важными и плодотворными трудами, чѣмъ источникомъ ея обогащенія.

Но наибольшій вредъ отъ обилія ученыхъ степеней несутъ не отдѣльные лица, которыя осуждены на мытарства экзаменовъ и представленія въ факультетъ трехъ диссертаций, и не литература, которая вмѣсто настоящихъ и полезныхъ трудовъ получаетъ нигдѣ не читаемыя диссертации, а сами университеты. Излишество ученыхъ степеней есть, безспорно, самая главная причина какъ запустѣнія многихъ кафедръ въ нашихъ университетахъ, такъ и замѣщенія ихъ кѣмъ Богъ послалъ. Довольствуйся мы одною ученою степенью, какъ это водится въ дѣйствительно просвѣщенныхъ странахъ, напр. докторскою, или пожалуй, двумя—кандидатскою и докторскою, можно навѣрное сказать, что количество лицъ, которыя бы стали искать профессорскаго званія, у насъ вскорѣ удвоилось бы и утроилось, а со временемъ, пожалуй, и удесятилось бы. Объ этомъ всего легче судить по медицинскому факультету, гдѣ существуетъ лишь одна ученая степень. Количество людей, получавшихъ до послѣдняго времени докторскіе дипломы по медицинскимъ и хирургическимъ наукамъ въ университетахъ и въ бывшей медико-хирургической академіи, считалось ежегодно многими десятками. Ничего подобнаго не представляютъ другіе факультеты. Проходитъ годъ, иногда и нѣсколько лѣтъ, а на историко-филологическомъ факультетѣ того или другого университета нѣтъ ни одного диспута на степень магистра или доктора, и это бываетъ не только въ наиболѣе слабыхъ и удаленныхъ отъ центра университетахъ. Такъ напр., въ московскомъ университетѣ въ 1880 г. не произведено ни одного магистра и ни одного доктора по всему историко-филологическому факультету. Но не многимъ счастливѣе филологическаго факультета физико-математическій и юридическій. Въ томъ же году, въ московскомъ университетѣ, по физико-математическому факультету, явились только два новыхъ доктора: одинъ по ботаникѣ, а другой по физикѣ; не болѣе двухъ докторовъ произвелъ за то же время и юридическій факультетъ: одного по государственному, а другого по полицейскому праву. Но за тотъ же

периодъ времени и въ томъ же университетѣ десять человекъ защитили докторскія диссертациі по медицинскому факультету. Скажутъ, что на медицинскомъ факультетѣ гораздо больше учащихся. Это правда. Но, во-первыхъ, количество студентовъ медицинскаго факультета не превышаетъ же въ пять разъ количество студентовъ, напр. юридическаго; во-вторыхъ, докторскій экзаменъ по медицинскому факультету принадлежитъ къ труднѣйшимъ, такъ какъ сдается изъ всѣхъ предметовъ факультета, а магистерскій и даже кандидатскій на другихъ факультетахъ ограничены: первый — избранною спеціальностью, а второй (хотя и не вездѣ) — предметами факультетскаго отдѣленія. Обстоятельство, что на медицинскомъ факультетѣ сдается лишь одинъ экзаменъ на ученую степень и защищается одна диссертациа, производитъ то, что замѣненіе медицинскіхъ каедръ въ нашихъ университетахъ обыкновенно не представляетъ никакихъ затрудненій. На каждую открывшуюся медицинскую кафедру всегда найдется въ Россіи нѣсколько претендентовъ съ полными правами: все затрудненіе состоитъ лишь въ выборѣ достойнѣйшаго или въ примиреніи интересовъ партій, которыя всегда есть на медицинскомъ факультетѣ. Нѣчто подобное этой легкости приобрѣтенія профессоровъ непременно открылось бы и для другихъ факультетовъ вскорѣ послѣ того, какъ у насъ были бы уничтожены кандидатская и магистерская степени или, по крайней мѣрѣ, одна магистерская, если университетамъ такъ жаль разстаться съ кандидатскою, не представляющею, впрочемъ, никакихъ затрудненій для лицъ, внимательно слѣдившихъ за профессорскими лекціями.

Уничтоженіе одной изъ высшихъ ученыхъ степеней мы считаемъ самымъ настоятельнымъ дѣломъ университетской реформы, безъ котораго мы никогда не дождемся ни своевременнаго, ни удачнаго замѣненія каедръ преподавательскими силами. Чѣмъ легче будетъ приобрѣтеніе диплома, обусловливающаго достиженіе профессуры, тѣмъ шире будетъ кругъ людей, ищущихъ профессорскаго званія. Явится конкуренція, которая теперь для занятія каедръ по факультетамъ историко-филологическому, физико-математическому и юридическому почти совсѣмъ не существуетъ, — не та искусственная, неравная и нераціональная конкуренція, какую хотѣлъ установить «отложенный» уставъ между приватъ-доцентами и профессорами въ чтеніи лекцій, а конкуренція въ занятія наукой, въ

приобрѣтеніи извѣстности обращающими на себя общее вниманіе трудами и учеными открытіями. Труды этими явятся не рутинныя диссертациі, приготовляемыя для факультета, ради исполненія необходимой формальности, а такія ученныя работы, которыя будутъ разсчитывать на одобреніе уже значительно разширившихся ученыхъ круговъ, или же на сочувствіе образованнаго общества, если ученый имѣеть въ виду не столько движеніе науки впередъ, сколько ея широкую пропаганду и практическое примѣненіе. Каждый имѣеть право играть въ ученой республикѣ ту роль, которая наиболѣе соответствуетъ его таланту, особенно въ профессорскомъ званіи или при приготовленіи къ нему. Для профессора очень важно, чтобъ онъ былъ сильный специалистъ, но также важно и то, чтобъ его образованіе было широко и чтобъ онъ могъ спеціальныя познанія передавать съ талантомъ и живостью, т. е. быть полезнымъ не только наукѣ, но и своимъ слушателямъ. Поэтому, нельзя не считать прискорбною ту, начинающую у насъ господствовать, точку зрѣнія, по которой годность лица къ профессорской должности измѣряется степенью узкости его спеціальныхъ занятій и по которой иногда невѣжественные люди, не знакомые даже съ своей наукой въ общемъ ея объемѣ, возводятся въ геніи и знаменитости. Мы помнимъ одного профессора ботаники, который не зналъ названія нѣкоторыхъ обыкновенныхъ комнатныхъ растений и даже гордился этимъ, заявляя, что онъ занимается не систематикой, а физиологіей растений. Говоримъ это къ тому, чтобы показать, какое благодѣяніе для нашихъ университетовъ можетъ представить возможность выбора преподавательскихъ силъ изъ представителей разныхъ направленій въ научной дѣятельности, изъ которыхъ каждый, стараясь превзойти своего конкурента, будетъ стараться побороть его тѣмъ именно, чѣмъ онъ въ наукѣ чувствуетъ себя особенно сильнымъ: глубиною ли спеціальныхъ знаній, широкимъ ли пониманіемъ науки, яснымъ ли и отчетливымъ ея изложеніемъ. Во всякомъ случаѣ, только при возможности выбора изъ нѣсколькихъ претендентовъ (что теперь большая рѣдкость внѣ медицинскаго факультета) является и возможность замѣщенія кафедръ достойными представителями; а объ этой возможности выбора нельзя думать до тѣхъ поръ, пока не облегчится полученіе ученой степени, дающей доступъ къ профессорскому званію.

Читатель помнитъ нарисованную нами въ первой статьѣ кар-

тину страшно тяжелыхъ мытарствъ, какія предстоитъ теперь пройти всякому молодому ученому, добивающемуся профессорской карьеры. Главная тяжесть этихъ мытарствъ сосредоточивается въ магистерскомъ экзаменѣ и въ приготовленіи, по вкусу факультета, двухъ диссертаций. Кому, при настоящихъ условіяхъ, охота обречь себя на муку многихъ лѣтъ для того, чтобы, въ концѣ концовъ, все пропало, благодаря капризу экзаминатора по второстепенному предмету или придирчивости рецензента диссертации? Сдѣлайте у насъ пріобрѣтеніе докторской степени доступнымъ, если и не въ такой степени, какъ она доступна въ Германіи, гдѣ она можетъ обойтись даже безъ всякаго труда, то, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы лицо, добивающееся ея, не было поставлено въ безусловную зависимость отъ воли и вкуса экзаминаторовъ и рецензентовъ. Что будетъ тогда? А вотъ что: для каждаго талантливаго и трудолюбиваго учителя откроется возможность пріобрѣтенія высшей ученой степени, и многіе изъ учителей непременно воспользуются этою возможностью, или какъ средствомъ выдвинуться въ кругу своихъ товарищей и въ глазахъ начальства, или же прямо съ цѣлю перешагнуть изъ гимназій въ университетскіе преподаватели. Пріобрѣтеніе степени доктора сдѣлается скоро нравственною потребностью и для каждаго занимающагося наукою и какъ бы освященіемъ ученой дѣятельности. А сколько въ странѣ докторовъ, почти столько же и кандидатовъ на профессорскую должность. Положимъ, между этими, безъ особеннаго труда получившими свой дипломъ докторами, многіе и даже большая часть будутъ ниже уровня профессорскихъ знаній и способностей: такіе и не попадутъ на кафедру, которая тогда дѣйствительно можетъ доставаться только лицамъ, «сдѣлавшимся извѣстными трудами по предметамъ замѣщаемой кафедры и даромъ преподаванія», какъ то значится въ уставѣ дерптскаго университета и какъ того желали бы у насъ не одни составители «отложеннаго» устава.

Замѣщеніе кафедръ даровитыми и wybranными изъ ряда конкурентовъ, а не случайными, какъ теперь, людьми, мы считаемъ кардинальнымъ пунктомъ университетскаго вопроса. Все остальное въ этомъ вопросѣ или безразлично, или можетъ быть удовлетворительно рѣшено только при условіи созданія достойнаго профессорскаго персонала. Жалуются на недостатокъ матеріальныхъ средствъ въ нашихъ университетахъ, но никакія денежныя средства

не принесутъ пользы тамъ, гдѣ ими будутъ распоряжаться не стоящіе на высотѣ научныхъ требованій, таланта и сознанія долга представители преподаванія. Жалуются на охлажденіе студентовъ къ занятіямъ, на нерѣдкое предпочтеніе ими сходокъ и демонстрацій правильному посѣщенію лекцій: какъ же можетъ быть иначе, когда сплошь да рядомъ студенты не видятъ въ профессорѣ достаточнаго руководителя и по совѣсти считаютъ посѣщеніе его лекцій бесполезнымъ? Какой бы стороны дѣла мы ни коснулись, качество преподавательскихъ силъ играетъ въ университетѣ перво-степенную роль: съ этимъ качествомъ стоитъ въ связи обаяніе науки, обаяніе учрежденія, въ которомъ она нашла для себя убѣжище. А чего нельзя сдѣлать въ нравственномъ отношеніи и для молодежи, и для общества съ этимъ обаяніемъ?

Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что за университетами должна быть не только сохранена полученная въ 1863 году автономія, но даже увеличена. Самоуправленіе для такихъ учрежденій, какъ университеты и академіи, составляетъ столь насущную потребность, что, въ этомъ отношеніи, между сколько-нибудь просвѣщенными и добросовѣстными людьми нѣтъ никакого спора ни въ Россіи, ни въ Германіи, ни во Франціи, ни въ Англіи, нигдѣ на свѣтѣ. Что такое значитъ самоуправленіе для университетовъ, это всего лучше доказываетъ исторія образованія во Франціи. Извѣстно, что Наполеонъ I, въ числѣ другихъ учреждений, пользовавшихся внутреннею независимостью, сокрушилъ и независимость университета, разбивши его на совершенно отдѣльные факультеты и подчинивши весь ихъ внутренній порядокъ вѣдѣнію министерства. И что же? Исторія французскаго университета (въ общеевропейскомъ, а не въ специально французскомъ нынѣшнемъ смыслѣ) со времени Наполеона I до основанія третьей республики, т. е. до нашего времени, есть исторія его постоянного паденія. Дошло до того, что къ концу правленія Наполеона III сами французы стали сомнѣваться въ существованіи у нихъ высшаго факультетскаго образованія, видя постепенное паденіе обаянія французской науки въ Европѣ и несомнѣнное превосходство университетовъ въ сосѣднихъ странахъ, въ особенности въ Германіи и Швейцаріи. По признанію безпристрастныхъ и глубоко знакомыхъ съ состояніемъ Франціи людей, какъ профессоръ Гиллебрандъ, авторъ извѣстной книги «Frankreich und die Franzosen»; если Франція, послѣ разгрома

французскаго университета, не совершенно унала съ своей прежней умственной высоты, то благодаря, почти единственно, существованію нѣсколькихъ старыхъ ученыхъ учреждений, удѣлѣвшихъ при общемъ крушеніи и сохранившихъ до нѣкоторой степени свою автономію, каковы: основанная Францискомъ I Collège de France, основанная Ришелье французская академія (Académie Française), а за ней Академія надписей и изящной словесности (Académie des inscriptions et belles lettres). Не будь этихъ учреждений, въ которыхъ цѣлые вѣка процвѣтала французская наука и гдѣ она нашла необходимую для себя независимость въ то время, какъ все остальное сгибалось подъ игомъ всемогущей бюрократіи, могла ли бы Франція, представленная съ 1870 года сама себѣ, такъ быстро возратить себѣ тотъ необыкновенный полетъ умственной жизни, передъ которымъ стоитъ въ изумленіи Европа? Если недостатокъ автономіи въ состояніи убить развитіе науки тамъ, гдѣ она утвердила свое существованіе процвѣтаніемъ въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій. то какъ онъ можетъ отозваться въ странѣ, гдѣ наука еще находится чуть не въ пеленкахъ и гдѣ умственная жизнь еще не приобрѣла права вполнѣ законнаго существованія, гдѣ всякая книга можетъ быть конфискована и уничтожена, куда произведенія мысли другихъ странъ доходятъ лишь настолько, насколько то позволяетъ капризная и подозрительная цензура? При такомъ положеніи вещей, лишитъ извѣстной степени самостоятельности университеты, — почти единственные очаги, на которыхъ еще тлѣетъ у насъ огонь научной мысли, — значить отнять у Россіи на долгое время самую надежду сдѣлаться страной просвѣщенной.

Но, пользуясь нѣкоторою степенью автономіи, университеты обязаны доказать, что эта автономія идетъ на пользу наукѣ и отечественному просвѣщенію. Справедливость требуетъ, однако, сказать, что время самоуправленія русскихъ университетовъ (съ 1863 года по настоящую минуту) не было временемъ ихъ процвѣтанія. Мы даже замѣтили, что никогда наши университеты не обнаруживали такъ мало вліянія на общество, никогда не были менѣе авторитетными въ лицѣ своихъ представителей, какъ именно за этотъ періодъ. Тяжело заявить, а есть у насъ университеты, которымъ автономія прилась словно не по плечу, гдѣ она явилась скорѣе источникомъ всевозможныхъ дразгъ, интригъ и взаимныхъ пререканій членовъ корпораціи, чѣмъ источникомъ новой и богатой на-

учной жизни и дѣятельности. Есть на югѣ Россіи одинъ университетъ, который со дня своего основанія не переставалъ добровольно лѣзть подъ ярмо попечителя, постоянно признавая свою неспособность самому управиться съ своими дѣлами. Понятное дѣло, что идея самоуправленія не находить еще у насъ своего естественнаго примѣненія и что мы, даже въ лицѣ людей науки, недостаточно ею пропитаны. А если это такъ, то нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что мы не воспользовались правами, данными намъ уставомъ 1863 г. въ томъ смыслѣ, какъ этого требовали интересы науки и высшаго образованія. Едва ли хоть одинъ университетъ свободенъ отъ упрека, что, при замѣщеніи каедръ, имъ не всегда руководило чувство справедливости къ лицамъ, являвшимся претендентами, что забаллотировывались лица, представлявшія наиболѣе данныхъ къ достойному представительству каедры, и выбиралась другія, болѣе удобныя и болѣе пріятныя большинству въ другихъ отношеніяхъ. Есть университеты, гдѣ научная сторона дѣла, при выборахъ преподавателей, всего менѣе обращаетъ на себя вниманія и гдѣ чуть не каждый университетскій вопросъ обыкновенно служитъ поводомъ въ борьбѣ личныхъ самолюбій и дѣльныхъ партій, причемъ въ наибольшемъ наглядѣ остаются именно интересы науки и преподаванія.

Требуется во что бы то ни стало увеличить гарантіи болѣе цѣлесообразнаго замѣщенія каедръ. Нерѣдко случается, что факультетъ выбираетъ лицо, которое отвергается совѣтомъ, — учрежденіемъ, несравненно менѣе компетентнымъ въ выборѣ хорошихъ преподавателей. Ясное дѣло, что слѣдуетъ предотвратить возможность вредныхъ послѣдствій столкновенія двухъ учреждений въ такихъ важныхъ вопросахъ, какъ замѣщеніе каедръ достойными ихъ представителями. Въ своемъ отдѣльномъ мнѣніи, представленномъ въ 1873 г., по поводу обсужденія совѣтомъ кievскаго университета министерскаго предложенія о перемѣнахъ въ университетскомъ уставѣ, я высказалъ мысль, что въ тѣхъ случаяхъ, когда совѣтъ отвергаетъ рѣшеніе факультета въ дѣлѣ замѣщенія каедры, мнѣніе его не должно быть рѣшающимъ, а рѣшать дѣло должна высшая инстанція, или же совѣтъ и вовсе долженъ быть устраненъ отъ баллотировки избранныхъ факультетомъ преподавателей. Нельзя сказать, чтобъ устраненіе совѣта отъ баллотировки преподавателей было всегда гарантіей болѣе правильнаго и удачнаго ихъ выбора;

ибо бываетъ и такъ, что совѣтская баллотировка избавляетъ университетъ отъ профессора, проводимаго факультетомъ безъ уваженія истинныхъ интересовъ университета. Но въ огромномъ большинствѣ случаевъ совѣтское вмѣшательство въ дѣла факультета является излишнимъ, тормозящимъ, или даже и прямо враждебнымъ волею заведенія. Научные интересы университета требуютъ, чтобы центр тяжести университетской жизни былъ не въ совѣтѣ, а въ факультетахъ, въ которыхъ сосредоточивается все, относящееся до науки и ея преподаванія. Совѣтъ есть учрежденіе не учебное, а административное, т. е. высшая администрація университета, автономически управляющагося; поэтому не его дѣло власть рѣшенія въ дѣлахъ, касающихся науки, куда относится и вопросъ о годности того или другого лица быть представителемъ кафедръ: компетентное сужденіе въ такомъ вопросѣ можетъ принадлежать въ университетѣ единственно факультету. Ему и книги въ руки!

Развитіе факультетской жизни, въ ущербъ прерогативамъ совѣта, много содѣйствовало бы къ поднятію нравственнаго уровня университетской коллегии, ослабило бы борьбу партій и выдвинуло бы для каждаго члена корпорации на первый планъ науку и ея преподаваніе, а не борьбу въ совѣтѣ, какъ это теперь сплошь да рядомъ встрѣчается. Наибольшее развитіе факультетской жизни и есть настоящая почва для примѣненія началъ самоуправленія, такая почва, гдѣ всего менѣе можетъ быть мѣста вмѣшательству внѣшней администраціи уже по причинѣ ея слабой компетентности въ вопросахъ науки и преподаванія. Но широкая научная жизнь въ факультетѣ возможна лишь въ томъ случаѣ, когда въ немъ есть полнота ученыхъ и преподавательскихъ силъ, когда, по крайней мѣрѣ, важнѣйшія кафедры обставлены авторитетными представителями. А мы уже знаемъ, что, при настоящихъ условіяхъ полученія ученыхъ степеней, равно какъ и при подавляющемъ значеніи совѣта, ни полнота преподавательскихъ силъ, ни высокое качество ихъ на всѣхъ кафедрахъ—явленія недостижимыя.

Вся сущность университетскаго вопроса заключается въ хорошей организаціи преподаванія. Передъ этой стороной дѣла блѣднѣютъ всякіе другіе вопросы, касающіеся нашихъ университетовъ. Организація экзаменовъ и преобразование инспекціи надъ студентами, такъ много озабочивавшія составителей «отложеннаго» устава, въ нашихъ глазахъ имѣютъ лишь второстепенное или даже третье-

степенное значеніе въ университетскомъ вопросѣ. Отдѣленію экзаменовъ отъ преподаванія, съ которымъ они до сихъ поръ связывались, хотя бы преподаватель ограничился лишь одною, и даже малою, частью науки, мы не можемъ въ принципѣ противопоставить никакого серьезнаго возраженія. Экзамены въ университетахъ дѣйствительно плохо организованы и ведутся спущая рукава, составляя вмѣстѣ съ тѣмъ истинное бремя для трудолюбивыхъ и добросовѣстныхъ профессоровъ, отъ котораго многіе изъ нихъ искренно рады были бы избавиться. Пусть экзамены ведутся по особымъ программамъ и въ особыхъ комисіяхъ: мѣшать этому университетамъ нѣтъ разумныхъ основаній. Отъ этого могутъ только принять болѣе правильный характеръ отношенія студентовъ къ преподавателямъ и преподавателей къ студентамъ. Одни будутъ только учить, а другіе только учиться: отношенія ясныя и, при фактической, равно какъ и при узаконенной свободѣ ученія, чисто нравственнаго свойства. Представители университетовъ въ комисіи по пересмотру устава, кромѣ практическихъ затрудненій найти для состава внѣ - университетскихъ комисій по экзаменамъ достаточное число компетентныхъ экзаминаторовъ, выставляли на видъ то соображеніе, что отдѣленіе экзаменовъ отъ университетскаго преподаванія вредно отразится какъ на самомъ преподаваніи, которое тогда должно, будто бы, примѣняться къ требованіямъ экзаменаціонныхъ комисій, такъ и на отношеніи къ профессорскимъ лекціямъ самихъ студентовъ, для которыхъ тогда будутъ важнѣе приспособленные къ новому экзамену учебники и руководства¹⁾. Не подлежитъ сомнѣнію одно, что, при отдѣленіи экзаменовъ отъ университетскаго преподаванія, лекціи слабыхъ или недобросовѣстныхъ профессоровъ совсѣхъ лишились бы слушателей. Но отъ этого не могло бы быть потери ни для университета, который бы сталъ строже относиться къ замѣщенію каедры, ни для студентовъ, которые тѣмъ съ большимъ рвеніемъ стали бы предаваться занятіямъ подѣ руководствомъ серьезныхъ и полезныхъ преподавателей.

Что же касается вопроса о преобразованіи инспекціи надѣ студентами, то это вопросъ, выдвинутый совершенно случайными и, во всякомъ случаѣ, чуждыми университетской наукѣ и жизни

1) См. Журналы засѣданій комисіи и пр. № 17.

обстоятельствами и соображеніями, и потому существеннаго значенія не имѣющей. Никакая инспекція не окажется удовлетворительною, пока не исчезнутъ внѣ-университетскія причины волненій для студентовъ, а для обыкновеннаго порядка вещей вполне достаточно и та, каковая создана уставомъ 1863 года.

Собственно университетскій вопросъ въ Россіи, еще разъ повторяемъ, заключается въ лучшей организаціи преподаванія, въ такой организаціи, при которой каждая каѳедра была бы обставлена наилучшими учеными и преподавательскими силами, какими наша страна обладаетъ, и обставлена полно, такъ, чтобы наука преподавалась всесторонне, преподавалась теоретически и практически. Хорошее качество этихъ силъ можетъ быть не случайно, а обиліе ихъ возможно, только при существованіи значительнаго контингента лицъ, изъ котораго университетскіе преподаватели могли бы быть выбираемы. Контингентъ же этотъ можетъ образоваться, какъ мы говорили, только при условіи сокращенія количества ученыхъ степеней, т. е. въ сущности—облегченія въ полученіи докторской степени. Какъ затѣмъ будутъ называться преподаватели, не достигшіе званія профессора,—доцентами, привать-доцентами, или, по старому, адъюнктами, это для дѣла не имѣетъ большого значенія. Важно только, чтобы при каѳедрѣ состоялъ не только профессоръ, но и его помощникъ, или даже нѣсколько помощниковъ. Эти помощники,—рядомъ съ которыми могутъ находиться нерѣдко и экстраординарные или сверхштатные профессора, дѣйствующіе независимо отъ главнаго профессора, излагающіе науку по своимъ методамъ и съ своей точки зрѣнія,—не только дополняютъ теоретическіе курсы представителя каѳедры, но и помогаютъ ему въ практическихъ занятіяхъ со студентами, въ тѣхъ занятіяхъ, которыя вводятъ молодыхъ людей ближайшимъ образомъ въ науку, открываютъ предъ ними, такъ сказать, ея лабораторію. Защитники «отложеннаго» устава, пародируя нѣмецкіе нравы, желали водворить у насъ конкуренцію между профессорами и привать-доцентами. Конкуренція эта является большею частью фиктивною и въ самой Германіи, и есть въ сущности не научное соперничество, а погоня за гонораромъ, который для привать-доцента составляетъ иногда единственный источникъ существованія. Какое же, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть соперничество въ наукѣ между лицомъ авторитетнымъ и лицомъ начинающимъ, если только титулованный представитель

каедры сколько-нибудь заслуживаетъ своего положенія? Всякій, кому научныя занятія знакомы не по наслышкѣ, а по собственному опыту, знаетъ, что огромная разница—заниматься наукой два-три года и заниматься ею лѣтъ пятнадцать-двадцать. Хорошее преподаваніе то, гдѣ въ каждомъ словѣ слышится строгость метода, твердость тона, вѣрное разграниченіе доказаннаго отъ недоказаннаго, точнаго отъ шаткаго и сомнительнаго. Многіе годы упорнаго труда требуются для того, чтобы разобратъся въ наукѣ и занять въ ней прочную позицію. Не таково положеніе юноши, начинающаго ученое поприще. Талантъ его можетъ привлечь къ себѣ много слушателей и вызвать увлеченіе, но вполне зрѣлое руководство ихъ занятіями начинающему преподавателю недоступно; онъ самъ еще нуждается въ руководствѣ другого, хотя и не всегда сознается въ этомъ. Поэтому мы допускаемъ нѣкоторую пользу отъ лекцій приватъ-доцентовъ, но никогда не согласимся, что онѣ могутъ составить дѣйствительную конкуренцію преподаванію настоящаго профессора, если только этотъ послѣдній, говоримъ мы, достойно носить свое званіе. Приватъ-доценты могутъ существовать при нашихъ университетахъ, но дѣйствительную опору каедры долженъ составлять профессоръ и его помощникъ, доцентъ или адъюнктъ, съ которымъ онъ раздѣляетъ и трудъ, и отвѣтственность за преподаваніе. Этотъ второстепенный представитель каедры долженъ быть дѣйствительнымъ помощникомъ профессора, особенно въ практическихъ занятіяхъ, которыя могутъ имѣть мѣсто не въ однихъ естественныхъ, а и во всѣхъ другихъ наукахъ, какъ въ филологическихъ и историческихъ, такъ и въ юридическихъ. Онъ долженъ дѣйствовать по возможности въ согласіи съ профессоромъ, какъ хозяиномъ каедры, и сообразоваться съ нимъ какъ въ выборѣ предметовъ для чтенія, такъ и вообще въ ходѣ преподаванія, имѣя въ виду прежде всего славу своего университета, честь каедры, интересъ учащихся, а не тайное или явное соперничество, которое можетъ въ данномъ случаѣ послужить лишь въ ущербъ полнотѣ и правильности преподаванія. Скорѣе мы желали бы видѣть—и это было бы гораздо полезнѣе для русскаго просвѣщенія—соперничество между университетами, соперничество въ привлеченіи каждымъ изъ нихъ лучшихъ ученыхъ и преподавательскихъ силъ, соперничество въ процвѣтаніи какъ отдѣльныхъ каедръ, такъ и цѣлыхъ факультетовъ. Вотъ истинное, разумное и вполне патріотическое сопер-

ничество! Когда оно водворится у насъ, то это будетъ вѣрнымъ признакомъ, что русскіе университеты, а съ ними и русское просвѣщеніе и русская наука, вступили на путь процвѣтанія; а это процвѣтаніе умственной жизни, въ свою очередь, будетъ свидѣтельствомъ гражданской зрѣлости Россіи, твердо и бодро идущей къ исполненію своей роли въ судьбахъ рода человеческого.

О СРЕДНЕЙ ШКОЛѢ И УНИВЕРСИТЕТѢ¹⁾.

.....

Предоставляю другимъ скорбѣть о чемъ угодно. У меня есть своя скорбь, которая никогда не покидаетъ меня и слилась съ моими гражданскими помыслами. Сердце щемитъ, когда видишь, какъ во всей Европѣ шивольный вопросъ выдвинутъ на первый планъ въ заботахъ правительства и общества, какое тамъ вездѣ стремление къ обновленію и къ перестройкѣ старой учебной системы, уже пережившей свое время, и какъ у насъ, гдѣ школа поставлена такъ шатко и капризно, остановилось, заглохло всякое движеніе въ пользу реформы и улучшения въ дѣлѣ столь первостепенной важности. Смотри на это равнодушіе къ вопіющимъ недостаткамъ въ постановкѣ общеобразовательной школы, недостаткамъ не представляющимъ послѣ того, что было высказано въ печати, о чемъ говорилось въ педагогическихъ комисіяхъ и что такъ явственно обнаружено жизнью, даже тѣни сомнѣнія для кого бы то ни было,—смотря, говоримъ мы, на это равнодушіе, не знаешь, что и подумать о странѣ и о людяхъ. Просто опускаются руки и хочется плакать. Особенно горько сознавать, что это равнодушіе особаго рода, невозможное нигдѣ, кромѣ нашей страны, равнодушіе вынужденное. Люди, отъ которыхъ такъ много зависитъ ходъ и направленіе отечественнаго просвѣщенія, ясно видятъ, что дѣло этого

---

¹⁾ «Наблюдатель», Январь, 1883 г. Начало статьи здѣсь опущено.

просвѣщенія въ своей нынѣшней постановкѣ не можетъ приносить добрыхъ плодовъ, что оно не только не можетъ давать правильнаго умственнаго и нравственнаго развитія нашему юношеству (развѣ современное поведеніе молодежи не подтверждаетъ этой истины нагляднымъ образомъ?), но и угрожаетъ весьма печальными послѣдствіями для физическаго здоровья подростящихъ поколѣній; а между тѣмъ отказываются что-нибудь сдѣлать въ предотвращеніе ими самими сознаваемаго вреда въ настоящемъ и дурныхъ послѣдствій въ будущемъ. Авторъ этихъ строкъ не только писалъ о ненормальномъ положеніи нашей средней школы, но и старался, по мѣрѣ возможности, дѣйствовать живымъ словомъ и убѣжденіемъ въ пользу реформы, хотя бы самой постепенной и самой умѣренной. «Я совершенно раздѣляю ваши воззрѣнія», говорилъ ему одинъ министръ народнаго просвѣщенія, «но вы понимаете, что не все то можно дѣлать, чему сочувствуешь». О, конечно, понимаю, но это тѣмъ печальнѣе, тѣмъ безутѣшнѣе.

Говорю безъ всякой злобы и раздраженія, не желая обвинять кого бы то ни было, не исключая даже г. Каткова и «Московскихъ Вѣдомостей», этого истиннаго органа русской гибели: необходимо приняться за дѣло и сдѣлать хоть что-нибудь для улучшенія постановки средняго образованія. Вѣдь дѣло идетъ уже не о нашихъ дѣтяхъ, племянникахъ и внукахъ, а о будущности цѣлой Россіи. Въ неправильно устроенной школѣ гибнетъ свѣжесть ума, гложетъ нравственное чувство, ухудшается физическій организмъ будущихъ русскихъ гражданъ, на которыхъ покоится главная надежда отечества. Заводя школьное устройство, несостоятельность котораго у насъ была очевидна всякому непредубѣжденному глазу, вы ссылались на примѣръ Германіи, на примѣръ западной Европы. Посмотрите же теперь, что дѣлается въ Европѣ, что дѣлается въ Германіи съ тѣмъ школьнымъ устройствомъ, которое вы признали образцовымъ и не задумались перенести его къ намъ, на почву ему чуждую и требовавшую не стараго, а новаго насажденія. Почему же вы, взявши для себя за правило думать, что хороши для насъ лишь школьные порядки, существующіе въ Германіи и особенно въ Пруссіи, не обращаете вниманія на то, что признанное вами образцовымъ признано уже тамъ, на своей родинѣ, несостоятельнымъ и стало преобразовываться въ то самое время, когда вы съ такимъ самодовольствомъ и высокомѣріемъ выдавали его намъ за

нѣчто неприкосновенное? Вы говорите, что намъ нечего и думать имѣть для себя школу, лучшую той, какая создана Европой. Прекрасно! Такъ зачѣмъ же вы съ такимъ упорствомъ защищаете то, что вся Европа признаетъ нынѣ недостаткомъ, отъ чего она отказывается, какъ отъ вреднаго, какъ отъ осужденнаго опытомъ и разумомъ?

Есть у современной школы нужды кровныя, настоятельныя. Ихъ уже твердо сознала западно-европейская школа, та самая, которая послужила образцомъ для нашего школьнаго устройства въ 1871 году. Здѣсь, на первомъ планѣ выступаетъ вопросъ объ обремененіи учащихся излишней работой, чрезмѣрными умственными занятіями. Вопросъ этотъ составляетъ въ настоящее время истинную злобу дня во всѣхъ странахъ Запада. О немъ говорятъ уже не только въ медицинскихъ журналахъ и въ медицинскихъ коммисіяхъ, не только въ педагогическихъ обществахъ и на учительскихъ сѣздахъ, но и въ парламентахъ, говорятъ какъ о вопросѣ государственномъ, требующемъ величайшаго вниманія правительствъ и законодательныхъ собраній. Онъ сдѣлался даже предметомъ международныхъ совѣщаній, какъ это было на недавнемъ гигиеническомъ сѣздѣ въ Женевѣ. Всѣ стали находить, что дѣти, особенно въ германскихъ гимназіяхъ и въ гимназіяхъ, устроенныхъ по германскому образцу въ другихъ странахъ, учатся слишкомъ много, что это чрезмѣрное напряженіе дѣтскаго мозга, при сидячемъ положеніи тѣла, лишеннаго необходимаго для него движенія на свѣжемъ воздухѣ, напряженіе въ теченіе 8, 9, 10, и даже 12 часовъ въ сутки, неизбежно отзывается на разстройствѣ организма, служитъ причиною многихъ, иногда опасныхъ болѣзней и является угрозою для національнаго благосостоянія въ будущемъ. Вмѣстѣ съ этимъ стало выясняться, особенно въ Германіи, что это усиленное и напряженное ученье съ ранняго возраста не только подрываетъ физическія силы учащихся, но и лишаетъ прошедшія черезъ гимназическую школу поколѣнія умственной свѣжести, что оно содѣйствуетъ къ пониженію даровитости въ современномъ образованномъ обществѣ. До сихъ поръ на этотъ послѣдній пунктъ, т. е. на вредъ, приносимый обременительной школой умственнымъ способностямъ учащихся, почти совсѣмъ не обращали вниманія; но, наконецъ, и этотъ опаснѣйшій фактъ школьной жизни выступилъ на свѣтъ божій не только въ видѣ жалобъ родителей, но и какъ явленіе, дошедшее

до сознанія правительствъ и засвидѣтельствованное какъ педагогами, такъ и медицинскими авторитетами. Въ ноябрьской книгѣ «Наблюдателя» было, между прочимъ, указано на отношеніе къ вопросу о сохраненіи умственной свѣжести въ учащемся юношествѣ со стороны 'намѣстника Эльзаса и Лотарингіи и на засвидѣтельствованіе назначенною имъ медицинскою комисіей, что этой умственной свѣжести нѣтъ среди студентовъ среднихъ способностей прошедшихъ классическую школу въ Германіи.

Мы привѣтствуемъ отъ всей души движеніе, охватившее теперь интеллигентные классы Германіи, движеніе, направленное въ защиту юношества отъ непосильной тяжести школьнаго ученія, въ жертву которой приносится здоровье физическое и духовное. Мы привѣтствуемъ его тѣмъ съ болѣею радостью, что видимъ въ немъ залогъ лучшаго будущаго и для нашей школы, и для нашего юношества. То, о чемъ цѣлые годы и съ настойчивостью говоримъ мы сами, не считается достойнымъ вниманія и уваженія въ глазахъ русской учебной администраціи. Иное дѣло, когда то же самое говорится и затѣмъ получаетъ практическое осуществленіе въ Германіи. Когда прусское статистическое бюро заявляетъ, что изъ обучавшихся въ тамошнихъ среднихъ школахъ по меньшей мѣрѣ 80% становится физически негодными къ военной службѣ, это и въ глазахъ нашей администраціи получаетъ кое-какое значеніе; когда медицинская комисія, назначенная генераль-фельдмаршаломъ Мантѣй-фелемъ, единогласно свидѣтельствуетъ, что никакія гигиеническія мѣры не могутъ оказать полезнаго дѣйствія на здоровье учащихся, если дѣти въ томъ возрастѣ, когда для нихъ особенно необходимо свободное движеніе, и притомъ на свѣжемъ воздухѣ, принуждены употреблять 8—12 часовъ въ сутки на учебныя занятія, то это и на наши власти производитъ болѣе вѣдучее впечатлѣніе, чѣмъ отчеты русскихъ врачей, тщательнымъ образомъ изслѣдовавшихъ нани учебныя заведенія въ санитарномъ отношеніи и настойчиво указывавшихъ на опасность для нашихъ дѣтей отъ крайняго напряженія ихъ слабыхъ еще силъ ради удовлетворенія черезчуръ тяжелыхъ школьныхъ требованій. Намъ извѣстенъ одинъ изъ такихъ отчетовъ, составленный по требованію администраціи одного учебнаго округа и оставшійся безъ всякаго вліянія на измѣненіе хода нашей учебной системы. Онъ былъ напечатанъ лишь въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ и не былъ обнародованъ,

а между тѣмъ онъ представлялъ самыя убѣдительныя данныя и соображенія къ тому, чтобы не заставлятъ дѣтей употреблять ежедневно около $9\frac{1}{2}$ часовъ на классныя и на домашнія учебныя занятія. Онъ указалъ на массу болѣзней, развивающихся въ зависимости отъ нынѣ дѣйствующаго школьнаго режима, представлялъ статистику страданій всевозможнаго рода и выставлялъ на видъ, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ въ физическомъ, нравственномъ и умственномъ отношеніи неизбѣжно ведетъ усиленное напряженіе мозга, необходимо вытекающее изъ распредѣленія времени въ нашихъ гимназическихъ пансіонахъ.

Быть можетъ, послѣ того, что высказано альзасскою медицинскою комиссіей и Женевскимъ гигиеническимъ съѣздомъ о вредномъ вліяніи нынѣшней школы на здоровье учащихся, и у насъ обратятъ вниманіе на то, что если обремененіе дѣтей умственными занятіями вообще вредно и представляетъ опасность для будущности націи, то тѣмъ вреднѣе оно въ томъ случаѣ, когда, какъ напр. у насъ, почти одно и то же количество уроковъ полагается для воспитанниковъ всѣхъ классовъ, безъ всякаго вниманія къ разницѣ возраста. Въ двухъ послѣднихъ классахъ у насъ полагается по двадцати семи уроковъ въ недѣлю, а въ первомъ, гдѣ учащіеся на 7—8 лѣтъ моложе, положено двадцать четыре (безъ рисованія и черченія). Ясное дѣло, что составители учебнаго плана менѣе всего думали о томъ, что налагать почти одну и ту же тяжесть на семнадцатилѣтняго юношу и на десятилѣтняго ребенка—дѣло ни съ чѣмъ не сообразное, какъ и требованіе, чтобы десятилѣтній ребенокъ, живущій въ гимназическомъ пансіонѣ, сидѣлъ $9\frac{1}{2}$ часовъ за книгой частію въ классѣ, а частію въ занятаго комнатѣ, наравнѣ со взрослыми юношами. Быть можетъ, послѣ того, что профессоръ гигиены въ Люттихскомъ университетѣ, докторъ Киборнъ, говорилъ на Женевскомъ конгрессѣ о крайнемъ вредѣ задаванія дѣтямъ уроковъ на домъ, и у насъ будетъ понята необходимость избавить отъ этой обузы, по крайней мѣрѣ дѣтей низшихъ классовъ, а не заставлятъ несчастныхъ корпеть надъ книгой и письменными упражненіями иногда до часу ночи и долѣе.

Зная, какъ мало у насъ уваженія къ наукѣ, когда дѣло касается приложенія ея къ той или другой сферѣ нашей государственной жизни, зная, какъ слаба у насъ наука вообще и какъ неясны идеи воспитанія даже въ самомъ воспитывающемъ сословіи,

мы и не требуемъ, чтобъ учебная администрація у насъ дѣлала опыты реформъ, еще нигдѣ не извѣданныхъ. Намъ, хорошо знакомымъ съ положеніемъ вещей въ отечествѣ, и въ голову не приходитъ помогать, чтобы наша юная еще школа шла впереди другихъ, какъ въ санитарномъ, такъ и въ учебномъ отношеніи. Мы хотимъ, чтобы въ ожиданіи болѣе благоприятнаго времени, когда весь учебный планъ среднихъ заведеній долженъ будетъ подвергнуться полной и коренной переработкѣ, устранены были изъ него, по крайней мѣрѣ, тѣ излишества, отъ которыхъ отказались уже и въ германской школѣ, въ той самой, которая послужила для нашей моделью или первообразомъ.

Извѣстно, что французская средняя школа подверглась въ 1880 году существенному и весьма счастливому преобразованію, которое неизбѣжно послужитъ образцомъ реформы среднихъ учебныхъ заведеній и въ другихъ государствахъ европейскаго континента. Содержаніе и характеръ этого въ высшей степени замѣчательнаго преобразованія были подробно разсмотрѣны и оцѣнены авторомъ этой статьи, въ свое время, въ другомъ мѣстѣ ¹⁾. Сущность же его заключается въ томъ, что въ учебномъ планѣ, утвержденномъ 2-го августа 1880 года, очень удачнымъ образомъ соединены требованія новаго времени съ традиціей старой классической школы или, говоря проще, соединено классическое образованіе съ реальнымъ. Въ этомъ учебномъ планѣ изученію древнихъ языковъ отведено самое почетное мѣсто и они, очевидно, поставлены центромъ всего образованія; но вмѣстѣ съ тѣмъ и другіе предметы, какъ то: новыя языки, исторія, географія, математика и естественныя науки (физика, основы химіи, зоологіи, ботаники, геологіи, анатоміи и физиологіи) поставлены такимъ образомъ, что лицо, окончившее курсъ во французскомъ лицейѣ, можетъ быть справедливо названо образованнымъ и не будетъ, въ отношеніи необходимыхъ въ жизни познаній, стоять ниже послѣдняго ремесленника, какъ это сплошь да рядомъ у насъ случается. Особеннымъ же шагомъ впередъ въ этомъ планѣ является то, что онъ, раздѣливши все лицейское ученье на три періода, ввелъ въ каждый изъ нихъ особый цѣль предме-

¹⁾ См. «Школьный Вопросъ», Изданіе второе (1880 г.), стр. 115—135 и 147—160.

товъ преподаванія, приравливаясь къ возрасту учащихся и постепенно восходя отъ простаго и легкаго къ сложному и трудному. Такимъ образомъ въ первыхъ трехъ классахъ нынѣшнихъ французскихъ лицеевъ древніе языки совершенно не преподаются, но зато въ нихъ предоставлено большое мѣсто отечественному языку (по 10 уроковъ въ двухъ первыхъ классахъ и 8 въ третьемъ) и одному изъ новыхъ языковъ (по 4 часа въ каждомъ классѣ). Латинскій языкъ начинается только съ четвертаго года ученія, когда ученикъ достигъ одиннадцатилѣтняго возраста и подготовился къ систематическому грамматическому образованію, ознакомившись съ грамматическою терминологіей и логическимъ построеніемъ рѣчи на языкѣ отечественномъ и одномъ изъ новыхъ иностранныхъ. Но изученіе древняго языка, и послѣ этой подготовки, все-таки представляетъ большія трудности. Поэтому греческій языкъ, который у насъ начинается съ 3-го года ученія, во французскихъ лицеехъ не начинается и съ четвертаго, вмѣстѣ съ латинскимъ, а съ шестого, когда особенно трудный періодъ изученія латинскаго языка уже остался позади и ученики приступаютъ къ чтенію Юлія Кесаря, Виргилія и Овидія. Начинаясь съ 6-го года ученія, греческій языкъ во французскихъ лицеехъ все-таки изучается, по новому плану, пять лѣтъ (въ первоначальномъ проектѣ на изученіе его положено было четыре года), и притомъ такихъ пять лѣтъ, которыя падаютъ на болѣе зрѣлый періодъ лицейскаго образованія, когда учащемуся и легче знакомиться съ грамматическими особенностями этого роскошнаго языка, и доступнѣе смыслъ произведеній великихъ писателей.

Начавшееся съ весны 1882 года преобразование прусскихъ среднихъ учебныхъ заведеній не пошло такъ далеко, какъ совершившееся двумя годами раньше преобразование французскихъ лицеевъ, но и оно даетъ намъ весьма существенныя указанія. Преобразование это такъ же, какъ и французская реформа, было направлено главнымъ образомъ къ тому, чтобы сблизить классическое образованіе съ реальнымъ. Оно, правда, не уничтожило двойственнаго типа средней школы, оставивъ существовать, рядомъ съ гимназіями, и реальныя училища 1-го разряда, переименованныя теперь въ реальныя гимназіи, но настолько сблизило ту и другую школу, что программа ихъ въ трехъ низшихъ классахъ едѣлась почти совершенно одинаковою. Прусское правительство, распоряже-

ніемъ министра народнаго просвѣщенія отъ 31-го марта, сократило въ гимназіяхъ уроки латинскаго языка на девять часовъ, а греческаго на два, увеличивъ въ то же время на десять уроковъ преподаваніе латинскаго языка въ реальнѣхъ гимназіяхъ. Но, сокращая въ гимназіяхъ уроки древнихъ языковъ, оно усилило тамъ преподаваніе языка отечественнаго на одинъ часъ, французскаго на четыре, исторіи и географіи на три, математики, физики и естественной исторіи на два. Какъ ни скромнѣнъ этотъ шагъ въ сравненіи съ тѣмъ, что сдѣлано во Франціи, но онъ все-таки ясно свидѣтельствуесть, что въ томъ государствѣ, откуда мы заимствовали нашу школьную систему, повѣяло уже другимъ вѣтромъ и что старая школа и тамъ уже принуждена была сдѣлать немаловажныя уступки новому времени. Во всякомъ случаѣ, самодовольной неподвижности нашихъ официальныхъ педагоговъ, перенесшихъ къ намъ старую прусскую школьную систему наканунѣ ея преобразованія, нанесенъ важный ударъ. Волей-неволей принуждены будутъ и они, въ скоромъ времени, пересѣять свои учебные планы въ новомъ ситѣ, хотя нѣкоторые перемѣны должны были бы совершиться безъ всякаго промедленія.

Прусская школьная реформа выразилась не только въ сокращеніи уроковъ древнихъ языковъ въ классическихъ гимназіяхъ и въ увеличеніи ихъ въ реальнѣхъ, не только въ усиленіи образовательнаго элемента въ классическихъ гимназіяхъ реальными предметами, но и въ томъ, что начало преподаванія греческаго языка отдалено на одинъ годъ: теперь въ прусскихъ гимназіяхъ греческій языкъ преподается не съ 3-го, а съ 4-го класса (по нашему счету). Обстоятельство это имѣетъ для насъ большую важность. Авторъ этихъ строкъ настойчиво указывалъ на необходимость перенесенія въ нашихъ гимназіяхъ начала преподаванія греческаго языка къ 5-му классу, вмѣстѣ съ перенесеніемъ латинскаго къ 3-му. Прусскіе реформаторы сохранили пока начало преподаванія латинскаго языка непривносновеннымъ и оставили такимъ образомъ въ своемъ учебномъ планѣ существованіе важной ошибки, за которую наши официальные педагоги и будутъ держаться до конца; но гдѣ теперь для этихъ послѣднихъ оправданіе въ преподаваніи греческаго языка съ 3-го класса? Чтѣ имъ, такъ усердно опирающимся на чужія программы, мѣшаесть послѣдовать въ этомъ случаѣ образцу, по ихъ всегдашнему мнѣнію, непогрѣшимоу? Будемъ же надѣяться, что и наши дѣти

будутъ въ скоромъ времени приниматься за греческій языкъ годомъ позже. До какой степени эта реформа настояща, можно видѣть и изъ того, что вслѣдъ за прусскими гимназіями ее тотчасъ стали вводить у себя и другія германскія гимназіи. Передъ нами новый учебный планъ саксонскихъ гимназій, составленный подъ очевиднымъ вліяніемъ прусской реформы: и тамъ начало преподаванія греческаго языка отнесено уже къ четвертому классу. Передъ нами также новый учебный планъ итальянскихъ гимназій и лицеевъ: и тутъ начало преподаванія отнесено къ четвертому классу. Или, быть можетъ, мы думаемъ перещеголять классицизмомъ всю Европу? Но сомнительно, чтобы мы когда нибудь успѣли стать и въ уровень съ Европой, хотя мы и удерживаемъ на окончательномъ испытаніи греческую письменную работу, уже нѣсколько лѣтъ назадъ отмѣненную въ самой Пруссіи, не говоря о другихъ странахъ. Такъ, эта письменная греческая работа отмѣнена и во Франціи, нѣтъ ея и въ новомъ планѣ итальянскихъ лицеевъ, гдѣ она, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, замѣнена переводомъ съ греческаго на родной языкъ.

Сократить на нѣсколько часовъ преподаваніе древнихъ языковъ въ гимназіяхъ, перенести начало преподаванія греческаго языка съ 3-го класса на 4-й, если не на 5-й, отмѣнить письменный переводъ съ русскаго на греческій на окончательномъ экзаменѣ — все это вещи сами по себѣ маловажныя, и если мы указываемъ на нихъ теперь, какъ на необходимыя реформы, то только для того, чтобы показать, какія перемѣны уже произведены въ школѣ, принятой нашею учебною администраціей за образцовую. Главное же, что мы имѣемъ при этомъ въ виду, это — внести въ школьное дѣло принципъ движенія, вывести его изъ застоя, въ которомъ оно теперь находится. Неудовлетворительность нашей школы дѣлается съ каждымъ днемъ очевиднѣе. Не смотря на всѣ жертвы, какихъ она требуетъ отъ учащихся и ихъ родителей, она не воспитываетъ, не дѣлаетъ нашихъ дѣтей ни на волосъ умнѣе, ни нравственнѣе противъ прежняго. Напротивъ, на взглядъ безпристрастныхъ и наблюдательныхъ людей, особенно между профессорами, она стала давать университетамъ и другимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ юношей, которымъ не достаётъ ни бойкости ума, ни здравомыслія, ни высокихъ стре-

мленій, ни силы характера. Студентскія волненія дѣлаются годъ отъ году грубѣе и неосмысленнѣе. Всѣ расчеты г. Каткова, что лица, прошедшія въ преобразованной гимназіи «настоящую европейскую школу», не будутъ въ университетѣ заниматься сходками и шумными демонстраціями, разлетѣлись въ прахъ. Лица, не знавшія въ продолженіе восьмилѣтняго или даже десятилѣтняго пребыванія въ гимназіи ни на одинъ день покоя отъ латинской грамматики, долбившія ее безъ передышки отъ перваго класса до послѣдняго, оказываются менѣе способными съ охотой учиться въ университетѣ, но зато несравненно болѣе нервными и озлобленными, чѣмъ то было въ наше время и даже гораздо позже, т. е. до окончательнаго водворенія такъ называемаго катковскаго классицизма. Это—фактъ, который извѣстенъ всякому, кто хоть немного сталкивался съ нынѣшнею университетскою молодежью и слѣдилъ за ея недавними волненіями. Кого винить въ немъ (если вообще нужно кого-нибудь винить)—университетъ или гимназію?

Безспорно, гимназію. Она готовитъ къ университету, она даетъ своимъ питомцамъ, выпускаемымъ въ университетъ, аттестатъ зрѣлости (какая пронія!). Какъ извѣстно, наиболѣе строптивыми и буйными оказываются именно юноши, недавно оставившіе среднее заведеніе, студенты перваго курса, люди только-что вышедшіе изъ своего классическаго питомника. По мѣрѣ перехода изъ курса въ курсъ, эти безпокойные люди дѣлаются скромнѣе и менѣе склонными къ шумнымъ демонстраціямъ, такъ что студенты послѣдняго курса мало или даже и вовсе не принимаютъ участія въ беспорядочныхъ сборищахъ. Требуется беззащитность г. Каткова, чтобы утверждать, что университеты развращаютъ юношей, выходящихъ будто бы изъ гимназій чистыми и, благодаря греческимъ глаголамъ и латинскому синтаксису, сдѣлавшихся кроткими и серьезными. Университеты, при всемъ своемъ упадкѣ, являются все-таки воспитательной школой, въ которой забытые гимназическою ферулой молодые люди приобрѣтаютъ понятіе о чести и нравственному долгу, какъ принципахъ, необходимыхъ для правильной, разумной и полезной жизни въ обществѣ. Извѣстно, что наша гимназія, какъ и ея нѣмецкій первообразъ, только учитъ, но не воспитываетъ, и это составляетъ, быть можетъ, самое больное ея мѣсто и наибольшее осужденіе. Какую, въ самомъ дѣлѣ, цѣну имѣетъ ученье, не даю-

щее нравственнаго воспитанія, не идущее съ нимъ рука объ руку, въ нему не направленное ¹⁾?

Что гимназія настоятельно требуетъ реформы, иной постановки, учебныхъ предметовъ и ихъ преподаванія, это безспорно сознается всѣмъ обществомъ и даже самимъ учительскимъ сословіемъ, какъ это ясно высказалось на одесскомъ съѣздѣ и въ тифлисской комисиіи, съ отчетомъ которой мы и старались ознакомить читателей въ сентябрьской книгѣ «Наблюдателя». Но также въ глазахъ нашихъ безспорно и то, что и университеты не должны оставаться въ настоящемъ положеніи. Въ статьяхъ, подъ заглавіемъ «Университетскій Вопросъ», мы достаточно подробно рассмотрѣли положеніе нашихъ университетовъ и указали на необходимыя въ ихъ устройствѣ преобразованія. Преобразованія эти, въ теченіе истекшаго года, сдѣлались еще болѣе настоятельными. Положеніе университетовъ, какъ и слѣдовало ожидать, не поправилось за это время ни на волосъ, а нѣкоторые факты неоспоримо подтверждаютъ, что оно ухудшилось. Дошло до того, что сами члены университетской коллегіи стали смотрѣть на ограниченіе правъ ея въ наиболѣе существенномъ пунктѣ самоуправленія, какъ на дѣло необходимости. Подобныя заявленія мы встрѣчали въ печати, но еще больше знакомы съ ними по адресованнымъ къ намъ письмамъ, которыя прямо были вызваны нашими статьями по университетскому вопросу.

Не смотря на многія слабыя стороны университетскаго устава 1863 года, мы твердо отстаивали его основанія. Мы стояли за сохраненіе университетской автономіи въ возможно большей степени, хотя и чувствовали, что въ настоящее время она видимо оказалась не по плечу, по крайней мѣрѣ, нѣкоторымъ университетамъ. Мы будемъ стоять за нее и теперь, ради принципа великаго и спасительнаго. Свобода и самоуправленіе общественныхъ

¹⁾ Unterricht und Erziehung sollen im Gymnasium eine untrennbare Einheit darstellen. Aller Unterricht soll daher seinem Wesen nach nicht auf die Uebermittlung und Aneignung von Kenntnissen und Fertigkeiten als letztes Ziel gerichtet sein, sondern durch das Lehren sittlich erziehen. Эти умныя строки встрѣтили мы въ статьѣ гамбургскаго директора «Новой учебной школы», Германа Генге: Grammatik und Schriftstellerlektüre im altsprachlichen Unterrichte. Hamb., 1882.

группы всегда останутся въ нашихъ глазахъ важнѣйшими средствами человѣческаго совершенствованія. Но всякій принципъ требуетъ правильнаго примѣненія, которое непременно связано съ условіями мѣста и времени; иначе онъ искажается, извращается и производитъ безурядицу. Эта безурядица въ такихъ учрежденіяхъ, какъ университеты, въ которыхъ получаютъ высшее образованіе тысячи юношей, отъ которыхъ, такимъ образомъ, зависитъ въ значительной степени судьба русской науки, русскаго просвѣщенія, русской будущности, не можетъ быть терпима. Мы говоримъ не о студентскихъ волненіяхъ, которыя, какъ явленія случайныя и скоропреходящія, заслуживаютъ меньше вниманія, чѣмъ сколько имъ удѣляется, да къ тому же и не состоятъ почти ни въ какой связи съ университетскою автономіей, а о печальныхъ явленіяхъ другого рода. Намъ занимаетъ вопросъ объ усилывающейся деморализаціи въ самихъ профессорскихъ коллегіяхъ и о возрастающемъ пренебреженіи интересами преподаванія.

Интрига заѣдаетъ наши провинціальныя университеты; ей приносятся въ жертву важнѣйшіе интересы университетской жизни. Чѣмъ дальше, тѣмъ меньше достойное замѣщеніе каедръ сознается въ университетскихъ коллегіяхъ, какъ ихъ главная и наиболѣе святая обязанность, исполненіемъ которой и можетъ быть доказано преимущество автономіи передъ канцелярскою опекой. Но посмотрите, что дѣлается въ настоящее время, напр., въ новороссійскомъ университетѣ. Лучшіе представители ученой коллегіи, — люди, дѣятельностью которыхъ этотъ университетъ, постоянно остававшійся слабымъ со дня своего основанія, только и могъ доказать, что въ немъ также есть наука, что, не смотря на свою лицейскую завязку, онъ также похожъ на высшее учебное заведеніе, — или покинули Одессу, или собираются покинуть ее. Меньше чѣмъ въ теченіе одного года, университетъ этотъ лишился нѣсколькихъ профессоровъ изъ наиболѣе выдающихся (Мечникова, Преображенскаго, Постникова), а по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, и остальная лучшая доля ученой коллегіи находитъ свое положеніе крайне затруднительнымъ. Всѣ говорятъ, что жизнь въ этомъ юнѣйшемъ изъ русскихъ университетовъ (если не считать въ числѣ ихъ варшавскаго) сдѣлалась почти невыносимою. Жалуются на попечителя, г. Лавровскаго, на его пристрастное отношеніе къ лицамъ, на его несправедливыя дѣйствія и рѣшенія, на его невѣрныя до-

несенія. Не трудное дѣло — сваливать вину на другихъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые въ оправданіе того, что происходитъ теперь въ Одессѣ въ стѣнахъ университетскихъ. Но какова же сама коллегія, или, лучше, большинство ея членовъ, распоряжающееся дѣлами и кафедами? Телеграмма Сѣвернаго Агентства какъ-то сообщила о представленіи юридическимъ факультетомъ на кафедру гражданского права знаменитаго г. Цитовича. Мы знаемъ, что факультетъ приостановился съ этимъ дѣломъ, но извѣстіе объ его шагѣ было вѣрно. А если оно вѣрно, то что же можно сказать большаго о деморализаціи, охватившей значительную долю членовъ университетской коллегіи въ Одессѣ? Остается развѣ ждать извѣстія о томъ, что члены юридическаго факультета, вошедшіе съ представленіемъ на кафедру г. Цитовича, въ скоромъ времени предложить въ почетные члены Рыкова или Свиридова. Судя же по тому, что мы читали и слышали о дѣйствіяхъ заправиль нынѣшняго юридическаго факультета, никакой шагъ въ подобномъ родѣ не можетъ казаться невѣроятнымъ. «Да развѣ они не знаютъ, какъ смотреть на это постыдное дѣло (представленіе г. Цитовича) вся печать, вся образованная Россія, всѣ честные (есть еще у насъ и такіе) люди?» — спрашивали мы у одного изъ лицъ, сообщившихъ намъ эту печальную новость. — «Знаютъ, но тѣмъ смѣлѣе дѣйствуютъ. Для нихъ общественное мнѣніе, голосъ честныхъ людей ничего не значать! Теперь такой вѣтеръ дуетъ въ Одессѣ въ учебномъ вѣдомствѣ, что надъ подобными возраженіями только смѣются» — отвѣчалъ намъ одесскій собесѣдникъ. Господи! До чего мы дожили съ лицемѣрно-охранительною политикой! Стоитъ только твердить, гдѣ слѣдуетъ, консервативныя фразы, а тамъ поступаай себя, какъ Рыковъ, Свиридовъ, Цитовичъ, или высказывайся цинически о требованіяхъ общественной нравственности, какъ нынѣшніе дѣльцы одесскаго университета, и все тебѣ сойдетъ съ руки, и будешь взысканъ почестями, и станешь считаться примѣрнымъ гражданиномъ — до поры до времени, по крайней мѣрѣ, до новаго севастопольскаго погрома или чего нибудь подобнаго.

Вотъ какія дѣла происходятъ при университетской автономіи, вотъ какіе люди выступаютъ при ней на первый планъ и даютъ тонъ университетской жизни. Оставьте еще на нѣсколько лѣтъ власть въ ихъ рукахъ, и они выгонятъ все дѣльное и чувствующее по человѣчески въ университетѣ; они выбьютъ изъ него все, что

носить въ себѣ какую-нибудь искру божію, что не считаетъ гражданскимъ подвигомъ холопства и дерзкаго попранія правды.—Виновата, значить, по вашему, автономія? спросять насъ приверженцы непривосновенности устава 1863 года.—Нѣтъ, не автономія, которую, повторяемъ, мы считаемъ главнѣйшею опорой прогресса въ гражданской жизни, а неправильное ея приложеніе. Мы всегда думали, что не слѣдуетъ отдавать такого важнѣйшаго акта университетской жизни, какъ выборъ профессоровъ, на волю университетскаго совѣта. Пишущій эти строки не разъ высказывалъ это устно, печатно и письменно, и заявлялъ объ этомъ въ своемъ официально представленномъ мнѣніи, въ бытность свою профессоромъ университета св. Владиміра. Предоставляйте совѣту какія угодно функціи административной власти, но не давайте ему пища для интригъ въ такомъ щекотливомъ пунктѣ университетской жизни, какъ пополненіе коллегіи новыми членами. Совѣтъ есть учрежденіе административное, а не ученое; по самому своему составу, онъ не можетъ рѣшать вопросовъ, касающихся преподаванія той или другой науки; онъ не имѣетъ возможности оцѣнивать специалистовъ, судить объ ученыхъ достоинствахъ того или другого кандидата на кафедру. Все, что касается ученой специальности, составляетъ компетенцію факультета. Странно, въ самомъ дѣлѣ, спрашивать медика, что онъ думаетъ о научныхъ достоинствахъ филолога, бесполезно совѣтоваться съ ботаникомъ объ ученыхъ трудахъ спеціалиста по римскому праву. А между тѣмъ и ботаникъ, и зоологъ, и минералогъ, и химикъ, и математикъ при выборѣ профессора римскаго права имѣетъ такой же голосъ, какъ и настоящій спеціалистъ этого предмета, вмѣстѣ съ другими профессорами юридическаго факультета. Тутъ ли не мѣсто для интриги, тутъ ли не удобнѣйшая арена для борьбы кружковъ и партій, для сведенія личныхъ счетовъ? Вотъ и выходитъ, что члены совѣта выбираютъ обыкновенно не представителей науки, а людей, которые большинству будутъ сподручнѣе и не усматривать собой рядовъ противниковъ. Могло ли быть создано положеніе, болѣе опасное для будущности нашихъ университетовъ?

— Что же, по вашему мнѣнію, лучше, чтобы профессора назначались министерскою канцеляріей? — Избави Боже! отвѣтимъ мы на такой вопросъ, не разъ слышанный нами въ подобныхъ случаяхъ. Особенно избави Боже въ настоящее время! Прежде, когда

власть у насъ относилась иначе къ высшему образованію, когда она его холила и лелѣла, когда она не боялась отдавать предпочтеніе уму, знаніямъ и таланту передъ личиною консервативной благонамѣренности, министерскія назначенія на кафедру часто бывали необыкновенно удачны. Этимъ назначеніямъ былъ обязанъ кievскій университетъ процвѣтаніемъ въ теченіе своего перваго періода, окончившагося министерствомъ графа Уварова; эти же назначенія дали лучшихъ профессоровъ и другимъ университетамъ, особенно московскому. Но эти времена прошли и едва-ли возвратятся. Теперь другое отношеніе власти къ наукѣ, другая точка зрѣнія на людей служащихъ. Почти всѣ назначенія, какія дѣлались въ послѣдніе годы, не только не содѣйствовали подъему университетовъ, но скорѣе вносили въ нихъ элементы упадка и разложенія. Они же неоспоримо содѣйствовали и настоящему состоянію одесскаго университета, столь печальному. Въ самое послѣднее время своего пребыванія въ должности министра народнаго просвѣщенія, баронъ Николай, въ силу ходатайства попечителя, назначилъ въ этотъ университетъ трехъ профессоровъ, изъ которыхъ двое были забаллотированы совѣтомъ, а послѣдній вышелъ добровольно, какъ говорятъ, въ предвидѣніи столь же неудачнаго результата баллотировки. Не станемъ говорить объ ученостѣ и нравственномъ достоинствѣ лицъ, которыя были такимъ образомъ снова введены въ университетъ, разставшійся съ ними безъ сожалѣнія. Достаточно сказать, что вслѣдъ за этимъ назначеніемъ началось торжество партіи, возвращающей теперь въ свои объятія г. Цитовича, и вышло изъ университета нѣсколько выдающихся членовъ ученой коллегіи. Но выходъ нѣсколькихъ дѣятельныхъ и даровитыхъ ученыхъ есть только начало вреда отъ неудачнаго назначенія старыхъ членовъ. За этимъ неизбѣжно явятся другія послѣдствія такого назначенія, изъ которыхъ главное состоитъ въ невозможности университету поправиться силами въ скоромъ будущемъ. Партія неспособныхъ или малоспособныхъ преподавателей станетъ употреблять всѣ усилія къ тому, чтобы не давать доступа въ университетъ свѣжимъ силамъ, особенно людямъ съ талантомъ и энергіей. И эта исторія уже началась. Представленный недавно историко-филологическимъ факультетомъ на кафедру русской исторіи г. Семевскій, авторъ дѣльнаго труда о крѣпостномъ правѣ въ царствованіе Екaтерины II, былъ забаллотированъ совѣтомъ, а на его

мѣсто выбрано лицо съ какой-то никому неизвѣстной и трудно произносимой фамиліей. Такъ и пойдетъ теперь... послѣ усиленія совѣта забаллотированными инвалидами.

Представленіе кандидатовъ на каѳедры должно принадлежать факультетамъ, какъ дѣйствительнымъ органамъ и хранителямъ университетской науки, какъ собраніямъ ученыхъ специалистовъ, лицъ компетентныхъ *de jure*, хотя, быть можетъ, и не во всѣхъ случаяхъ *de facto*. Имъ принадлежитъ опредѣленіе ученыхъ заслугъ и способности лица къ преподаванію, — имъ, а никому другому, ни совѣту, ни попечителю, ни министру. Само собою разумѣется, что было бы странно думать, что въ факультетахъ всегда царствуетъ справедливость, безпристрастіе, и что тамъ нѣтъ мѣста интригамъ, игрѣ личныхъ самолюбіи и даже прямо недобросовѣстности. Всего этого тамъ есть достаточно, и, къ сожалѣнію, слишкомъ достаточно. На какія несправедливыя дѣйствія рѣшаются факультеты, знаютъ всего болѣе молодые ученые и знаютъ это не въ провинціальныхъ только университетахъ, а во всѣхъ безъ исключенія. Фактъ представленія одесскимъ юридическимъ факультетомъ г. Цитовича самъ по себѣ до того краснорѣчивъ, что исключаетъ всякую необходимость въ дальнѣйшемъ разсужденіи о черныхъ сторонахъ жизни нашихъ факультетовъ. Но тутъ не слѣдуетъ забывать, во-первыхъ, того, что ни одно человѣческое учрежденіе не можетъ быть совершеннымъ; во-вторыхъ, того, что рѣчь идетъ о факультетахъ русскихъ университетовъ, гдѣ живутъ и дѣйствуютъ люди русскіе, не получившіе, стало-быть, никакого гражданскаго воспитанія, люди страны, еще недавно избавившейся отъ крѣпостнаго права, не привыкшіе къ свободѣ и не умѣющіе вести себя свободными гражданами. Слѣдовательно, никакая особая требовательность въ данномъ случаѣ неумѣстна. Но все-таки, въ сравненіи съ совѣтами, факультеты представляются болѣе совершенными учрежденіями, и дѣятельность ихъ, въ сравненіи съ совѣтскою, является образцомъ серьезнаго и добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу. Это происходитъ, во-первыхъ, отъ того, что каждый членъ факультета болѣе или менѣе компетентенъ въ вопросѣ, подлежащемъ его обсужденію; во-вторыхъ, отъ того, что въ факультетскомъ собраніи, гдѣ количество членовъ ограниченное, каждый членъ несравненно больше чувствуетъ личную отвѣтственность за то или другое постановленіе своей тѣсной коллегіи; въ-третьихъ, отъ того, что каждому члену

этой коллегіи болѣе или менѣе дорога и близка всякая наука, преподаваемая въ его факультетѣ, и для него не можетъ быть вполнѣ безразличнымъ дѣломъ, преподается-ли она достойнымъ лицомъ, или профаномъ. Но положимъ, что факультетъ сдѣлалъ промахъ, выбралъ на вакантную каѳедру не то лицо, какое бы слѣдовало, а предпочелъ ему и менѣе способное, и менѣе себя заявившее учеными трудами (что нерѣдко и случается): отъ министерства должно зависѣть утвердить или не утвердить выборъ факультета, какъ теперь въ его власти утвердить или не утвердить выборъ совѣта. Зная это, факультеты будутъ дѣйствовать осмотрительнѣе, чѣмъ теперь, когда отвѣтственность за избраніе того или другого лица падаетъ официально не на нихъ, а на совѣтскую коллегію.

Мы обращаемъ вниманіе читателей на эту сторону университетскаго вопроса именно потому, что вся сущность вопроса заключается въ лучшей постановкѣ преподаванія, что, въ свою очередь, сводится къ замѣщенію каѳедръ наилучшими учеными и преподавательскими силами. Все остальное, т. е. то, что не находится въ непосредственной связи съ интересами преподаванія, въ университетской жизни имѣетъ второстепенное значеніе и можетъ оставаться по-прежнему или ждать своей перемены безъ нетерпѣнія. Для насъ несомнѣнно одно, что безъ надлежащаго замѣщенія каѳедръ или, что то же, безъ счастливой организаціи преподаванія, университетскій вопросъ будетъ вѣчно оставаться нерѣшеннымъ, какіе бы ни вводились уставы и какія бы ни принимались мѣры либеральнаго или реакціоннаго характера. Какъ же именно достигнуть такой организаціи преподаванія, которая бы водворила истинно научную жизнь въ университетахъ и тѣмъ увеличила для государства и народа значеніе этихъ разсадниковъ высшаго образованія въ отечествѣ, объ этомъ мы говорили раньше и теперь повторять не будемъ, какъ не будемъ повторять и возраженій противъ проекта новаго устава, составленнаго гг. Любимовымъ и Георгіевскимъ.

Этотъ проектъ, говорятъ, снова выплылъ наружу къ великому утѣшенію г. Каткова, все еще не покидающаго претензіи, подобно своему предшественнику, Ивану Александровичу Хлестакову, «управлять департаментомъ». Ничего нѣтъ мудренаго, что теперь отложенный, по выраженію г. Любимова, уставъ будетъ принятъ и введенъ въ дѣйствіе. Но едва-ли въ цѣлой Россійской Имперіи на-

берется десять человѣкъ, которые бы видѣли въ этомъ уставѣ какою-нибудь нужду и ожидали бы отъ него каковой-либо пользы. Кому же, впрочемъ, нашихъ дѣятелей приходитъ въ голову дѣлать что-нибудь ради дѣйствительной пользы и справляться съ общественнымъ мнѣніемъ? Теперь вѣдь мода на мѣры репрессивныя, ограничительныя, карательныя. Онѣ, къ тому же, несравненно проще мѣръ созидательныхъ, животворящихъ, оплодотворяющихъ; онѣ согласнѣе съ нашими нравами и съ преданіями московской самобытности, онѣ, наконецъ, превосходно разсѣваютъ гордіевы узлы всякихъ затрудненій...

Но наука государственнаго управленія не такъ проста, какъ храбро заявляютъ горластые Кассаньяки московской печати, говоря о «настоящей европейской школѣ», а думающіе по-азиатски. Теперь топоромъ можно только рубить дрова, но нельзя разрѣшать имъ сложныхъ вопросовъ государственнаго и національнаго благосостоянія. Разрѣшеніе такихъ вопросовъ требуетъ ума, подготовки, наблюденія, обсужденія, провѣрки. Оно требуетъ вниманія къ голосу людей компетентныхъ, хотя бы и иначе думающихъ, хотя бы и стоящихъ на совсѣмъ другой точкѣ зрѣнія. Оно исключаетъ гордую самонадѣянность, оно нуждается въ чуткомъ прислушиваніи къ потребностямъ жизни, къ указаніямъ общественнаго мнѣнія. Внѣ этого пути, пути разума, нѣтъ для насъ средствъ къ спасенію. А между тѣмъ этотъ-то единственно спасительный путь, могущій вывести насъ изъ дикаго лѣса, въ которомъ мы теперь такъ безнадежно блуждаемъ, и закрывается для насъ съ такимъ ожесточеніемъ корыстолюбивыми поклонниками азиатчины. Вотъ гдѣ наша горе, вотъ гдѣ опасность для будущаго Россіи!

Princeton University Library

32101 047197973

PRINCETON UNIVERSITY LIBRARY

This book is due on the latest date stamped below. Please return or renew by this date.

